

Научно-практический журнал

ISSN 2079-4665

E-ISSN 2411-796X

Том 14
№ 2 2023

ИЮНЬ

Модернизация Инновации Развитие

Modernization. Innovation. Research

<http://doi.org/10.18184/2079-4665.2023.14.2>

ISSN 2079-4665
E-ISSN 2411-796X

Модернизация Инновации Развитие

Том 14
№ 2
2023

<http://doi.org/10.18184/2079-4665.2023.14.2>

ISSN 2079-4665
E-ISSN 2411-796X

Modernization Innovation Research

Vol. 14
No. 2
2023

Научный журнал
16+

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
ООО Издательский Дом «Наука»
109044, Россия, г. Москва, ул. Динамовская, д. 1а, оф. 519

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
109044, Россия, г. Москва, ул. Динамовская, д. 1а, оф. 519
Телефон: +7 (499) 271-6724

Scholarly journal

FOUNDER AND PUBLISHER

Publishing House "Science"
Office 519, Dinamovskaya str., 1a,
109044, Moscow, Russian Federation

EDITORS OFFICE ADDRESS

Office 519, Dinamovskaya str., 1a, 109044, Moscow, Russian Federation
Tel.: +7 (499) 271-6724

e-mail: info@idnayka.ru, idnayka@gmail.com
<https://www.mir-nayka.com>

Отпечатано в типографии ООО «Паблит»
127282, Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1 Тел.: (495) 230-20-52

«МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)»

Научный рецензируемый журнал

В журнале публикуются статьи теоретического и эмпирического характера по всем направлениям экономической науки. На страницах журнала рассматриваются проблемы социально-экономического развития стран и регионов, варианты текущих, среднесрочных и долгосрочных прогнозов народного хозяйства и секторов экономики, вопросы структурно-инвестиционной, социальной, финансовой и внешнеэкономической политики, экономические стратегии, процессы глобализации, модернизация в отраслях народного хозяйства.

Редакция журнала осуществляет научное рецензирование («двойное слепое») всех поступающих материалов с целью экспертной оценки.

Журнал «МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)» рекомендован ВАК Минобрнауки России для публикации научных работ, отражающих основное научное содержание кандидатских и докторских диссертаций.

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), включен в ядро РИНЦ и базу данных RSCI (Russian Science Citation Index). Полнотекстовые версии статей, публикуемых в журнале, доступны на сайте Научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU (<https://elibrary.ru>)

Журнал является членом Ассоциации научных редакторов и издателей (АНПИ), Международной ассоциации по связям издателей (Publishers International Linking Association, Inc. – PILA).

Цель журнала «МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)» – обсуждение результатов научных исследований и актуальных проблем в области экономики, предпринимательства, теории и практики управления, развития образования в Российской Федерации и за рубежом. Особое внимание уделяется анализу процессов, происходящих в российской экономике.

Основная задача журнала – предоставить возможность научному и бизнес-сообществу публиковать оригинальные результаты авторских исследований для привлечения внимания к перспективным и актуальным направлениям экономической науки.

Миссия журнала – продвижение результатов исследований и инновационных практических достижений во всех сферах экономики и управления.

Авторская аудитория журнала включает исследователей, аналитиков и практиков в сфере экономики. Издание рассчитано на широкий круг читателей, интересующихся социально-экономическими проблемами как в России, так и за рубежом.

Журнал придерживается лицензии «Creative Commons Attribution 4.0 License».

Все материалы журнала доступны бесплатно для пользователей.

<https://www.mir-nayka.com>

МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)

Журнал издается с января 2010 года

Зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ № ФС77-38695 от 21 января 2010 г.

Свидетельство о перерегистрации ПИ № ФС 77-75692 от 08 мая 2019 г.

Выходит 1 раз в квартал

Подписной индекс в каталоге «Урал-Пресс» 65042

ООО Издательский Дом «Наука»

Генеральный директор: С. Ш. Евдокимова

Шеф-редактор: А. А. Гусаренко

Подписано в печать: 29.06.2023.

Дата выхода в свет: 04.07.2023.

Электронная версия журнала:

<https://www.mir-nayka.com>; <https://www.elibrary.ru>

Формат: 70 x 108 1/16. Усл. печ. л. 15,05.

Тираж: 100 экз. Свободная цена.

При цитировании ссылка на журнал «МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)» обязательна.

Полное или частичное воспроизведение в СМИ материалов, опубликованных в журнале,
допускается только с разрешения редакции.

MIR (Modernization. Innovation. Research)

Double-blind peer-reviewed scholarly journal

The journal publishes both theoretical and empirical Research in all spheres of Economic. The journal deals with the problems of socio-economic development of countries and regions, short-, medium- and long-term forecasts of economic development and its sectors, the issues of structural investment, social, financial and foreign policies, economic strategies, the processes of globalization and modernization in the sectors of economy.

In order to permit complex expert evaluation, all manuscripts undergo double-blind peer review.

The journal is included in the list of peer-reviewed journals established by the Highest Certification Commission (HCC) of Russian Federation [Vysshaya attestatsionnaya komissiya (VAK) Rossijskoj Federacii].

All articles of the journal are publicly available – on the websites of the journal and the Scientific Electronic Library (<http://elibrary.ru>). The journal is included in Russian Index of Scientific Citations (https://elibrary.ru/project_risc.asp). The journal is present and indexed in more than 20 Russian and International science-based databases and specialized resources.

The purpose of the journal MIR (Modernization. Innovation. Research) is to discuss the results of scientific research and topical issues in the field of economics, entrepreneurship, theory and practice of management, development of education in the Russian Federation and abroad. Particular attention is paid to the analysis of the processes taking place in the Russian economy.

The main task of the journal is to provide an opportunity for scientific and business community to publish results of their research whereby to attract the attention of important areas of economic science.

The mission of the journal is the promotion of results of research and innovative practical achievements in all spheres of Economy in the world.

The author's audience of the journal includes researchers, analysts and practitioners in the field of economics. The publication is intended for a wide range of readers interested in socio-economic problems in Russia and abroad.

All materials of the journal are published by using the license Creative Commons Attribution 4.0 License, allowing loading and distributing works on the assumption of indicating the authorship.

The works may not be changed in any way or used for commercial interests.

<https://www.mir-nayka.com>

MIR (Modernization. Innovation. Research)

Published since January 2010

Registration Certificate ПИ № ФС77-38695 of January 21, 2010
by the Ministry of Press, Broadcasting and Mass Communications of the Russian Federation

Re-Registration Certificate ПИ № ФС77-75692, May 08, 2019

Publication frequency: quarterly

Subscription index in catalogue "Ural-Press" 65042

Publishing House "Science"

Director General: Svetlana Sh. Evdokimova

Executive Editor: Anna A. Goussarenko

Date of publishing: 29.06.2023.

Signed for printing: 04.07.2023.

Scientific electronic library: <https://www.elibrary.ru>

Online: <https://www.mir-nayka.com>,

<http://www.idnayka.ru>

Sheet size: 70 x 108 1/16. Conventional printed sheets 15.05.

Free price.

This publication may not be reproduced in any form without permission.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

КОМКОВ Николай Иванович, заведующий лабораторией организационно-экономических проблем управления научно-техническим развитием, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН (ИНП РАН), доктор экономических наук, профессор, Scopus ID: 25655112100, komkov_ni@mail.ru (Москва, Россия)

Зам. главного редактора

ЖУКОВ Евгений Алексеевич, почетный профессор, Московская международная высшая школа бизнеса «МИРБИС» (Институт), доктор экономических наук, evgenii.zhukov@mail.ru (Москва, Россия)

ИВАЩЕНКО Наталия Павловна, заместитель декана экономического факультета, заведующий кафедрой экономики инноваций, МГУ им. Ломоносова, доктор экономических наук, профессор, Scopus ID: 35111334600, nivashenko@mail.ru (Москва, Россия)

Члены редакционной коллегии

АКАЕВ Аскар Акаевич, Иностраный член РАН (Кыргызстан), главный научный сотрудник, Институт математических исследований сложных систем МГУ им. Ломоносова, доктор технических наук, профессор, Scopus ID: 57125020600, askarakaev@mail.ru (Москва, Россия)

АЛФЕРОВ Валерий Николаевич, доцент департамента управления бизнесом Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат экономических наук, доцент, expertavn@bk.ru (Москва, Россия)

БАЙТЕНОВА Лаура Маратовна, Университет Нархоз, образовательная программа «Информационные системы и статистика», доктор экономических наук, профессор, Scopus ID: 55428546500, laura.baitenova@narxoz.kz (Алматы, Казахстан)

БУРКАЛЬЦЕВА Диана Дмитриевна, профессор кафедры финансов и кредита, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, доктор экономических наук, доцент, Scopus ID: 57191192862, di_a@mail.ru (Симферополь, Россия)

БУРУКИНА Ольга Алексеевна, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, старший исследователь Университета Вааса, кандидат филологических наук, доцент, магистр юриспруденции, магистр менеджмента, obur@mail.ru (Москва, Российская Федерация; Вааса, Финляндия)

ВЕУГЕР Ян, профессор блокчейн, ведущий профессор Института блокчейн, Университет прикладных наук Саксион, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5881-5403>, j.veuger@saxion.nl (Энсхеде, Нидерланды)

ДИДЕНКО Николай Иванович, заведующий научно-исследовательской лаборатории «Системная динамика», Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, доктор экономических наук, профессор, Scopus ID: 56105001600, didenko.nikolay@mail.ru (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ДМИТРИЕВСКИЙ Анатолий Николаевич, академик РАН, научный руководитель, Институт проблем нефти и газа РАН (ИПНГ РАН), доктор геолого-минералогических наук, профессор, Scopus ID: 6603259385, A.Dmitrievsky@ipng.ru (Москва, Россия)

ИЗМАЙЛОВА Марина Алексеевна, профессор департамента корпоративных финансов и корпоративного управления, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, доктор экономических наук, доцент, Scopus ID: 57189310428, m.a.izmailova@mail.ru (Москва, Россия)

КАТУЛЬСКИЙ Евгений Данилович, главный научный сотрудник ФГБУ «Всероссийский научно-исследовательский институт труда» Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Scopus ID: 57194697861, sh-darina@yandex.ru (Москва, Россия)

КОСИНЬСКИ Эрык, факультет права и управления, кафедра государственного экономического права, Университет имени Адама Мицкевича в Познани, доктор юриспруденции, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2899-5228>, erykk@amu.edu.pl (Познань, Польша)

КУРЮКИН Андрей Николаевич, старший научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований Института Социологии, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, кандидат политических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9572-3070>, kuriukin@inbox.ru (Москва, Россия)

МИДЖЛИ Джеральд, профессор системного мышления, Университет Халла, факультет бизнеса, законодательства и политики, Центр системных исследований, Scopus ID: 8849715000, GRMidgley@hull.ac.uk (Халл, Великобритания)

ПАЛАТКИН Иван Викторович, директор Пензенского казачьего института технологий (филиал) ФГБОУ ВПО «МГУТУ имени К. Г. Разумовского (Первого казачьего университета)», доктор экономических наук, профессор, ivpalatkin@bk.ru (Пенза, Россия)

ПИСАРЕВА Ольга Михайловна, заведующий кафедрой математических методов в экономике и управлении, директор Института информационных систем, Государственный Университет Управления (ГУУ), кандидат экономических наук, доцент, o.m.pisareva@gmail.com (Москва, Россия)

САФИУЛЛИН Азат Рашитович, заведующий кафедрой проектного менеджмента и оценки бизнеса, Казанский (Приволжский) федеральный университет, доктор экономических наук, доцент, Scopus ID: 55982236800, safiullin.ar@gmail.com, azat.safiullin@tatar.ru (Казань, Россия)

СМИРНОВА Ольга Олеговна, эксперт национальной части Делового Совета Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС), доктор экономических наук, доцент, Scopus ID: 56719162500, 7823091@bk.ru (Москва, Россия)

ФЕДОРОВА Ирина Юрьевна, профессор департамента общественных финансов Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, Scopus ID: 55968559500, fedorovai1@gmail.com (Москва, Россия)

ЩЕПЕТОВА Светлана Евгеньевна, первый заместитель заведующего кафедрой «Системный анализ в экономике» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор экономических наук, доцент, Scopus ID: 57207470919, SEShchetova@fa.ru (Москва, Россия)

ЭПУРЕ Мануэла, доктор экономических наук, проректор университета Spiru Haret, директор Центра НИР университета Spiru Haret, mepure@yahoo.com (Бухарест, Румыния)

Ответственный секретарь

ГУРОВА Ирина Михайловна, кандидат экономических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7361-3543>, i-m-g@yandex.ru (Москва, Россия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief

Nikolai I. KOMKOV, Dr.Sci. (Econ.), Professor, Institute of Economic Forecasting (IEF RAS), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4109-9433>, Scopus ID: 25655112100, komkov_ni@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

Deputy editor-in-chief

Evgenii A. ZHUKOV, Dr.Sci. (Econ.), Moscow International Higher Business School MIRBIS, evgenii.zhukov@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

Nataliya P. IVASHCHENKO, Dr.Sci. (Econ.), Professor, Lomonosov Moscow State University, Scopus ID: 35111334600, nivashenko@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

Members of Editorial Board

Askar A. AKAEV, Dr.Sci. (Eng.), Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences (Kyrgyzstan), Lomonosov Moscow State University, Scopus ID: 57125020600, askarakaev@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

Valerii N. ALFEROV, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Researcher ID: L-4129-2018, expertavn@bk.ru (Moscow, Russian Federation)

Laura M. BAITENOVA, Dr. Sci. (Econ.), Prof., Narxoz University, Head of the educational program "Information systems and statistics", Scopus ID: 55428546500, laura.baitenova@narxoz.kz (Almaty, Kazakhstan)

Diana D. BURKALTSEVA, Dr.Sci. (Econ.), Assoc. Prof., V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation), Scopus ID: 57191192862, di_a@mail.ru (Simferopol, Russian Federation)

Ol'ga A. BURUKINA, Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation), University of Vaasa (Vaasa, Finland), obur@mail.ru

Jan VEUGER, Professor Blockchain, Leading professor Saxion Blockchain Institute, Saxion University of Applied Sciences, Schools of Finance & Accounting, School of Creative Technology, School of Governance, Law and Urban Development, Hospitality Business School and School of Commerce & Entrepreneurship, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5881-5403>, j.veuger@saxion.nl (Enschede, Netherlands)

Nikolai I. DIDENKO, Dr.Sci. (Econ.), Prof., Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Scopus ID: 56105001600, didenko.nikolay@mail.ru (Saint-Petersburg, Russian Federation)

Anatoly N. DMITRIEVSKY, Academician, Dr.Sci. (G.-M.), Professor, Russian Academy of Sciences Oil and Gas Research Institute, Scopus ID: 6603259385, A.Dmitrievsky@ipng.ru (Moscow, Russian Federation)

Marina A. IZMAILOVA, Dr.Sci. (Econ.), Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Scopus ID: 57189310428, m.a.izmailova@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

Evgeniy D. KATUL'SKIY, Dr.Sci. (Econ.), Professor, Federal State Institution All-Russian scientific-research institute for labour protection and economics under the Ministry for Public Health and Social Development, sh-darina@yandex.ru (Moscow, Russian Federation)

Eryk KOSIŃSKI, Doctor of Law, Chair of Public Economic Law, Faculty of Law and Administration of the Adam Mickiewicz University in Poznan, Poznan University of Technology, erykk@amu.edu.pl (Poznan, Poland)

Andrey N. KURIUKIN, Cand. Sci. (Polit.), Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9572-3070>, kuriukin@inbox.ru (Moscow, Russian Federation)

Gerald MIDGLEY, Professor of Systems Thinking, University of Hull, Faculty of Business, Law and Politics Centre for Systems Studies, Scopus ID: 8849715000, GRMidgley@hull.ac.uk (Hull, UK)

Ivan V. PALATKIN, Dr.Sci. (Econ.), K.G. Razumovsky Moscow State University of technologies and management (the First Cossack University) (Penza branch), ivpalatkin@bk.ru (Penza, Russian Federation)

Olga M. PISAREVA, Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., State University of Management, Scopus ID: 57200260200, o.m.pisareva@gmail.com (Moscow, Russian Federation)

Azat R. SAFIULLIN, Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Kazan Federal University, Scopus ID: 55982236800, safiullin.ar@gmail.com, azat.safiullin@tatar.ru (Kazan, Russian Federation)

Olga O. SMIRNOVA, Dr.Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Business Council of the Shanghai Cooperation Organization, Scopus ID: 56719162500, 7823091@bk.ru (Moscow, Russian Federation)

Irina Yu. FEDOROVA, Dr.Sci. (Econ.), Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Scopus ID: 55968559500, fedorovaiu1@gmail.com (Moscow, Russian Federation)

Svetlana E. SHCHEPETOVA, Dr. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Financial University under the Government of the Russian Federation, Scopus ID: 57207470919, SEShchepetova@fa.ru (Moscow, Russian Federation)

Manuela EPURE, PhD in Marketing, Prof. of Marketing Research, Department of Economic Sciences, Spiru Haret University (USH), mepure@yahoo.com (Bucharest, Romania)

Executive Secretary

Irina M. GUROVA, Cand. Sci. (Econ.), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7361-3543>, i-m-g@yandex.ru (Moscow, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

МОДЕРНИЗАЦИЯ

Максимов В. В.

Социальная дезориентация бюджетной поддержки инвестиционных проектов 170

Васин С. М., Гамидуллаева Л. А.

Трансформации отраслевой структуры региона как реакция на динамику
международной торговли в период пандемии 187

Ромашкина Г. Ф., Скрипнюк Д. Ф., Андрианов К. В.

Индикаторы развития кризисов и финансовое поведение субъектов глобальной экономической системы
в кризисные периоды 207

ИННОВАЦИИ

Платонов В. В., Кузьев Д. А.

Экономический лимит на спортивный успех: как может развиваться индустрия футбола? 224

Владимирова И. Г., Полевая Е. В.

Методический подход к оценке уровня адаптивности организационных структур
управления компаниями 242

РАЗВИТИЕ

Ситкевич Д. А., Коротков А. С.

Факторы географической концентрации туристической индустрии: опыт Северо-Восточного Кавказа 262

Довлатова Г. П., Каращенко В. В.

Пространственный анализ показателей социально-экономического развития Ростовской области 277

Мабиала Ж., Линский Д. В., Маслич Е. А., Байракова И. В., Романюк Е. В.

Социально-пространственные стратегемы развития человеческого капитала
в Южном федеральном округе России 294

Елисеева А. А., Дворядкина Е. Б.

Тенденции и драйверы развития локальных рынков бытовых услуг 316

Информация для авторов и читателей (на рус. яз.) 335

Информация для авторов и читателей (на англ. яз.) 336

CONTENTS

MODERNIZATION

Maximov V. V.

Social disorientation of budget support for investment projects 170

Vasin S. M., Gamidullaeva L. A.

Transformations of the sectoral structure of the region as a response to the dynamics
of international trade during the pandemic 187

Romashkina G. F., Skripnuk D. F., Andrianov K. V.

Indicators of crisis development and financial behavior of subjects of the global economic system
in crisis periods 207

INNOVATION

Platonov V. V., Kuziaev D. A.

The economic limit on sporting success: how can football industry develop? 224

Vladimirova I. G., Polevaya E. V.

Methodological approach to assessing the level of adaptability of organizational management structures
of companies 242

RESEARCH

Sitkevich D. A., Korotkov A. S.

Factors of geographical concentration in the tourism industry: evidence from Northeast Caucasus 262

Dovlatova G. P., Karashchenko V. V.

Spatial analysis of indicators of socio-economic and innovative development of the Rostov region 277

Mabiala G., Linskiy D. V., Maslich E. A., Bairakova I. V., Romaniuk E. V.

The Socio-spatial stratagems of human capital development in the Southern Federal Districts of Russia 294

Eliseeva A. A., Dvoryadkina E. B.

Trends and drivers of the development of local consumer services markets 316

Information for Authors and Readers of the Journal (In Russian) 335

Information for Authors and Readers of the Journal (In English) 336

Научная статья

УДК 338.242, 35.078, 364.48

JEL: H54, I32, I38, D63

<https://doi.org/10.18184/2079-4665.2023.14.2.170-186>

Социальная дезориентация бюджетной поддержки инвестиционных проектов

Максимов Виталий Вячеславович¹¹ АО «ТРАНСПРОЕКТ Групп»; Москва, Россия¹ maximov@transproekt.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7983-0004>

Аннотация

Цель исследования – идентификация факторов, которые препятствуют бюджетной поддержке инвестиционных проектов, направленных на борьбу с бедностью по лишениям экономически доступной социальной инфраструктуры (депривационной бедностью).

Методы. В работе использовались традиционные методы научного анализа, а также междисциплинарный подход, характерный для исследования проблем социального благополучия в контексте доступности социальных благ, создаваемых объектами социальной инфраструктуры. Исследование базируется на применении документов социального целеполагания, методических документов, регулирующих инвестиционную деятельность и бюджетную поддержку, данных Росстата, ЕИС «Закупки», ЕМИСС, ГИС «Электронный бюджет».

Результаты работы. Проведена идентификация факторов социального благополучия и выполнено обоснование уровня депривационной бедности в отношении доступной социальной инфраструктуры. Подтверждена необходимость самостоятельного регулирования рынка бедных, страдающих от подобных лишений. На основе анализа методического инструментария по оценке целесообразности бюджетной поддержки инвестиционных проектов в социальной инфраструктуре выявлены методические проблемы и доказана неприменимость существующего подхода для исследуемого рынка. Сформулированы предложения по изменению подходов к расчету бюджетной эффективности инвестиционных проектов, направленных на инфраструктурное развитие социальных отраслей.

Выводы. Растущее количество депривационно бедных страдает от отсутствия предложения экономически доступной социальной инфраструктуры и услуг. Исследование показывает, что вовлечение частных инвестиций в создание таких объектов, с учетом необходимости в нерыночном ценообразовании, потребует изменений методического подхода государства к бюджетной поддержке инвестиционных проектов. Необходим отказ от процентного и возвратного принципов и замещение их компенсационным за обслуживание уязвимых категорий. Социальное развитие страны должно опираться на социальное благополучие всех слоев населения, без экстремальных разрывов между ними. Для устойчивого развития необходим гибкий методический инструментарий, опирающийся на зависимость объема бюджетной поддержки от количества генерируемых проектом социальных эффектов.

Ключевые слова: социальное благополучие, депривационная бедность, социальная инфраструктура, бюджетная эффективность, социальные эффекты, инвестиционные проекты, государственно-частное партнерство

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Максимов В. В. Социальная дезориентация бюджетной поддержки инвестиционных проектов // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2023. Т. 14. № 2. С. 170–186

EDN: <https://elibrary.ru/cnfrzs>. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2023.14.2.170-186>

© Максимов В. В., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

Social disorientation of budget support for investment projects

Vitaly V. Maximov¹

¹TRANSPROEKT Group JSC; Moscow, Russia

¹maximov@transproekt.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7983-0004>

Abstract

Purpose: of the study is to identify factors that hinder budget support for investment projects aimed at combating poverty due to the deprivation of economically accessible social infrastructure (deprivation poverty).

Methods: the work used traditional methods of scientific analysis, as well as an interdisciplinary approach characteristic of the study of social well-being problems in the context of the availability of social benefits created by social infrastructure facilities. The research is based on the application of social goal-setting documents, methodological documents regulating investment activities and budget support, Rosstat data, EIS «Procurement», EMISS, GIS «Electronic Budget».

Results: the identification of factors of social well-being was carried out and the justification of the level of deprivation poverty in relation to the available social infrastructure was carried out. The necessity of independent regulation of the market of the poor suffering from such deprivations is confirmed. Based on the analysis of methodological tools for assessing the feasibility of budgetary support for investment projects in social infrastructure, methodological problems have been identified and the inapplicability of the existing approach for the market under study have been proved. Proposals are formulated to change approaches to calculating the budgetary efficiency of investment projects aimed at the infrastructural development of social industries.

Conclusions and Relevance: a growing number of the deprived poor are suffering from a lack of supply of economically accessible social infrastructure and services. The study shows that the involvement of private investment in the creation of such facilities, taking into account the need for non-market pricing, will require changes in the methodological approach of the state to budget support for investment projects. It is necessary to abandon the percentage and return principles and replace them with compensatory ones for servicing vulnerable categories. The social development of the country should be based on the social well-being of all segments of the population, without extreme gaps among them. For sustainable development, flexible methodological tools are needed, based on the dependence of the amount of budget support on the number of social effects generated by the project.

Keywords: social well-being, deprivation poverty, social infrastructure, budget efficiency, social effects, investment projects, public-private partnership

Conflict of Interest. The author declares that there is no Conflict of Interest.

For citation: Maximov V. V. Social disorientation of budget support for investment projects. *MIR (Modernizatsiia. Innovatsii. Razvitie) = MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2023; 14(2):170–186. (In Russ.)

EDN: <https://elibrary.ru/cnfrzs>. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2023.14.2.170-186>

© Maximov V. V., 2023

Введение

Социальная инфраструктура и социальные услуги, оказываемые на ее основе, являются залогом социального развития общества и устойчивости социального государства. Но физическое наличие социального объекта в пешей или транспортной доступности не является достаточным условием для получения индивидуумом соответствующей услуги по экономическим причинам. Экономическая доступность социальных объектов становится важной частью социального благополучия человека в нашем обществе, характеризуемом глубокой дифференциацией по доходам.

Государство прикладывает значительные усилия по борьбе с бедностью и наиболее уязвимые ка-

тегории населения являются потребителями бесплатных, либо предоставляемых по установленным тарифам, государственных социальных услуг и объектов на патерналистском рынке. Также в последние годы достаточно развился коммерческий рынок социальных услуг. Значительное число организаций в отраслях социальной инфраструктуры находится в частной собственности, прежде всего, в крупных городах, обслуживая платежеспособные категории граждан.

Сегодня весьма обширное количество научных и аналитических работ направлено на исследование «среднего класса» и смежных понятий, определяющих срединные по доходам группы населения, формально уже не являющиеся бедными (по государственным критериям), и многими отечественны-

ми исследователями относимые к обеспеченным категориям – по аналогии с западной стратификацией общества. Между тем, в нашей стране срединные слои имеют достаточно скромные доходы, не позволяющие им осуществлять доступ к коммерческой социальной инфраструктуре по рыночным ценам на постоянной основе. Именно такие категории могут страдать от отсутствия экономически доступных социальных услуг, не являясь целевыми потребителями услуг ни для государства, ни для частных поставщиков, поэтому ни первое, ни второе не предпринимают особых шагов по удовлетворению их потребностей.

Количественная значимость депривационно бедных по данному признаку потребует специальных усилий по упорядочиванию и регулированию нового рынка, разработки методологического аппарата, опирающегося на нерыночные механизмы обеспечения релевантного по доступности и объему предложения. В ситуации растущих внешнеэкономических рисков не стоит ожидать увеличения инвестиций в расширение ни государственного, ни коммерческого рынков, способных потенциально стать альтернативой формированию выделенного рынка депривационно бедных потребителей.

С учетом многолетней работы государства по замещению бюджетных ассигнований в инфраструктуру частными инвестициями, в качестве основного источника целесообразно рассматривать именно последние. Но устойчивость и коммерческую привлекательность рынку экономически доступных объектов социальной инфраструктуры сможет обеспечить только долгосрочное бюджетное участие, компенсирующее коммерческим структурам выпадающие доходы от согласованного нерыночного ценообразования.

Целью данного исследования является выявление факторов действующего методического инструментария бюджетной поддержки, которые сдерживают развитие инвестиционных проектов по созданию частных объектов социальной инфраструктуры, предоставляющих депривационным категориям населения экономически доступные социальные услуги.

Задачи представленного исследования и соответствующие этапы его проведения включают в себя:

- идентификацию факторов социального благополучия и обоснование оценки уровня бедности по лишениям доступной социальной инфраструктуры и услуг;
- диагностику методических рисков и выявление методических проблем при определении целесообразности бюджетной поддержки инвестиционных проектов в социальной инфраструктуре;

- разработку рекомендаций по расширению подходов к расчету бюджетной эффективности указанных инвестиционных проектов.

Обзор литературы и исследований

Исследование социального благополучия и подходов к его идентификации ведется многие годы. И хотя в отдельных работах его содержание упрощается до бинарного состояния [1], значительная часть исследователей наполняет это понятие объективными параметрами, поддающихся эмпирической фиксации [2], или же опирается на субъективные показатели оценки индивидуумами своего социального положения [3], а также формирует из них множественные комбинации [4–6].

На поиск консенсуса в наборе объективных и субъективных показателей влияют различные противоречия, фиксируемые, например, Т.С. Карабчук и Д.В. Сальниковой [7]. «Парадокс счастливых крестьян», отмечаемый Ч. Грэхемом и С. Петтинато [8], в некоторых странах демонстрирует более высокие субъективные ощущения благополучия у бедных, чем среди обеспеченных слоев населения, тем самым создавая предпосылки для вовлечения в депривационную бедность категорий, по социальному статусу достаточно далеко отстоящих от бедных по доходам.

Социальную инфраструктуру и значимость ее влияния на благополучие человека, с одной стороны, сложно переоценить. Между тем, научные работы, посвященные вопросам экономической доступности социальных объектов и оценке влияния на рассматриваемое понятие, крайне редки. Среди них следует отметить работу М.Ф. Черныша [9], где показано, что чем слабее развита инфраструктура здравоохранения, тем ниже уровень субъективного благополучия респондента. Исследование П.Е. Сушко [10] доказывает, что любые ограничения территориального или экономического характера в доступности социальных благ воспринимаются населением как депривационный фактор и могут формировать чувство социальной ущемленности.

При этом среди научных работ, посвященных депривационной бедности [11–13], несмотря на широкую вариативность подходов к формированию перечня лишений, наполняющих данную категорию и прямо влияющих на количество вовлеченных социальных слоев, выявление причинно-следственных связей с экономической доступностью социальной инфраструктуры не проводилось. Важность таких исследований обусловлена несомненной зависимостью от доступных социальных услуг не только категорий населения, объективно относящихся к беднейшим по доходам, но и более благополучных слоев, часть которых выпадает из

«истончающейся» прослойки среднего класса, что отмечается в работе Н.Е. Тихоновой [14], или находится под влиянием понижающих тенденций в восприятии социальной реальности [15, 16].

Таким образом, понятие доступности социальной инфраструктуры в экономическом смысле среди зависимых слоев населения формирует различные социальные ожидания, в диапазоне от бесплатных, или оказываемых по государственным расценкам, социальных услуг (для бедных по доходам) до платных, но по сниженной от рыночной стоимости (для бедных по лишениям, сохранивших частичную платежеспособность).

Устойчиво ограниченные бюджетные возможности не позволяют массово создавать объекты социальной инфраструктуры¹, поэтому широкое вовлечение в оборот социальных услуг мощностей современных частных объектов кажется очевидным решением.

При этом, оценивая перспективы дальнейшего участия частного капитала в развитии социальной инфраструктуры, нельзя игнорировать запрос на социально ответственное ведение бизнеса как со стороны населения, так и государства, также уделяющего все больше внимания социальным проблемам, и с 1993 г., вероятно, наиболее приблизившегося к декларируемому понятию социального государства². Устранению дисбаланса в сторону либеральных идей помогают и внезапно схожие процессы в старейших рыночных экономиках мира, массово столкнувшихся с социальными проблемами и дестабилизацией рыночной модели³ [17] и видящих свое будущее в социально-ориентированном капитализме [18–20].

В нашей стране, при сохранении текущего уровня развития экономики, ожидания значимой социальной результативности от рыночного механизма для уязвимых категорий, очевидно, бессмысленны. Более целесообразным является осознанное формирование государством и частными инвесторами рынка социальных услуг и инфраструктуры для депривационно бедных⁴. Его функционирова-

ние должно опираться на нерыночные принципы, когда баланс спроса и предложения находится ниже уровня коммерческой целесообразности, а емкость регулируется долгосрочными социальными приоритетами государства на конкретной территории⁵. То есть развитие рынка экономически доступной социальной инфраструктуры не может происходить вне прямой бюджетной поддержки инвестиционных проектов и компенсации выпадающих доходов, что в ограниченных бюджетных возможностях остро ставит вопрос об эффективности их использования в увязке с достижением плановых социальных целей.

Множество научных работ ориентировано на рост эффективности использования бюджетных средств [21, 22] в традиционных конструкциях расходования, через систему государственных закупок. Но и сам формат, и объем, и дефицитный характер существующих расходных обязательств лимитируют их влияние на развитие социальной инфраструктуры Российской Федерации.

Объективная оценка целесообразности бюджетной поддержки инвестиционных проектов в социальной инфраструктуре затруднена не только глубоко интегрированными методическими подходами, опирающимися на рыночные принципы возвратности, платности и срочности [23, 24] средств бюджета, но и трудностями учета социальных эффектов через монетизацию, выявленные российскими и зарубежными учеными К.Г. Абазиевой [25], Х.К. Анхейером и Д. Литом [26], К. Фернандесом и Д. Тремблэй-Буар [27], препятствующими их релевантному соотнесению с необходимыми затратами.

Материалы и методы

Выбор методологического комплекса и используемых материалов обусловлен поставленной целью и сформулированными задачами исследования.

Для определения подхода к оценке степени влияния экономической доступности социальной инфраструктуры на социальное благополучие и депри-

¹ Максимов В.В. Парадоксы социальной политики в развитии социальной инфраструктуры // Экономические стратегии. 2021. № 2(176). С. 38–44. <https://doi.org/10.33917/es-2.176.2021.38-44>

² Прим. Автора: Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (источник: «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)).

³ Прим. Автора: Германия, с ее «рейнской моделью» капитализма, действующей от севера Европы до Швейцарии, и частично прилегающей Японией, может быть отнесена к социально-рыночной экономике со значительно меньшим количеством рыночных благ в сравнении с неолиберальными экономиками Великобритании и США.

⁴ Прим. Автора: Настоящая работа опирается на предпосылки, что рынок бедных по доходам обеспечивается социальной инфраструктурой и услугами полностью за счет государства.

⁵ Максимов В.В. Доступная социальная инфраструктура vs. государственно-частное партнерство // Уровень жизни населения регионов России. 2021. Т. 17. № 3. С. 339–348. <https://doi.org/10.19181/lspr.2021.17.3.4>

вационную бедность населения страны проведен теоретический анализ существующих подходов в научной литературе. По итогам анализа, на основе логического синтеза полученных результатов и теории депривации, сформирован теоретический базис исследования по определению вовлеченных слоев населения страны и их количественной оценке. Кроме того, подвергнуты изучению и структурному анализу документы стратегического планирования, регулирующие создание объектов социальной инфраструктуры, действующие методические материалы по оценке эффективности инвестиционных проектов, претендующих на получение бюджетной поддержки, применимые к объектам социальной инфраструктуры. Полученные результаты соотнесены с теоретическими подходами по оценке эффективности бюджетных расходов и достижению поставленных социальных целей.

Апробация предлагаемого подхода к определению вовлеченного в депривационную бедность населения проводилась на основе категоризированных расходов домашних хозяйств за 2012–2021 гг. В качестве эмпирической базы исследования использовались данные Федеральной службы государственной статистики по разделу «Неравенство и бедность». Полученные результаты были проверены через оценку состояния и ретроспективу деятельности организаций рынка социальных услуг в 2017–2022 гг., полученные из Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС).

При обосновании методических основ, увязывающих целесообразность и объем бюджетной поддержки инвестиционного проекта с количеством генерируемых социальных эффектов, использованы данные государственных закупок по созданию аналогичных объектов из Единой информационной системы в сфере закупок, а результаты проверены с помощью Государственной интегрированной информационной системы управления общественными финансами «Электронный бюджет», содержащей данные об инвестиционных проектах, получивших бюджетную поддержку. Открытые ка-

тегории статистических данных не позволили провести всестороннюю проверку на жизнеспособность предлагаемых подходов, поэтому указанная оценка проведена с имеющимися ограничениями.

Результаты исследования

Идентификация факторов социального благополучия и оценка уровня депривационной бедности

В развитие предыдущей авторской работы, проиллюстрированной деятельностью и проблемами домов престарелых⁶, в настоящей статье исследуется полный спектр объектов социальной инфраструктуры, формально заключенный в объекты культуры и отдыха, спорта и туризма, здравоохранения, образования⁷.

Для решения первой задачи проведем анализ относительной доли расходов, приходящихся в среднем на члена домохозяйства в различных социальных группах на оплату услуг, получаемых на объектах социальной инфраструктуры. Для этого воспользуемся данными Росстата за 2012–2021 гг.⁸ по расходам на конечное потребление домашних хозяйств, распределенных по 10% группам населения по росту благосостояния⁹. Применяемые категории статистических данных позволяют идентифицировать из схожих с исследуемыми социальными отраслями расходы на: (1) организацию отдыха и культурные мероприятия, (2) гостиницы, кафе и рестораны, (3) здравоохранение, (4) образование.

Исследовательский интерес представляют последствия потребительских решений, принимаемых членами домохозяйств в каждой децильной группе по определению доли расходов на услуги социальной инфраструктуры. Их ретроспектива может помочь выявить тенденции состояния социального благополучия для каждой группы через экономическую доступность отраслей социальной инфраструктуры.

В каждой из 10-ти децильных групп, представленных строками в табл. 1, для удобства визуализации результатов исследования доли расходов индивидуума по отраслям социальной инфраструктуры

⁶ Максимов В.В. Парадоксы социальной политики в развитии социальной инфраструктуры // Экономические стратегии. 2021. № 2(176). С. 38–44. <https://doi.org/10.33917/es-2.176.2021.38-44>

⁷ Прим. Автора: Данная категоризация объектов социальной инфраструктуры используется Минэкономразвития России в отношении объектов инфраструктуры, создаваемых на основе формата государственно-частного партнерства (источник: Информационно-аналитический обзор «О развитии государственно-частного партнерства в Российской Федерации» // Минэкономразвития России, 2020).

⁸ Официальная статистика по разделу «Неравенство и бедность» // Федеральная служба государственной статистики, 1999–2023 гг. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 08.03.2023)

⁹ Прим. Автора: При построении группировок по децильным группам применяется порядок, в соответствии с которым взвешенные данные по числу лиц в домохозяйствах ранжируются по мере возрастания среднедушевых показателей благосостояния и суммируются нарастающим итогом с получением общего числа обследуемого населения. Эта численность принимается за 100%. Сумма всех домохозяйств, где сосредоточено по 10% от общего числа обследуемого населения, относится к соответствующей децильной группе населения, распределенного по мере роста показателей благосостояния. Первая децильная группа – с наименьшими доходами, десятая – с наибольшими.

просуммированы, а с учетом начавшейся в 2019 г. пандемии COVID-19 – отдельной строкой выделена сумма расходов без учета услуг здравоохранения.

В столбцах приведены темпы изменения доли расходов к предыдущему году за весь период наблюдения.

Таблица 1

Темпы изменения расходов домохозяйств на услуги социальной инфраструктуры, %

Table 1

The rate of change in household spending on social infrastructure services, %

10% группы	Расходы на СИ*	Темпы изменения, %								
		2013/12	2014/13	2015/14	2016/15	2017/16	2018/17	2019/18	2020/19	2021/20
I	ВОЗ**	104,69	97,01	106,15	88,41	100,00	100,00	108,20	95,45	103,17
	БОЗ***	104,76	95,45	111,90	80,85	100,00	100,00	110,53	80,95	105,88
II	ВОЗ	100,00	102,53	95,06	98,70	97,37	100,00	109,46	92,59	100,00
	БОЗ	100,00	101,85	96,36	92,45	95,92	100,00	110,64	80,77	100,00
III	ВОЗ	101,10	101,09	98,92	88,04	102,47	101,20	109,52	93,48	98,84
	БОЗ	100,00	101,56	96,92	82,54	101,92	101,89	112,96	80,33	100,00
IV	ВОЗ	101,98	103,88	94,39	90,10	107,69	100,00	105,10	91,26	100,00
	БОЗ	102,82	105,48	90,91	85,71	106,67	100,00	103,13	83,33	100,00
V	ВОЗ	106,72	97,64	88,71	89,09	112,24	100,91	101,80	90,27	99,02
	БОЗ	113,41	92,47	90,70	83,33	115,38	101,33	100,00	81,58	98,39
VI	ВОЗ	100,78	99,23	102,33	87,88	102,59	100,00	105,88	92,86	96,58
	БОЗ	98,91	102,20	103,23	84,38	102,47	100,00	106,02	86,36	94,74
VII	ВОЗ	103,18	97,53	98,10	87,74	100,74	100,00	108,03	79,05	105,98
	БОЗ	101,63	94,40	100,85	84,87	100,00	100,00	110,89	68,75	106,49
VIII	ВОЗ	104,57	98,36	91,67	85,45	109,93	100,00	110,32	80,70	102,90
	БОЗ	105,00	97,28	91,61	78,63	110,68	100,00	114,04	73,85	101,04
IX	ВОЗ	98,98	102,05	88,94	96,05	111,18	100,00	103,17	76,92	116,67
	БОЗ	96,23	102,61	84,71	100,00	112,03	100,00	102,68	67,97	118,27
X	ВОЗ	106,67	97,50	103,85	116,67	89,95	100,00	125,29	70,89	115,89
	БОЗ	105,00	98,41	100,81	120,80	86,75	100,00	133,59	67,43	118,64

Примечание:

* социальная инфраструктура;

** включая объекты здравоохранения;

*** без объектов здравоохранения.

Разработано автором по данным: Официальная статистика по разделу «Неравенство и бедность» // Федеральная служба государственной статистики, 1999–2023 гг. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 08.03.2023)

Developed by the author based on: Official statistics on the section «Inequality and poverty» // Federal State Statistics Service, 1999–2023. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (accessed: 08.03.2023) (In Russ.)

Следует отметить значительное сокращение затрат в 2016 и 2020 гг. фактически для всех категорий, в пределах достигающее 21,37% (VIII группа) и 32,57% (X) в каждом из наблюдаемых периодов соответственно. Снижение потребления услуг здравоохранения происходит хотя и с сохранением общей тенденции, но чуть более плавно: так, разница между затратами на услуги всей социальной инфраструктуры, включая объекты здравоохранения и без оных, в одной группе и одном периоде может достигать 10,3% (2020/2019, группа VII), что говорит о преобладании во взглядах домохозяйств медицинских ус-

луг над иными социальными, хотя и в различной степени.

Такая модель поведения доминирует в кризисные годы, когда радикальное сокращение затрат по всем услугам (и, вероятно, доходов) вынуждает членов домохозяйств выбирать услуги, наиболее ценные для физического выживания. Домохозяйства переходят «в режим борьбы за существование», поэтому именно медицинская инфраструктура остается в приоритете. Заслуживает внимание и вероятная транзитивность данного вывода – преобладание затрат на услуги здравоохранения

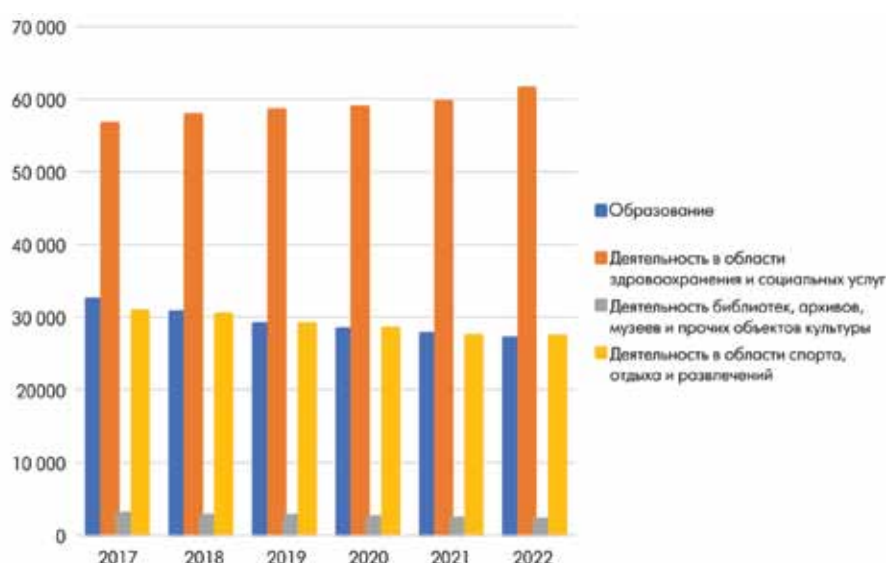
в какой-то группе сигнализирует о снижении социального благополучия и погружении в кризис.

Определим децильные группы, наиболее пострадавшие от сокращения ежегодных затрат домохозяйств на покупку всех категорий социальных услуг. Из анализа табл. 1 следует, что к таковым необходимо отнести группы IV, VI и VII. При расширении горизонта сравнения на весь период наблюдения (2021–2012 гг.), в набор наиболее пострадавших попадают группы V и VII, а также плотная когорта VI-VIII-IX.

Из этого можно сделать вывод, что в плане социального благополучия наиболее уязвимыми являются не только бедные, но, в большей степени и с негативной тенденцией, срединные слои. То есть те категории населения, которые имеют некий доход (возможно, весьма значительный в сравнении с бедными категориями) и готовы платить за получение социальных услуг, но не в парадигме свободного рынка и не по рыночным ценам. Здесь намеренно не используется термин «средний класс», подробно раскрытый в работах [28, 29], поскольку это требует отдельной терминологической верификации, не проводимой в рамках настоящей работы.

Несомненно, выявленное значимое количество уязвимых срединных слоев должно оказывать устойчиво деградирующее влияние на рынок коммерческих социальных услуг и развитие частной инфраструктуры, инвесторы в которую действуют на свободном рынке на свой страх и риск в поиске платежеспособных категорий.

Оценим количество частных организаций в каждой из социальных отраслей, действующих в период 2017–2022 гг., используя данные Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС)¹⁰. Структура в классификаторах видов экономической деятельности и глубина хранения отличаются от предыдущего источника – Росстата. Поэтому для сравнения будет использована выборка из наиболее близких категорий: (1) деятельность библиотек, архивов, музеев и прочих объектов культуры, (2) деятельность в области спорта, отдыха и развлечений, (3) деятельность в области здравоохранения, (4) образование. На рис. 1 отображено количество таких организаций в каждой из отраслей на 1 октября соответствующего года.

Разработано автором по данным: Количество организаций по данным государственной регистрации с 2017 г. // Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС), 2011–2022 гг. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58109> (дата обращения: 11.11.2022)

Рис. 1. Количество организаций социальной сферы, находящихся в частной собственности, ед.

Developed by the author based on: The number of organizations according to the state registration data since 2017 // Unified Interdepartmental Information and Statistical System (EMISS), 2011–2022. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58109> (date of application: 11.11.2022) (In Russ.)

Fig. 1. The number of organizations of the social sphere that are privately owned, units

¹⁰ Количество организаций по данным государственной регистрации с 2017 г. // Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС), 2011–2022 гг. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58109> (дата обращения: 11.11.2022).

С одной стороны, усилия государства за последние 30 лет по разгосударствлению и открытию рынка социальных услуг привели к достижению весомой доли рынка организациями, находящимися в частной собственности – 47,9% (источник: данные ЕМИСС на 01.10.2022). С другой стороны, рис. 1 демонстрирует, что предел насыщения при существующей емкости рынка был достигнут за нижней границей периода наблюдения, и сейчас прослеживается устойчивое снижение действующих частных компаний в $\frac{3}{4}$ социальных отраслей. Наблюдаемый рост частной деятельности в сфере здравоохранения и социальных услуг: (1) пока не может быть «очищен» от влияния пандемии COVID-19, (2) может свидетельствовать о кризисе срединных слоев, которые покупают медицинские услуги за пределами возможностей, жертвуя иными потребностями. Данная отрасль, очевидно, нуждается в дополнительном наблюдении, поэтому получаемые выводы опираются на оставшиеся социальные отрасли.

Эти результаты дополняют выводы, полученные ранее – значительная часть населения из срединных домохозяйств, действительно, снижает долю расходов на социальные услуги, сокращая уровень платежеспособного спроса и емкость рынка коммерческих услуг, утрачивая ранее достигнутый уровень социального благополучия.

Выпадающие из рынка потребителей коммерческой социальной инфраструктуры и услуг люди, несомненно, начинают страдать от соответствующего вида депривационной бедности. Поскольку они не являются бедными по доходам, то могут весьма ограниченно рассчитывать на прямую государственную поддержку и рынок государственных услуг¹¹. Таким образом, неохваченные традиционными рынками люди попадают во внерыночное пространство, становясь потенциальными покупателями нового рынка социальных услуг для депривационно бедных, оставаясь при этом достаточно разнородными по степени переносимых лишений¹².

Государству экономически выгодно признание и создание нового рынка бедных по лишениям эко-

номического доступа к социальной инфраструктуре (для дальнейшей идентификации воспользуемся термином «депривационный рынок»), содержание которого будет обходиться дешевле расширения существующего государственного, поскольку он может существовать не только на бюджетные средства, но и рассчитывать на частичную оплату со стороны пользователей. Кроме того, государство, при различном состоянии бюджета и экономики в целом, сможет регулировать его размер¹³ граничными условиями своего участия, погруженными в гибкие методические подходы.

Создание нового рынка требует определения принципов его функционирования, которые опираются на создание финансовых инструментов, позволяющих на прогнозируемой основе компенсировать частным инвесторам недополученный доход от нерыночного ценообразования для ограниченно платежеспособных категорий пользователей социальной инфраструктуры и услуг. Необходимо сделать оговорку, что в данной работе не рассматривается вариант прямой бюджетной поддержки пользователей на существующем коммерческом рынке, включая различные вариации базового дохода [30], поскольку в этом случае государству будет невозможно обеспечить целевое направление ассигнованных денежных средств в конкретный инфраструктурный объект, тем самым инвестору не будет гарантирован минимальный уровень выручки, требуемый для принятия решения об инвестировании.

Учитывая, что наиболее пострадавшие децильные группы (IV, VI и VII) охватывают 30% населения страны вне беднейших категорий, потребность в создании и регулировании социальных объектов, работающих на нерыночных принципах во все увеличивающемся пространстве между государственным и коммерческим рынками, приобретает массовый характер, выступая катализатором нарастающей депривационной бедности. В этой ситуации государству целесообразно оставить надежды на либеральные победы рыночного подхода и разработать такие механизмы бюджетного

¹¹ Прим. Автора: Рынок государственных услуг содержит, но не ограничен перечнем категорий граждан, имеющих право на получение государственной социальной помощи и определяемых Федеральным законом от 17.07.1999 № 178-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О государственной социальной помощи», Приказом Минтруда России № 929н, Минздрава России № 1345н от 21.12.2020 «Об утверждении Порядка предоставления набора социальных услуг отдельным категориям граждан» (Зарегистрировано в Минюсте России 11.05.2021 № 63365).

¹² Прим. Автора: В данном исследовании не ставилась задача выявления границы каждого из рынков в категориях децильных групп или уровня благосостояния. Но, независимо от этого, гипотеза о разнородности внутри каждого из рынков вполне устойчива из-за индивидуальности всех характеристик каждого члена нашего социума.

¹³ Прим. Автора: Поскольку существование депривационного рынка без поддержки государства невозможно, то его размер полностью зависит от применяемых государством подходов к его регулированию, в том числе методических. Поэтому в одном пределе находится несозданный рынок (сохраняющий существующий «статус-кво»), с растущим межрыночным пространством между государственным и коммерческим рынками, наполненным высоким спросом социальных услуг, не имеющем экономически релевантного предложения, а в другом – полностью пересекающиеся рынки.

участия в инвестиционных проектах по строительству и реконструкции частных объектов, которые, с одной стороны, обеспечат уязвимые категории населения социальной инфраструктурой и услугами по доступной стоимости, с другой – сохраняют инвестиционную привлекательность создания и целевой эксплуатации таких объектов для частных инвесторов, что является методически непростой задачей.

Методические риски определения целесообразности бюджетной поддержки инвестиционных проектов и рекомендации по изменению существующих подходов

Для анализа применяемых государством подходов к бюджетной поддержке частных социальных объектов на традиционном коммерческом рынке и оценки их пригодности для использования на депривационном рынке в рамках второй и третьей задачи, рассмотрим методические материалы, обосновывающие отбор инвестиционных проектов¹⁴ с государственной поддержкой в отраслях социальной инфраструктуры.

Очевидно, что бюджетная поддержка социальных проектов, работающих вне рынка коммерческих услуг, не может опираться на классические теории денег и нормы процента [23, 24]. Поэтому целевым назначением вложенных государством средств должны стать генерируемые социальным объектом социальные эффекты и их количество.

Для поиска взаимосвязи между эффективностью расходования бюджетных средств в рыночной парадигме и социальными эффектами, обоснованно ожидаемыми по итогу, начнем с анализа методического наполнения бюджетной эффективности и используемых принципов ее подсчета.

Бюджетный кодекс Российской Федерации, с момента принятия первой редакции в 1998 г., постулировал принцип эффективного использования бюджетных средств, который эволюционировал незначительно: от начальной трактовки «при составлении и исполнении бюджетов уполномоченные органы и получатели бюджетных средств должны исходить из необходимости достижения заданных результатов с использованием наименьшего объема средств или достижения наилучшего

результата с использованием определенного бюджетом объема средств»¹⁵, до формулировки «при составлении и исполнении бюджетов участники бюджетного процесса в рамках установленных им бюджетных полномочий должны исходить из необходимости достижения заданных результатов с использованием наименьшего объема средств (экономности) и (или) достижения наилучшего результата с использованием определенного бюджетом объема средств (результативности)»¹⁶ в последней редакции.

Семантический анализ текста актуального определения приводит к вариативности действующих элементов при расчете бюджетной эффективности. То есть приемлемым для государства является как наличие любой из составляющих – экономности или результативности, так и обеих вместе, в случае включения союза «и» вместо «или». Хотя необходимость конкуренции в процессе отбора заложена в приведенную формулировку и проявляется применением сравнительных степеней прилагательных «малый» и «хороший», используемая смысловая структура допускает организацию конкурентной борьбы за бюджетные средства всего по одной из составляющих на выбор.

Формализуем имеющийся текст в полной нотации, с учетом обоих семантических элементов:

$$БЭ = БЭЭ + БЭР = \min (ЦПУ_i (НОБ)) + \max (ХПУ_i (НХР)) \quad (1)$$

где БЭЭ – составляющая экономности; БЭР – составляющая результативности; ЦПУ_{*i*} – цена предложения *i*-го участника конкурентной борьбы; НОБ – определенный (начальный) объем бюджетных средств; ХПУ_{*i*} – технико-экономические параметры или иные характеристики предложения *i*-го участника; НХР – начальные (плановые) технико-экономические или иные характеристики результата.

Поскольку результативность БЭР не формализована составом характеристик НХР и может иметь разнородные источники, несомненны трудности с сопоставимостью и оценкой предложений участников. Хотя, с учетом отсутствия вариативности наполнения у БЭЭ, только БЭР имеет перспективу для включения в свой состав требований к нали-

¹⁴Прим. Автора: Инвестиционный проект предполагает обоснование экономической целесообразности, объема и сроков осуществления капитальных вложений, в том числе, наличие необходимой проектной документации, разработанной в соответствии с законодательством РФ, а также описания практических действий по осуществлению инвестиций (бизнес-план) (источник: Федеральный закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений»).

¹⁵ «Бюджетный кодекс Российской Федерации» от 31.07.1998 № 145-ФЗ // ООО «НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС», 2023. URL: <https://base.garant.ru/12112604/> (дата обращения: 01.03.2023).

¹⁶ «Бюджетный кодекс Российской Федерации» от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 28.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023) // ООО «НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС», 2023. URL: <https://base.garant.ru/12112604/> (дата обращения: 01.03.2023).

чению и оценке социальных эффектов от создания объекта инфраструктуры, поэтому именно перспективам его методического развития далее будет уделяться основное внимание.

Наиболее исследованной ветвью законодательства, опирающейся в значительной мере на данную установку бюджетной эффективности, являются государственные закупки¹⁷, где неопределенность БЭР была преодолена ограничением и спецификацией критериев оценки. Сохраняющиеся методические сложности с унификацией качественных и функциональных характеристик¹⁸ многовариантных объектов закупки привели к массовому процедурному отказу от конкуренции за результативность бюджетных расходов и преобладанию однозначно трактуемых стоимостных характеристик¹⁹ БЭЭ, определяемых через формат электронного аукциона²⁰.

Так, все государственные закупки работ по возведению зданий, сооружений и строительных работ в области гражданского строительства, другими словами, в отношении объектов социальной инфраструктуры, в 2016–2020 гг. проводились как электронные аукционы. По данным ЕИС «Закупки»²¹, за обозначенный период такой способ закупки в среднем составил 60,89% от иных форматов для всех регионов, достигнув 66,01% в 2019 г. С 1 сентября 2020 г. социальная инфраструктура была выведена из перечня обязательных аукционов²² для определения поставщика, но новые методические материалы, решающие обозначенные системные сложности, при этом не выявлены.

Нет сомнений, что государство, не создавая реальной возможности конкуренции по результа-

тивности БЭР, программирует перерасход бюджетных средств. При этом ни целевая ориентация государственного объекта социальной инфраструктуры, ни запланированное количество социальных эффектов от его деятельности, очевидно, не будут бесконтрольно утрачены.

Сконцентрируемся на работе с параллельной государственным закупкам ветвью законодательства – инвестиционной, и проектами, реализуемыми на риск частного инвестора для создания объектов социальной инфраструктуры.

Хотя частные инвестиции имеют условно безграничный характер, формирование инфраструктурного предложения на депривационном рынке прямо зависит от наличия бюджетной поддержки и ее объема. Это означает, что не инвестор, а государство, посредством процедур оценки и отбора инвестиционных проектов, определяет социальную ориентацию проектов, претендующих на поддержку государственного бюджета, количество генерируемых социальных эффектов, степень экономической доступности или дискриминации для населения. Государство, своим бюджетом обеспечивающее и спрос, и предложение, а вовсе не экономические свободы, регулирует емкость такого рынка, выдавливая «неоплаченных» на этом рынке людей либо «вверх» – на коммерческий рынок, ограничивая потребление количества социальных услуг, либо «вниз» – на условно бесплатный государственный рынок, увеличивая нагрузку на государственные объекты.

Рассмотрим методические рекомендации, применяемые для оценки эффективности и целесообразности государственной поддержки инвестицион-

¹⁷ Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2023) // ООО «НПП "ГАРАНТ-СЕРВИС"», 2023. URL: <https://base.garant.ru/70353464/> (дата обращения 05.04.2023).

¹⁸ Постановление Правительства РФ от 31.12.2021 № 2604 (ред. от 31.10.2022) «Об оценке заявок на участие в закупке товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, внесении изменений в пункт 4 постановления Правительства Российской Федерации от 20 декабря 2021 г. № 2369 и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» // ООО «НПП "ГАРАНТ-СЕРВИС"», 2023. URL: <https://base.garant.ru/403337669/> (дата обращения: 05.04.2023).

¹⁹ Постановление Правительства РФ от 31.12.2021 № 2604 (ред. от 31.10.2022) «Об оценке заявок на участие в закупке товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, внесении изменений в пункт 4 постановления Правительства Российской Федерации от 20 декабря 2021 г. № 2369 и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» // ООО «НПП "ГАРАНТ-СЕРВИС"», 2023. URL: <https://base.garant.ru/403337669/> (дата обращения: 05.04.2023).

²⁰ Распоряжение Правительства РФ от 21.03.2016 № 471-р (ред. от 31.10.2022) «О перечне товаров, работ, услуг, в случае осуществления закупок которых заказчик обязан проводить аукцион в электронной форме (электронный аукцион)» // Консультант Плюс, 1997–2023. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=430965#rqFO5cTJHu5YLQxD> (дата обращения: 13.03.2023).

²¹ Единая информационная система в сфере закупок // Федеральное казначейство, 2014–2023. URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html> (дата обращения: 08.04.2023).

²² Постановление Правительства РФ от 25.06.2020 № 921 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам осуществления закупок в сфере строительства и признании утратившим силу распоряжения Правительства Российской Федерации от 13 мая 2016 г. № 890-р» // ООО «НПП "ГАРАНТ-СЕРВИС"», 2023. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74212731/> (дата обращения: 17.03.2023).

ных проектов социального назначения, и оценим их пригодность для депривационного рынка доступной социальной инфраструктуры и услуг.

Особый интерес представляют наиболее ранние документы²³, принятые в 1999 г., на волне либеральных надежд на безграничные возможности рыночных механизмов, и ориентированные на совместное использование с федеральным законом от 25.02.1999 № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений»²⁴. Поскольку данный закон устанавливает определение объектов капитальных вложений, как «находящихся в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности различных видов вновь создаваемого и/или модернизируемого имущества», это означает отсутствие ограничений по его применимости для социальной инфраструктуры и ее объектов.

В данных методических рекомендациях приложение бюджетной эффективности к инвестиционным проектам ограничено расчетом эффекта от реализации для бюджетов различных уровней или консолидированного бюджета на основании определения потока бюджетных средств, что отображает формула:

$$\text{БЭИП} = \text{ДБ} - \text{РБ}, \quad (2)$$

где ДБ – доходы бюджета, включая налоги, сборы и т.п., возврат займов и процентов по ним, дивиденды по акциям, находящимся в собственности региона; РБ – расходы бюджета (включая субсидии, дотации, займы и расходы на приобретение акций).

Построение формулы (2) означает методическую приемлемость только положительного значения, когда поступления в бюджет должны превышать выплаты, включающие, в том числе, субсидии на прямую государственную поддержку инвестиционного проекта. То есть государство не поддерживает инвестиционные проекты, которые не генерируют доходный денежный поток в бюджет. С учетом конструкции формулы (2) несомненно, что сравне-

ние (конкуренцию) между проектами в этой части можно организовывать только по принципу максимизации БЭИП, превышения доходов бюджета над его расходами, что означает выдачу инвестору бюджетных средств в рост под максимальный процент, полученный в результате конкурентной борьбы (при ее организации). Неизбежным итогом является мотивация инвестора к выбору той деятельности (проекта), которая принесет максимальный доход на данной территории.

Проведя сравнение²⁵ с формулой (1), можно утверждать, что принципы расчета БЭИП и БЭЭ по своему экономическому содержанию – направленности на прямую финансовую выгоду бюджета – совпадают. В связи с чем появляются основания заявить об одинаковой природе данного подхода к отбору инвестиционных проектов и государственных закупок через аукционные процедуры. Из этого следует и схожесть в неучете показателя БЭР (см. формулу (1)), что означает отсутствие прямой функциональной зависимости между объемом бюджетной поддержки и любыми социальными эффектами инвестиционного проекта.

Таким образом, для исследуемого депривационного рынка данный методический подход расчета бюджетной эффективности непригоден.

Иные принципы, демонстрирующие смену парадигмы государственной поддержки инвестиционных проектов, представлены федеральным законом о защите и поощрении капиталовложений в 2020 г.²⁶, где государство, несомненно, в поисках большего объема частных инвестиций в инфраструктурные отрасли, существенно расширило основания для возмещения организации-инвестору понесенных затрат. В них инвестиционному проекту необходимо относиться к стимулируемой категории, включающей и объекты социальной инфраструктуры, которая может создаваться как самостоятельный объект, так и элемент обеспечивающей или сопутствующей инфраструктуры.

Парадоксально, но подход к расчету лимита бюджетных субсидий на возмещение затрат инвестора был сохранен – «возмещение затрат <...> из

²³ «Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов» (утв. Минэкономки РФ, Минфином РФ, Госстроем РФ 21.06.1999 № ВК 477) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200005634> (дата обращения: 13.03.2023).

²⁴ Федеральный закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» // ООО «НПП "ГАРАНТ-СЕРВИС"», 2023. URL: <https://base.garant.ru/12114699/> (дата обращения: 20.03.2023).

²⁵ Прим. Автора: В настоящей работе не исследовался вопрос правовой чистоты выявленных отличий расчета бюджетной эффективности в соответствии с эталонным определением (см. формулу (1)) и формулой (2).

²⁶ Федеральный закон от 01.04.2020 № 69-ФЗ (ред. от 21.11.2022) «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации» // ООО «НПП "ГАРАНТ-СЕРВИС"», 2023. URL: <https://base.garant.ru/73826576/> (дата обращения: 21.03.2023).

федерального бюджета в пользу организации, реализующей проект, [осуществляется] в объеме, не превышающем размера обязательных платежей, исчисленных организацией, реализующей проект, для уплаты в бюджетную систему в связи с реализацией проекта»²⁷. Такое отношение является артефактом производственных инвестиционных проектов, целевое значение которых было вполне однозначно, а социальные ожидания игнорировались.

Для объектов социальной инфраструктуры, обеспечивающих граждан экономически доступными социальными услугами, не может быть достаточной бюджетная поддержка в объеме уплаченных налогов, поэтому такие положения вряд ли станут работоспособными, а проекты в данной сфере – реализуемыми на новом депривационном рынке.

К сожалению, бюджетной эффективности в законе не придается самостоятельного значения, как и в связанных общих правилах²⁸, где используется близкое понятие чистого дисконтированного бюджетного эффекта, но с отсылкой на исходные положения формулы (1). Однако открытая возможность для подачи частной проектной инициативы, означающей отсутствие процедурной возможности контроля бюджетной экономии и результативности из-за отсутствия установленных сравнительных ориентиров, нивелирует такие усилия.

В настоящее время заключено 36 соглашений²⁹, не раскрывающих использованный способ определения инвестора, но с преобладанием производственных объектов различной направленности и инфраструктуры общественного транспорта. Всего один проект имеет социальную направленность – это создание многофункционального медицинского центра по адресу: г. Москва, Мичуринский проспект, д. 56, что демонстрирует сохраняющиеся рыночные надежды на возврат полученной бюджетной поддержки только в крупнейшем мегаполисе страны.

Обобщая, необходимо отметить, что, несмотря на значительные подвижки государства от атрофии социальных обязательств постсоветского периода

в сторону стратегического социального целеполагания, действующие методические процедуры продолжают увязать в либеральных надеждах 90-х, сохраняющих курс государства на коммерческий рынок и возвратность бюджетных ассигнований вне зависимости от степени экономической доступности создаваемого объекта инвестиционного проекта для населения. Поддержка бюджета все еще остается артефактом идеологии свободных рынков эпохи дерегулирования, а не мотиватором частного инвестора для совместного с государством решения социальных задач и проблем.

Для результативной работы с растущей депривационной бедностью необходима диверсификация принципов предоставления бюджетной поддержки инвестиционных проектов с внедрением методических подходов, опирающихся на полноформатный расчет бюджетной эффективности БЭ для социальных объектов, с внедрением в результативность БЭР подсчета количества производимых инвестиционным проектом социальных эффектов, обеспечивая бюджетными средствами субсидирование нерыночного ценообразования для разных категорий бедных, с уходом от практики кредитования и взимания процентного дохода.

Выводы

Целенаправленная деятельность по демонтажу здания советского социального государства в последние десятилетия была результативной – «невидимая рука рынка» захватила и перепрофилировала большую часть объектов социальной инфраструктуры. Пришедшие на их замену современные коммерческие объекты потребовали от пользователей платежеспособного спроса, обеспечить который затруднились не только самые малообеспеченные, но и срединные слои населения (надежда рыночных апологетов), так и не достигшие за 30 лет необходимого уровня благосостояния. При этом государство обоснованно уделяет внимание наиболее уязвимым категориям населения, прежде всего, в рамках борьбы с крайней бедностью, которая, по статистике, достаточ-

²⁷ Постановление Правительства РФ от 03.10.2020 № 1599 «О порядке предоставления из федерального бюджета субсидий юридическим лицам (за исключением государственных (муниципальных) учреждений, государственных (муниципальных) предприятий) на возмещение затрат на создание (строительство), модернизацию и (или) реконструкцию обеспечивающей и (или) сопутствующей инфраструктур, необходимых для реализации инвестиционного проекта, в отношении которого заключено соглашение о защите и поощрении капиталовложений, а также затрат на уплату процентов по кредитам и займам, купонных платежей по облигационным займам, привлеченным на указанные цели, и определения объема возмещения указанных затрат» // ООО «НПП "ГАРАНТ-СЕРВИС"», 2023. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74632084/> (дата обращения: 26.03.2023).

²⁸ Постановление Правительства РФ от 13.09.2022 № 1602 «О соглашениях о защите и поощрении капиталовложений» // ООО «НПП "ГАРАНТ-СЕРВИС"», 2023. URL: <https://base.garant.ru/73826576/> (дата обращения: 21.03.2023).

²⁹ Единый портал бюджетной системы Российской Федерации «Электронный бюджет» // Минфин России, Федеральное казначейство, 2013-2023. URL: <https://www.budget.gov.ru/Бюджет/Государственные-инвестиции/Реестр-соглашений-о-защите-и-поощрении-капиталовложений?regionId=45000000> (дата обращения: 08.04.2023).

но успешна. Но в результате «более формально не бедных по доходам» людей лишают доступа к государственной социальной инфраструктуре, хотя уровень их доходов для коммерческого рынка еще не столь значителен.

В рамках достижения цели исследования выявлены широкие категории населения, которые, с одной стороны, не являются бедными по доходам, а с другой – не могут позволить себе покупку социальных услуг по рыночным ценам. Ядро данной группы составляет уже 30% населения, и она постепенно «выдавливается» в межрыночное пространство спроса без предложения³⁰, ограниченное «сверху» сужающимся рынком социальных услуг, действующим на традиционных принципах рыночной экономики, а «снизу» – условно бесплатным рынком государственных услуг, не подразумевающим прямую оплату от пользователей.

Таким образом, данные обстоятельства начинают формировать рынок потребителей, бедных по лишениям, но готовых оплачивать социальные услуги по ценам ниже рыночных. Соответственно, частные инвестиционные проекты не смогут работать на данном рынке без особого регулирования и прямой бюджетной поддержки, компенсирующей выпадающие доходы.

Однако государство, расширяя форматы государственной поддержки инвестиционных проектов, при формировании условий для ее выделения продолжает документально опираться на артефакты рыночной экономики эпохи дерегулирования, ожидая от объектов социальной инфраструктуры самоокупаемости, а от бюджетной поддержки – возвратности. Сохраняется методическая демонстрация непонимания социальной значимости бюджетных средств в инвестиционных проектах и потребности в ином механизме расчета бюджет-

ной эффективности, в условиях требуемого смешения бюджетных субсидий с частными инвестициями для достижения общих целей.

Сохранение методических подходов к частной социальной инфраструктуре как к коммерческому проекту, не являющемуся источником социальных эффектов, является системной ошибкой государственного инфраструктурного и социального планирования, продолжающему демонстрировать бинарность в подходах.

Лишь опора на безграничные частные инвестиции, с бюджетным участием через различные форматы государственно-частного партнерства, позволит создать и насытить предложением новый рынок, сейчас содержащий только депривационный спрос. Работа в направлении обеспечения экономически доступными социальными услугами позволит бедным по лишениям достичь социального благополучия и выйти из данной категории без обязательного роста доходов, по ощущению субъективного восприятия социальной реальности.

Необходимо не только методически подчеркнуть приоритет бюджетной поддержки социальных проектов, но и открыть возможность для замены возврата бюджетных средств на компенсацию согласованного объема социальных услуг инвестору. Такие услуги могут быть предоставлены потребителям бесплатно, либо с частичной оплатой, в зависимости от степени уязвимости конкретного человека. Подобный механизм обеспечит для государства дифференцированный уровень экономической доступности социальной инфраструктуры в частных инвестпроектах, а широким категориям бедных позволит повысить социальный статус, сформировать ощущение благополучия без необходимости массовых малозначительных выплат со стороны государства.

Список источников

1. *Grusky D., Hill J. (eds.). Inequality in the 21st Century: A Reader. N.Y.: Routledge, 2018. 506 p. <https://doi.org/10.4324/9780429499821>*
2. *Воронин Г.Л. Объективные и субъективные показатели общественного благополучия // Социологический журнал. 2009. № 3. С. 41–54. EDN: <https://elibrary.ru/pbdqwh>*
3. *Батурин Н.А., Башкатов С.А., Гафарова Н.В. Теоретическая модель личностного благополучия // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». 2013. Т. 6. № 4. С. 4–14. EDN: <https://elibrary.ru/rrqtob>*

³⁰ Прим. Автора: Очевидно, что население в межрыночном пространстве не остается полностью без доступа к социальной инфраструктуре и услугам; оно вынуждено пользоваться ими на обоих функционирующих рынках – государственном и коммерческом, в соответствии с имеющимися возможностями (для первого) и уровнем благосостояния (для второго).

4. *Graham C.* Subjective Well-being in Economics // In: *The Oxford Handbook of Well-being and Public Policy*. *Adler M.D., Fleurbaey M.* (eds.). N.Y.: Oxford University Press, 2016. P. 424–450. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199325818.013.14>
5. *Черныш М.Ф.* Факторы, влияющие на переживание счастья в рос-сийском обществе // *Социологическая наука и социальная практика*. 2019. Т. 7. № 2(26). С. 9–33. EDN: <https://elibrary.ru/wxupvf>. <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.2.6407>
6. *Шилова В.А.* Субъективные оценки благополучия: теоретические основания, методологические подходы к измерению, результаты исследования // *Социологическая наука и социальная практика*. 2019. Т. 7. № 3(27). С. 136–150. EDN: <https://elibrary.ru/hbsffu>. <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.3.6694>
7. *Карабчук Т.С., Сальникова Д.В.* Объективное и субъективное благополучие: опыт сравнительного анализа стран Центральной Азии, России и Беларуси // *Социологические исследования*. 2016. № 5(385). С. 96–109. EDN: <https://elibrary.ru/vzsjpv>
8. *Graham C., Pettinato S.* Frustrated Achievers: Winners, Losers and Subjective Well-Being in New Market Economies // *Journal of Development Studies*. 2002. Vol. 38. № 4. P. 100–140. <https://doi.org/10.2139/ssrn.285811>
9. *Черныш М.Ф.* Социальное благополучие и здоровье // *Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ)*. 2020. № 1. С. 54–74. EDN: <https://www.elibrary.ru/sdchvn>. <https://doi.org/10.19181/INAB.2020.1.4>
10. *Сушко П.Е.* Социальное благополучие населения России в контексте доступности социальных благ // *Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ)*. 2020. № 1. С. 39–53. EDN: <https://elibrary.ru/vduvxm>. <https://doi.org/10.19181/INAB.2020.1.3>
11. *Гришина Е.Е.* Депривационный подход к оценке бедности семей с детьми в России и странах Европы // *Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал*. 2017. № 4(38). С. 47–55. EDN: <https://elibrary.ru/zddsmn>
12. *Корчагина И.И., Прокофьева Л.М., Тер-Акопов С.А.* Европейский опыт измерения бедности и социальной исключенности: индекс AROPE // *Народонаселение*. 2019. Т. 22. № 3. С. 162–175. EDN: <https://elibrary.ru/wawawe>. <https://doi.org/10.19181/1561-7785-2019-00034>
13. *Шабанов В.Л.* Депривационный подход в исследованиях бедности // *Теория и практика общественного развития*. 2020. № 4(146). С. 13–16. EDN: <https://elibrary.ru/qfimng>. <https://doi.org/10.24158/tipor.2020.4.1>
14. *Тихонова Н.Е.* Доходная стратификация в России: кросс-страновой и динамический анализ // *Социологический журнал*. 2017. Т. 23. № 4. С. 31–50. EDN: <https://elibrary.ru/ylbejs>. <https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.4.5527>
15. *Гоффе Н.В., Монусова Г.А.* Социальное благополучие: восприятие реалий // *Южно-Российский журнал социальных наук*. 2018. Т. 19. № 3. С. 21–36. EDN: <https://elibrary.ru/khueks>. <https://doi.org/10.31429/26190567-19-3-21-36>
16. *Тихонова Н.Е.* Факторы жизненного успеха и социального статуса в сознании россиян // *Вестник Института социологии*. 2018. Т. 9. № 4(27). С. 11–43. EDN: <https://elibrary.ru/ywagzv>. <https://doi.org/10.19181/vis.2018.27.4.536>
17. *Альбер М.* Капитализм против капитализма. СПб.: Экономическая школа, 1998. 296 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002131119?ysclid=li24j2bq2u16334198> (дата обращения: 24.05.2023)
18. *Капелюшников Р.И.* Неравенство: как не примитивизировать проблему (критические заметки): препринт WP3/2016/06. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. Серия WP3 «Проблемы рынка труда». 2016. 40 с. URL: https://wp.hse.ru/data/2016/10/31/1111320083/WP3_2016_06_____.pdf (дата обращения: 17.04.2023)
19. *Бессонова О.Э.* Институциональная дилемма современной России // *Экономическая наука современной России*. 2018. № 4(83). С. 23–36. EDN: <https://elibrary.ru/jvdkbe>
20. *Яковлев А.А.* Куда идет глобальный капитализм? // *Мир России. Социология. Этнология*. 2021. Т. 30. № 3. С. 29–50. EDN: <https://elibrary.ru/bfnutk>. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2021-30-3-29-50>
21. *Гаврилова Ю.А.* Мониторинг практики применения законодательства о контрактной системе и перспективы его совершенствования // *Мониторинг правоприменения*. 2019. № 3(32). С. 36–42. EDN: <https://elibrary.ru/obvcax>. <https://doi.org/10.21681/2226-0692-2019-3-36-42>

22. Белозор Ф.И. Закупки для государственных нужд: гармонизация добросовестной конкуренции и экономической эффективности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 1. С. 93–101. EDN: <https://elibrary.ru/dlftbi>. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-1-93-101>
23. Keynes J.M. The General Theory of Employment, Interest and Money. San Diego: Harcourt, Brace, Jovanovich, 1991, 426 p. URL: https://archive.org/details/generaltheoryofe00keyn_0 (дата обращения: 20.03.2023)
24. Hayek F.A. Profits, interest and investment, and other essays on the theory of industrial fluctuations. London: Routledge & K. Paul, 1939, 284 p. URL: <https://archive.org/details/profitsinteresti0000haye> (дата обращения: 20.03.2023)
25. Абазиева К.Г. Методологические подходы к оценке эффективности социальных программ // Terra Economicus. 2011. Т. 9. № 1. С. 55–59. EDN: <https://elibrary.ru/nefcpf>
26. Anheier H.K., Leat D. Performance Measurement in Philanthropic Foundations: The Ambiguity of Success and Failure. London: Routledge, 2018. 216 p. <https://doi.org/10.4324/9781315161631>
27. Fernandez K., Tremblay-Boire J. Raising Money for Government and Connecting Community: The Isomorphic Rise of Nonprofit Police Foundations Across the U.S. // Public Performance & Management Review. 2021. Vol. 44. Iss. 6. P. 1422–1454. <https://doi.org/10.1080/15309576.2021.1912786>
28. Лившиц В.Н., Лившиц С.В. Бедность и неравенство денежных доходов населения в России и за рубежом. Часть 2 // Экономическая наука современной России. 2018. № 1(80). С. 49–68. EDN: <https://elibrary.ru/yvespd>
29. Тихонова Н.Е., Лежнина Ю.П., Мареева С.В. и др. Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения. СПб.: Нестор-История, 2018. 368 с. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/226871178> (дата обращения: 17.04.2023)
30. Van Parijs P., Vanderborght Y. Basic Income: A Radical Proposal for a Free Society and a Sane Economy. Cambridge (MA) and London, England: Harvard University Press, 2017. 400 p. <https://doi.org/10.4159/9780674978072>

Статья поступила в редакцию 08.12.2022; одобрена после рецензирования 05.06.2023; принята к публикации 20.06.2023

Об авторе:

Виталий Вячеславович Максимов, кандидат экономических наук; председатель Совета директоров; член Делового консультативного совета по государственно-частному партнерству Европейской экономической комиссии ООН

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

References

1. Grusky D., Hill J. (eds.). Inequality in the 21st Century: A Reader. N.Y.: Routledge, 2018. 506 p. <https://doi.org/10.4324/9780429499821> (In Eng.)
2. Voronin G.L. Objective and subjective indicators of societal wellbeing. *Sociological journal*. 2009; (3):41–54. EDN: <https://elibrary.ru/pbdqwh> (In Russ.)
3. Baturin N.A., Bashkatov S.A., Gafarova N.V. The theoretical model of personal welfare. *Bulletin of the South Ural State University. Series "Psychology"*. 2013; 6(4):4–14. EDN: <https://elibrary.ru/rrqtob> (In Russ.)
4. Graham C. Subjective Well-being in Economics. In: The Oxford Handbook of Well-being and Public Policy. Adler M.D., Fleurbaey M. (eds.). N.Y.: Oxford University Press, 2016. P. 424–450. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199325818.013.14> (In Eng.)
5. Chernysh M.F. Factors influence on the state of happiness in the contemporary Russian society. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2019; 7(2(26)):9–33. EDN: <https://elibrary.ru/wxupvf>. <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.2.6407> (In Russ.)

6. Shilova V.A. Classification of communicative strategies in the implementation of management decisions. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2019; 7(3(27)):136–150. EDN: <https://elibrary.ru/hbsffu>. <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.3.6694> (In Russ.)
7. Karabchuk T.S., Salnikova D.V. Objective and subjective well-being: a comparative analysis of Central Asian countries, Russia and Belarus. *Sotsiologicheskie issledovaniya Sociological research*. 2016; (5(358)):96–109. EDN: <https://elibrary.ru/vzsipjv> (In Russ.)
8. Graham C., Pettinato S. Frustrated Achievers: Winners, Losers and Subjective Well-Being in New Market Economies. *Journal of Development Studies*. 2002; 38(4):100–140. <https://doi.org/10.2139/ssrn.285811> (In Eng.)
9. Chernysh M.F. Social well-being and health. In: *Information and Analytical Bulletin (INAB)*. 2020; (1):54–74. EDN: <https://www.elibrary.ru/sdchvn>. <https://doi.org/10.19181/INAB.2020.1.4> (In Russ.)
10. Sushko P.E. Social well-being of the Russian population in the context of accessibility of social benefits. *Information and Analytical Bulletin (INAB)*. 2020; (1):39–53. EDN: <https://elibrary.ru/vduvxm>. <https://doi.org/10.19181/INAB.2020.1.3> (In Russ.)
11. Grishina E.E. The material deprivation rate for households with children in Russia and European countries. *Financial Journal*. 2017; 4(38):47–55. EDN: <https://elibrary.ru/zddsmn> (In Russ.)
12. Korchagina I.I., Prokofieva L.M., Ter-Akopov S.A. European experience in measuring poverty and social exclusion: AROPE index. *Population*. 2019; 22(3):162–175. EDN: <https://elibrary.ru/wawawe>. <https://doi.org/10.19181/1561-7785-2019-00034> (In Russ.)
13. Shabanov V.L. Deprivation approach in studying poverty. *Theory and practice of social development*. 2020; 4(146):13–16. EDN: <https://elibrary.ru/qfimg>. <https://doi.org/10.24158/tipor.2020.4.1> (In Russ.)
14. Tikhonova N.E. Income stratification in Russia: cross-country and dynamic analysis. *Sociological Journal*. 2017; 23(4):31–50. EDN: <https://elibrary.ru/ylbejs>. <https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.4.5527> (In Russ.)
15. Goffe N.V., Monusova G.A. Well-being: reality its perception. *South Russian Journal of Social Sciences*. 2018; 19(3):21–36. EDN: <https://elibrary.ru/khueks>. <https://doi.org/10.31429/26190567-19-3-21-36> (In Russ.)
16. Tikhonova N.E. Life success and social status factors in the minds of Russians. *Bulletin of the Institute of Sociology*. 2018; 9(4(27)):11–43. EDN: <https://elibrary.ru/ywagzv>. <https://doi.org/10.19181/vis.2018.27.4.536> (In Russ.)
17. Albert M. Capitalisme contre capitalisme [Capitalism vs. capitalism]. Paris: Éditions du Seuil, 1991. 315 p. (In French) (Russ. ed.: Albert M. Capitalism versus Capitalism. St. Petersburg: The School of Economics, 1998. 296 p.)
18. Kapelyushnikov R.I. Inequality: how not to primitivize the problem (critical notes): preprint WP3/2016/06. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. WP3 series «Labor Market Problems», 2016. 40 p. URL: https://wp.hse.ru/data/2016/10/31/1111320083/WP3_2016_06_____.pdf (accessed: 17.04.2023) (In Russ.)
19. Bessonova O.E. Institutional dilemma of modern Russia. *Economic of contemporary Russia*. 2018; 4(83):23–36. EDN: <https://elibrary.ru/jvdkbe> (In Russ.)
20. Yakovlev A.A. Where is global capitalism headed? *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*. 2021; 30(3):29–50. EDN: <https://elibrary.ru/bfnutk>. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2021-30-3-29-50> (In Russ.)
21. Gavrilova I.A. Monitoring the practice of applying laws on the contract system and prospects for their improvement. *Monitoring of law enforcement*. 2019; (3(32)):36–42. EDN: <https://elibrary.ru/obvcax>. <https://doi.org/10.21681/2226-0692-2019-3-36-42> (In Russ.)
22. Belozor F.I. Public procurement: harmonization of fair competition and economic efficiency. *State and municipal management. Scholar notes*. 2021; (1):93–101. EDN: <https://elibrary.ru/dlftbi>. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-1-93-101> (In Russ.)
23. Keynes J.M. The General Theory of Employment, Interest and Money. San Diego: Harcourt, Brace, Jovanovich, 1991. 426 p. URL: https://archive.org/details/generaltheoryofe00keyn_0 (accessed: 20.03.2023) (In Eng.)

24. Hayek F.A. Profits, interest and investment, and other essays on the theory of industrial fluctuations. London: Routledge & K. Paul, 1939. 284 p. URL: <https://archive.org/details/profitsinteresti0000haye> (accessed: 20.03.2023) (In Eng.)
25. Abazieva K.G. Methodological approaches to the social programs effectiveness assessment. *Terra Economicus*. 2011; 9(1):55–59. EDN: <https://elibrary.ru/nefcpf> (In Russ.)
26. Anheier H.K., Leat D. Performance Measurement in Philanthropic Foundations: The Ambiguity of Success and Failure. London: Routledge, 2018. 216 p. <https://doi.org/10.4324/9781315161631> (In Eng.)
27. Fernandez K., Tremblay-Boire J. Raising Money for Government and Connecting Community: The Isomorphic Rise of Nonprofit Police Foundations Across the U.S. *Public Performance & Management Review*. 2021; 44(6):1422–1454. <https://doi.org/10.1080/15309576.2021.1912786> (In Eng.)
28. Livshits V.N., Livshits S.V. Poverty and inequality in income of the population in Russia and abroad. Part 2. *Economics of contemporary Russia*. 2018; 1(80):49–68. EDN: <https://elibrary.ru/yvespd> (In Russ.)
29. Tikhonova N.E., Lezhnina Yu.P., Mareeva S.V. et al. The model of income stratification of Russian society: dynamics, factors, cross-country comparisons. St. Petersburg: Nestor-History, 2018. 368 p. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/226871178> (accessed: 17.04.2023) (In Russ.)
30. Van Parijs P., Vanderborght Y. Basic Income: A Radical Proposal for a Free Society and a Sane Economy. Cambridge (MA) and London, England: Harvard University Press, 2017. 400 p. <https://doi.org/10.4159/9780674978072> (In Eng.)

The article was submitted 08.12.2022; approved after reviewing 05.06.2023; accepted for publication 20.06.2023

About the author:

Vitaly V. Maximov, Candidate of Economic Sciences; Chairman of the Board of Directors; Member of the UNECE PPP Business Advisory Board

The author read and approved the final version of the manuscript.

Научная статья

УДК 338.2

JEL: O25

<https://doi.org/10.18184/2079-4665.2023.14.2.187-206>

Трансформации отраслевой структуры региона как реакция на динамику международной торговли в период пандемии

Васин Сергей Михайлович¹, Гамидуллаева Лейла Айваровна²

^{1,2} Пензенский государственный университет; Пенза, Россия

¹ pspu-met@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0371-5517>

² gamidullaeva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3042-7550>

Аннотация

Цель работы – выявление закономерностей динамики региональной отраслевой структуры в ответ на изменение характера и объема экспортно-импортных операций региона вследствие внезапного воздействия пандемии COVID-19.

Методы. Для решения поставленных задач использовались общенаучные методы: метод наблюдения за изменениями в социально-экономической системе в ходе пандемии COVID-19; метод описания, включающий систему сбора и представления данных и их характеристик; метод анализа для выделения и изучения отдельных этапов процесса трансформации социально-экономической системы в контексте их изменений под влиянием эпидемиологических факторов. Кроме того, в исследовании применялись специальные методы группировки, сбора и экономико-статистического анализа данных, метод расчета структурных сдвигов на основе коэффициента Гатева и другие.

Результаты работы. Во-первых, определено, что наибольшей стабильностью отраслевой структуры в период пандемии характеризовались субъекты с высокой двусторонней открытостью экономики – высоким уровнем как экспортных, так и импортных квот: в большей части субъектов группы отраслевая структура изменилась незначительно как в первый, так и во второй год пандемии. Во-вторых, большей стабильностью отраслевой структуры в период пандемии характеризовались субъекты с более высоким уровнем импорта: несмотря на более высокий уровень динамики отраслевой структуры, различия по годам невысокие. В-третьих, установлено, что наименее стабильной отраслевой структурой в период пандемии отличались субъекты с низким уровнем импортных квот, независимо от уровня экспортных квот: отраслевая структура субъектов была значительно трансформирована.

Выводы. Для повышения уровня устойчивости региональной экономики к непредсказуемым шокным воздействиям необходимо расширять экспортно-импортные контакты с долгосрочным увеличением объемов международной торговли, укреплять и стабилизировать существующие торговые отношения с зарубежными организациями по линии сильных региональных сторон, а также усиливать позиции регионального производства во внутреннем потреблении.

Ключевые слова: трансформация, деглобализация, цепочки добавленной стоимости, отраслевая структура, структурная динамика

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 22-28-01976.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов, в том числе, связанного с финансовой поддержкой гранта РНФ № 22-28-01976.

Для цитирования: Васин С. М., Гамидуллаева Л. А. Трансформации отраслевой структуры региона как реакция на динамику международной торговли в период пандемии // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2023. Т. 14. № 2. С. 187–206

EDN: <https://elibrary.ru/exfmmf>. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2023.14.2.187-206>

© Васин С. М., Гамидуллаева Л. А., 2023

Original article

Transformations of the sectoral structure of the region as a response to the dynamics of international trade during the pandemic

Sergey M. Vasin¹, Leyla A. Gamidullaeva²^{1,2} Penza State University; Penza, Russia¹ pspu-met@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0371-5517>² gamidullaeva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3042-7550>

Abstract

Purpose: is to identify patterns in the regional industrial structure dynamics in response to the changing nature and volume of the region's export-import operations due to the sudden impact of the COVID-19 pandemic.

Methods: general scientific methods were used: the method of monitoring changes in the socio-economic system during the COVID-19 pandemic; the description method, including a system for collecting and presenting data; the analysis method for identifying and studying stages of the process of socio-economic system transformation in the context of their changes under the influence of epidemiological factors. In addition, special methods of grouping, collecting and economic-statistical analysis of data, Gatev coefficient method for calculating structural shifts, and others are used.

Results: firstly, it was determined that the most stable sectoral structure during the pandemic was presented by subjects with a high bilateral economic openness (a high level of both export and import quotas). In most of the subjects of the group, the sectoral structure changed slightly both in the first and in the second year of the pandemic. Secondly, subjects with a higher level of imports were characterized by greater stability of the sectoral structure during the pandemic: despite the higher level of dynamics of the sectoral structure, the differences over the years are not high. Thirdly, it was found that the subjects with a low level of import quotas, regardless of the level of export quotas, were the least stable sectoral structure during the pandemic: the sectoral structure of the subjects was significantly transformed.

Conclusions and Relevance: to increase the resilience of the regional economy to unpredictable shocks, it is necessary to expand export-import contacts with a long-term increase in international trade, strengthen and stabilize existing trade relations with foreign organizations along the lines of regional strengths, and it is also necessary to strengthen the position of regional production in domestic consumption.

Keywords: transformation, deglobalization, value chains, industry structure, structural dynamics

Acknowledgements. This research was supported by the Russian Science Foundation, grant number 22-28-01976. Available online: <https://rscf.ru/project/22-28-01976/> (accessed on 10 May 2023).

Conflict of Interest. The authors declare that there is no Conflict of Interest, including those related to the financial support of the grant funded by the Russian Science Foundation, grant number 22-28-01976.

For citation: Vasin S. M., Gamidullaeva L. A. Transformations of the sectoral structure of the region as a response to the dynamics of international trade during the pandemic. *MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitie) = MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2023; 14(2):187–206. (In Russ.)

EDN: <https://elibrary.ru/exfmmf>. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2023.14.2.187-206>

© Vasin S. M., Gamidullaeva L. A., 2023

Введение

В период пандемии COVID-19 резко изменилось отношение к выстраиванию международного торгового сотрудничества. Отраслевая структура стран оказалась под колоссальным давлением факторов внешней среды. Хаос и неопределенность на интернациональном и государственном уровнях, разрыв глобальных отношений вызвали глубокие изменения в региональных и межрегиональных хозяйственных взаимодействиях.

Концепция глобализации еще до начала пандемии претерпевала изменения вследствие возрастающих ограничений и сложностей. Фактически преобразование глобализационных настроений

связывают с развитием четвертой промышленной революции, условной датой начала которой называют 2010 г. Специфика этого явления, заключающаяся в себе различия с третьей промышленной революцией, приняла название кастомизированного производства, как противоположность массовой индустрии. Причины революционных изменений достаточно разнообразны: от разворачивающихся торговых войн до возрождающейся культуры локальных производителей, удовлетворяющих специфические запросы конкретного потребителя [1, с. 67]. Соответствующими проявлениями стали процессы рещоринга, благодаря которым еще в 2017 г., вследствие возвращения обрабатывающих производств на территорию

США и инвестициям в предприятия, находящиеся в Штатах, было создано 170 тыс. новых рабочих мест, а количество предложений о работе увеличилось в 28 раз по сравнению с 2010 г. [1, с. 68]. Вместе с тем, несмотря на разговоры о конце глобализации, наука говорила лишь о новой ее модели, с системно изменяющимися пропорциями, в которой экономическое развитие в большей степени будет определяться уровнем стимулирования внутреннего спроса и расширения индустриальной базы. Новые цепочки создания стоимости будут интегрировать старые низкзатратные технологии и современные цифровые платформы [2].

Однако с началом пандемии трансформация глобальной торговли резко ускорилась. Если ранее это был поиск предпринимательских выгод, то в короткий период изменения привели к вынужденному поиску выхода из сложных ситуаций, связанных с отказом «поставлять и покупать». Открылись и конкурентные преимущества фирм с определенными признаками производственных циклов. В частности, исследование I. Ali с соавторами [3] выявило, что фирмы, имеющие одновременно внутренних и внешних (глобальных) партнеров по цепочке создания стоимости более устойчивы, чем те, у которых есть только глобальные деловые партнеры. Другим важным фактором, сыгравшим позитивную роль в решении проблем внезапного воздействия COVID-19, стала гибкость производственных процессов и возможность быстрой диверсификации. В своем исследовании Z. Xu с соавторами [4], с одной стороны, выявил специфику реагирования различных отраслей и глобальных цепочек стоимости. С другой – определил, что компании должны внедрять упреждающие инициативы и стратегии для достижения гибкости, оперативности и наглядности. Так, результаты исследования 184-х малых и средних предприятий показали, что более 83% из них серьезно пострадало из-за отсутствия подготовленного плана для решения проблемы воздействия COVID-19 [5].

Специфика Российской Федерации в части участия в глобальных цепочках добавленной стоимости заключается в ее практически полном нахождении вне высокотехнологичного производства: 80% добавленной стоимости формируется за счет участия в отраслях разработки полезных ископаемых, производства металлов, кокса, нефтепродуктов, оптовой и розничной торговли. При этом доля иностранной добавленной стоимости

в российском экспорте за период с 2005 по 2015 гг. составляла всего 9–11% [6, 7]. Следует отметить, что такая специфика рассматривается некоторыми исследователями в период пандемии как определенное достоинство из-за высокого уровня технологического развития добывающих отраслей [8] и, как следствие, более низкой себестоимости в сравнении с другими странами¹.

Кроме того, традиционно, при формировании алгоритмов встраивания страны в глобальные цепочки добавленной стоимости, игнорируется региональный аспект, который для Российской Федерации чрезвычайно актуален [9, 10], и который в условиях пандемии резко усилился².

Представленное исследование посвящено анализу динамики отраслевой структуры на региональном уровне в условиях внезапного воздействия непредсказуемых факторов в виде пандемии COVID-19. Работа направлена на формирование новой концепции построения производственных цепочек, призванной стабилизировать отраслевую структуру при непредсказуемых шоковых воздействиях. Объектом исследования выступили региональные субъекты Российской Федерации. Предмет исследования – соотношение отраслевой региональной динамики и изменений в международной торговле под влиянием пандемии.

Обзор литературы и исследований

В период с начала четвертой промышленной революции и до пандемии в мире уже наблюдалась тенденция регионализации поставок при перестроении цепочек создания стоимости. Основной целью таких изменений было снижение различного рода рисков, связанных с международной торговлей. Результатом стало размещение цепочки поставок в рамках субъектов одного государства либо в границах близлежащих стран, несмотря на то что это привело к росту себестоимости из-за перестроения процессов администрирования новых сетей [1, с. 72]. По сути, свойство фрагментарности глобальных цепочек добавленной стоимости переводило часть фрагментов (а именно, производство и поставки) на региональный уровень при глобальном маркетинге и разработке новых продуктов [11]. Вместе с тем, актуальность участия в глобальных цепочках остается высокой, особенно для развивающихся стран, поскольку это способствует не только стимулированию экономического роста, экспорта и занятости, но модернизации

¹ Беляев М.К. Экономика России: сырьевая – значит, устойчивая // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2022. Т. 13. № 1. С. 138–144. EDN: <https://elibrary.ru/iclxif>. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2022.13.1.138-144>

² Курюкин А.Н. «Новая нормальность» экономики, политики и социума в условиях COVID-19 и после // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2021. Т. 12. № 2. С. 160–181. EDN: <https://elibrary.ru/aybups>. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2021.12.2.160-181>

экономики [12, с. 262]. В развивающихся странах на уровень глобальных цепочек добавленной стоимости выходили преимущественно крупные фирмы, мелкие же, как правило, работали на региональном уровне [13]. Вместе с тем, отметим, что еще в допандемийный период была выявлена более высокая продуктивность фирм, характеризующихся международными связями, по отношению к тем, у кого они были незначительными. Кроме того, определено, что фирмы, которые интернационализируются посредством интеграции с глобальными цепочками добавленной стоимости, более продуктивны, чем те, у которых экспорт лежит вне производственно-сбытовых цепочек [14]. Несмотря на ориентированность исследований Р. Montalblanco с соавторами [14] на фирмы, расположенные в странах Латинской Америки и Карибского бассейна, данные выводы можно распространить на организации и других стран.

Возникновение пандемии, как крайне непредвиденного фактора [15, 16] шокового воздействия на мировую экономику, изменило международные экономические отношения и оказало значительное воздействие на экономическое развитие и структуру отраслевого производства на уровне практически каждого государства и его региональных субъектов. Такие последствия очевидны, поскольку кризисы, вызванные эпидемиологическими всплесками, представляют собой особый случай, характеризующийся высокой масштабируемостью и непредсказуемым распространением, а также длительным перерывом в спросе и предложении товаров и услуг [17].

Проведенные ранее количественные исследования отраслевых изменений разных стран показали значительные отклонения в динамике отраслей относительно сформированных к 2019 г. трендов³ [18]. В свою очередь, детальный анализ групп стран показал различную интенсивность воздействия пандемии на отраслевые секторы стран Содружества, при этом одни секторы пострадали сильнее, чем другие [19]. Исследования влияния пандемии на бизнес-среду Словакии показали существенные отраслевые изменения в 2020 г. в промышленности, особенно в автомобилестроении, и в сфере туризма. Была определена зависимость динамики развития отраслей от жесткости государственных мер, а также, напротив, от мер господдержки. Кроме того, выявлено негативное влияние на уровень развития автомобилестроения наличия международных торговых связей в

этой области вследствие блокировки импорта комплектующих, что является свидетельством прямого негативного воздействия фактора включенности экономики страны в глобальные цепочки добавленной стоимости [20].

Подобные последствия могут иметь долгосрочный характер [21], что частично подтверждается закономерностями циклов Кондратьева, вопреки существующим мнениям о быстром восстановлении производства при ослаблении пандемии⁴.

Следует отметить, что и при отсутствии внешних шоков дисбаланс регионального развития в пределах одного государства присутствует в той или иной степени всегда, поскольку он зависит от множества факторов, таких как наличие различных природных ресурсов, транспортных коридоров и развязок, логистических центров, экспортно-импортного потенциала и др. Кроме того, важную роль играет эффективность регионального управления.

Соответственно, негативные изменения отраслевой структуры вследствие разрушения глобальных цепочек добавленной стоимости должны быть нивелированы, а региональное управление нацелено на восстановление глобальных бизнес-связей. При этом существует несколько вариантов участия экономических субъектов в таких цепочках, в зависимости от потенциала территории. Бизнес одних регионов имеет лучшие возможности встроиться в цепочку на входящем (допроизводственном) потоке, других – на исходящем (маркетинговом), третьих – создать сеть, обеспечивающую какое-либо звено цепочки каким-то самостоятельным товаром (например, оборудованием), четвертых – организовать совсем новую цепочку, начиная с исследований и разработок [7, с. 87–91]. В хозяйственной практике регионов можно наблюдать отражение сильных и слабых сторон региональных субъектов в специфике международной торговли: часть их – лидеры и в экспорте, и в импорте, другие сильны в чем-то одном, третьи – аутсайдеры как в экспорте, так и в импорте товаров [22].

В свою очередь, в случае воздействия шоковых факторов характер трансформации региона определяется регионально-отраслевой спецификой, характером международных торговых отношений субъекта страны. Это проявляется как из-за нарушения прямых связей «поставщик-потребитель», так и через разрушение более сложных взаимодействий в рамках глобальных цепочек добавленной стоимости (ГЦДС).

³ Vasin S.M. Comparative analysis of socioeconomic models in COVID-19 pandemic // *Economies*. 2022. Vol. 10. <https://doi.org/10.3390/economies10110278>

⁴ Щербаков Г.А. Влияние и последствия пандемии COVID-19: социально-экономическое измерение // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2021. Т. 12. № 1. С. 8–22. EDN: <https://elibrary.ru/isbezw>. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2021.12.1.8-22>

При этом исследования корейских и японских ученых показали, что в течение пандемии в большей степени пострадали территории и хозяйствующие субъекты, имеющие высокую долю экспортных операций [23, 24]. Это подтвердил представленный далее в нашей работе анализ структурной динамики российских регионов. Вместе с тем, большое значение для устойчивости к шокам имеет и предпандемийное состояние отраслей, что во многом определяется различными внутренними для региона и страны факторами и событиями, о чем наглядно свидетельствуют исследования структурных изменений отраслей Шри-Ланки [25].

Безусловно, негативные последствия могут быть менее выражены в случае определенной готовности региона к воздействиям такого рода. Моделируя возможные направления системного международного взаимодействия, Н.М. Hajian [26] пришел к выводу, что регресс будет менее выраженным в случае меньшей серьезности пандемии и большей гибкости прямых иностранных инвестиций.

Вместе с тем, возникает ряд вопросов, которые касаются устойчивости региональной социально-экономической системы, соотношения качества и количества международных и внутригосударственных торговых отношений, связанности валового регионального продукта и объема экспортно-импортных операций, взаимодействия производителя и потребителя в глобальных цепочках создания стоимости. В процессе обзора предваряющих исследований нами были сформулированы следующие гипотезы, требующие проверки.

Гипотеза 1. Не всегда снижение объемов экспорта и/или импорта субъекта РФ вызывает уменьшение уровня экспортных/импортных квот. Однако снижение уровня экспортных/импортных квот в период пандемии COVID-19 определяет субъекты с наибольшим «провалом» в экспортно-импортных операциях.

Гипотеза 2. Показатель объема международной торговли в период шокового влияния непредвиденных факторов, в частности, пандемии COVID-19, более уязвим, чем показатель объема внутреннего торгового обмена.

Гипотеза 3. Уровень уязвимости товарных групп, входящих в ГЦДС и участвующих в международной торговле, в период пандемии зависит, во-первых, от динамики потребности принимающей стороны, а значит, от динамики интенсивности последующего производства, осуществляемого с помощью товара страны-экспортера, во-вторых, от непрерывности производства страны-импортера, определяющейся возможностями человеческих ресурсов осуществлять промежуточное производство в период пандемии.

Материалы и методы

Эмпирический анализ динамики отраслевой структуры регионов страны в период пандемии состоит из следующих 3-х этапов.

1. Исследование изменений в международной торговле субъектов Российской Федерации.
2. Анализ соотношения между динамикой международной торговли и валового регионального продукта.
3. Детальный анализ динамики производства отдельных товарных групп в сфере обрабатывающей промышленности и оценка взаимосвязи с изменениями в международной торговле.

Методы сбора и анализа статистических данных применены в контексте каждого этапа. При этом использован следующий алгоритм.

1. Расчет экспортных и импортных квот субъектов РФ за 2019 и 2020 гг. – как частного от деления объема экспорта или импорта соответствующего субъекта за определенный год на ВРП того же года:

$$\text{Экспортная квота}(\exp_{quota}) = \frac{V_{exp}}{ВРП} \times 100\%; \quad (1)$$

$$\text{Импортная квота}(\exp_{quota}) = \frac{V_{imp}}{ВРП} \times 100\%. \quad (2)$$

Указанные показатели традиционно используются для оценки уровня включенности экономики в процессы международной торговли.

2. Анализ уровней экспортных и импортных квот в целом по субъектам РФ.
3. Группировка субъектов РФ по признакам величины экспортных и импортных квот с градацией на: низкий уровень – до 5%; средний уровень – от 5 до 15%; высокий уровень – выше 15%.
4. Анализ изменений в экспортных и импортных квотах субъектов РФ в 2020 г. по сравнению с 2019 г.
5. Анализ объемов экспорта и импорта различных групп продуктов субъектов РФ в 2020 и 2021 гг. в сравнении с допандемийным 2019 г., в том числе:
 - А. Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье;
 - В. Продукция топливно-энергетического комплекса;
 - С. Продукция химической промышленности, каучук;
 - Д. Древесина и целлюлозно-бумажные изделия;
 - Е. Металлы и изделия из них;
 - Ф. Машины, оборудование и транспортные средства.

Структурные сдвиги за периоды 2020/19 и 2021/19 гг. были определены с помощью коэффициента Гатева:

$$K = \sqrt{\frac{\sum (d_1 - d_0)^2}{\sum d_1^2 + \sum d_0^2}}, \quad (3)$$

где d_1 – удельный вес показателя на конец периода;
 d_0 – удельный вес показателя на начало периода.

Применение данного метода к подобным расчетам является новым. Обычно его использование ограничивается оценкой структурных сдвигов в отраслевой производительности⁵. При этом отметим, что данный коэффициент лишен некоторых недостатков, характерных для других показателей. В частности, в отличие от линейного и квадратичного коэффициентов абсолютных структурных сдвигов, значения коэффициента Гатева изменяются от 0 до 1, и приближение к 1 указывает на заметные различия в структурных сдвигах. Альтернативой коэффициенту Гатева является коэффициент Салаи, но его значение сильно меняется с изменением значений элементов, на которые делится совокупность.

6. Сопоставление уровней динамики международной торговли и валового регионального продукта каждого субъекта РФ в допандемийном и первом пандемийном году.
7. Детализация динамики регионального производства отдельных групп продукции обрабатывающей промышленности.
8. Определение суммарного процентного изменения (Total percentage (TP)) отраслевой структуры обрабатывающей промышленности:

$$\text{Total percentage (TP)} = \sum_{P1}^{Pn} (|P1_{2020} - P1_{2019}|; \dots; |Pn_{2020} - Pn_{2019}|) \quad (4)$$

где *Total percentage (TP)* – суммарное процентное изменение отраслевой структуры обрабатывающей промышленности, %;

$P1_{2020}, P1_{2019}$ – процент от объема отгруженной продукции обрабатывающего производства в 2020 и 2019 гг. по первому виду экономической деятельности;

Pn_{2020}, Pn_{2019} – процент от объема отгруженной продукции обрабатывающего производства в 2020 и 2019 гг. по *n*-му виду экономической деятельности.

Данный коэффициент является авторской разработкой и был применен нами для оценки величины отраслевой трансформации для всей совокупности отраслей. Он позволяет, во-первых, судить об уровне изменений в целом по всем отраслям или группе отраслей, во-вторых, является важным индикатором, определяющим необходимость последующего детального анализа структурных отраслевых сдвигов.

9. Оценка товарной динамики различных региональных экспортно-импортных групп с позиции взаимосвязи характера международной торговли субъектов с динамикой их отраслевой структуры под воздействием пандемии.

10. Формулирование выводов и результатов проверки гипотез.

Результаты исследования

Группировка субъектов РФ с разным соотношением экспортных и импортных квот в более ранних исследованиях была проведена по периодам с 2009 по 2013 гг. и с 2014 по 2017 гг. для торговых отношений со странами дальнего зарубежья [6]. Проведем похожую классификацию регионов, осуществляющих экспортно-импортные операции, для 2019 и 2020 гг.

Средние значения экспортных квот по всем субъектам РФ выше средних значений импортных квот как в допандемийном 2019 г., так и в 2020 г. Найденные различия аналогичны результатам сравнения в периоды с 2009 по 2017 гг. и означают превышение объемов торговли на экспорт в среднем по всем субъектам над импортом, а также, обобщенно, превышение торговли готовой продукцией над импортом комплектующих. Готовая продукция в наибольшем объеме экспорта – это либо сырье, либо продукты сборки на территории регионов.

Особое внимание уделяется регионам с наибольшими колебаниями динамики объемов торговли в 2019 и 2020 гг., которые происходят из-за соответствующих изменений в региональных объемах мировой торговли и ВРП. Для подобных регионов в представленных далее табл. 2–10 показано, в какой группе находился регион в разные периоды, кроме того, дополнительно обозначена отрицательная динамика экспортных и/или импортных квот в 2020 г. – стрелками рядом со значениями, которые снизились, либо рядом с записью о перемещении субъекта в другую группу. По каждой группе также проводится детальный анализ динамики производства отдельных групп продукции обрабатывающей промышленности.

Сгруппируем субъекты РФ в соответствующие классификационные группы (табл. 1).

⁵ Vasin S.M. Sectoral transformation of the economic system during crisis and stable growth periods (a case studies of the European countries) // *Economies*. 2022. Vol. 10. <https://doi.org/10.3390/economies10060148>

Таблица 1

Классификационные признаки групп субъектов РФ по уровням экспортных и импортных квот

Table 1

Classification features of the groups of constituent entities of the Russian Federation by the levels of export and import quotas

Номер классификационной группы	Уровень экспортной квоты	Уровень импортной квоты	Число субъектов РФ	
			2019	2020
Группа 1	Низкий (до 5%)	Низкий (до 5%)	14	12
Группа 2	Средний (5–15%)	Средний (5–15%)	13	12
Группа 3	Высокий (более 15%)	Высокий (более 15%)	6	6
Группа 4	Низкий (до 5%)	Средний (5–15%)	3	0
Группа 5	Низкий (до 5%)	Высокий (более 15%)	0	1
Группа 6	Средний (5–15%)	Высокий (более 15%)	3	4
Группа 7	Средний (5–15%)	Низкий (до 5%)	15	15
Группа 8	Высокий (более 15%)	Средний (5–15%)	18	25
Группа 9	Высокий (более 15%)	Низкий (до 5%)	10	7
Итого			82	82

Составлено авторами

Compiled by the authors

Группа 1 – субъекты с низким уровнем экспортных и импортных квот одновременно (до 5%) (табл. 2).

Так, экспортная и импортная квота одновременно снизилась в Республиках Адыгея и Калмыкия

Таблица 2

Субъекты РФ с низким уровнем (до 5%) экспортных и импортных квот

Table 2

Subjects of the Russian Federation with the low level (up to 5%) of export and import quotas

Субъект РФ	2019		2020	
	exp _{quota}	imp _{quota}	exp _{quota}	imp _{quota}
Тамбовская область	3,98	4,18	входит в группу 7	
Республика Адыгея	1,35	3,22	1,31 ↓	2,79 ↓
Республика Калмыкия	0,35	0,05	0,20 ↓	0,02 ↓
Республика Крым	0,44	0,79	0,49	0,59 ↓
г. Севастополь	0,29	0,28	0,25	0,27 ↓
Республика Дагестан	0,54	0,94	0,56	1,07
Республика Ингушетия	0,35	0,52	0,43	0,91
Кабардино-Балкарская Республика	0,77	2,42	1,29	3,24
Карачаево-Черкесская Республика	1,24	3,43	1,16 ↓	3,63
Республика Северная Осетия – Алания	3,29	1,43	4,93	1,73
Чеченская Республика	0,14	1,56	0,37	0,95 ↓
Пензенская область	4,26	3,48	входит в группу 7	
Курганская область	входит в группу 7		3,99 ↓	4,31
Республика Алтай	4,07	1,58	входит в группу 7	
Томская область	3,16	3,88	4,12	4,48

Составлено авторами по материалам: Регионы России. 2022. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 18.02.2023)

Compiled by the authors based on materials: Regions of Russia. 2022. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (accessed: 18.02.2023) (In Russ.)

и в г. Севастополь, экспортная квота снизилась в Карачаево-Черкессии и в Курганской области, а импортная – в Республике Крым и Чеченской Республике. Из-за незначительного объема международных торговых операций мы не будем подробно останавливаться на этой группе.

Группа 2 – субъекты со средним уровнем экспортных и импортных квот одновременно (от 5 до 15%) (табл. 3).

В Воронежской области наибольшее снижение произошло в объеме экспорта продукции химической промышленности ($K_{Gat} = 0,24$); в Орловской – в объеме импорта машин, оборудования и транспортных средств ($K_{Gat} = 0,32$); в Псковской – в объеме экспорта металлов и изделий из них ($K_{Gat} = 0,40$); в Алтайском крае – в объеме импорта металлов и изделий из них ($K_{Gat} = 0,24$); в Хабаровском крае – в объеме импорта машин, оборудования и транспортных средств ($K_{Gat} = 0,35$).

Группа 3 – субъекты с высоким уровнем экспортных и импортных квот одновременно (выше 15%) (табл. 4).

Здесь 5 из 6-ти субъектов проявили снижение квот, чаще всего экспортных. Москва показала снижение объема экспорта продукции топливно-энергетического комплекса ($K_{Gat} = 0,32$); Калининградская область – объема импорта продукции химической промышленности ($K_{Gat} = 0,18$), машин, оборудования и транспортных средств ($K_{Gat} = 0,18$); Ленинградская область – объема экспорта продукции топливно-энергетического комплекса ($K_{Gat} = 0,29$); Санкт-Петербург – снижение объема экспорта металлов и изделий из них ($K_{Gat} = 0,2$), а также продукции топливно-энергетического комплекса ($K_{Gat} = 0,32$); Приморский край – продукции топливно-энергетического комплекса ($K_{Gat} = 0,59$) и, особенно, машин, оборудования и транспортных средств ($K_{Gat} = 0,88$).

Группа 4 – субъекты с низким уровнем (до 5%) экспортных и средним уровнем (5–15%) импортных квот (табл. 5).

В данной группе значительного снижения экспортно-импортных операций выявлено не было, в частности, ввиду низкой активности в области международных торговых операций.

Таблица 3

Субъекты РФ со средним уровнем (от 5 до 15%) экспортных и импортных квот

Table 3

Subjects of the Russian Federation with the average level (from 5 to 15%) of export and import quotas

Субъект РФ	2019		2020	
	exp _{quota}	imp _{quota}	exp _{quota}	imp _{quota}
Брянская область	6,02	13,71	входит в группу 6	
Воронежская область	7,58	5,60	7,42 ↓	6,89
Курская область	9,90	7,50	11,5	8,53
Орловская область	5,73	7,98	7,52	7,14 ↓
Рязанская область	входит в группу 8		8,16 ↓	11,70
Тверская область	входит в группу 4		6,62	8,02
Ярославская область	10,56	7,46	11,36	7,49
Псковская область	8,52	10,14	7,59 ↓	11,27
Волгоградская область	10,03	5,01	входит в группу 7 (imp _{quota} ↓)	
Республика Мордовия	входит в группу 7		5,66	6,90
Чувашская Республика	входит в группу 4		6,17	5,27
Кировская область	12,93	6,29	входит в группу 8	
Саратовская область	10,46	5,17	11,73	6,52
Ульяновская область	входит в группу 8		9,15 ↓	8,29 ↓
Алтайский край	11,90	5,18	10,45 ↓	5,15 ↓
Новосибирская область	14,86	13,54	входит в группу 8	
Забайкальский край	10,61	6,33	входит в группу 8	
Хабаровский край	14,38	6,90	входит в группу 8 (imp _{quota} ↓)	

Составлено авторами по материалам: Регионы России. 2022. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 18.02.2023)

Compiled by the authors based on materials: Regions of Russia. 2022. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (accessed: 18.02.2023) (In Russ.)

Таблица 4

Субъекты РФ с высоким уровнем (более 15%) экспортных и импортных квот

Table 4

Subjects of the Russian Federation with the high level (more than 15%) of export and import quotas

Субъект РФ	2019		2020	
	exp _{quota}	imp _{quota}	exp _{quota}	imp _{quota}
Смоленская область	20,08	34,64	20,69	40,84
г. Москва	57,62	33,56	50,50 ↓	38,34
Калининградская область	17,93	95,04	23,55	92,77 ↓
Ленинградская область	34,65	19,87	32,01 ↓	21,20
г. Санкт-Петербург	33,02	27,61	29,66 ↓	30,46
Приморский край	23,53	30,17	19,11 ↓	34,17

Составлено авторами по материалам: Регионы России. 2022. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 18.02.2023)

Compiled by the authors based on materials: Regions of Russia. 2022. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (accessed: 02.18.2023) (In Russ.)

Таблица 5

Субъекты РФ с низким уровнем экспортных и средним уровнем импортных квот

Table 5

Subjects of the Russian Federation with a low level of export and an average level of import quotas

Субъект РФ	2019		2020	
	exp _{quota}	imp _{quota}	exp _{quota}	imp _{quota}
Ивановская область	4,45	13,10	входит в группу 5	
Тверская область	4,44	7,26	входит в группу 2	
Чувашская Республика	3,66	5,94	входит в группу 2	

Составлено авторами по материалам: Регионы России. 2022. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 18.02.2023)

Compiled by the authors based on materials: Regions of Russia. 2022. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (accessed: 18.02.2023) (In Russ.)

Группа 5 – субъекты с низким уровнем (до 5%) экспортных и высоким уровнем (более 15%) импортных квот (табл. 6).

Данная группа в 2019 г. не включала ни одного региона – динамика экспортно-импортных операций в Ивановской области была незначительна.

Таблица 6

Субъекты РФ с низким уровнем экспортных и высоким уровнем импортных квот

Table 6

Subjects of the Russian Federation with a low level of export and a high level of import quotas

Субъект РФ	2019		2020	
	exp _{quota}	imp _{quota}	exp _{quota}	imp _{quota}
Ивановская область	входит в группу 4		4,97	15,31

Составлено авторами по материалам: Регионы России. 2022. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 18.02.2023)

Compiled by the authors based on materials: Regions of Russia. 2022. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (accessed: 18.02.2023) (In Russ.)

Группа 6 – субъекты со средним уровнем (5–15%) экспортных и высоким уровнем (более 15%) импортных квот (табл. 7).

Субъекты, включенные в данную группу, также не проявили значительной динамики в экспортно-импортных операциях.

Таблица 7

Субъекты РФ со средним уровнем экспортных и высоким уровнем импортных квот

Table 7

Subjects of the Russian Federation with an average level of export and a high level of import quotas

Субъект РФ	2019		2020	
	exp _{quota}	imp _{quota}	exp _{quota}	imp _{quota}
Брянская область	входит в группу 2		6,79	18,37
Владимирская область	7,42	17,3	9,58	17,96
Калужская область	13,08	75,24	13,57	78,80
Московская область	9,36	32,81	9,60	35,65

Составлено авторами по материалам: Регионы России. 2022. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 18.02.2023)

Compiled by the authors based on materials: Regions of Russia. 2022. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (accessed: 02.18.2023) (In Russ.)

Группа 7 – субъекты со средним уровнем (5–15%) экспортных и низким уровнем (до 5%) импортных квот (табл. 8).

В Волгоградской области, демонстрирующей значительную отрицательную динамику в импорте, в

2020 г. наблюдалось снижение импорта металлов и изделий из них ($K_{Gat} = 0,52$); в Республике Башкортостан – снижение объема экспорта продукции топливно-энергетического комплекса ($K_{Gat} = 0,39$); в Республике Марий Эл – также снижение объема

Таблица 8

Субъекты РФ со средним уровнем экспортных и низким уровнем импортных квот

Table 8

Subjects of the Russian Federation with an average level of export and a low level of import quotas

Субъект РФ	2019		2020	
	exp _{quota}	imp _{quota}	exp _{quota}	imp _{quota}
Тамбовская область	входит в группу 1		7,80	4,19
Республика Коми	8,64	1,32	9,95	1,61
Астраханская область	5,22	1,35	9,20	4,70
Волгоградская область	входит в группу 2		14,25	4,90 ↓
Ставропольский край	8,93	4,59	9,06	4,87
Республика Башкортостан	14,61	2,62	13,61 ↓	4,00
Республика Марий Эл	10,57	2,96	6,31 ↓	3,70
Республика Мордовия	6,36	4,10	входит в группу 2	
Удмуртская Республика	5,30	3,29	5,44	3,92
Оренбургская область	11,49	1,67	12,69	2,27
Пензенская область	входит в группу 1		6,05	4,59
Курганская область	6,62	3,38	входит в группу 1 (exp _{quota} ↓)	
Республика Алтай	входит в группу 1		5,90	1,64
Республика Тыва	8,08	1,30	7,05 ↓	0,82 ↓
Омская область	8,13	3,80	7,36 ↓	4,37
Амурская область	7,52	4,32	10,65	4,57
Магаданская область	13,38	1,99	11,89 ↓	2,17
Еврейская автономная область	12,89	2,56	входит в группу 9 (imp _{quota} ↓)	
Чукотский Автономный округ	11,93	3,96	входит в группу 8	

Составлено авторами по материалам: Регионы России. 2022. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 18.02.2023)

Compiled by the authors based on materials: Regions of Russia. 2022. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (accessed: 02.18.2023) (In Russ.)

экспорта продукции топливно-энергетического комплекса ($K_{\text{Гат}} = 0,94$), который не восстановился и в 2021 г. Отметим, что объем экспорта в Марий Эл незначительный по сравнению с Башкирией, однако он прекратился практически полностью, что также является важным индикатором спроса в рамках существующих мировых глобальных цепочек добавленной стоимости. В Курганской области наблюдалось значительное снижение объема экспорта машин, оборудования и транспортных средств ($K_{\text{Гат}} = 0,80$); в Республике Тыва – объема экспорта продукции топливно-энергетического комплекса ($K_{\text{Гат}} = 0,77$), импорта металлов и из-

делий из них ($K_{\text{Гат}} = 0,79$), а также машин, оборудования и транспортных средств ($K_{\text{Гат}} = 0,39$), при этом общий объем торговли незначителен. В Омской области значительно снизился объем экспорта машин, оборудования и транспортных средств ($K_{\text{Гат}} = 0,74$), который не восстановился и в 2021 г. В Магаданской и Еврейской автономной областях исходные показатели международной торговли незначительные при высокой динамике.

Группа 8 – субъекты с высоким уровнем (более 15%) экспортных и средним уровнем (5–15%) импортных квот (табл. 9).

Таблица 9

Субъекты РФ с высоким уровнем экспортных и средним уровнем импортных квот

Table 9

Subjects of the Russian Federation with a high level of export and an average level of import quotas

Субъект РФ	2019		2020	
	exp _{quota}	imp _{quota}	exp _{quota}	imp _{quota}
Белгородская область	21,15	9,64	23,25	10,52
Костромская область	входит в группу 9		132,49	5,43
Липецкая область	40,90	13,33	38,22 ↓	14,04
Рязанская область	18,60	9,64	входит в группу 2 (exp _{quota} ↓)	
Тульская область	27,76	10,84	31,80	11,72
Республика Карелия	входит в группу 9		16,08 ↓	5,18
Вологодская область	42,13	8,11	49,53	9,50
Новгородская область	36,18	13,31	35,57 ↓	14,96
Краснодарский край	17,81	10,34	15,92 ↓	12,77
Ростовская область	31,31	10,86	38,19	11,03
Республика Татарстан	28,36	6,98	24,75 ↓	10,21
Кировская область	входит в группу 2		15,40	6,67
Нижегородская область	18,74	13,14	22,81	13,67
Самарская область	17,10	8,91	17,56	10,49
Ульяновская область	16,35	10,64	входит в группу 2 (exp _{quota} ↓, imp _{quota} ↓)	
Свердловская область	17,95	11,58	22,38	14,62
Челябинская область	17,33	12,06	19,16	11,15 ↓
Республика Хакасия	42,53	7,94	45,31	8,55
Красноярский край	15,58	5,70	17,35	6,81
Иркутская область	28,16	6,61	28,09 ↓	7,60
Кемеровская область	входит в группу 9		82,72 ↓	5,63
Новосибирская область	входит в группу 2		15,97	14,81
Забайкальский край	входит в группу 2		18,66	7,73
Камчатский край	входит в группу 9		20,65	5,73
Хабаровский край	входит в группу 2		15,49	6,69 ↓
Сахалинская область	80,20	5,02	83,43	6,64
Чукотский автономный округ	входит в группу 7		17,79	5,19

Составлено авторами по материалам: Регионы России. 2022. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 18.02.2023)

Compiled by the authors based on materials: Regions of Russia. 2022. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (accessed: 02.18.2023) (In Russ.)

В группе 8 чаще всего заметная отрицательная динамика наблюдалась в объемах экспорта у субъектов, изначально имеющих высокие показатели. В Липецкой области наблюдалось снижение объемов экспорта металлов и изделий из них ($K_{Gat} = 0,17$) – при значительных исходных значениях в 2019 г., здесь произошло достаточно высокое снижение в 2020 г. Рязанская область показала значительный спад объемов экспорта в товарной группе машин, оборудования и транспортных средств ($K_{Gat} = 0,83$); Ульяновская – в объеме экспорта ($K_{Gat} = 0,48$) и объеме импорта ($K_{Gat} = 0,34$) машин, оборудования и транспортных средств. В Республике Карелии исходные позиции незначительны. В Новгородской области заметна негативная динамика в объемах экспорта продукции химической промышленности ($K_{Gat} = 0,15$); в

Краснодарском крае – топливно-энергетического комплекса ($K_{Gat} = 0,51$), машин, оборудования и транспортных средств ($K_{Gat} = 0,23$); в Республике Татарстан – топливно-энергетического комплекса ($K_{Gat} = 0,31$); в Иркутской области – также топливно-энергетического комплекса ($K_{Gat} = 0,26$) и объема экспорта металлов и изделий из них ($K_{Gat} = 0,20$); в Кемеровской области – топливно-энергетического комплекса ($K_{Gat} = 0,20$), объема экспорта машин, оборудования и изделий из них ($K_{Gat} = 0,27$). В Челябинской области наблюдался спад объема импорта по товарной группе машин, оборудования и транспортных средств ($K_{Gat} = 0,21$).

Группа 9 – субъекты с высоким уровнем (более 15%) экспортных и низким уровнем (до 5%) импортных квот (табл. 10).

Таблица 10

Субъекты РФ с высоким уровнем экспортных и низким уровнем импортных квот

Table 10

Subjects of the Russian Federation with a high level of export and a low level of import quotas

Субъект РФ	2019		2020	
	exp _{quota}	imp _{quota}	exp _{quota}	imp _{quota}
Костромская область	21,91	4,48	входит в группу 8	
Республика Карелия	19,24	3,71	входит в группу 8 (exp _{quota} ↓)	
Архангельская область	17,67	1,96	19,52	2,17
Мурманская область	40,93	3,37	44,20	3,07 ↓
Пермский край	23,92	4,76	23,48 ↓	4,36 ↓
Тюменская область	18,05	1,79	15,66 ↓	2,30
Кемеровская область	83,00	4,82	входит в группу 8 (exp _{quota} ↓)	
Республика Бурятия	19,74	2,08	28,35	1,68 ↓
Республика Саха (Якутия)	20,43	1,42	22,19	0,63 ↓
Камчатский край	19,27	3,95	входит в группу 8	
Еврейская автономная область	входит в группу 7		23,25	1,06 ↓

Составлено авторами по материалам: Регионы России. 2022. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 18.02.2023)

Compiled by the authors based on materials: Regions of Russia. 2022. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (accessed: 02.18.2023) (In Russ.)

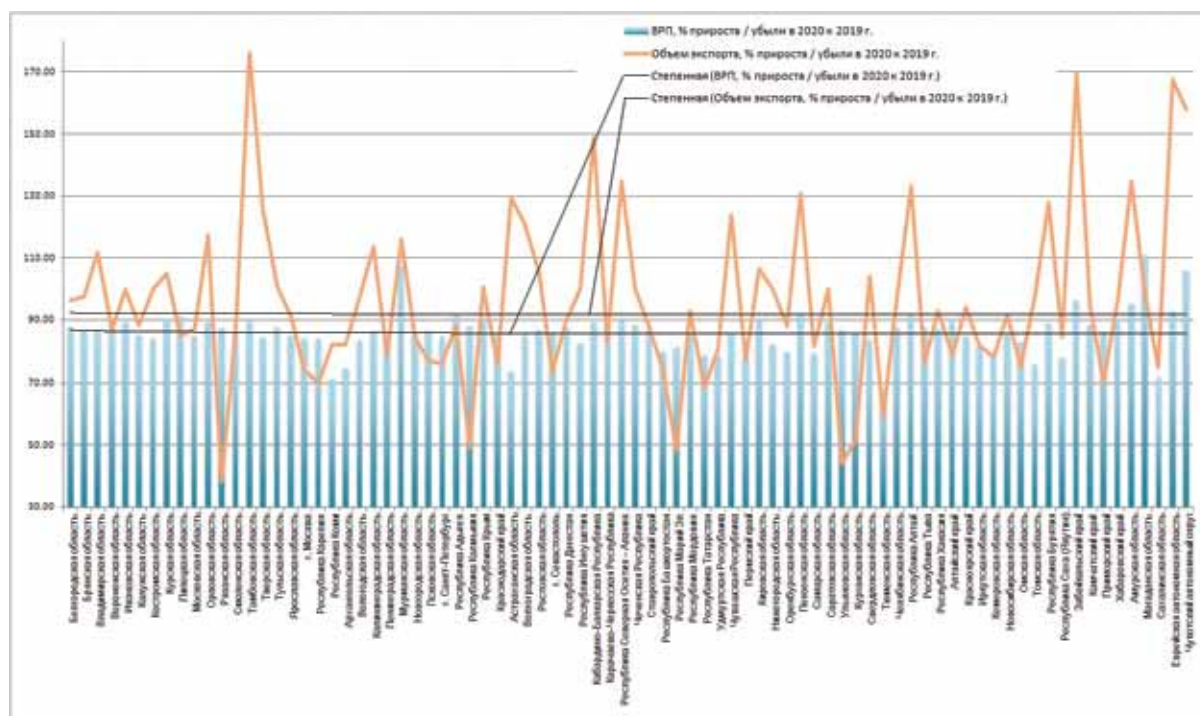
В группе 9 наблюдаются изменения как экспортных, так и импортных квот, однако значимость динамики импортных квот невелика из-за незначительного объема импорта в этих субъектах. Наиболее значительные изменения, касающиеся снижения уровня экспортных и импортных квот, зафиксированы в Мурманской области по импорту для продукции химической промышленности ($K_{Gat} = 0,20$) и производства машин, оборудования и транспортных средств ($K_{Gat} = 0,20$); в Пермском крае – в объемах экспорта продукции топливно-энергетического комплекса ($K_{Gat} = 0,26$), в объемах импорта машин,

оборудования и транспортных средств ($K_{Gat} = 0,35$); в Тюменской области – в объемах экспорта продукции топливно-энергетического комплекса ($K_{Gat} = 0,35$), химической промышленности ($K_{Gat} = 0,58$). В регионах со значительной динамикой по импорту исходные позиции незначительны.

Отметим, что значительное число субъектов РФ в 2021 г. восстановило объемы международной торговли и даже превысило уровень допандемийного 2019 г. Тем не менее, некоторая часть регионов и в 2021 г. показала снижение объемов экспорта и/или импорта.

Рассмотрим соотношение динамики ВРП и объема экспорта субъектов РФ в первый пандемийный год (рис. 1). ВРП большинства субъектов в 2020 г. «провалился» в большей степени, чем их объем

экспорта. Это наглядно демонстрируют степенные линии, сглаживающие различия между субъектами в ВРП и объемах экспорта: линия объемов экспорта выше уровня в 90%, тогда как линия уровней ВРП не дотягивает до 90%.

Разработано авторами по материалам: Регионы России. 2022. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 18.02.2023)

Рис. 1. Соотношение динамики ВРП и объема экспорта субъектов РФ: 2020 к 2019 г. (исходные данные – в долл. США)

Developed by the authors based on materials: Regions of Russia. 2022. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (accessed: 18.02.2023) (In Russ.)

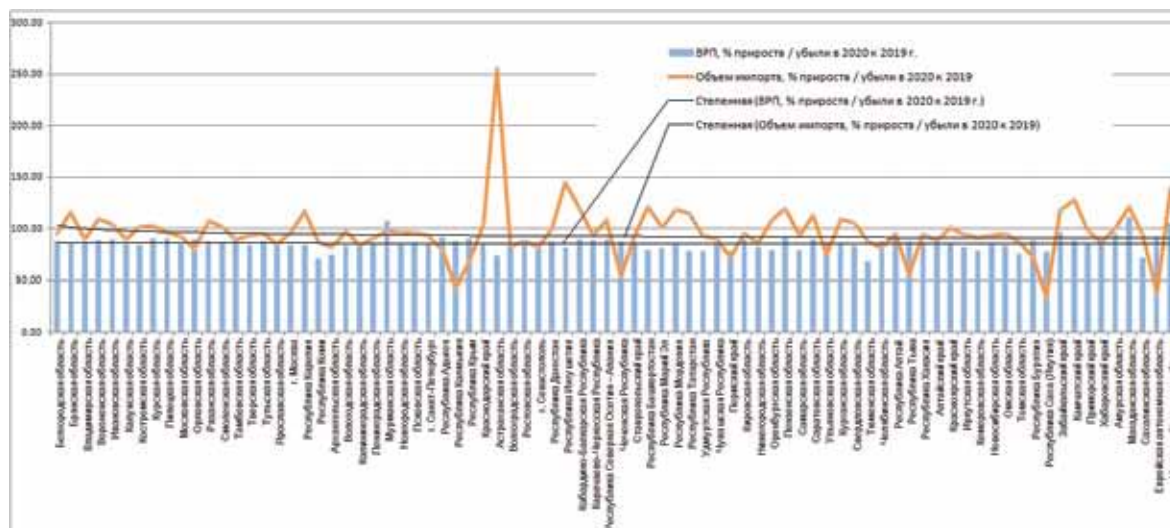
Fig. 1. The ratio of the dynamics of GRP and the volume of exports of the constituent entities of the Russian Federation: 2020 to 2019 (initial data – in US dollars)

Похожая ситуация наблюдается и в отношении импорта (рис. 2). Объем импорта также снизился в меньшем процентном отношении, чем ВРП по субъектам РФ, о чем говорят линии степенных трендов.

Анализ субъектов РФ с устойчивыми потерями в мировой торговле по разным группам продуктов показал различное число регионов, имеющих те или иные наиболее уязвимые товарные группы в региональном экспорте и/или импорте, которые показали отрицательную динамику одновременно в течение 2-х лет (2020 и 2021 гг.) по отношению к базовому 2019 г. По экспорту наиболее устойчивое снижение наблюдалось в группах В (продукция топливно-энергетического комплекса), что отразилось в деятельности 27-ми субъектов, и F (машины, оборудование и транспортные средства) – в 29-ти субъектах. По

импорту снижение объемов более распространено в других товарных группах: в группе А – в 28-ми субъектах, в группе D – у 29-ти субъектов, в группе E – 33 субъекта из 82-х. Следует отметить, что в целом по импорту ситуация имела более негативный характер, чем по экспорту, в наибольшем количестве субъектов. Так, по группам В и F устойчивая негативная динамика наблюдается в 24-х и 19-ти субъектах соответственно, что складывается в общую негативную тенденцию по импорту, тогда как экспорт в других субъектах оказался менее уязвимым (А – 10 субъектов, С – 7, D – 11, E – 12 из 82-х).

Далее остановимся более конкретно на динамике производства отдельных групп продуктов и оценим товарную динамику различных региональных экспортно-импортных групп (табл. 11).

Разработано авторами по материалам: Регионы России. 2022. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 18.02.2023)

Рис. 2. Соотношение динамики ВРП и объема импорта субъектов РФ: 2020 к 2019 г. (исходные данные – в долл. США)

Developed by the authors based on materials: Regions of Russia. 2022. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (accessed: 18.02.2023) (In Russ.)

Fig. 2. The ratio of the dynamics of GRP and the volume of imports of subjects of the Russian Federation: 2020 to 2019 (initial data – in US dollars)

Таблица 11

Взаимосвязь активности в мировой торговле и глубины структурных изменений в обрабатывающей промышленности субъектов РФ

Table 11

Relationship between activity in the world trade and the depth of structural changes in the manufacturing industry of the subjects of the Russian Federation

Номер классификационной группы	Доля субъектов РФ от числа субъектов в группе, имеющих суммарное процентное изменение (Total percentage) отраслевой структуры более 15%, в %		
	2020/2019*	2021/2020**	2021/2019**
Группа 1 (низкий-низкий)	9,1	30	50
Группа 2 (средний-средний)	23,1	25	66,7
Группа 3 (высокий-высокий)	33,3	33,3	33,3
Группа 4 (низкий-средний)	-	-	-
Группа 5 (низкий-высокий)	-	-	-
Группа 6 (средний-высокий)	-	25	25
Группа 7 (средний-низкий)	36,4	27,3	83,3
Группа 8 (высокий-средний)	25	27,3	33,3
Группа 9 (высокий-низкий)	44,4	60	75

Примечание:

* – общее число субъектов в группе рассчитывалось по 2019 г.;

** – общее число субъектов в группе рассчитывалось по 2020 г.;

«-» – прочерк означает отсутствие субъектов в данной группе, рассчитанной по 2019 или 2020 г.

Составлено авторами по материалам: Регионы России. 2022. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 18.02.2023)

Compiled by the authors based on materials: Regions of Russia. 2022. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (accessed: 18.02.2023) (In Russ.)

Данные табл. 11 показывают, что регионы группы 1 (с низким уровнем как экспортных, так и импортных квот) проявили значительную динамику в отраслевой структуре обрабатывающей промышленности как в течение одного пандемийного года, так и в горизонте двух лет. Так, если в 2020 г. по отношению к 2019 г. всего немногим более 9% субъектов группы показало суммарную динамику отраслевой структуры более 15%, то в 2021 г. по отношению к 2020 г. таких субъектов оказалось уже 30%. Суммарно в двухлетнем периоде (2021/2019 г.) структурные изменения более 15% показало 50% субъектов этой группы. Похожая динамика по годам наблюдается в группе 9 (с высоким уровнем экспортных квот и низким – импортных), однако доля субъектов с высокой динамикой отраслевой структуры здесь выше.

Количество регионов группы 2 (со средним уровнем экспортных и импортных квот), а также группы 7 (со средним уровнем экспортных и низким – импортных квот) со значительной динамикой отраслевой структуры меняется незначительно в годовом периоде, но серьезно возрастает в двухгодичном.

Динамика отраслевой структуры в регионах группы 6 (со средним уровнем экспортных и высоким уровнем импортных квот), напротив, достаточно быстро стабилизируется во второй год пандемии, но в первый год изменения заметные.

В регионах группы 8 (с высоким уровнем экспортных квот и средним уровнем импортных) динамика доли субъектов со значительными изменениями отраслевой структуры невысокая в период с 2019 по 2021 гг.

Наконец, динамика отраслевой структуры более 15% у субъектов группы 3 (с высоким уровнем экспортных и импортных квот) отсутствовала.

На рис. 3 представлены отдельные примеры динамики отраслевой структуры субъектов разных групп. Например, динамика отраслевой структуры Смоленской области, относящейся к группе 3 (с высоким уровнем экспортных и импортных квот), незначительна даже при воздействии внешних шоков. Отраслевая динамика в Нижегородской области, относящейся к группе 8, более заметна, она характеризуется снижением доли 3-х видов экономической деятельности с незначительным повышением некоторых других, преимущественно в двухлетнем сравнении. Специфика динамики Архангельской области (группа 9) характеризуется сменой преимущественных видов производственной деятельности. Подобная ситуация изменения отраслевой структуры наблюдается и в Волгоградской области (группа 2) – в двухлетнем периоде произошел значительный спад лидирующего ранее вида, при этом наблюдается заметный рост доли новых видов экономической деятельности.

Выводы

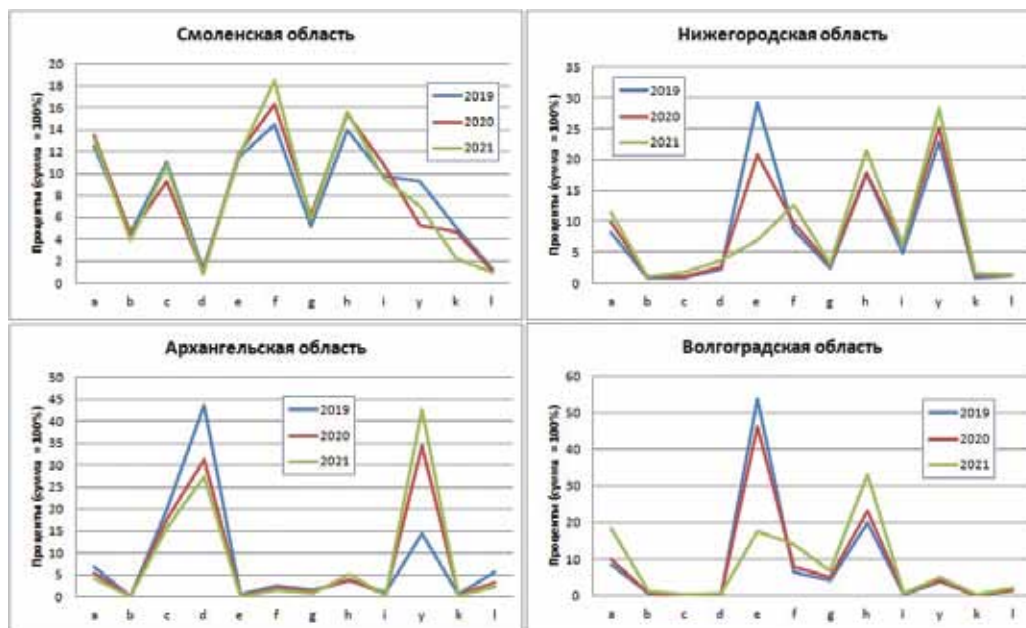
Пандемия COVID-19 оказала существенное влияние на отраслевое развитие государств и их регионов. Однако не всегда такое влияние однозначно. Анализ динамики экспорта и импорта по регионам России в период с 2019 по 2021 гг. показал, что большая часть субъектов потеряла в экспорте и импорте товаров различных групп. Часть производств представляет собой отдельные элементы глобальных цепочек добавленной стоимости. Определенные торговые позиции регионов России оказались наиболее уязвимыми в период пандемии и пострадали от разрыва ГЦДС, либо сами послужили причиной таких разрывов.

Сопоставление изменений экспортных и импортных квот позволило выявить регионы России с наибольшей динамикой показателей, а анализ их потерь в абсолютных объемах экспорта и импорта по товарным группам продемонстрировал наиболее незащищенные точки в отечественной торговле при возникновении непредвиденных факторов и дал возможность выделить наиболее уязвимые позиции России в ГЦДС.

Прежде всего, отметим, что в среднем по регионам РФ снижения экспортных и импортных квот не произошло, напротив – выявлено их определенное увеличение. Это связано, во-первых, с увеличением курса доллара в 2020 г. по сравнению с 2019 г. на 19,35% (73,88 против 61,9 руб. за долл. США по курсу ЦБ на 31 декабря 2019 г.), во-вторых, со снижением ВРП для всех субъектов РФ, являющегося знаменателем при расчете объема квот, в-третьих, с положительной динамикой экспортно-импортных операций в некоторых случаях. Вместе с тем, в абсолютных значениях объем экспортно-импортных операций в большинстве субъектов снизился.

Таким образом была подтверждена гипотеза 1: сравнительный анализ экспортных/импортных квот каждого субъекта в 2019 и 2020 гг. показал, что даже снижение объема экспорта/импорта в субъектах РФ не вызвало негативной динамики соответствующих квот. Однако выявление падения уровня квот означало наибольшее относительное падение объемов экспорта/импорта в каждом конкретном субъекте.

Наибольшее число субъектов РФ, которые активно вели международную торговлю в 2019 г., было сконцентрировано в области экспортных операций и имело средний (31 субъект, или 37,8%) либо высокий (34 субъекта, или 41,5%) уровень экспортных квот. При этом средний уровень импортных квот имели 34 субъекта (41,5%), а высокий уровень наблюдался лишь у 9-ти субъектов (11%). Иными словами, 17 субъектов (20,7%) имело низкий уровень экспортных квот и 39 субъектов (47,6%) – импортных.

Примечание:

- a. производство пищевых продуктов; производство напитков; производство табачных изделий;
- b. производство текстильных изделий; производство одежды; производство кожи и изделий из кожи;
- c. обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки, кроме мебели, производство изделий из соломки и материалов для плетения;
- d. производство бумаги и бумажных изделий; деятельность полиграфическая и копирование носителей информации;
- e. производство кокса и нефтепродуктов; производство резиновых и пластмассовых изделий;
- f. производство химических веществ и химических продуктов; производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях;
- g. производство прочей неметаллической минеральной продукции;
- h. производство металлургическое; производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования;
- i. производство компьютеров, электронных и оптических изделий; производство электрического оборудования;
- j. производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки; производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов; производство прочих транспортных средств и оборудования;
- k. производство мебели; производство прочих готовых изделий;
- l. ремонт и монтаж машин и оборудования.

Составлено авторами по материалам: Регионы России. 2022. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 18.02.2023)

Рис. 3. Примеры отраслевой динамики субъектов РФ

Compiled by the authors based on materials: Regions of Russia. 2022. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (accessed: 18.02.2023) (In Russ.)

Fig. 3. Examples of sectoral dynamics of subjects of the Russian Federation

В 2020 г. высокий уровень экспортных квот имело уже 38 субъектов (46,3%), а число субъектов со средним уровнем экспортных квот осталось неизменным (31 субъект, или 37,8%). При этом число субъектов с высоким и средним уровнем импортных квот увеличилось: высокий уровень имело уже 11 субъектов (13,4%), а средний – 37 (45,1%). Соответственно, число субъектов, имеющих низкий уровень экспортных квот, снизилось – их доля составила 15,9% (13 субъектов). Число субъектов с низкими импортными квотами также уменьшилось до 34-х (41,5%).

С позиции такой статистики напрашивается вывод о положительном влиянии пандемийного года на международную торговлю. Однако более глубокое изучение выявленной динамики экспортно-импортных квот объективно говорит об отрицательной реакции экономики, хотя и заставляет задуматься о роли развитых международных торговых отношений в период воздействия неожиданных шоковых факторов.

Одним из очевидных выводов детального анализа структуры расчета квот становится то, что междуна-

родные торговые операции были более эффективны, чем внутренние. Ранее мы отмечали, что причиной увеличения экспортно-импортных квот в ряде случаев стало снижение уровня ВРП. Сопоставление уровня ВРП с объемами экспорта и импорта позволяет сделать заключение, что пандемийное уменьшение объемов международной торговли не столь значительно, как уменьшение объема производства в целом по регионам. Иными словами, регионы, активно ведущие международную торговлю, оказались в более выигрышном положении, нежели регионы, производящие продукцию только для внутреннего спроса своего региона и в целом для субъектов РФ.

Таким образом, гипотеза 2, о меньшей негативной реакции со стороны международной торговли по сравнению с внутренними торговыми операциями, опровергнута. Отметим при этом, что данный вывод сформирован на уровне российской специфики. Объяснить подобное положение дел можно тем, что международные контракты, которые изначально рассматриваются как стратегический ресурс, сложнее приостановить либо расторгнуть из-за масштабов договорных процессов и нежелания сторон «обнулять» все проведенные ранее мероприятия по разработке таких контрактов. Поэтому восстановление международных торговых отношений даже в период пандемии происходит достаточно быстро. По всей видимости, этот вывод следует распространить не на все субъекты РФ, а лишь на субъекты с вполне определенными отраслями, производящими продукцию на экспорт, либо потребляющими импорт. Вместе с тем, это показывает, что вынужденное прекращение мировой торговли, как более стабильной системы, приведет к еще большей дестабилизации экономики региона.

Дальнейшие исследования предполагают анализ гипотезы на уровне других стран мира, в том числе, стран с иной структурой международной и внутренней торговли. Следовательно, мы допускаем получение иных, даже противоположных результатов.

Результирующие данные по устойчивости негативной динамики в экспорте и импорте позволяют подтвердить гипотезу 3. Сокращение экспорта сырьевых ресурсов и продуктов сборочных производств свидетельствует о снижении в период пан-

демии производственной потребности зарубежных предприятий в природных ископаемых из-за приостановки деятельности предприятий, а также о спаде покупательной способности зарубежного населения в части приобретения готовой продукции отечественных сборочных производств, в том числе, из-за введенных карантинных мер. Долгосрочное снижение импорта, вероятно, выступило следствием продолжительного перерыва в работе зарубежных производств либо уменьшения их интенсивности, сопровождающегося сокращением выпуска готовой продукции, которая служит импортом для РФ.

Таким образом, в работе обосновано, что снижение объемов международной торговли в регионе чаще всего не является критичным фактором для динамики соответствующих экспортно-импортных квот. Однако регионы с отрицательной динамикой соответствующих квот показали наибольшее падение объемов международной торговли.

Полученные результаты исследования позволяют сформулировать рекомендации на уровне государственного управления региональной и отраслевой экономикой. При этом мы не будем останавливаться на предложениях по каждому субъекту Российской Федерации: они вытекают из частных выводов о динамике ВРП и объемов мировой торговли, изложенных в ходе анализа. Таким образом, для повышения уровня устойчивости региональной экономики к непредсказуемым шоковым воздействиям необходимы:

- расширение экспортно-импортных контактов с долгосрочным увеличением объемов международной торговли наряду с развитием внутреннего производства и потребления;
- укрепление и стабилизация существующих торговых отношений с зарубежными организациями по линии сильных региональных сторон;
- усиление позиций регионального производства во внутреннем потреблении как одновременной альтернативы стабильным импортным поставкам, при этом импортные позиции, по возможности, должны выступить приоритетными для развития собственного производства.

Список источников

1. Толкачев С.А. Изменение качества и структуры цепочек добавленной стоимости в эпоху четвертой промышленной революции: влияние кризиса глобализации и наступление цифровой экономики // Экономическое возрождение России. 2018. № 4(58). С. 64–80. EDN: <https://elibrary.ru/yqodlf>
2. Кондратьев В.Б. Новый этап глобализации: особенности и перспективы // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 6. С. 5–17. EDN: <https://elibrary.ru/xqmyst>. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-6-5-17>

3. Ali I., Arslan A., Chowdhury M., Khan Z., Tarba S.Y. Reimagining global food value chains through effective resilience to COVID-19 shocks and similar future events: A dynamic capability perspective // *Journal of Business Research*. 2022. Vol. 141. P. 1–12. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2021.12.006>
4. Xu Zh., Elomri A., Kerbache L., El Omri A. Impacts of COVID-19 on Global Supply Chains: Facts and Perspectives // *IEEE Engineering Management Review*. 2020. Vol. 48. Iss. 3. P. 153–166. <https://doi.org/10.1109/EMR.2020.3018420>
5. Shafi M., Liu J., Ren W. Impact of COVID-19 pandemic on micro, small, and medium-sized Enterprises operating in Pakistan // *Research in Globalization*. 2020. Vol. 2. P. 100018. <https://doi.org/10.1016/j.resglo.2020.100018>
6. Акбулатов Э.Ш., Ерыгин Ю.В., Волкова М.А. Оценка степени интенсивности интеграции региональной экономики в глобальные цепочки добавленной стоимости // *Менеджмент социальных и экономических систем*. 2019. № 1(13). С. 34–43. EDN: <https://elibrary.ru/ilquud>
7. Волкова М.А. Стратегии локализации процессов формирования добавленной стоимости в рамках интеграции региональной экономики в глобальные цепочки создания стоимости // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление*. 2019. № 4. С. 82–92. EDN: <https://elibrary.ru/fzjhb>
8. Миловидов В.Д. Инновации, устойчивый рост и энергетика: возможен ли цивилизационный рывок? // *Форсайт*. 2019. Т. 13. № 1. С. 62–68. EDN: <https://elibrary.ru/xwfgpy>. <http://doi.org/10.17323/2500-2597.2019.1.62.68>
9. Ерыгин Ю.В., Волкова М.А. Включение российских высокотехнологичных производств в глобальные цепочки создания стоимости: региональный аспект // *Решетневские чтения*. 2018. Т. 2. С. 387–389. EDN: <https://elibrary.ru/ytfqhz>
10. Караганов С.А. Очистительный кризис? // *Россия в глобальной политике*. 2021. Т. 19. № 1(107). С. 10–20. EDN: <https://elibrary.ru/rtvukx>
11. Резников С.Н. Глобальные цепочки создания добавленной стоимости: концептуализация внешних условий и факторов реконфигурации // *Научный потенциал*. 2014. № 3-4(16-17). С. 3–7. EDN: <https://elibrary.ru/tdxehn>
12. Волгина Н.А. Изучение глобальных цепочек стоимости: роль международных организаций // *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2020. Т. 15. № 2. С. 255–285. EDN: <https://elibrary.ru/rarpxx>. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2020-02-12>
13. Самсонов Р.А. Институциональные цепочки создания добавленной стоимости в международной экономике // *Управление современной организацией: опыт, проблемы и перспективы*. 2019. № 10. С. 23–33. EDN: <https://elibrary.ru/vapaet>
14. Montalbano P., Nenci S., Pietrobelli C. Opening and linking up: firms, GVCs, and productivity in Latin America // *Small Business Economics*. 2018. Vol. 50. Iss. 4. P. 917–935. <https://doi.org/10.1007/s11187-017-9902-6>
15. Manolova T.S., Brush C.G., Edelman L.F., Elam A. Pivoting to stay the course: How women entrepreneurs take advantage of opportunities created by the COVID-19 pandemic // *International small business journal: researching entrepreneurship*. 2020. Vol. 38. Iss. 6. P. 481–491. <https://doi.org/10.1177/0266242620949136>
16. Wind T.R., Rijkeboer M., Andersson G., Riper H. The COVID-19 pandemic: The «black swan» for mental health care and a turning point for e-health // *Internet Interventions*. 2020. Vol. 20. P. 100317. <https://doi.org/10.1016/j.invent.2020.100317>
17. Ivanov D. Predicting the impacts of epidemic outbreaks on global supply chains: A simulation-based analysis on the coronavirus outbreak (COVID-19/SARS-CoV-2) case // *Transportation research part E: Logistics and Transportation review*. 2020. Vol. 136. P. 101922. <https://doi.org/10.1016/j.tre.2020.101922>
18. Оценка влияния кризиса, связанного с пандемией COVID-19, на отрасли российской экономики и их пост-кризисное развитие // докл. К XXII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 45 с. URL: <https://conf.hse.ru/mirror/pubs/share/461122686.pdf> (дата обращения: 05.02.2023)
19. Khorana S., Escaith H., Ali S., Kumari S., Do Q. The changing contours of global value chains post-COVID: Evidence from the Commonwealth // *Journal of Business Research*. 2022. Vol. 153. P. 75–86. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2022.07.044>
20. Svabova L., Kramarova K., Chabadova D. Impact of the COVID-19 Pandemic on the Business Environment in Slovakia // *Economies*. 2022. Vol. 10. Iss. 10. P. 244. <https://doi.org/10.3390/economies10100244>
21. Caro D. Transforming Nations after the COVID-19 Pandemic: A Humanitarian and Planetary Systems Perspective. Cham: Springer International Publishing, 2021. 244 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-61810-0>
22. Волкова М.А., Ерыгин Ю.В. Встраивание экономики российских регионов в глобальные цепочки создания стоимости: факторы и условия // *Вестник Северо-Кавказского федерального университета*. 2018. № 6(69). С. 63–74. EDN: <https://elibrary.ru/sqytrx>. <https://doi.org/10.37493/2307-907X-2018-69-6-63-74>

23. Choi Y., Kim H.-j., Lee Y. Economic consequences of the COVID-19 pandemic: will it be a barrier to achieving sustainability? // *Sustainability*. 2022. Vol. 14. Iss. 3. P. 1629. <https://doi.org/10.3390/su14031629>
24. Hayakawa K., Mukunoki H. The impact of COVID-19 on international trade: Evidence from the first shock // *Journal of the Japanese and International Economies*. 2021. Vol. 60. P. 101135. <https://doi.org/10.1016/j.jjie.2021.101135>
25. Jayasinghe N., Fernando S., Haigh R., Amaratunga D., Fernando N., Vithanage C., Ratnayake J., Ranawana C. Economic resilience in an era of «systemic risk»: Insights from four key economic sectors in Sri Lanka // *Progress in Disaster Science*. 2022. Vol. 14. P. 100231. <https://doi.org/10.1016/j.pdisas.2022.100231>
26. Hajian H.M. A system dynamics model of the impact of COVID-19 pandemic and foreign direct investment in the global supply chain // *Future Business Journal*. 2022. Vol. 8. P. 40. <https://doi.org/10.1186/s43093-022-00155-3>

Статья поступила в редакцию 26.05.2023; одобрена после рецензирования 13.06.2023; принята к публикации 26.06.2023

Об авторах:

Сергей Михайлович Васин, доктор экономических наук, профессор; проректор по научной работе и инновационной деятельности; Researcher ID: R-8766-2016, Scopus ID: 56436084600

Лейла Айваровна Гамидуллаева, доктор экономических наук, доцент; заведующий кафедрой «Маркетинг, коммерция и сфера обслуживания», институт экономики и управления; Researcher ID: E-7822-2016, Scopus ID: 56436586400

Вклад авторов:

Васин С. М. – научное руководство, обеспечение ресурсами, разработка методологии и методов проведения исследования, проведение критического анализа и интерпретации материалов, формирование выводов.

Гамидуллаева Л. А. – подбор аналитических данных при подготовке данной статьи, графическое представление полученных результатов, подготовка начального варианта текста, проведение критического анализа и интерпретации материалов, формирование выводов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

References

1. Tolkachev S.A. Change in the quality and structure of value added chains in the era of the fourth industrial revolution: influence of globalization crisis and the advent of the digital economy. *Economic revival of Russia*. 2018; 4(58):64–80. EDN: <https://elibrary.ru/yqodlf> (In Russ.)
2. Kondrat'ev V.B. New globalization phase: key elements and perspectives. *World economy and international relations*. 2018; 62(6):5–17. EDN: <https://elibrary.ru/xqmyst>. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-6-5-17> (In Russ.)
3. Ali I., Arslan A., Chowdhury M., Khan Z., Tarba S.Y. Reimagining global food value chains through effective resilience to COVID-19 shocks and similar future events: A dynamic capability perspective. *Journal of Business Research*. 2022; 141:1–12. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2021.12.006> (In Eng.)
4. Xu Zh., Elomri A., Kerbache L., El Omri A. Impacts of COVID-19 on Global Supply Chains: Facts and Perspectives. *IEEE Engineering Management Review*. 2020; 48(3):153–166. <https://doi.org/10.1109/EMR.2020.3018420> (In Eng.)
5. Shafi M., Liu J., Ren W. Impact of COVID-19 pandemic on micro, small, and medium-sized Enterprises operating in Pakistan. *Research in Globalization*. 2020; 2:100018. <https://doi.org/10.1016/j.resglo.2020.100018> (In Eng.)
6. Akbulatov E.Sh., Erygin Yu.V., Volkova M.A. Valuation of intensity of regional economy integration into global value chains. *Social and economic systems management*. 2019; (1(13)):34–43. EDN: <https://elibrary.ru/ilquud> (In Russ.)
7. Volkova M.A. Strategies of added value localization within the integration regional economy into global value chains. *Proceedings of the Voronezh State University. Series: Economics and management*. 2019; (4):82–92. EDN: <https://elibrary.ru/fjzjhb> (In Russ.)
8. Milovidov V. Innovation, Sustainable Growth, and Energy: Is Leap Forward for Civilization Possible? *Foresight and STI Governance*. 2019; 13(1):62–68. EDN: <https://elibrary.ru/tjwwgl>. <http://doi.org/10.17323/2500-2597.2019.1.62.68> (In Eng.)
9. Erygin U.V., Volkova M.A. Including Russian high-tech production in global value chains: regional dimension. *Reshetnev Readings*. 2018; 2:387–389. EDN: <https://elibrary.ru/ytfqhz> (In Russ.)
10. Karaganov S.A. A Cleansing Crisis? *Russia in Global Affairs*. 2021; 19(1(73)):32–42. EDN: <https://elibrary.ru/lqlrzw>. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2021-19-1-32-42> (In Eng.)
11. Reznikov S.N. Global value chains: conceptualization of external conditions and factors of reconfiguration. *Scientific potential*. 2014; (3-4(16-17)):3–7. EDN: <https://elibrary.ru/tdxehn> (In Russ.)

12. Volgina N.A. Global value chain research: the role of international organizations. *International Organisations Research Journal*. 2020; 15(2):255–285. EDN: <https://elibrary.ru/rarpxx>. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2020-02-12> (In Russ.)
13. Samsonov R.A. Institutional chains for creating added value in the international economy. *Management of a modern organization: experience, problems and prospects*. 2019; (10):23–33. EDN: <https://elibrary.ru/vapaet> (In Russ.)
14. Montalbano P., Nenci S., Pietrobelli C. Opening and linking up: Firms, GVCs, and productivity in Latin America. *Small Business Economics*. 2018; 50(4):917–935. <https://doi.org/10.1007/s11187-017-9902-6> (In Eng.)
15. Manolova T.S., Brush C.G., Edelman L.F., Elam A. Pivoting to stay the course: How women entrepreneurs take advantage of opportunities created by the COVID-19 pandemic. *International small business journal: researching entrepreneurship*. 2020; 38(6):481–491. <https://doi.org/10.1177/0266242620949136> (In Eng.)
16. Wind T.R., Rijkeboer M., Andersson G., Riper H. The COVID-19 pandemic: The «black swan» for mental health care and a turning point for e-health. *Internet Interventions*. 2020; 20:100317. <https://doi.org/10.1016/j.invent.2020.100317> (In Eng.)
17. Ivanov D. Predicting the impacts of epidemic outbreaks on global supply chains: A simulation-based analysis on the coronavirus outbreak (COVID-19/SARS-CoV-2) case. *Transportation research part E: Logistics and Transportation review*. 2020; 136:101922. <https://doi.org/10.1016/j.tre.2020.101922> (In Eng.)
18. Assessment of the impact of the crisis associated with the COVID-19 pandemic on the sectors of the Russian economy and their post-crisis development. In: Reports XXII April. intl. scientific conf. on problems of economic and social development. Moscow: Ed. house of the Higher School of Economics, 2021. 45 p. URL: <https://conf.hse.ru/mirror/pubs/share/461122686.pdf> (accessed: 05.02.2023) (In Eng.)
19. Khorana S., Escaith H., Ali S., Kumari S., Do Q. The changing contours of global value chains post-COVID: Evidence from the Commonwealth. *Journal of Business Research*. 2022; 153:75–86. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2022.07.044> (In Eng.)
20. Svabova L., Kramarova K., Chabadova D. Impact of the COVID-19 Pandemic on the Business Environment in Slovakia. *Economies*. 2022; 10(10):244. <https://doi.org/10.3390/economies10100244> (In Eng.)
21. Caro D. Transforming Nations after the COVID-19 Pandemic: A Humanitarian and Planetary Systems Perspective. Cham: Springer International Publishing, 2021. 244 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-61810-0> (In Eng.)
22. Volkova M.A., Erygin Yu.V. Integrating economy systems of Russian regions into global value chains: factors and conditions. *Newsletter of North-Caucasus Federal University*. 2018; (6(69)):63–74. EDN: <https://elibrary.ru/sqytrx>. <https://doi.org/10.37493/2307-907X-2018-69-6-63-74> (In Russ.)
23. Choi Y., Kim H.-j., Lee Y. Economic consequences of the COVID-19 pandemic: will it be a barrier to achieving sustainability? *Sustainability*. 2022; 14(3):1629. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2021.12.1.8-22> (In Eng.)
24. Hayakawa K., Mukunoki H. The impact of COVID-19 on international trade: Evidence from the first shock. *Journal of the Japanese and International Economies*. 2021; 60:101135. <https://doi.org/10.1016/j.jjie.2021.101135> (In Eng.)
25. Jayasinghe N., Fernando S., Haigh R., Amaratunga D., Fernando N., Vithanage C., Ratnayake J., Ranawana C. Economic resilience in an era of «systemic risk»: Insights from four key economic sectors in Sri Lanka. *Progress in Disaster Science*. 2022; 14:100231. <https://doi.org/10.1016/j.pdisas.2022.100231> (In Eng.)
26. Hajian H.M. A system dynamics model of the impact of COVID-19 pandemic and foreign direct investment in the global supply chain. *Future Business Journal*. 2022; 8:40. <https://doi.org/10.1186/s43093-022-00155-3> (In Eng.)

The article was submitted 26.05.2023; approved after reviewing 13.06.2023; accepted for publication 26.06.2023

About the authors:

Sergey M. Vasin, Doctor of Economic Sciences, Professor; Vice-president for Research and Innovation; Researcher ID: R-8766-2016, Scopus ID: 56436084600

Leyla A. Gamidullaeva, Doctor of Economic Sciences, Assistant Professor; Head of the Department «Marketing, Commerce and Service», Institute of Economics and Management; Researcher ID: E-7822-2016, Scopus ID: 56436586400

Contribution of the authors:

Vasin S. M. – scientific guidance, provision of resources, developing methodology and methods, conducting a critical analysis and interpretation of materials, forming conclusions.

Gamidullaeva L. A. – selection of analytical data in the preparation of this article, graphical representation of the results, preparing the initial version of the text, conducting a critical analysis and interpretation of materials, forming conclusions.

All authors have read and approved the final manuscript.

Научная статья

УДК 339.9

JEL: E7, F63, G15

<https://doi.org/10.18184/2079-4665.2023.14.2.207-223>

Индикаторы развития кризисов и финансовое поведение субъектов глобальной экономической системы в кризисные периоды

Ромашкина Гульнара Фатыховна¹, Скрипнюк Джамиля Фатыховна²,
Андреанов Кирилл Владимирович³

^{1,3} Тюменский государственный университет; Тюмень, Россия

² Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; Санкт-Петербург, Россия

¹ g.f.romashkina@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7764-5566>

² skripnyuk.d@spbstu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3773-9098>

³ kirvland@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4135-0878>

Аннотация

Цель: сформировать оценочные индикаторы развития кризисов на основе анализа финансового поведения субъектов глобальной экономической системы в различные кризисные периоды.

Методы: количественный и качественный анализ периодизации кризисов по оценочным индикаторам, рассчитанным по данным Мирового банка; ретроспективный, сравнительный анализ финансового поведения субъектов глобальной экономической системы.

Результаты работы. Сформированы оценочные индикаторы развития кризисов. Систематизированы методы и подходы к изучению развития кризисов на основе анализа финансового поведения субъектов глобальной экономической системы в кризисные периоды. Показано, что в числе оценочных индикаторов развития кризисов может выступать состояние платежного баланса. Скачки цен на нефть могут также предвещать наступление кризисов. Золото поднимается в цене в процессе и сразу после кризиса, играя роль резервной валюты. Размах вариации темпов прироста показателей денежной массы, рыночной капитализации компаний и внутреннего кредита снижается в рассматриваемом временном периоде.

Выводы. Выделены оценочные индикаторы развития кризисов, способные выступать как система опережающих индикаторов кризисных процессов в условиях увеличения объемов глобальной экономики и усиления неустойчивости мировой финансовой системы. Финансовый сектор мировой экономики становится все более оторванным от реального сектора. Фактически, финансовый сектор и государственные институты переводят риски в глобальную экономическую систему, создавая при этом новые правила финансового поведения субъектов глобальной экономической системы. Предлагается опережающие индикаторы кризисных процессов рассматривать как систему, способную формировать базовые факторы финансового поведения субъектов глобальной экономической системы в кризисные периоды. Усиление влияния новых технологий, включая передовые информационно-коммуникационные, в условиях расширения многообразия моделей и систем взаимодействия индивидуальных агентов и институциональных систем способно как выступать безусловным двигателем экономического развития, так и провоцировать сильнейшие кризисы в глобальной экономической системе.

Ключевые слова: индикаторы развития кризисов, финансы, поведение, кризисы, глобальная экономическая система

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 23-28-01321 «Анализ поведения участников долгового рынка в условиях кризисных ситуаций в связанных экономиках».

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Ромашкина Г. Ф., Скрипнюк Д. Ф., Андреанов К. В. Индикаторы развития кризисов и финансовое поведение субъектов глобальной экономической системы в кризисные периоды // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2023. Т. 14. № 2. С. 207–223

EDN: <https://elibrary.ru/dzcthn>. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2023.14.2.207-223>

© Ромашкина Г. Ф., Скрипнюк Д. Ф., Андреанов К. В., 2023

Original article

Indicators of crisis development and financial behavior of subjects of the global economic system in crisis periods

Gulnara F. Romashkina¹, Djamilia F. Skripnuk², Kirill V. Andrianov³

^{1,3}Tyumen State University; Tyumen, Russia

²Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University; Saint-Petersburg, Russia

¹g.f.romashkina@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7764-5566>

²skripnyuk.d@spbstu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3773-9098>

³kirvland@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4135-0878>

Abstract

Purpose: is to form evaluative indicators of crises based on the analysis of financial behavior of subjects of the global economic system during various crisis periods.

Methods: quantitative and qualitative analysis of the crises' periodization, according to evaluative indicators calculated on the World Bank data; retrospective, comparative analysis of the financial behavior of subjects of the global economic system were used.

Results: evaluative indicators of crises are formed. Methods and approaches to the study of crises are systematized based on the analysis of the financial behavior of subjects of the global economic system in crisis periods. It is shown that the state of the balance of payments can be among the evaluative indicators of crises. The spikes of the oil prices can also anticipate a crisis. The gold rises in price during and immediately after crisis, serving as a reserve currency. In this time, there is a decrease in the scale of variation in the growth rates of indicators of money supply, companies' market capitalization and domestic credit.

Conclusions and Relevance: the identified evaluative indicators can act as a system of leading indicators of crisis processes, in conditions of an increase in the global economy volume and the intensifying instability of the global financial system. It is shown that the financial sector of the world economy is increasingly detached from the real sector. The financial sector and state institutions, using various risk reduction tools, transfer risks to the global economic system, which leads to the development of new rules of financial behavior of the subjects of the global economic system in crisis periods. It is proposed to consider the leading indicators of crisis processes as a system that can form the basic factors of financial behavior of subjects of the global economic system in crisis periods, determining the directions of stability of the world economic system. The strengthening of the influence of new technologies, including advanced information and communication technologies, in the context of expanding the diversity of models and systems of interaction of individual agents and institutional systems can both act as an unconditional engine of economic development and provokes the strongest crises in the global economic system.

Keywords: indicators of crises, finance, behavior, crises, global economic system

Acknowledgments. The article was supported by the Russian Science Foundation grant № 23-28-01321 "The analysis of debt market participant's behavior in the environment of crisis in connected countries".

Conflict of Interest. The Authors declare that there is no Conflict of Interest.

For citation: Romashkina G. F., Skripnuk D. F., Andrianov K. V. Indicators of crisis development and financial behavior of subjects of the global economic system in crisis periods. *MIR (Modernizatsiia. Innovatsii. Razvitie) = MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2023; 14(2):207–223. (In Russ.)

EDN: <https://elibrary.ru/dzcthn>. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2023.14.2.207-223>

© Romashkina G. F., Skripnuk D. F., Andrianov K. V., 2023

Введение

Актуальность представленной работы обусловлена возрастанием роли финансов в современной глобальной экономической системе. С одной стороны, некоторые финансовые системы превышают экономические возможности национальных государств. С другой стороны, благодаря беспре-

цедентной доступности информации, накладывающейся на слабую финансовую грамотность, мелкие индивидуальные инвесторы, которых обычно относят к «толпе» или «массам», могут обрушивать крупнейшие финансовые институты. Один из свежих примеров – это события марта 2023 г., вследствие которых американские регулирующие органы взяли под свой контроль Silicon Valley Bank¹.

¹ Life is getting tough for borrowers. Where will the pain be felt? // The Economist. 15.04.2023. URL: <https://www.economist.com/finance-and-economics/2023/04/11/life-is-getting-tough-for-borrowers-where-will-the-pain-be-felt> (дата обращения 22.04.2023)

Аналитики спрашивали, повторится ли сценарий событий 15-летней давности, или все обойдется легкой паникой на рынках².

Исследование, посвященное формированию оценочных индикаторов, способных объяснить процессы развития кризисов с позиции факторов финансового поведения субъектов глобальной экономической системы, приобретает особую актуальность в условиях повторяющихся кризисных периодов. Эксперты в экономической сфере, как правило, замечательно описывают прошлые кризисы, но не успевают оперативно ответить на быстро меняющуюся действительность. В данной работе будут показаны индикаторы, которые могут помочь аналитикам идентифицировать надвигающиеся кризисы, снижая уровень неопределенности.

В представленной статье мы попытаемся раскрыть проблему во многом противоречивого развития экономических теорий и подходов, объясняющих взаимосвязи между экономическим развитием, финансами и государственными институтами с акцентом на роль индивидуальной логики в этих взаимосвязях.

Мы согласны с Э. Стокхаммером и Э. Бентссоном в том, что сегодня почти все понимают, что финансы являются важнейшей силой в современной экономике и обществе [1]. Современное государство всегда обращалось к банкам и финансовым институтам с целью финансирования своих долгов и расходов, выпуская множество финансовых инструментов (например, облигации, казначейские векселя) и поддерживая прочные связи с финансовой элитой. Частные лица также стали вовлекаться в финансовую систему. Тем не менее, можно, вслед за Дж. Стиглицем, утверждать, что мир продолжает движение на длинной волне расширения финансовой системы, которая последовала за либерализацией рынка капиталов [2]. В то же время, соглашаясь с Д. Агудело и Д. Мунера, можно указывать на глобальных инвесторов как на «переносчиков кризисной инфекции на развивающиеся рынки» [3]. Современные кризисы показали нам, что в кризисные периоды роль индивидуальной логики может проявиться сильнее, чем влияние традиционных институциональных и фундаментальных факторов, способных объяснить рациональность поведения и выбор тех или иных экономических или финансовых оценок в более спокойные периоды.

Примерами могут служить массовое поведение глобальных мелких инвесторов, поведение глобальных игроков на развивающихся рынках. Мы утверждаем и показываем на конкретных примерах, что вследствие этого растет важность сво-

временной и жесткой реакции государственных институтов, ограничивающих власть инвесторов и банков в экономике.

Обзор литературы и исследований

По утверждению П. Бофингера и соавторов, в настоящее время стоит вновь обратиться к идеям Й. Шумпетера, чтобы попытаться объяснить масштабы и даже направление международных потоков капитала [4]. Эти идеи включают необходимость различения между «реальным анализом» и «монетарным анализом», как он это называл, и его последствиям для монетарной макроэкономики. Экономисты не могут спрогнозировать кризисы, но объяснения «постфактум» проводятся весьма убедительным образом [5–7].

Обычно выделяют 3 базовых фактора, определяющих новые особенности экономического развития: финансовая глобализация, инновационно-технологические и институциональные факторы [8–11]. В число последних относят вмешательство государства [7, 8]. Теория финансовых рынков и теория кризисов позволила нам сформировать концептуальную основу обобщения, которая раскрыта через индикаторы, способные объяснить процессы развития кризисов с позиции факторов финансового поведения субъектов глобальной экономической системы. Поэтому индикаторы отобраны таким образом, чтобы отразить регулятивную, спекулятивную, инвестиционную составляющие.

В.А. Мау предложил статистически характеризовать глобальную экономическую систему динамикой таких показателей, как темпы прироста мирового ВВП, физические объемы производства, спекулятивного капитала и мировой безработицы, индексы DJIA и S&P500, темпы мирового импорта и экспорта, цены на золото и баррель нефти [7]. Если указанные индикаторы достигают критических значений, экономика теряет свою траекторию развития. Обычно такие периоды называют кризисными. Э. Рустамов показал, что частота периодов кризисов значительно увеличилась с формированием мировой финансовой системы, которая была создана начиная с 1980-х годов [6].

Но статистический экономический анализ так и не смог предсказать наступление ни одного кризиса, в этом мы согласны с выводами О. Джорды, А.М. Шуларика и А.М. Тейлора [11]. Многие исследователи стали включать в статистический анализ поведенческие факторы, например, В. Рикарди и Х.К. Саймон [12]. Возможно, одной из причин является то, что финансы исторически развивались

² Крах Silicon Valley Bank выявил риски для сектора, привел к пересмотру прогнозов для ставки ФРС. Обзор // Интерфакс. Экономика. 13.03.2023. URL: <https://www.interfax.ru/business/890803> (дата обращения 22.04.2023)

как особая система деятельности. Согласно выводам Д. Косты, Ф. Карвалью и Б. Морейра, если производство, потребление и распределение или обмен как рыночный интерфейс взаимосвязей производства и потребления, являются 3-мя различными сферами экономической деятельности, то финансы – это 4-я сфера, представляющая некую инфраструктуру, создающую финансовое обеспечение производственным и торговым процессам и потокам [13]. При этом, казалось бы, очевидно, что эти производственные и торговые процессы и потоки должны быть обеспечены неким количеством денежных и финансовых ресурсов для того, чтобы данные процессы могли обеспечивать социально-экономическое развитие различных субъектов экономической деятельности. Проблема и вопрос заключаются в том, в каком объеме и в какой структуре эти денежные и финансовые ресурсы должны наиболее эффективно обеспечивать искомое социально-экономическое развитие. Ответы на эти вопросы искал, например, С.К. Миттал, как на практике, так и в существующих теориях [14]. Продолжение этих поисков можно найти в работе Дж. Джейна, Н. Валия и С. Гупта, начиная с теории капитала, когда товар должен быть обеспечен неким количеством денежной массы, теоретических положений Кейнса о значимой роли государственного регулирования, продолжая современными неоинституциональными теориями, с выделением роли «экономического человека» [15]. Как теория, неоинституционализм развивался, дополняя направление экономикс. В основе лежит контрактная парадигма Дж. Коммонса, когда объяснение общественных отношений с позиции рационально мыслящего «экономического человека» расширяется посредством учета ценового механизма в условиях совершенной конкуренции, что отметил Х. Мааруф [16].

А. Фонтана и М. Шайхер на примере стран еврозоны за период 2007–2012 гг. показали, как волатильность финансовых рынков фактически перераспределяет риски в слабые экономики [17]. Р. Нижкенс и В. Вагнер на панельных данных банковских операций показали, что основной причиной кризиса 2007–2009 гг. являются различные способы, с помощью которых банки переносили кредитный риск в финансовую систему [18].

Но не только финансы служили локомотивом кризисных ситуаций. Халид Хан и соавторы утверждали, что существование пузырей на рынке нефти может спровоцировать развитие очередного экономического кризиса. Более того, они проверили аналитическими методами, что расширение пузырей совпало с началом кризиса 2008–2009 гг. [19].

Д. Слатер отметил, что сделки по обмену товаров на деньги в первичном секторе экономики обычно

не включают в себя долговые обязательства, которые выходят далеко за рамки фактической сделки, на первичных рынках участники расстаются, когда они завершили сделку [20, с. 237]. Примером рационального поведения на рынках обычно называют рынок нефти. Поскольку нефть является товаром, который можно хранить, и ее цена постоянно меняется по мере поступления на рынок новой информации, рынок может действовать более эффективно и рационально. Говоря о рациональности рынка и рациональном поведении, надо понимать о каких рынках и о какой цене идет речь. Да, нефть – это товар, который можно хранить. С одной стороны, очевидно, что необходимо отдельно выделять биржевой рынок, где на нефть, как классический биржевой товар, формируется спекулятивная цена в виде срочных биржевых контрактов. С другой стороны, существует рынок реальных поставок нефти, где цена формируется в условиях контрактных цен и обязательств. Какой из этих рынков можно рассматривать в виде рационального рынка с рациональным поведением, и насколько данные рынки связаны? На наш взгляд, очень часто происходит путаница и смешивание данных рынков и условий. И все-таки биржевые рынки, как сегмент финансовых рынков, с обращающимися на них биржевыми товарами и обязательствами, в современных условиях практически полностью превратились в спекулятивный инструмент различных участников глобального рынка. И, если говорить о рациональности поведения в этих условиях, то это, скорее всего, рациональность поведения при спекулятивных решениях, при формировании, например, некоего финансового портфеля. Но реальный рынок этих же товаров все больше и больше отрывается от финансового рынка [20]. Кроме того, рациональность поведения можно рассматривать с позиции экономических оценок и (или) с позиции финансовых оценок. Вне зависимости от типов рынков, финансовые оценки необходимо рассматривать, например, с позиции позитивного восприятия риска, иначе они становятся невозможными в перспективе, здесь мы согласимся с мнением Р. Нижкенса и В. Вагнера [18].

Экономические оценки традиционно работали в логике оптимизации взаимосвязей между риском и возможными прибылями, в рамках предположений об «экономическом человеке», основываясь на опыте ведения домашнего хозяйства. Можно предположить, что экономическое мышление с середины XX века балансирует между бытовой формой рассуждений и идеей оптимизации индивидуальных интересов, закрепленной в понятии «экономический человек», понятиями, которые, вероятно, не очень помогают нам понять финансовую логику принятия решений в общепринятой парадигме [14].

На неоднозначность влияния финансовой системы указывают многие исследователи. Они часто противоречат друг другу. Высказывая свое разочарование финансовой глобализацией, Д. Родрик и А. Субраманиян утверждали, что экономисты переоценивают роль финансов в экономическом развитии [21]. Ж. де Грегорио и П. Гвидотти утверждали, что в странах с высоким уровнем дохода финансовая глубина экономики с 1960 по 1985 гг. положительно коррелировала с уровнем экономического развития, но позднее знак взаимосвязи сменился на отрицательный [22]. Финансовая глубина экономики начинает оказывать негативное влияние на рост производства, когда объемы кредитования частного сектора экономики начинают превышать ВВП.

Не слишком ли много финансов в мире, задали вопрос Ж.-Л. Аркан и соавторы [23]. В качестве эпиграфа, авторы сослались на высказывание Дж. Тобина, «...Мы направляем все больше и больше наших ресурсов, в том числе сливок нашей молодежи, на финансовую деятельность, далекую от производства товаров и услуг, на деятельность, которая приносит высокие частные выгоды, несопоставимые их социальной производительности». Важно отметить, что институциональные факторы могут влиять на взаимосвязь между финансами и экономическим ростом, но эти взаимосвязи не носят универсальный характер. Б.Н. Балтаги, П.О. Деметриадес и С.Ш. Лоу, по 2-м массивам данных панельных рядов 42-х развивающихся стран и 32-х взаимосвязанных развитых и развивающихся, показывали, как в странах с плохими институтами или высокой инфляцией финансы перестают влиять на экономический рост [24].

Чи-Ян Чен, Мэй-Се Чие и Чие-Чан Ли, на основе анализа панельных данных 72-х стран с 2000 г. по 2015 г., сделали ряд важных обобщений. Во-первых, независимо от уровня национального дохода, финансовое развитие всегда неблагоприятно для экономического роста, но этот негативный эффект сильнее в странах с высоким уровнем дохода. Во-вторых, распространение ИКТ может улучшить экономический рост в странах с высоким уровнем дохода, но эффект неоднозначен в странах со средним и низким уровнем дохода [10].

Материалы и методы

Методология исследования опирается на анализ периодизации кризисов в привязке к особенностям финансового поведения субъектов глобальной экономической системы в кризисные периоды. Цель исследования – сформировать оценочные индикаторы развития кризисов на основе анализа финансового поведения субъектов глобальной экономической системы в различные кризисные периоды. В качестве субъектов глобальной эконо-

мической системы рассматриваются производственные компании, коммерческие банки и кредитно-финансовые организации, различные институты национальных экономик и межгосударственных интеграционных группировок, осуществляющие различные денежно-кредитные операции, а следовательно, имеющие некоторое финансовое поведение.

В качестве оценочных индикаторов (показателей) данного финансового поведения выбраны следующие.

1. Мировой ВВП, темп прироста, %.
2. Денежная масса, в % к мировому ВВП.
3. Внутренний кредит частного сектора, в % к мировому ВВП.
4. Рыночная капитализация компаний, в % к мировому ВВП.
5. Цена монетарного золота за тройскую унцию, в долларах США.
6. Цена за баррель нефти, в долларах США.
7. Доля совокупных платежей по внешнему долгу к величине экспортных поступлений стран, %.
8. Доля совокупных платежей по внешнему долгу к ВВП стран, %.

При этом изменение значений показателей по состоянию платежного баланса (резкое падение профицита или рост дефицита платежного баланса страны; показатели 7 и 8) рассматриваются в качестве опережающих индикаторов развития кризисов.

Выборка данных включает все страны и регионы, которые в периоды с 1982 по 2023 гг. предоставляли в Мировой банк данные по обслуживанию внешнего долга: всего 112 стран, из них предоставляли данные в разные периоды от 73-х до 112-ти стран. Учитывалось, что некоторые страны предоставляли данные не регулярно, и начинали предоставлять данные в различные временные периоды. Применялся ретроспективный анализ методов и подходов к изучению финансового поведения субъектов глобальной экономической системы в кризисные периоды. Использовались статистический, сравнительный виды анализа полученных данных. Данные анализировались в целом по миру.

Результаты исследования

Кризисы в глобальной экономической системе

На основании анализа публикаций мы выделили ряд показателей, которые могут служить индикаторами возникновения кризиса в глобальной экономической системе. Под глобальной экономической системой мы понимаем систему, которая включает:

- а) глобальное производство, представленное транснациональными компаниями и системой перемещения трудовых ресурсов;
- б) мировую валютно-финансовую систему, включающую совокупность денежно-кредитных рынков и рынков капитала (глобальная валютно-финансовая система);
- в) мировую систему движения товаров, услуг и результатов интеллектуальной деятельности, включающую международную торговлю, систему создания и распространения инноваций;
- г) глобальную информационную систему (глобальная Интернет-система), представленную техническими средствами перемещения информации, организации электронной торговли.

Проведем более внимательный анализ периодизации кризисов.

Наиболее широко известным является мнение, что до 1920-х гг. экономика в основном развивалась в циклическом режиме на основе эндогенных факторов. Для выхода экономики из кризиса не было необходимости во вмешательстве государства. Эндогенный механизм циклического развития не сработал во время мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. Тогда сформировались новые механизмы появления кризисной волатильности.

Азиатский экономический кризис 1997–1998 гг. называют примером того, как массированный приток капиталов вызвал перегрев рынка недвижимости, рост государственного и корпоративного долга, спровоцировав глобальный обвал финансовых рынков [9, 11]. Но тогда еще не были выработаны глобальные правила поведения по предупреждению таких кризисов, отражающие принципиально новые внешние условия.

Растущее значение финансовой глобализации для экономики в целом продемонстрировали миру глобальный экономический кризис 2007–2009 гг. и европейский долговой кризис 2010–2011 гг. Как правило, финансирование может быть получено по двум каналам: банковское кредитование и финансовые рынки. В странах, ориентированных на производство, таких как Германия, исторически сложилось доминирование банковского кредитования. Э. Стокхаммер и Э. Бенгтссон в своем обзоре истории финансирования продемонстрировали, что в США, как и в англосаксонских странах в целом, сложилась иная модель, когда денежные рынки и рынки ценных бумаг обеспечивали важные каналы кредитования посредством различных видов ценных бумаг [1].

Очевидно, что при попытках объяснить механизмы кризисов возникает много вопросов: насколько вообще возможно существование этого разум-

ного «экономического человека» (под экономическим человеком в данном случае следует понимать различные субъекты, или лица, принимающие решения в производственно-торговых отношениях); насколько возможно существование совершенной конкуренции, которая считается главным фактором развития свободных рынков; какие факторы способны это все заменить (например, инновационно-технологический прогресс); некие регуляторы [13–15]. Если рассуждать в терминах классической экономики, которая говорит о «невидимой руке рынка», то получатся «видимая рука регулятора». Существует множество подходов, исследований, которые отвечают на данные вопросы, часть из них мы рассмотрим ниже.

Смену технологических укладов тоже можно рассматривать как некий экзогенный фактор механизмов кризисов, если оставаться в парадигме существования циклов, понимая при этом, что временные периоды этих циклов в современных условиях сильно сжаты. Глобальный экономический кризис 2007–2009 гг. последователи Н.Д. Кондратьева связывают со сменой технологического цикла. Может оказаться, что сами технологические изменения являются результатом научно-технического прогресса, и это уже эндогенный фактор кризисов. Как показали Х.М. Адди и А.Б. Абубакар, финансовая глобализация как часть научно-технического прогресса привела к международной экспансии финансовых посредников и интернационализации систем финансового регулирования [8]. Государства пытаются защищаться, усиливая степень вовлечения институтов в экономические и социальные процессы [5–7].

Проведение анализа финансового поведения субъектов глобальной экономической системы в кризисные периоды позволит, на наш взгляд, обосновать отдельные обобщения по возможным факторам данного финансового поведения в различные кризисные периоды.

Мы понимаем, что нельзя изучать финансовое поведение просто как категорию потребления. Даже несмотря на то, что сами финансы включают в себя принципы распределения (например, распределение риска) и, возможно, измерение потребления информации, это вряд ли может быть объяснено с точки зрения ведущих теорий потребления, которые касаются образа жизни потребителей, их идентичности и самовыражения [15]. Одна из причин различий между финансовой системой и другими экономическими сферами заключается в том, что финансы выполняют специализированную (посредническую) функцию, как мы уже указывали выше. Например, как люди, экономические агенты и институты согласовывают свои интересы в сегодняшнем «бурлящем море» открытой и доступной информации [11].

Как утверждал Дж. Кейнс, кредит должен быть получен до начала производственного цикла. Финансы и другие сферы экономики также регулируются по-разному, и в них действуют разные режимы [12]. Например, до тех пор, пока не разразился глобальный экономический кризис первого десятилетия XXI века, вызвавший, в том числе, усиление регулятивных режимов, внебиржевые рынки финансовых инструментов, не обращающихся на биржах, были предоставлены самим себе в плане внутреннего саморегулирования. В рамках свободного рынка это какое-то время служило хорошим конкурентным механизмом. С.К. Миттал заключил, что финансовые рынки требуют, чтобы мы научились понимать структуру действий инвестиций и спекуляций [14]. Оба типа финансовых действий, вероятно, связаны с обязательствами, обещаниями, и отношениями между поставщиком кредита (инвестиционного предложения, например, инвестором) и лицом, ищущим кредит (например, фирмой, государством, фондом), а также рынком [15]. Государства активно участвуют в такой торговле.

Последние 30 лет показали, как череда политических кризисов может вызвать изменения в финансовых институтах. Распад Советского Союза привел в движение множество разрозненных новых подходов к капитализму, часто с заметным участием финансовых рынков. Массовая приватизация бывших государственных предприятий создала тысячи новых государственных корпораций. К 2000-му г. в Азербайджане было 2 публично торгуемые корпорации, в Болгарии – 500, а в Румынии – более 5500 (уступая только США и Индии). Экономические траектории стран, ранее входящих в блок социалистических, сильно различались, большинство из них включали фондовые рынки как средство передачи государственной собственности, с разной степенью успеха. За пределами Восточной Европы десятки других стран открыли свои первые фондовые биржи в 1980-х и 1990-х гг., удвоив число стран в мире с внутренним фондовым рынком [7]. Новые биржи открылись в Монголии (1992), Латвии (1993).

На первых этапах трансформаций финансы становились все более свободными от государственного контроля, поскольку легкий поток ресурсов с помощью электронных средств обеспечил новую реальность. Это поставило под сомнение существующие типологии, которые, как правило, предполагают, что государства формируют пространства для финансирования экономической деятельности. Корпорации долгое время придерживались определенной стратегии в своем финансировании, но уже и государственная принадлежность стала скорее вопросом выбора. Например, если можно быстро и относительно легко разместить акции в Нью-Йорке, Лондоне или Гонконге,

то почему бы не сделать это множеству компаний со всего мира.

Э.Дж. Ньюман и соавторы, анализируя глобальную банковскую систему США с 1986 по 2004 гг., показали, как банки США распространяли свое глобальное влияние при помощи сетей межфирменных взаимодействий, включая в советы директоров представителей различных стран, отраслей и конгломератов, опираясь на информационные и коммуникационные технологии в последние десятилетия XX века [25]. Расширение сетей розничных филиалов, диверсификация бизнеса, создание взаимных фондов других компаний открывало возможности для повышения прибыли. По мере того, как финансы все больше отрывались от места, компаниям стало возможным полностью отказаться от своей внутренней финансовой системы [8]. Десятки компаний, зарегистрированных в Израиле, обошли фондовый рынок Тель-Авива и сразу попали на NASDAQ; многие азиатские фирмы финансировались американскими венчурными капиталистами, консультировались американскими юридическими фирмами и были зарегистрированы в Соединенных Штатах [9]. На фондовом рынке только их почтовый адрес отличал эти фирмы от типичных стартапов Кремниевой долины [25].

Можно предположить, что конец 1990-х гг. ознаменовался расцветом неолиберального консенсуса относительно роли финансов в экономическом росте. Б. Гуру и И. Ядав, на панельных данных БРИКС за период с 1993 г. по 2014 г., показали, что финансовые рынки в этих странах способствовали экономическому росту [26]. Утверждалось, что расширение финансирования в этих странах поддерживало инновации, хеджирование рисков и снижение бедности, что можно считать одним из самых оптимистичных прогнозов из соответствующих исследований.

К. Пуревал и Х. Хайни пересмотрели эти прогнозы по данным 24-х развитых стран ОЭСР с 1980 г. по 2017 г. Они утверждали, что в целом финансовые рынки и финансовые институты способствуют экономическому росту, но влияние финансовых рынков на экономический рост слабее, чем влияние финансовых институтов [27]. Д. Хендерсон и соавторы сделали вывод о том, что положительное влияние финансового развития на экономический рост в целом по миру с течением времени увеличивается. В разбивке по группам стран усиливается разнообразие: более развитые страны получают выгоду, а страны с низким уровнем дохода не получают никакой выгоды [28].

За первые десятилетия XXI века спекулятивный рыночный канал превратился в центральную часть глобальной финансовой архитектуры и финансовой организации мировых экономик. Например, в

США и Великобритании до начала XXI века менее 30% корпоративного финансирования поступало от коммерческих банков [11]. Хотя банковский кредит по-прежнему важен, он сам по себе глубоко связан с финансовыми долговыми рынками, благодаря собственным инвестиционным и финансовым стратегиям банков. Лишь небольшая часть денег, ссужаемых лицам, ищущим кредит, на самом деле поступает с депозитов клиентов. Примером может служить рынок переупакованных низкокачественных ипотечных долгов и кредитных деривативов, а также дефолтных обязательств в более общем плане. Основным фактором кризисов стало расширение кредитования и инвестиционного спекулятивного предложения, доступного банкам и кредитно-финансовым организациям, связанным с ними. Финансовые институты расширили свои рычаги за счет использования таких инструментов до объема, на несколько порядков превышающего их депозиты, и это вливание совокупных кредитных ресурсов в итоге значительно увеличило торговлю этими инструментами и риски, связанные с ними.

Противоречивость влияния финансов и инвестиций на экономический рост может быть опосредовано политическими факторами. Например, сосредоточившись на группе из 27-ми стран в период с 2005 по 2018 гг., Х.М. Адди и А.Б. Абубакар доказывали, что улучшение экономической свободы в отдельности стимулирует экономический рост, в то время как улучшение институционального качества эффективно стимулирует инвестиции [8]. Однако эффект взаимодействия повышения институционального качества и экономической свободы заключается в стимулировании как инвестиций, так и экономического роста.

Путь к экономическому росту был ясен, но узок и требовал удовлетворения потребностей близких глобальных инвесторов. Это была, конечно, несколько иная модель развития, чем знакомое состояние развития. Что изменилось? Возможный ответ предполагал, что снижение транзакционных издержек рыночного финансирования, по сравнению с другими формами финансирования, создало непреодолимую привлекательность как для эмитентов, так и для инвесторов. Предпринимателей привлекала возможность быстро разбогатеть с помощью публичного размещения акций; глобальных инвесторов привлекали высокие потенциальные темпы роста на развивающихся рынках. Старые модели государственного управления инвестициями, которыми руководствуются развивающиеся государства, такие как Япония и Корея, стали заменяться предпринимательской моделью, при которой западные инвесторы финансировали предпринимательскую деятельность по всему миру. Государства при этом больше бы не занимались «отбором победителей»: это сделали бы рын-

ки. Вместо этого надлежащая роль государства в финансовой сфере заключалась в создании правовой инфраструктуры для финансовых рынков и защите прав акционеров (опираясь на хорошо документированную архитектуру американской системы), снижении ограничений на поток финансов и наблюдении за ростом экономики [24–27].

Новая модель не была лишена компромиссов. Технологические изменения, расширяющие рыночное финансирование, привели к появлению явных победителей и проигравших, не только между государствами, но и внутри государства и в обществе в целом. В Соединенных Штатах коалиция менеджер/работник была заменена коалицией менеджер/владелец, что привело к соответствующей потере власти рабочей силой. Важным событием стала волна поглощений 1980-х гг., в ходе которой треть крупнейших промышленных корпораций США была захвачена и часто разделялась во имя «создания акционерной стоимости». Корпоративные менеджеры получали все большую компенсацию в соответствии с их способностью повышать цену акций, тем самым, согласовывая свои интересы с интересами своих акционеров. К 1990-м гг. среди тех, кто владел, и тех, кто управлял, сложился консенсус в отношении того, что корпорации существуют для создания акционерной стоимости, а не для обеспечения стабильной занятости, и волна сокращения штата урезала крупнейшие американские фирмы до их ядра, вызвав всплеск неравенства доходов [11]. Даже в банковской сфере сверхрасширение финансовых рынков создало как победителей, так и проигравших [3]. Растущая доступность для бизнеса рыночных долговых обязательств означала, что коммерческие банки в США потеряли большую часть первичного рынка для своего кредитования; с другой стороны, вкладчики обнаружили, что рыночные механизмы, такие как взаимные фонды, предлагают более прибыльную альтернативу традиционным сберегательным счетам, делая банки все более неактуальными [25]. Благодаря процессу консолидации в отрасли, в 1990-е – 2000-е гг. была создана небольшая группа национальных гигантов (JP Morgan Chase, Bank of America, Citigroup), но большинство крупных городов остались без местных банков. Инвестиционные банки, с другой стороны, становились все более крупными и могущественными, поскольку они были основными каналами рыночного финансирования. С точки зрения как вознаграждения, так и политического влияния, инвестиционные банкиры стали мощной силой в американском обществе. Отвечая на вопрос, кто бенефициары финансового развития, Д. Хендерсон, С. Папагеоргиу и С. Парметр указывали на саму финансовую систему [28]. Конвергенция во всем мире затрагивала не только финансирование, но и модели управления, отношение к инновациям. Неоднородность предпочтений инвесторов считалась одним из столпов устойчивости новой

экономической системы. Как описывали П. Фисс и Э. Зейждак, в Германии, которую, как правило, называют примером скоординированной рыночной экономики с классической банковской системой финансирования, государственные корпорации в 1990-х гг. начали заявлять о своей новообретенной приверженности «акционерной стоимости», отчасти для того, чтобы повысить свою привлекательность для иностранных инвесторов [29].

Оказалось, что развивающиеся рынки были не единственными, кто испытал на себе последствия финансовой глобализации. Ж.-Л. Аркан и соавторы утверждали, что слишком быстро перемещающиеся в мировой экономике финансы угрожают могуществу национального государства [23]. В ряде эмпирических исследований высказываются негативные и смешанные мнения о взаимосвязи экономического и финансового роста, возможно, из-за всплеска финансовых кризисов, или из-за того, что на фондовом рынке недостаточно мер для стимулирования экономического роста, а также из-за существования нелинейных взаимосвязей [30, 31]. Когда переговорная сила государств ослабляется все более мобильным капиталом, это оказывает прямое влияние на переговорную силу рабочей силы. Мартин Вольф заявил: «Интересы транснациональной компании не совпадают с интересами страны, из которой она происходит, или работников, которых она исторически нанимала» [31].

После серии глобальных кризисов, в начале XXI века, одновременно по всему миру происходила волна слияний и поглощений, в основном, на базе американских банков, которые становились все более сетевыми. По мнению Э. Ньюмана и соавторов, сами сети стали гораздо более обособленными, менее склонными к межфирменным взаимодействиям, как на уровне менеджмента и советов директоров, так и с точки зрения бизнес-стратегий, поскольку наиболее диверсифицированные банковские стратегии создали новые риски (дефолт стран, отказ от выполнения взаимных обязательств и т.д.). Поскольку глобальные банки были особенно склонны к слиянию, в первое десятилетие XXI века в США они были гораздо больше ориентированы на внутренний рынок, чем фирмы в большинстве других отраслей. Стратегия консолидации в США выразилась в снижении числа банков с зарубежными филиалами (более чем в 2 раза), снижении доли зарубежных операций, обособлении структуры советов директоров. Промышленность стала, в итоге, более глобальной, сами американские банки стали гораздо более внутренними [25].

Если десятилетие, закончившееся в 2000 г., стало кульминацией неолиберализма, основанного на финансах, то десятилетие, закончившееся в 2010 г., продемонстрировало опасность слишком

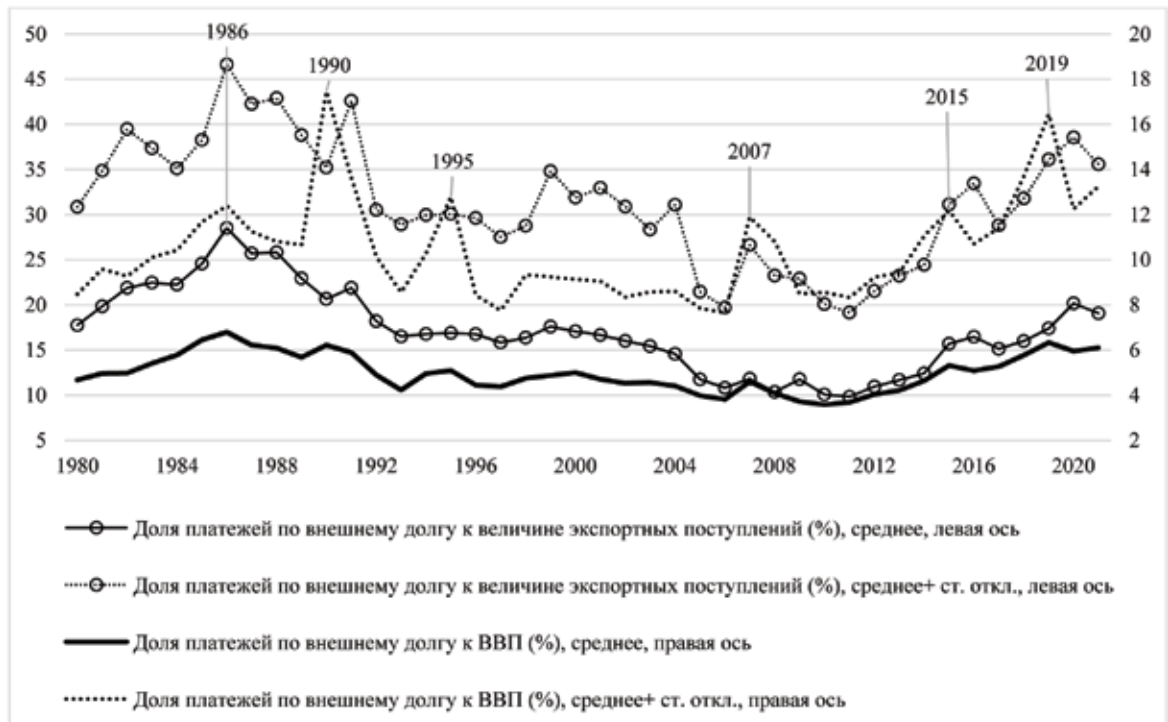
тесной привязки благосостояния общества к финансовым рынкам, безотносительно к реальному экономическому росту и развитию. Последующее десятилетие, закончившееся в 2020 г., определило решающее значение технологических инноваций во всех процессах экономики и финансов, причем как с позиции спекулятивных операций участников глобальной экономической системы, так и с позиции основных решений регуляторов по сдерживанию отрицательных последствий усиления спекулятивных операций и дальнейшего разрыва между реальным и финансовым сектором глобальной экономики.

Механизм перехода ипотечного кризиса в экономический

Экономический кризис, начавшийся в 2008 г., создал переломный момент для мировых финансов. В связи с реорганизацией финансовой сферы появились новые категории игроков (участников), которые приобрели политическое влияние. Например, ипотечное финансирование традиционно было простым делом в США: вкладчики размещали свои сбережения в местных банках, а банки выдавали ипотечные кредиты местным заемщикам. Широко распространенная секьюритизация ипотечных кредитов коренным образом изменила цепочку создания стоимости для финансирования жилищного строительства. Появились новые отрасли независимых ипотечных брокеров, которые заменили банковских кредитных специалистов, создателей кредитов (таких как Countrywide и New Century), которые выдавали первоначальные кредиты, а затем продавали их инвестиционным банкам для упаковки в ценные бумаги, обеспеченные ипотекой, и кредитные службы, которые принимали платежи от покупателей жилья и распределяли их среди инвесторов. В итоге, надулся и оглушительно лопнул ипотечный пузырь (рис. 1).

Все началось с нескольких тысяч американских домовладельцев, не выполнивших свои обязательства по выплате ипотечных кредитов. В конечном итоге был спровоцирован глобальный кризис, который подвел мир ко второй Великой депрессии. В сентябре 2008 г., за 3 недели, в США произошел крупнейший банковский крах, включающий несколько событий – банкротство бизнеса (Washington Mutual и Lehman Brothers), захват 2-х учреждений, контролировавших половину рынка ипотечных кредитов (Fannie Mae и Freddie Mac), почти полное банкротство крупнейшей в мире страховой компании (AIG) и исчезновение 2-х из 4-х крупнейших независимых инвестиционных банков (Lehman и Merrill Lynch) [32].

Только масштабное и беспрецедентное вмешательство федерального правительства США предотвратило крах финансовой системы. В начале 2010 г. рыночный индекс S&P 500 был на четверть ниже, чем

Разработано авторами по материалам: Total debt service (% of GNI). World Bank, International Debt Statistics // The World Bank. Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/DT.TDS.DECT.GN.ZS?view=chart> (дата обращения: 19.04.2023)

Рис. 1. Динамика средних величин состояния платежного баланса стран

Developed by the authors on materials in: Total debt service (% of GNI). World Bank, International Debt Statistics // The World Bank. Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/DT.TDS.DECT.GN.ZS?view=chart> (accessed 19.04.2023)

Fig. 1. Dynamics of the mean values of the balance of payments of countries

десятилетием ранее, и в США насчитывалось вдвое меньше государственных корпораций, чем в 1997 г.

В России кризис пришел практически сразу, но банк РФ реагировал не менее оперативно. Банк России согласовал сделку по приобретению группой Bank of Cyprus 80% Юниаструм банка. Консорциум инвесторов ОАО «Инвестиционная группа «АЛРОСА» и ОАО «Российские железные дороги» (РЖД) 03.10.2008 г. подписал соглашение о приобретении 90% акций инвестиционного банка «КИТ Финанс»³.

Этот период обычно связывают с возвратом от депрессии к рецессии. Из прежних лидеров в США остались только Goldman Sachs и JP Morgan Chase. В итоге кризиса крупнейший «финансовый супермаркет» мира развалился на две части – международный универсальный банк Citicorp и Citi Holdings, объединивший брокерские услуги, управление розничными активами, местное потребительское кредитование.

Анализ состояния платежного баланса

Выше было показано, что в качестве индикатора развития кризисов можно рассмотреть состояние платежного баланса (резкое падение профицита или рост дефицита платежного баланса страны). В качестве основных опережающих индикаторов ухудшения платежной позиции можно выделить соотношение величины платежей по внешнему долгу к: а) величине экспортных поступлений (см. рис. 1, левая ось), б) ВВП стран (см. рис. 1, правая ось).

На рис. 1 отражены средние величины и средние величины плюс стандартное отклонение указанных индикаторов в мировой экономике, доступные по данным Мирового банка за период с 1980 по 2021 гг. В выборку были включены все страны и регионы, которые в указанные периоды предоставляли в Мировой банк данные по обслуживанию внешнего долга: всего 112 стран, из них предоставляли данные в разные периоды от 73-х до 112-ти стран.

³ Хронология развития мирового финансового кризиса. Справка // РИА Новости. 01.12.2008 (ria.ru) URL: <https://ria.ru/20081201/156202392.html?ysclid=lnl052dd6789392795> (дата обращения 22.04.2023)

Например, кризис 2019 г., стартовавший в результате валютных кризисов в развивающихся странах, отражен максимизацией разброса доли платежей по внешним долгам к ВВП стран. В 2020 г. видно, как выросла средняя доля платежей по долгам стран к величине экспортной выручки (поскольку внешние торговые операции между странами сильно затормозились на фоне ограничений и локдаунов в период пандемии). В 2021 г. вновь поползла вверх кривая, демонстрирующая разброс доли платежей к внешнему долгу в ВВП, фактически демонстрирующая преддефолтное состояние в ряде развивающихся стран.

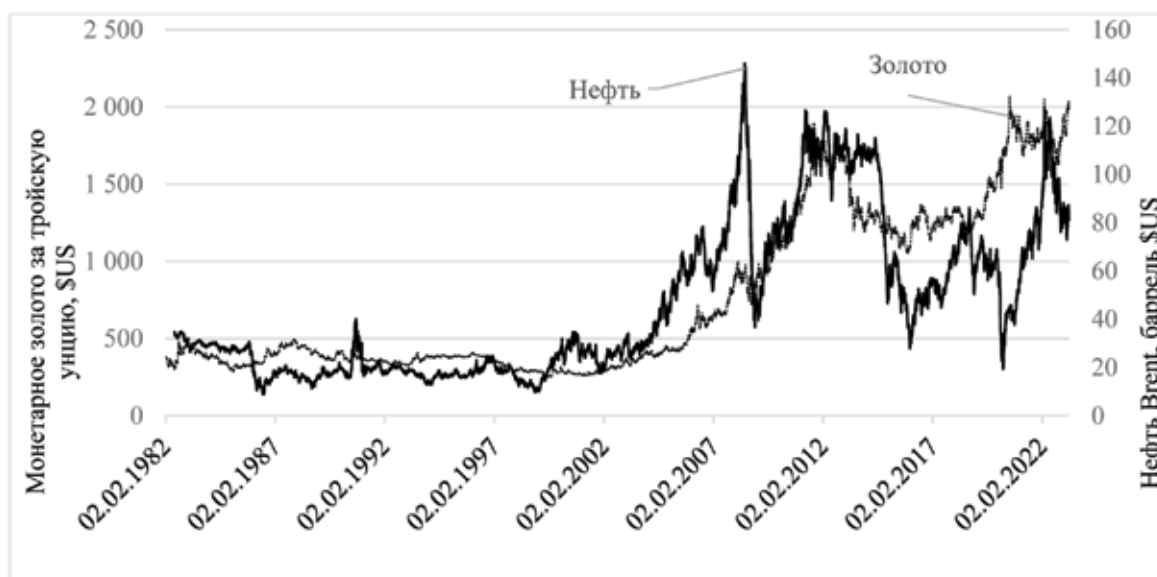
*Анализ оценочных индикаторов (показателей)
финансового поведения субъектов
глобальной экономики*

На рис. 2 по левой оси показана динамика биржевой цены за тройскую унцию на монетарное золото, а по правой оси – динамика средней биржевой цены за баррель нефти Brent, в долларах США за период с 02.02.1982 по 21.04.2023. Между динамикой цен на монетарное золото и нефть в среднем за 40 лет наблюдается корреляции на 0,79 (по Пирсону). По графику можно увидеть, что до 2008 г. колебания цен монетарного золота и нефти чаще происходили в одном направлении, в целом, наблюдались более-менее согласованные колебания. После кризиса 2008-2009 гг. все в большей степени наблюдаются колебания в противофазе. Более заметными колебания в противофазе становятся после 2012

г. Нефть и золото, как ресурсы мировой экономики, играют важную роль именно в кризисные периоды. Особенно это касается биржевой цены, которую можно рассматривать и как спекулятивный фактор, и как фактор, способный связать в той или иной степени финансовый и реальные рынки именно в кризисные периоды. Резкий скачок биржевой цены на нефть в 2008 г. предвещал самый глубокий на тот период кризис 2009 г. (см. рис. 1, рис. 2).

Динамика биржевой цены на нефть в период с 2011 по 2014 гг. демонстрировала колебания понижательной тенденции, вплоть до 2020 г., а резкий скачок к марту 2022 г. весьма быстро был скорректирован, но цена к настоящему времени не стабилизировалась. Золото, наоборот, поднимается в цене в процессе и сразу после кризиса, играя роль резервной валюты для государственных институтов, экономических агентов и физических лиц. Статистически значимый рост биржевой цены на золото отмечается, например, осенью 2020 г. (пандемийный период, при котором накладываются различные риски), в дальнейшем цена колебалась уже совсем в другом диапазоне. В конце рассматриваемого периода биржевые цены золота и нефти все более четко варьируются в противофазе, при этом их темпы прироста (падения) после 2010-х гг. практически совпадают (см. рис. 2).

На рис. 3 отражены индикаторы финансового и реального рынков, данные по которым имеются в базе Мирового банка за период с 1980 г. до

Разработано авторами по материалам: Cbonds Indexes. World Bank, International Debt Statistics // The World Bank. Data. URL: <https://cbonds.com/indexes/26985/> (дата обращения: 19.04.2023)

Рис. 2. Динамика биржевых цен монетарного золота и барреля нефти

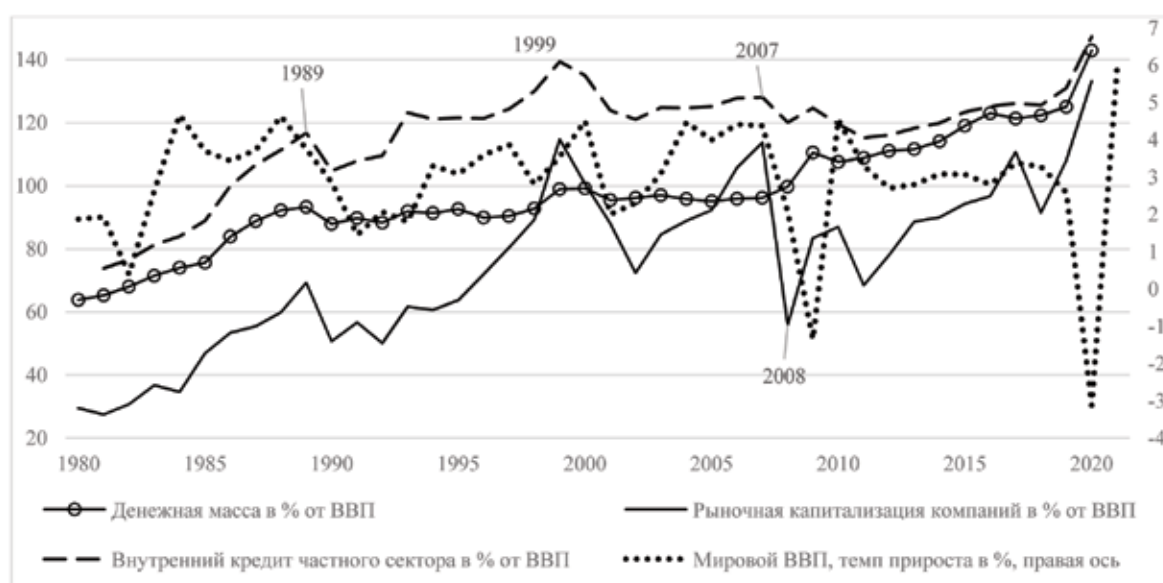
Developed by the authors on materials in: Cbonds Indexes. World Bank, International Debt Statistics // The World Bank. Data. URL: <https://cbonds.com/indexes/26985/> (accessed 19.04.2023)

Fig. 2. Dynamics of exchange prices of monetary gold and a barrel of oil

2021 г. По левой оси отражены динамика денежной массы, рыночной капитализации компаний, внутреннего кредита в целом по миру, все данные пересчитаны в % от мирового ВВП. По правой оси рис. 3 показан индикатор реального рынка, темп прироста мирового ВВП.

Резкие снижения темпов прироста мирового ВВП особенно заметны в 1991, 1993, 1998, 2009, 2020 гг. При этом в целом по миру данные темпы стали отрицательными в 2009 и 2020 гг. Размах вариации темпов прироста показателей денежной массы, рыночной капитализации компаний, внутрен-

него кредита в целом по миру, в % от мирового ВВП, снижается в рассматриваемом временном периоде (см. рис. 3). Индикаторы финансового рынка (особенно в части динамики денежной массы и внутреннего кредита, в % к ВВП) выступают как система опережающих индикаторов экономического кризиса, в большей части, именно экономического, а не чисто финансового. При этом каждый из вышеперечисленных параметров не может однозначно предсказывать приближение экономического кризиса, но комплексная оценка позволяет прогнозировать наступление очередного кризисного периода в мировой экономике.

Разработано авторами по материалам: International Monetary Fund, International Financial Statistics and data files, and World Bank and OECD GDP estimates // The World Bank. Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/FM.LBL.BMNY.GD.ZS>; Market capitalization of listed domestic companies (% of GDP) // The World Bank. Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/CM.MKT.LCAP.GD.ZS?view=chart> (дата обращения: 19.04.2023)

Рис. 3. Динамика индикаторов финансового и реального секторов мировой экономики

Developed by the authors on materials in: International Monetary Fund, International Financial Statistics and data files, and World Bank and OECD GDP estimates // The World Bank. Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/FM.LBL.BMNY.GD.ZS>; Market capitalization of listed domestic companies (% of GDP) // The World Bank. Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/CM.MKT.LCAP.GD.ZS?view=chart> (accessed 19.04.2023)

Fig. 3. Dynamics of indicators of the financial and real sectors of the world economy

Показатели, которые были подробно рассмотрены выше, можно использовать для прогнозирования развития кризисов. Такие прогнозы должны учитывать моделирование кризисных ситуаций в группах связанных экономик. В связанных экономиках нарушения сбалансированности экономической ситуации будет оказывать кумулятивный характер. Набор индикаторов необходимо расширить, учитывая поведение институтов (государственных и межгосударственных).

Представляет научно-практический интерес анализ и прогноз индекса стабильности мировой экономической системы, состоящего из субиндексов реального и финансового секторов и определенного на основе оценки системы опережающих индикаторов экономического кризиса. Оценка значений соответствующих субиндексов способна говорить о виде экономического кризиса, прогнозировать отраслевые кризисы различных сфер мировой экономической системы, оценивать риски

реального и финансового секторов глобальной экономической системы.

Возможности купирования негативных явлений, на наш взгляд, лежат в 3-х взаимосвязанных областях: инновационной, институциональной и регулятивной. В будущем следует ожидать усиление рисков кризисов, связанных с дальнейшей цифровизацией финансов, неизбежным полноправным включением в платежные системы криптовалют и агентов, связанных с ними, снижением уровня профессионализма индивидуальных игроков на фоне повсеместного расширения их участия. Поскольку прогресс и инновации остановить невозможно, эффекты, описанные выше, и подобные им, будут усиливаться. В этой связи мировую экономическую систему ожидает перестройка финансовых институтов, учитывающих горизонтальную структуру взаимодействий, расширение роли индивидуальной логики. Кроме того, не стоит бояться усиления роли государств в финансовой системе, которая должна противостоять, в том числе, и массовым случайным поведенческим эффектам, способных при определенных условиях угрожать устойчивости национальных экономик.

Выводы

1. Основные сценарии развития кризисов были сформулированы на основе анализа наиболее заметных кризисов на мировых финансовых рынках за последние 40 лет. Это мировой экономический и торговый кризис, предвещавший эффекты глобализации 1980–1982 гг., в результате которого страны начали вводить импортные ограничения; фондовая паника 1987 г. в США; европейский валютный кризис 1992 г.; финансовый кризис дешевых капиталов в странах Юго-Восточной Азии в 1997–1998 гг.; российский финансовый кризис в 1997–1998 гг.; бразильский кризис 1999 г., распространившийся в мировой экономике; паника на мировых рынках 2007 г., включающая Шанхайский финансовый кризис, кризис ипотечного рынка США; валютные кризисы 2018 г. в развивающихся странах, рецессия в США, нарастание торговых войн между США и Китаем; всемирный кризис «черного лебедя», обусловленный реакцией правительств на пандемию COVID-2019.

2. Происходит расширение многообразия моделей и систем взаимодействия индивидуальных агентов, институциональных систем и государств. Существуют «внешние» потрясения, такие как распад Советского Союза, паника на финансовых рынках, глобальные рецессии и валютные кризисы, которые иногда приводят к быстрым сдвигам и, по итогам, приводят к еще большему разнообразию.

3. Государства, по-прежнему, являются центральными действующими лицами в мировой экономике. Капитал может быть вне территориальным, вне

государственным и быстро перемещающимся на международном уровне, но в условиях кризиса он, в конечном счете, остается на усмотрение государства, роль которого – разобраться во всем, выручить игроков, которые считаются незаменимыми, и провести реформы, достаточные для того, чтобы уговорить участников вернуться на рынок. Государство неотделимо от экономики, а финансы и управление – неразделимы. В тех случаях, когда государствам удастся быстро отреагировать на различные кризисы, распространение локального кризиса в мировой экономике существенно снижается.

4. Финансовый сектор и государственные институты, используя различные инструменты снижения рисков, фактически переводят риски в глобальную экономическую систему, создавая при этом новые правила финансового поведения субъектов глобальной экономической системы в кризисные периоды.

5. Индикаторы финансового рынка (особенно в части измерения финансовой глубины экономики посредством динамики денежной массы и внутреннего кредита, в % к ВВП) могут выступать как система опережающих индикаторов экономического кризиса.

6. Система опережающих индикаторов экономического кризиса способна формировать базовые факторы финансового поведения субъектов глобальной экономической системы в кризисные периоды, определяя при этом направления стабильности мировой экономической системы. Указанные факторы можно использовать для опережающего мониторинга ситуации надвигающихся кризисов, корректировать их при помощи соответствующих институциональных решений.

7. За последние 20 лет происходит увеличение размаха темпов прироста мирового ВВП, при изменении характера влияния финансового сектора мировой экономики на динамику реального сектора. Финансовый сектор мировой экономики становится все более оторванным от реального сектора. Возможным решением для купирования данной тенденции является пересмотр базовых принципов учета и регулирования, с ориентацией на усиление роли данных, отражающих поддержку реального сектора экономики.

8. Эволюция технологий, в том числе финансовых, предполагает, что финансы могут быть маховиком исторических изменений. Идея технологии как двигателя экономических изменений является общепринятой. Но значительное расширение сферы применения за последнее поколение (чему способствовали передовые информационно-коммуникационные технологии) указывает на то, что распространение информации создает сильные угрозы устойчивости мировой финансовой си-

стеме, которые пока удастся купировать только при усилении регуляторных воздействий. Сверхбыстрое распространение информации в сети, вместе с доступностью моментальных банковских операций в онлайн, на волне массовой паники может спровоцировать обрушение банков даже без фундаментальных причин. Рост возможностей для работы на финансовых рынках для мелких инвесторов добавляет риски непрофессионального поведения, усиления асимметрии информации, эффектов манипулирования информацией, недобросовестной конкуренции с применением новых платежных систем и различных прокси-рыночных агентов. Расширение возможностей для непрофессиональных участников рынков, сети посредни-

ков на финансовых рынках, которые созданы в век информационных и сетевых технологий, требует новых институциональных решений, защищающих финансовую систему от новых глобальных рисков.

9. В связи с увеличением объемов глобальной экономики, и при большей неустойчивости мировой финансовой системы, в случае действительно серьезных нарушений в обычной экономической деятельности, серьезные риски ощутят на себе, в первую очередь, наиболее крупные участники-субъекты глобальной экономической системы, вызывая при этом тяжелые последствия и для малых субъектов экономики. Но эти негативные воздействия оказываются взаимными.

Список источников

1. *Stockhammer E., Bengtsson E.* Financial effects in historic consumption and investment functions // *International Review of Applied Economics*. 2020. Vol. 34. Iss. 3. P. 304–326. <https://doi.org/10.1080/02692171.2020.1732307>
2. *Stiglitz J.E.* Capital market liberalization, economic growth, and instability // *World development*. 2000. Vol. 28. Iss. 6. P. 1075–1086. [https://doi.org/10.1016/S0305-750X\(00\)00006-1](https://doi.org/10.1016/S0305-750X(00)00006-1)
3. *Agudelo D.A., Múnera D.J.* Who are the vectors of contagion? Evidence from emerging markets // *International Review of Financial Analysis*. 2023. Vol. 87. P. 102599. <https://doi.org/10.1016/j.irfa.2023.102599>
4. *Bofinger P., Geißendörfer L., Haas T., Mayer F.* Schumpeter's insights for monetary macroeconomics and the theory of financial crises // *Industrial and Corporate Change*. 2023. Vol. 32. Iss. 2. P. 573–603. <https://doi.org/10.1093/icc/dtad006>
5. *Albulescu C.T.* COVID-19 and the United States financial markets' volatility // *Finance Research Letters*. 2021. Vol. 38. P. 101699. <https://doi.org/10.1016/j.frl.2020.101699>
6. *Рустамов Э.* Финансовые кризисы: источники, проявления, последствия // *Вопросы экономики*. 2012. № 4. С. 46–66. EDN: <https://elibrary.ru/owgdxh>. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2012-4-46-66>
7. *May B.A.* Национальные цели и модель экономического роста: новое в социально-экономической политике России в 2018-2019 гг. // *Вопросы экономики*. 2019. № 3. С. 5–28. EDN: <https://elibrary.ru/zbgbzj>. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-3-5-28>
8. *Addi H.M., Abubakar A.B.* Investment and economic growth: do institutions and economic freedom matter? // *International Journal of Emerging Markets*. 2022. ahead-of-print. <https://doi.org/10.1108/IJOEM-07-2021-1086>
9. *Chung K.H.* Towards rule-based institutions and economic growth in Asia? Evidence from the Asian Financial Crisis 1997–1998 // *Asian Journal of Comparative Politics*. 2021. Vol. 6. Iss. 3. С. 274–292. <https://doi.org/10.1177/2057891120962575>
10. *Cheng C.Y., Chien M.S., Lee C.C.* ICT diffusion, financial development, and economic growth: An international cross-country analysis // *Economic Modelling*. 2021. Vol. 94. P. 662–671. <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2020.02.008>
11. *Jordà Ò., Schularick M., Taylor A.M.* When Credit Bites Back // *Journal of Money, Credit and Banking*. 2013. Vol. 45. Iss. s2. P. 3–28. <https://doi.org/10.1111/jmcb.12069>
12. *Ricciardi V., Simon H.K.* What is behavioral finance? // *Business, Education & Technology Journal*. 2000. Vol. 2. Iss. 2. P. 1–9. URL: <https://ssrn.com/abstract=256754>
13. *Costa D.F., Carvalho F.M., Moreira B.C.M.* Behavioral economics and behavioral finance: a bibliometric analysis of the scientific fields // *Journal of Economic Surveys*. 2019. Vol. 33. Iss. 1. P. 3–24. <https://doi.org/10.1111/joes.12262>
14. *Mittal S.K.* Behavior biases and investment decision: theoretical and research framework // *Qualitative Research in Financial Markets*. 2022. Vol. 14. Iss. 2. P. 213–228. <https://doi.org/10.1108/QRFM-09-2017-0085>

15. Jain J., Walia N., Gupta S. Evaluation of behavioral biases affecting investment decision making of individual equity investors by fuzzy analytic hierarchy process // Review of Behavioral Finance. 2020. Vol. 12. Iss. 3. P. 297–314. <https://doi.org/10.1108/RBF-03-2019-0044>
16. Maarouf H. Pragmatism as a supportive paradigm for the mixed research approach: Conceptualizing the ontological, epistemological, and axiological stances of pragmatism // International Business Research. 2019. Vol. 12. Iss. 9. P. 1–12. <https://doi.org/10.5539/ibr.v12n9p1>
17. Fontana A., Scheicher M. An analysis of euro area sovereign CDS and their relation with government bonds // Journal of Banking & Finance. 2016. Vol. 62. P. 126–140. <https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2015.10.010>
18. Nijskens R., Wagner W. Credit risk transfer activities and systemic risk: How banks became less risky individually but posed greater risks to the financial system at the same time // Journal of Banking & Finance. 2011. Vol. 35. Iss. 6. P. 1391–1398. <https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2010.10.001>
19. Khan K., Su Ch.-W., Umar M., Yue X.-G. Do crude oil price bubbles occur? // Resources Policy. 2021. Vol. 71. P. 101936. <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2020.101936>
20. Slater D. From Calculation to Alienation: Disentangling Economic Abstractions // Economy and Society. 2002. Vol. 31. Iss. 2. P. 234–249. <https://doi.org/10.1080/03085140220123144>
21. Rodrik D., Subramanian A. Why did financial globalization disappoint? // IMF Staff Papers. 2009. Vol. 56. Iss. 1. P. 112–138. <https://doi.org/10.1057/imfsp.2008.29>
22. De Gregorio J., Guidotti P. Financial development and economic growth // World Development. 1995. Vol. 23. Iss. 3. P. 433–448. [https://doi.org/10.1016/0305-750X\(94\)00132-I](https://doi.org/10.1016/0305-750X(94)00132-I)
23. Arcand J.L., Berkes E., Panizza U. Too much finance? // Journal of Economic Growth. 2015. Vol. 20. Iss. 2. P. 105–148. <https://doi.org/10.1007/s10887-015-9115-2>
24. Baltagi B.H., Demetriades P.O., Law S.H. Financial development and openness: Evidence from panel data // Journal of development economics. 2009. Vol. 89. Iss. 2. P. 285–296. <https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2008.06.006>
25. Neuman E.J., Davis G.F., Mizruchi M.S. Industry Consolidation and Network Evolution in U.S. Global Banking, 1986–2004 // Advances in Strategic Management. 2008. Vol. 25. P. 213–248. [https://doi.org/10.1016/S0742-3322\(08\)25006-0](https://doi.org/10.1016/S0742-3322(08)25006-0)
26. Guru B.K., Yadav I.S. Financial development and economic growth: panel evidence from BRICS // Journal of Economics, Finance and Administrative Science. 2019. Vol. 24. Iss. 47. P. 113–126. <https://doi.org/10.1108/JEFAS-12-2017-0125>
27. Purewal K., Haini H. Re-examining the effect of financial markets and institutions on economic growth: evidence from the OECD countries // Economic Change and Restructuring. 2022. Vol. 55. P. 311–333. <https://doi.org/10.1007/s10644-020-09316-2>
28. Henderson D.J., Papageorgiou C., Parmeter C.F. Who benefits from financial development? New methods, new evidence // European Economic Review. 2013. Vol. 63. P. 47–67. <https://doi.org/10.1016/j.euroecorev.2013.05.007>
29. Fiss P.C., Zajac E.J. The Diffusion of Ideas over Contested Terrain: The (Non) adoption of a Shareholder Value Orientation among German Firms // Administrative Science Quarterly. 2004. Vol. 49. Iss. 4. P. 501–534. <https://doi.org/10.2307/4131489>
30. Van L.T.H., Vo A.T., Nguyen N.T., Vo D.H. Financial inclusion and economic growth: An international evidence // Emerging Markets Finance and Trade. 2021. Vol. 57. Iss. 1. P. 239–263. <https://doi.org/10.1080/1540496X.2019.1697672>
31. Wolf M. Globalization and global economic governance // Oxford Review of Economic Policy. 2004. Vol. 20. Iss. 1. P. 72–84. <https://doi.org/10.1093/oxrep/grh005>
32. Coffee Jr. J.C. What went wrong? An initial inquiry into the causes of the 2008 financial crisis // Journal of Corporate Law Studies. 2009. Vol. 9. Iss. 1. P. 1–22. <https://doi.org/10.1080/14735970.2009.11421533>

Статья поступила в редакцию 12.05.2023; одобрена после рецензирования 26.06.2023; принята к публикации 28.06.2023

Об авторах:

Гульнара Фатыховна Ромашкина, доктор социологических наук; профессор; профессор кафедры экономической безопасности, системного анализа и контроля Финансово-экономического института; Researcher ID O-7221-2017, Scopus ID 57219916692

Джамиля Фатыховна Скрипнюк, доктор экономических наук, профессор; профессор Высшей школы бизнес-инжиниринга; Researcher ID: A-4838-2016, Scopus ID: 56104974500

Кирилл Владимирович Андрианов, аспирант кафедры экономической безопасности, системного анализа и контроля Финансово-экономического института; Researcher ID: GLQ-9942-2022

Вклад авторов:

Ромашкина Г. Ф. – анализ научных литературных источников, построение моделей, анализ данных.

Скрипнюк Д. Ф. – постановка и структурирование задачи, отбор и обоснование статистических показателей, анализ результатов исследования.

Андрианов К. В. – сбор и систематизация данных, анализ основных статистических показателей.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

References

1. Stockhammer E., Bengtsson E. Financial effects in historic consumption and investment functions. *International Review of Applied Economics*. 2020; 34(3):304–326. <https://doi.org/10.1080/02692171.2020.1732307> (In Eng.)
2. Stiglitz J.E. Capital market liberalization, economic growth, and instability. *World development*. 2000; 28(6):1075–1086. [https://doi.org/10.1016/S0305-750X\(00\)00006-1](https://doi.org/10.1016/S0305-750X(00)00006-1) (In Eng.)
3. Agudelo D.A., Múnera D.J. Who are the vectors of contagion? Evidence from emerging markets. *International Review of Financial Analysis*. 2023; 87:102599. <https://doi.org/10.1016/j.irfa.2023.102599> (In Eng.)
4. Bofinger P., Geißendörfer L., Haas T., Mayer F. Schumpeter's insights for monetary macroeconomics and the theory of financial crises. *Industrial and Corporate Change*. 2023; 32(2):573–603. <https://doi.org/10.1093/icc/dtad006> (In Eng.)
5. Albulescu C.T. COVID-19 and the United States financial markets' volatility. *Finance Research Letters*. 2021; 38:101699. <https://doi.org/10.1016/j.frl.2020.101699> (In Eng.)
6. Rustamov E. Financial Crises: Sources, Manifestations, Consequences. *Voprosy Ekonomiki*. 2012; (4):46–66. EDN: <https://elibrary.ru/owgdxh>. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2012-4-46-66> (In Russ.)
7. Mau V.A. National goals and model of economic growth: new in the Russian socio-economic policy of 2018–2019. *Voprosy Ekonomiki*. 2019; (3):5–28. EDN: <https://elibrary.ru/zbgbzj>. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-3-5-28> (In Russ.)
8. Addi H.M., Abubakar A.B. Investment and economic growth: do institutions and economic freedom matter? *International Journal of Emerging Markets*. 2022. ahead-of-print. <https://doi.org/10.1108/IJOEM-07-2021-1086> (In Eng.)
9. Chung K.H. Towards rule-based institutions and economic growth in Asia? Evidence from the Asian Financial Crisis 1997–1998. *Asian Journal of Comparative Politics*. 2021; 6(3):274–292. <https://doi.org/10.1177/2057891120962575> (In Eng.)
10. Cheng C.Y., Chien M.S., Lee C.C. ICT diffusion, financial development, and economic growth: An international cross-country analysis. *Economic Modelling*. 2021; 94:662–671. <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2020.02.008> (In Eng.)
11. Jordà Ò., Schularick M., Taylor A.M. When Credit Bites Back. *Journal of Money, Credit and Banking*. 2013; 45(s2):3–28. <https://doi.org/10.1111/jmcb.12069> (In Eng.)
12. Ricciardi V., Simon H.K. What is behavioral finance? *Business, Education & Technology Journal*. 2000; 2(2):1–9. URL: <https://ssrn.com/abstract=256754> (In Eng.)
13. Costa D.F., Carvalho F.M., Moreira B.C.M. Behavioral economics and behavioral finance: a bibliometric analysis of the scientific fields. *Journal of Economic Surveys*. 2019; 33(1):3–24. <https://doi.org/10.1111/joes.12262> (In Eng.)
14. Mittal S.K. Behavior biases and investment decision: theoretical and research framework. *Qualitative Research in Financial Markets*. 2022; 14(2):213–228. <https://doi.org/10.1108/QRFM-09-2017-0085> (In Eng.)
15. Jain J., Walia N., Gupta S. Evaluation of behavioral biases affecting investment decision making of individual equity investors by fuzzy analytic hierarchy process. *Review of Behavioral Finance*. 2020; 12(3):297–314. <https://doi.org/10.1108/RBF-03-2019-0044> (In Eng.)
16. Maarouf H. Pragmatism as a supportive paradigm for the mixed research approach: Conceptualizing the ontological, epistemological, and axiological stances of pragmatism. *International Business Research*. 2019; 12(9):1–12. <https://doi.org/10.5539/ibr.v12n9p1> (In Eng.)
17. Fontana A., Scheicher M. An analysis of euro area sovereign CDS and their relation with government bonds. *Journal of Banking & Finance*. 2016; 62:126–140. <https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2015.10.010> (In Eng.)
18. Nijskens R., Wagner W. Credit risk transfer activities and systemic risk: How banks became less risky individually but posed greater risks to the financial system at the same time. *Journal of Banking & Finance*. 2011; 35(6):1391–1398. <https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2010.10.001> (In Eng.)

19. Khan K., Su Ch.-W., Umar M., Yue X.-G. Do crude oil price bubbles occur? *Resources Policy*. 2021; 71:101936. <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2020.101936> (In Eng.)
20. Slater D. From Calculation to Alienation: Disentangling Economic Abstractions. *Economy and Society*. 2002; 31(2):234–249. <https://doi.org/10.1080/03085140220123144> (In Eng.)
21. Rodrik D., Subramanian A. Why did financial globalization disappoint? *IMF Staff Papers*. 2009; 56(1):112–138. <https://doi.org/10.1057/imfsp.2008.29> (In Eng.)
22. De Gregorio J., Guidotti P. Financial development and economic growth. *World Development*. 1995; 23(3):433–448. [https://doi.org/10.1016/0305-750X\(94\)00132-1](https://doi.org/10.1016/0305-750X(94)00132-1) (In Eng.)
23. Arcand J.L., Berkes E., Panizza U. Too much finance? *Journal of Economic Growth*. 2015; 20(2):105–148. <https://doi.org/10.1007/s10887-015-9115-2> (In Eng.)
24. Baltagi B.H., Demetriades P.O., Law S.H. Financial development and openness: Evidence from panel data. *Journal of development economics*. 2009; 89(2):285–296. <https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2008.06.006> (In Eng.)
25. Neuman E.J., Davis G.F., Mizruchi M.S. Industry Consolidation and Network Evolution in U.S. Global Banking, 1986–2004. *Advances in Strategic Management*. 2008; 25:213–48. [https://doi.org/10.1016/S0742-3322\(08\)25006-0](https://doi.org/10.1016/S0742-3322(08)25006-0) (In Eng.)
26. Guru B.K., Yadav I.S. Financial development and economic growth: panel evidence from BRICS. *Journal of Economics, Finance and Administrative Science*. 2019; 24(47):113–126. <https://doi.org/10.1108/JEFAS-12-2017-0125> (In Eng.)
27. Purewal K., Haini H. Re-examining the effect of financial markets and institutions on economic growth: evidence from the OECD countries. *Economic Change and Restructuring*. 2021; 55:311–333. <https://doi.org/10.1007/s10644-020-09316-2> (In Eng.)
28. Henderson D.J., Papageorgiou C., Parmeter C.F. Who benefits from financial development? New methods, new evidence. *European Economic Review*. 2013; 63:47–67. <https://doi.org/10.1016/j.euroecorev.2013.05.007> (In Eng.)
29. Fiss P.C., Zajac E.J. The Diffusion of Ideas over Contested Terrain: The (Non) adoption of a Shareholder Value Orientation among German Firms. *Administrative Science Quarterly*. 2004; 49(4):501–534. <https://doi.org/10.2307/4131489> (In Eng.)
30. Van L.T.H., Vo A.T., Nguyen N.T., Vo D.H. Financial inclusion and economic growth: An international evidence. *Emerging Markets Finance and Trade*. 2021; 57(1):239–263. <https://doi.org/10.1080/1540496X.2019.1697672> (In Eng.)
31. Wolf M. Globalization and global economic governance. *Oxford Review of Economic Policy*. 2004; 20(1):72–84. <https://doi.org/10.1093/oxrep/grh005> (In Eng.)
32. Coffee Jr. J.C. What went wrong? An initial inquiry into the causes of the 2008 financial crisis. *Journal of Corporate Law Studies*. 2009; 9(1):1–22. <https://doi.org/10.1080/14735970.2009.11421533> (In Eng.)

The article was submitted 12.05.2023; approved after reviewing 26.06.2023; accepted for publication 28.06.2023

About the authors:

Gulnara F. Romashkina, Doctor of Sociological Sciences, Professor; Professor of the Department of Economic Security, System Analysis and Control; Researcher ID O-7221-2017, Scopus ID 57219916692

Djamilia F. Skripnuk, Doctor of Economic Sciences, Professor; Professor of the Higher School of Business Engineering; Researcher ID A-4838-2016, Scopus ID: 56104974500

Kirill V. Andrianov, Postgraduate Student of the Department of Economic Security, System Analysis and Control; Researcher ID: GLQ-9942-2022

Contribution of the authors:

Romashkina G. F. – analysis of scientific literature sources, model building, data analysis.

Skripnuk D. F. – formulation and structuring of the task, selection and justification of statistical indicators, analysis of research results.

Andrianov K. V. – data collection and systematization, analysis of the main statistical indicators.

All authors have read and approved the final manuscript.

Научная статья

УДК 331

JEL: J24, Z21

<https://doi.org/10.18184/2079-4665.2023.14.2.224-241>

Экономический лимит на спортивный успех: как может развиваться индустрия футбола?

Платонов Владимир Владимирович¹, Кузьяев Далер Адьямович²^{1,2} Санкт-Петербургский государственный экономический университет; Санкт-Петербург, Россия¹ vladimir.platonov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3416-3644>² daler9593@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2949-6823>

Аннотация

Цель статьи является выработка рекомендаций по развитию футбольных предприятий на основе изучения экономических причин феномена «переинвестирования» в индустрии футбола.

Методы. Анализируются парная и множественная регрессии на основе производственной функции Кобба-Дугласа по данным бухгалтерской отчетности футбольных клубов за 2018–2022 гг., представленной в Налоговую службу РФ, и турнирные результаты Российской премьер-лиги (РПЛ) за сопоставимый период.

Результаты работы. Выявлен крайне большой отрицательный эффект от масштаба при достижении турнирного результата в индустрии футбола, что отличается от закономерностей в других отраслях. Спортивный успех клубов РПЛ статистически значимо определяется не только оплатой труда, но и платежами за сырье, материалы, работы, услуги. Эластичность турнирного результата от оплаты труда оказалась даже ниже, чем от затрат капитала. С увеличением затрат для набора очков клубы выходят на «плато» минимального прироста спортивного результата. Прогнозная зависимость турнирного результата от затрат практически точно совпала с фактическими данными РПЛ, включая экономический предел максимально возможного турнирного результата. Наряду с затратами труда, выявлено значение материальных и нематериальных факторов, особенно характерное для клубов, демонстрирующих стабильное турнирное преимущество и более устойчивых к росту масштабов затрат.

Выводы. Причиной переинвестирования в индустрии футбола является значительный отрицательный эффект от масштаба, а ранее выявленные субъективные и другие экономические факторы являются его следствиями. Наращивание турнирного результата жестко ограничено отрицательным эффектом масштаба, и устойчивый рост футбольных предприятий возможен только за счет развития производства спортивно-зрелищного и спортивно-информационного продуктов. Это требует инноваций, повышающих устойчивость к росту затрат и обеспечивающих стабильное конкурентное преимущество, для развития ресурсов и способностей футбольного предприятия, прежде всего, в плане составляющих интеллектуального капитала, таких как сетевой капитал и организационное ноу-хау.

Ключевые слова: развивающиеся нематериальные отрасли, переинвестирование, индустрия футбола, производственная функция, экономия от масштаба, человеческий капитал, нематериальные активы

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Платонов В. В., Кузьяев Д. А. Экономический лимит на спортивный успех: как может развиваться индустрия футбола? // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2023. Т. 14. № 2. С. 224–241

EDN: <https://elibrary.ru/fqxdy>. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2023.14.2.224-241>

© Платонов В. В., Кузьяев Д. А., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

The economic limit on sporting success: how can football industry develop?

Vladimir V. Platonov¹, Daler A. Kuziaev²

^{1,2} Saint-Petersburg State University of Economics; Saint-Petersburg, Russia

¹ vladimir.platonov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3416-3644>

² daler9593@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2949-6823>

Abstract

Purpose: of the article is to develop recommendations for the development of football enterprises based on the study of the economic causes of the phenomenon of "overinvestment" in the football industry.

Methods: regression based on the Cobb-Douglas production function with data from the Russian Tax Service database as well as data of the Russian premier league (RPL) for 2018–2022.

Results: football industry suffers extreme diseconomies of scale in persuade for sporting success unlike the most other industries. Success in RPL statistically significantly determined not only by labor costs but as well as by capital costs. At the same time, the elasticity of the league outcome to labor costs is somewhat lower than that of capital costs. By getting higher league standing by boosting costs a team enters on plateau of vanishing sporting gains. The predicted dependence of the performance in RPL based on costs pattern is very close to the actual data, including the economic limit of the maximum league outcome. Alongside the labor costs, other tangible and intangible factors are significant, especially for clubs with sustainable competitive advantage and better ability to sustain diseconomies of scale.

Conclusions and Relevance: the root cause of overinvestment in football industry is the extreme diseconomies of scale, with other factors being consequences. The development of the industry is possible by combination of sporting and business performance by producing entertainment and information products. Sustainable advantage requires the development of intellectual capital, which improves returns and resilience to rising costs. It requires innovation to develop resources and capabilities of the football enterprise e.g. network capital and organizational know-how.

Keywords: developing intangible industries, overinvestment, football industry, production function, economies of scale, human capital, intangible assets

Conflict of Interest. The Authors declare that there is no Conflict of Interest.

For citation: Platonov V. V., Kuziaev D. A. The economic limit on sporting success: how can football industry develop? *MIR (Modernizatsiia. Innovatsii. Razvitie) = MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2023; 14(2):224–241. (In Russ.)

EDN: <https://elibrary.ru/fqxdiy>. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2023.14.2.224-241>

© Platonov V. V., Kuziaev D. A., 2023

Введение

Развитие новых нематериальных отраслей стало важным фактором трансформации экономики, характерным для нынешнего технологического уклада. Ожидается, что рост одной из таких отраслей, российской индустрии футбола, в 2022–2023 гг. составит 334%; платежи по операционной деятельности 13-ти ведущих клубов Российской премьер-лиги (РПЛ) в 2022 г. превысили 55 млрд руб.¹

Существует что-то весьма необычное в фундаментальных свойствах экономики индустрии футбола, если на нормативном уровне УЕФА ограничил

инвестиции собственников в футбольные предприятия. Ведь такие инвестиции – самый надежный источник средств для активно развивающихся предприятий [1], а речь идет именно о формирующейся, быстро растущей нематериальной отрасли [2]. Между тем, в индустрии футбола от них возникает переинвестирование. Оно означает не избыток денег, а ситуацию, когда инвестиции ведут не к развитию, а к падению эффективности и даже к неплатежеспособности. Драматичный пример – недавнее банкротство ряда российских футбольных клубов, как новых, достигших мимолетного успеха, так и существовавших «в тени» многие десятилетия до быстрого взлета и падения.

¹ Государственный информационный ресурс бухгалтерской (финансовой) отчетности (ресурс БФО). URL: <https://bo.nalog.ru/> (дата обращения: 01.06.2023)

Следует предположить, что причина столь острой проблемы связана с нематериальным характером, обуславливающим уникальные особенности отрасли, по классификации ЮНЕСКО² являющейся смежной с отраслями культуры. Также распространение получил термин «креативная индустрия». Перед пандемией валовый продукт указанной группы новых нематериальных отраслей в Российской Федерации, в пересчете на доллары по паритету покупательной способности рубля, превысил 100 млрд долл., а в КНР и США достиг почти 1 трлн долл.³ Каждая развивающаяся нематериальная отрасль – уникальный экономический феномен, закономерности и механизмы развития которого в чем-то совпадают с традиционными отраслями, а в чем-то принципиально отличаются.

В индустрии футбола, которая является объектом этого исследования, существуют уникальные особенности и производные от них проблемы. Футбольные предприятия объективно имеют две цели – максимизацию прибыли и максимизацию спортивного результата. В Северной Америке преобладает первая цель [3, 4], в Западной Европе большее значение имеет вторая, а у нас спортивный результат полностью доминирует – в целевых показателях Стратегии «Футбол-2030» вообще отсутствуют экономические критерии [5]. Возникает проблема расхождения экономических и турнирных задач. Человеческий капитал (футболисты и тренеры) представляют, одновременно, важнейший производственный ресурс футбольного предприятия и товар для перепродажи с целью получения прибыли. Наконец, стоит острейшая проблема переинвестирования. Указанные особенности взаимосвязаны.

Применение производственной функции Кобба-Дугласа (далее – функция C-D), представляющей эмпирически проверенный инструмент анализа традиционных отраслей [6, 7], призвано пролить свет на экономические причины феномена регулярного переинвестирования в индустрии футбола и обсудить перспективы развития футбольных предприятий с учетом полученных результатов.

Обзор литературы и исследований

Выделяются три главные особенности экономики индустрии футбола.

Первая особенность состоит в дуализме цели футбольного предприятия [3, 8]. Все товаропроизводители работают для получения прибыли или роста стоимости бизнеса. С середины 1990-х гг. профессиональные футбольные клубы функционируют по правилам, принятым для предприятий [9, 10], но, как уже было сказано, преследуют две цели: максимизацию прибыли и максимизацию спортивного результата. Такая ситуация типична для всех спортивных отраслей, только очередность первой и второй цели разнится между странами [3, 4]. Очевиден вывод, что объективно возникает проблема несоответствия между экономическими и спортивными задачами.

Вторая особенность: двойственная роль человеческого капитала. Человеческий капитал – важнейший производственный ресурс футбольного предприятия, но, одновременно, он является предметом перепродажи с целью получения прибыли. Для большинства клубов это – важный источник дохода, а для целого ряда он является важнейшим. Данный фактор крайне существен, так как человеческий капитал футбольных предприятий в несколько раз превосходит объем основных средств [11]. В России доля оплаты труда в платежах операционной деятельности ведущих клубов РПЛ, по расчетам, выполненным по информации ресурса БФО, составляет от 65% до 79%⁴. Промышленные предприятия также реализуют свои основные средства, которые, по роли в процессе производства, аналогичны человеческому капиталу в футболе. Однако в промышленности это происходит, когда осуществляется модернизация оборудования или снижается спрос. В футболе, из-за указанной двойственности, меньше связь финансирования основного ресурса с деятельностью футбольного предприятия.

Третья особенность – феномен переинвестирования, являющийся серьезной проблемой как новых развивающихся, так и зрелых компаний, возникающей по объективным и субъективным причинам, но мало, где она достигает такой остроты, как в индустрии футбола [9]. Ведь переинвестирование стало одной из важных, если не важнейших, причин принятия УЕФА правил справедливой финансовой игры (Financial Fair Play)⁵. Итог новых правил оказался неоднозначным: до их введения были не-

² UNESCO Framework for Cultural Statistics. Montreal: UNESCO Institute for Statistics. 2009. 100 pages. URL: https://uis.unesco.org/sites/default/files/documents/unesco-framework-for-cultural-statistics-2009-en_0.pdf (дата обращения: 17.04.2023)

³ Saltanova S. Card Index: Creative Industries in Russia. Creativity as an economic powerhouse. Moscow: Higher School of Economics ISSEK. URL: <https://iq.hse.ru/en/news/496800122.html> (дата обращения: 17.01.2023)

⁴ Государственный информационный ресурс бухгалтерской (финансовой) отчетности (ресурс БФО). URL: <https://bo.nalog.ru/> (дата обращения: 09.01.2023)

⁵ UEFA Club Licensing and Financial Sustainability Regulations. Edition. 2022. Nyon: UEFA. URL: https://editorial.uefa.com/resources/0274-14dc03ef33b9-3e2caa872860-1000/20220408_club_licensing_and_financial_sustainability_regulations_2022-en.pdf (дата обращения: 24.12.2022)

платежеспособными 70% футбольных предприятий, а после – «всего лишь» 60% [12].

Несмотря на остроту и нерешенность проблемы переинвестирования, ей уделяется недостаточное внимание в научных публикациях, а относительно экономических причин этого феномена в индустрии футбола не сформировалось окончательное мнение.

L. Richau с соавторами объясняет причины, по которым проблема переинвестирования столь остра в индустрии футбола, экономическими особенностями организации отраслевого рынка и конкуренции [13]. Во-первых, футбольный рынок представляет собой экономическую среду с низкой рентабельностью и высоким уровнем риска. Во-вторых, особенности рынка труда в этой области приводят к «проклятию победителя»: тот, кто выигрывает борьбу за перспективного футболиста, обычно переплачивает. Покупатели тратят больше, чем предельная производительность игрока как нематериального актива футбольного предприятия. В-третьих, футбольные клубы переинвестируют, чтобы ослабить конкурентов и лишиться их актива, который может принести им пользу [13]. Это экономическая причина печального явления, когда талантливые игроки проводят карьеру на скамейке запасных богатых клубов. L. Richau и соавторы ссылаются на выводы D. Forrest и R. Simmons, согласно которым раскручивается порочная спираль переинвестирования: больше финансирование зарплат и трансферов футболистов – выше спортивный результат – более высокий результат обуславливает еще большие доходы – большие доходы позволяют вкладывать еще больше в зарплаты и трансферы футболистов [14]. Правда, здесь без ответа остается вопрос, почему доходы не могут продолжать нарастать с ускорением, как это имело место во многих новых отраслях.

Другая группа авторов находит истоки переинвестирования не в объективных, а в субъективных причинах, причем часто приходит к противоположным выводам. H.C. Lo и S.R. Shiah-Hou проверили на эмпирических данных мнение, что склонность фирмы к переинвестированию является следствием нарушения баланса сил не в пользу первого лица исполнительной вертикали, а в пользу собственников [15]. Они считают, что энергичные руководители, наделенные широкими полномочиями, менее вероятно принимают решения, связанные с переинвестированием. Подобные результаты весьма интересны, так как идут в разрез с представлениями, основанными на агентской проблеме – ситуации, когда менеджер принимает решения в своих интересах, а не в интересах собственников. S. Kwon с соавторами пришел прямо

к противоположному выводу, чем Lo и Shiah-Hou – только вмешательство собственников предотвращает переинвестирование, обусловленное решениями самоуверенных руководителей компаний [16]. N. Lassoued и I. Ben Osman, на основе анализа статистической выборки 3216-ти фирм из 23-х стран, нашли, что переинвестирование связано с преобладанием мужественности и индивидуализма согласно классификации деловых культур Хофстеде [17]. S. Ahtiainen и H. Jarva считают, что принятие решений собственниками, исходя из соображений престижа, является важнейшим субъективным фактором переинвестирования, свойственным именно индустрии футбола и тесно связанным с проблемой двойственности цели футбольных клубов [12].

Таким образом, анализ научных публикаций показал существенные противоречия в результатах исследований в части изучения экономических причин переинвестирования, с учетом характера нематериальных отраслей и выявленных учеными основных экономических особенностей индустрии футбола. Указанный пробел мы собираемся восполнить путем анализа экономических факторов достижения турнирного результата с использованием производственной функции C-D.

Производственная функция C-D, разработанная математиком Ч. Коббом и экономистом П. Дугласом для изучения значения труда и капитала в промышленности, явилась вехой в развитии экономического анализа [18]. Она широко применяется во многих отраслях, став одним из наиболее важных инструментов экономического анализа на макро- и микроуровнях [6, 18, 19], включая изучение научно-технического прогресса [20]. В ряде исследований функция C-D применялась для анализа нематериальных активов (интеллектуального капитала), в том числе, в России [21]. Человеческий капитал, представляя собой актив, уже учитывается в функции C-D через трудозатраты в стоимостных единицах или натуральных единицах простого и сложного труда [22]. Отмечается проблема методического характера [23]: преимущество классической функции C-D состоит в том, что она включает два видимых фактора – труд и капитал, непосредственно наблюдаемый результат, и три невидимых фактора – коэффициенты A , α и β . Последние выводятся в ходе статистических процедур. Введение дополнительных видимых факторов для учета интеллектуального капитала приводит к перегрузке невидимыми факторами [23], «размыванию» экономического смысла и уменьшению надежности статистических выкладок. Подобная ситуация учтена при разработке дизайна данного исследования, чтобы эконометрическая модель была компактной.

Большинство исследований показало наличие экономии от масштабов производства [24–26]. Тем интереснее случаи нарушения этой закономерности, выявленные в ходе недавних исследований. Например, у крупных авиакомпаний наблюдаются скорее потери, чем экономия на масштабах, а вот бюджетные авиалинии (лоукостеры) демонстрируют растущую отдачу от роста масштабов [26]. Отметим, что, согласно ресурсно-ориентированному подходу, отрицательная экономия на масштабах не всегда приводит к разукрупнению предприятий. Этому препятствует конкуренция за редкие и уникальные ресурсы [27]. Два российских исследования показали крайне незначительную экономию от масштабов в промышленности и сельском хозяйстве [24, 25].

Малоизученной областью остаются закономерности экономии на масштабах в нематериальных отраслях. Серьезный пробел относительно понимания эффекта от масштаба в индустрии футбола и вклада отдельных факторов производства в общий результат необходимо устранить в первую очередь, при поиске экономических причин переинвестирования и обоснования направлений развития футбольных предприятий.

Материалы и методы

Объектом исследования являются футбольные предприятия (футбольные клубы) РПЛ. Подчеркнем важную особенность базы данных этого исследования: она является популяцией, а не выборкой. В большинстве других отраслей число предприятий достаточно велико, и исследователи вынуждены делать выборку, что создает дополнительные проблемы для обеспечения надежности результатов статистического анализа. В базу данных для этого исследования включена вся популяция – 18 клубов РПЛ, которые провели в Лиге за анализируемый период хотя бы два сезона подряд. Так как стоимостные показатели модели взяты из финансовой отчетности за календарный год, а чемпионат России по футболу проводится по системе весна–осень, то, для обеспечения соответствия, было рассчитано количество очков за год, как сумма очков, набранных командами во второй половине чемпионата после зимнего перерыва и в первой половине следующего чемпионата, до очередного зимнего перерыва. Проблема состоит в том, что перерыв лишь примерно совпадает с началом второго круга. Например, в 2021 г. он наступил после 18-го тура, а в 2020 г. – после 19-го тура. Возникают различия в числе проведенных матчей между годами. Тем не менее, в этой ситуации было бы неправильным стандартизировать число очков, так

как частично отток денежных средств на оплату труда зависит от количества проведенных матчей, а значит, от такой корректировки сопоставимость между годами, наоборот, была бы нарушена.

Данные отчета о движении денежных средств извлечены из государственного информационного ресурса бухгалтерской (финансовой) отчетности (ресурс ГИР БО) ФНС России⁶. Такую отчетность футбольные клубы, как экономические субъекты, должны составлять и предоставлять независимо от организационной формы.

На предварительном этапе исследования применяется анализ финансовой отчетности для формирования базы панельных данных, соответствующих основным принципам финансового учета: полнота; материальность (существенность); надежность; приоритет содержания перед формой. Для анализа данных используются парная, степенная и множественная регрессии с применением эмпирической производственной функции C-D, с использованием MS Excell и IBM SPSS Statistics 23. Функция C-D, в силу своей простоты, очевидной экономической логики и беспрецедентно широких масштабов эмпирического тестирования, остается предпочтительным инструментом для измерения эффекта масштаба и эластичности (вклада) выпуска по факторам производства [19, 21].

Результаты исследования

Исходя из трех важнейших экономических особенностей индустрии футбола, определенных по результатам предыдущих исследований, были сформулированы две гипотезы.

Гипотеза 1. Эффективность текущих затрат труда в достижение турнирного результата превосходит эффективность использования всех остальных нематериальных и материальных ресурсов. Ведь человеческий капитал является основным ресурсом, а его доля в текущих затратах, как клубов РПЛ, так и ведущих европейских лиг, составляет примерно $\frac{3}{4}$.

Гипотеза 2. Эффект от масштаба использования ресурсов является отрицательным. Если она подтверждается, существует объективно обусловленный отрицательный эффект масштаба, что неизбежно вызывает регулярное переинвестирование – важнейшую экономическую проблему индустрии футбола.

Существует «мягкая» форма переинвестирования – инвестирование в проекты с отрицательной чистой приведенной ценностью (NPV). Такая ситуация приводит к снижению нормы прибыли

⁶ Государственный информационный ресурс бухгалтерской (финансовой) отчетности (ресурс БОФ). URL: <https://bo.nalog.ru/> (дата обращения: 03.06.2023)

для акционеров, но может не означать сокращение объема прибыли предприятия. Существует и «жесткая» форма переинвестирования – наращивание объема производства при отрицательной маржинальной прибыли, что ведет к прямым финансовым потерям. Наращивание инвестиций при отрицательном эффекте от масштаба всегда означает «мягкую» форму переинвестирования, которая при дальнейшем наращивании вложений переводит ее в «жесткую» форму и, в конечном итоге, приводит к неплатежеспособности.

Если, наряду со второй, подтверждается и первая гипотеза, то единственным способом предотвращения переинвестирования является ограничение финансирования укрепления состава для быстрого продвижения в турнирной таблице. Если вторая гипотеза подтверждается, а первая отвергается, то, в дополнение к указанному ограничению, существует стратегическая возможность инвестирования в развитие других нематериальных и материальных ресурсов футбольных предприятий для формирования долгосрочного, стабильного конкурентного преимущества, а такое развитие требует инновационной деятельности [28].

В методическом плане интересен вопрос: насколько применение функции C-D к развивающейся нематериальной отрасли, где важнейшую роль играют нематериальные факторы, может дать статистически значимые и логически обоснованные суждения.

Измерителем зависимой (результатирующей) переменной выбран турнирный результат, в очках за год, так как, согласно первой особенности индустрии футбола, футбольные предприятия имеют

дуализм цели – максимизацию прибыли и максимизацию турнирного результата. Поскольку в России, в отличие от Западной Европы и США, вторая цель доминирует, использовать стоимостные (финансовые) показатели результата, такие как прибыль, выручка или стоимость бизнеса, не имеет смысла.

Результаты предварительного анализа

Предварительный анализ был направлен на исключение тех наблюдений, в отношении которых имелись сомнения в качестве финансовой отчетности. Учитывалось наличие или отсутствие информации по существенным статьям отчетности (исключение «пустой отчетности»), а также соответствие относительного размера взаимосвязанных статей экономической логики. В итоге, в подборку была включена турнирная и финансовая информация 15-ти футбольных клубов, всего 48 наблюдений. Так как чемпионат РПЛ проводится по системе осень–весна, годовой результат в очках, сопоставимый с периодом отчета о движении денежных средств, формируется только тогда, когда клуб участвует в высшем дивизионе два года подряд. Также не включались данные по неполной отчетности (отсутствие отчета о движении денежных средств) и некачественной отчетности. Низкое качество отчетности ряда клубов свидетельствует о незавершенности формирования на их основе полноценных футбольных предприятий. В результате, была сформирована панель финансовых и турнирных данных (табл. 1). Количество в 48 наблюдений является достаточным для получения надежных результатов, так как анализируется популяция, а не выборка.

Таблица 1

Панельные данные за 2018–2022 гг.

Table 1

Panel data for 2018–2022

ФК	Q (очки)	K (тыс. руб.)	L (тыс. руб.)	ФК	Q (очки)	K (тыс. руб.)	L (тыс. руб.)
1	2	3	4	5	6	7	8
Динамо	38	683757	2527862	Спартак	47	1043750	8195918
Динамо	37	549066	4584684	Спартак	43	899927	8581976
Динамо	47	864977	6535930	Спартак	52	804844	7047446
Динамо	56	1198563	5776670	Спартак	45	1167196	9788126
Динамо	43	1584500	5256718	Спартак	52	1249791	8108696
Зенит	50	2317792	8747392	Сочи	51	703432	1606207
Зенит	75	3336979	9374117	Сочи	51	579850	2104607
Зенит	68	3300245	9322942	Сочи	47	582593	2218433
Зенит	62	3203472	9578637	Тамбов	23	112525	322306
Зенит	69	3689944	8605189	Урал	34	297548	798550
Крылья Советов	29	360704	1049198	Урал	40	386907	884392
Крылья Советов	34	489640	1574130	Урал	32	288792	835212
Локомотив	43	746036	7028512	Урал	32	358823	951977

Окончание таблицы 1

End of table 1

1	2	3	4	5	6	7	8
Локомотив	62	807465	7699124	Урал	35	442601	1163192
Локомотив	51	598441	7453732	Уфа	32	394413	995843
Локомотив	56	998961	6505057	Уфа	35	380495	829738
Локомотив	33	1191317	4610672	Уфа	26	407182	742554
Нижний Новгород	33	294475	1050522	Уфа	28	241622	671988
Ростов	36	656728	1095059	Химки	30	356450	791809
Ростов	51	1065473	1199456	ЦСКА	53	1234588	3432326
Ростов	43	971216	1178266	ЦСКА	55	745784	3257877
Ростов	29	1240058	1409619	ЦСКА	53	719108	3019514
Рубин	40	573523	2028986	ЦСКА	43	870358	4411806
Рубин	47	633389	3079096	ЦСКА	49	1019782	3511741

Примечание: столбец Q – очки за календарный год.

Разработано авторами.

Developed by the authors.

Столбец Q табл. 1 содержит количественное выражение турнирного результата – очки, набранные каждым клубом за календарный год. Переменная «капитал» (столбец K, табл. 1) включает данные о платежах поставщикам (подрядчикам) за сырье, материалы, работы, услуги (код строки 4121), а переменная «труд» (столбец L, табл. 1) – данные о платежах в связи с оплатой труда работников (код строки 4122) и прочие платежи (код строки 4129). Отметим, что информация по оплате труда включает оплату труда всего персонала футбольного предприятия.

Результаты анализа на основе парной регрессии

При применении самого простого вида регрессионного анализа, линейной парной регрессии была выявлена очевидная зависимость турнирного результата от затрат на оплату труда, которая иллюстрируется схемой, представленной на рис. 1.

Подобная зависимость неудивительна, так как в индустрии футбола турнирный результат определяется талантом и усилиями футболистов и тренеров, а оплата труда преобладает в затратах футбольных предприятий. Однако количественный анализ линейной регрессии оплаты труда на результат дал неоднозначные результаты. Согласно модели парной линейной регрессии, только половина турнирного результата определяется платой за труд (коэффициент детерминации R-квадрат = 52,6%). По критерию Фишера модель оказывается качественной ($F = 50,993 > F_{\text{табл}} = 4,043$ при $p = 0,05$), но относительная ошибка аппроксимации, рассчитанная как сумма относительных отклонений по каждому наблюдению, деленная на количество наблюдений, оказалась весьма велика:

15,71%, что означает весьма плохое соответствие модели исходным данным (хорошим считается значение 7%, а допустимым – 10%).

Качество подбора существенно улучшилось при применении степенной парной регрессии:

$$Q = A \times L^b, \quad (1)$$

где Q – «выпуск» – турнирный результат; L – затраты на оплату труда; A и b – коэффициенты.

Относительная ошибка аппроксимации уменьшается примерно в 4 раза, чем при линейной регрессии (3,45% против 15,71%). Это наглядно иллюстрирует схема, представленная на рис. 2., где оранжевая линия показывает тренд, полученный в результате парной степенной регрессии. Есть несколько отклонений, наиболее существенные из которых – результаты «Зенита» в 2019–2021 гг. и ЦСКА в 2018–2020 гг. (на рис. 2 отмечены, соответственно, синим и красным овалами), для которых результат значительно превышал прогнозное значение, исходя из объема оплаты труда. Эти «выбросы», связанные с командами, которые намного чаще других выигрывали чемпионат РПЛ за последние 20 лет (15 раз), наводят на предположение о наличии важных для турнирного результата факторов, помимо труда футболистов и тренеров.

Существенно, что степенная регрессия для индустрии футбола – новой нематериальной отрасли с повышенным значением человеческого капитала и преобладанием платежей за труд – показывает тенденцию уменьшающейся производительности, характерную для реального сектора экономики при отсутствии научно-технического прогресса.

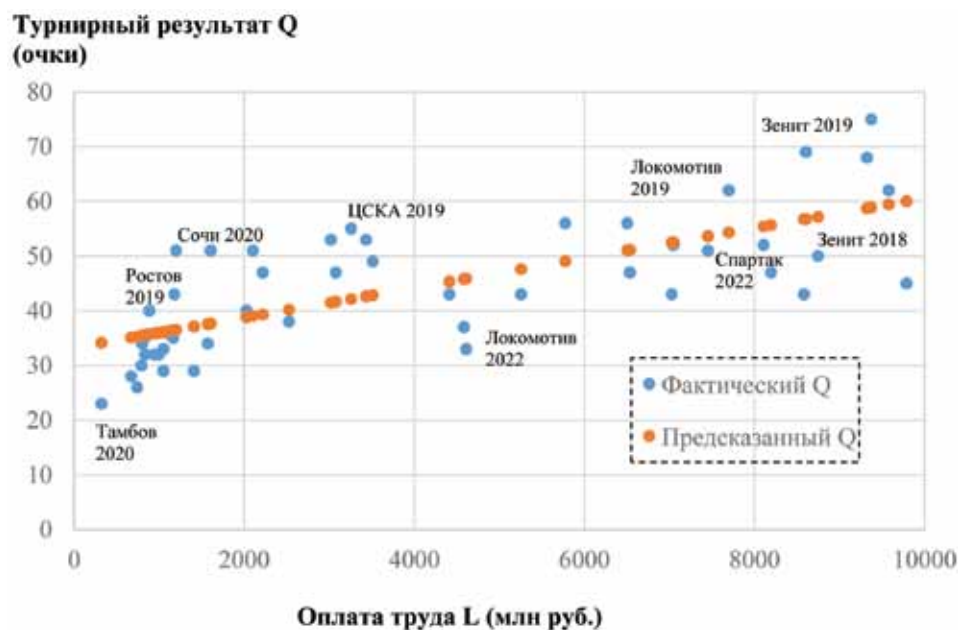

Рис. 1. Графическое представление линейной зависимости турнирного результата от платежей за труд в РПЛ (2018–2022 гг.)

Developed by the authors.

Fig. 1. Graphical representation of the linear relationship between result and labor payments in the Russian Premier League (2018–2022)

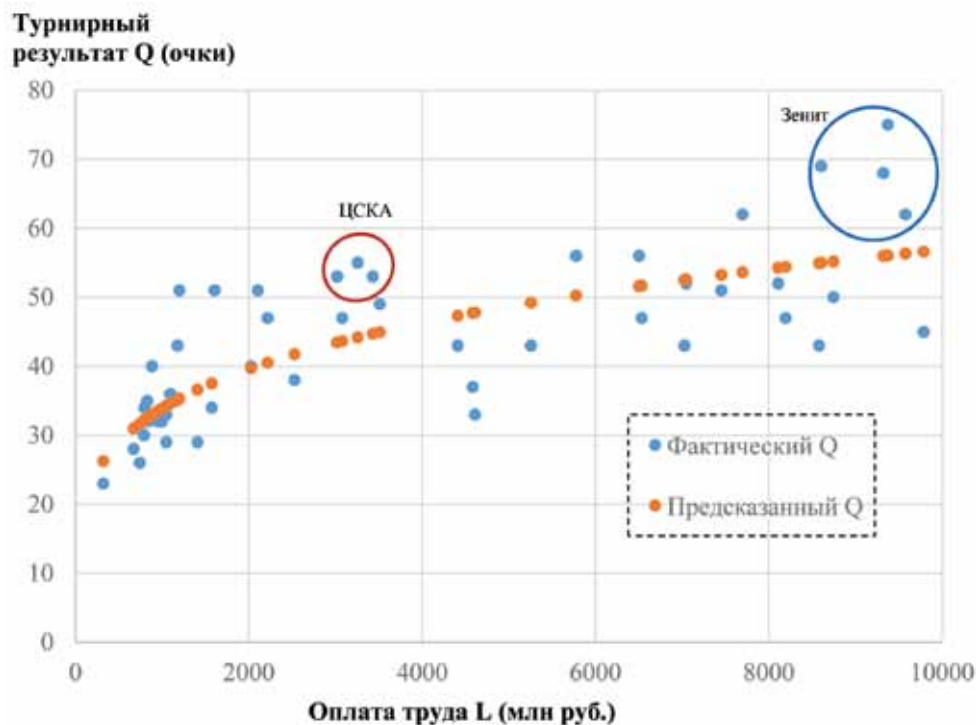

Рис. 2. Графическое представление парной степенной регрессии платежей за труд на турнирный результат в РПЛ (2018–2022 гг.)

Developed by the authors.

Fig. 2. Graphical representation of the power-pair regression of labor payments on the result in the Russian Premier League table (2018–2022)

Плата за труд, при такой модели, объясняет уже не половину, а почти 2/3 турнирного результата (R -квадрат = 65,9%), но доля неучтенных факторов остается значительной. Это не позволяет однозначно подтвердить гипотезу о преобладающем значении труда (человеческого капитала) в сравнении с другими материальными и нематериальными факторами.

Для того, чтобы точнее оценить вклад только трудозатрат, а также затрат на сырье, материалы,

работы и услуги (для краткости, в дальнейшем обозначим их «затраты капитала»), была использована производственная функция, С-D. Прежде всего, потоки платежей на оплату труда и платежей на покрытие затрат капитала были проверены на коллинеарность (табл. 2). Мы придерживались общепринятого критерия, что в случае, если корреляция между независимыми переменными составляет более 70%, их недопустимо использовать для анализа.

Таблица 2

Корреляционные матрицы (корреляция Пирсона двухсторонняя)

Table 2

Correlation matrices (Pearson correlation two-sided)

Корреляция результата (Q), трудозатрат (L'), затрат капитала (K)			Корреляция результата (Q), трудозатрат и прочих платежей (L), затрат капитала (K)		
	Q	K		Q	K
Q	1		Q	1	
K	0,702*	1	K	0,702*	1
L'	0,750*	0,743*	L	0,716*	0,704*

Примечание: * – корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

Разработано авторами.

Developed by the authors.

Левая половина табл. 2 показывает, что корреляция платежей поставщикам (подрядчикам) за сырье, материалы, работы, услуги (код строки 4121) с платежами в связи с оплатой труда работников (код строки 4122) равняется 74,3%, что превышает максимально допустимый критерий 70% и не позволяет использовать подобную комбинацию в качестве независимых переменных (факторов) модели.

Напротив, корреляция между строкой 4121 и суммой строк 4122 и 4129 (оплата труда и прочие платежи) – правая половина табл. 2 – равняется 70,4%, что равно 70% и допускает построение множественной регрессии. Это косвенно статистически подтверждает, что «прочие платежи» скрывают часть платежей по оплате труда. В рассматриваемом периоде статья «прочие платежи» у многих клубов стабильно занимала 2-3 позицию после оплаты труда и платежей поставщикам. Строка 4129 «прочие платежи», наряду с потерями от валютно-обменных операций и уплаченными организацией штрафами и платежами в счет возмещения ущерба, включает выданные работникам под отчет средства, по которым не составлен авансовый отчет. Учитывая существенную величину и постоянство размера данной статьи в течении ряда лет у анализируемых клубов, а также то, что потери, штрафы и возмещения к постоянным по

размеру платежам не относятся, мы делаем предположение, что большая часть статьи «прочие платежи» составляют платежи по оплате труда. Их объединение с платежами по оплате труда возвращает смысл всей процедуре, позволяя провести статистически-обоснованный экономический анализ.

Результаты множественной регрессии на основе производственной функции С-D

Применение эмпирической функции С-D путем построения множественной регрессии стало ключевой частью анализа, так как она, во-первых, формирует более полную картину экономических факторов, определяющих турнирный результат, улучшив коэффициент детерминации. Во-вторых, позволяет более точно определить вклад человеческого фактора в достижение турнирного результата. Популярность производственной функции С-D и превращение ее в парадигму анализа отраслей реального сектора (промышленности, сельского хозяйства) была обусловлена именно тем, что она учитывает вклад принципиально необходимых факторов производства – труда и капитала. В-третьих, модель отражает очевидную экономическую логику. Если отсутствует один из необходимых факторов производства, то отсутствует результат $K = 0 \Rightarrow Q = 0$ и если $L = 0 \Rightarrow$

$Q = 0$. Когда $\alpha/\beta > 1$, вклад физического капитала больше вклада человеческого капитала, а когда $\alpha/\beta < 1$, то труд имеет большее значение. Если значение коэффициента α равно нулю, то любое число в степени 0 будет равняться 1, а тогда смысл физического капитала состоит только в том, что без него нельзя использовать человеческий труд, и наоборот. В-четвертых, в функцию C-D «прошит» эффект экономии на масштабах производства, что представляется наиболее важным, так как он может лежать в основе феномена регулярного переинвестирования в индустрии футбола. Исходный вариант функции C-D не позволял измерить эффект от масштаба, так как принималось, что $\beta = 1 - \alpha \Rightarrow \alpha + \beta = 1$, но впоследствии было показано, что значения этих параметров могут быть любыми и показывать эффект от масштаба производства. Если $\alpha + \beta = 1$, то эффект от роста масштабов производства отсутствует, если $\alpha + \beta < 1$, то он отрицательный, а если $\alpha + \beta > 1$, то эффект от масштаба положительный.

Валидность подхода, то есть обоснованность и пригодность двухфакторной функции C-D для использования при проведении данного вида исследования, определяется двумя составляющими. Первая составляющая – контентная валидность. С помощью модели C-D удалось учесть все три важнейшие экономические особенности индустрии футбола. Так, три непосредственно наблюдаемые переменные отражают турнирный результат – цель, которую преследуют клубы РПЛ, а также все текущие затраты ресурсов, которые отражаются в оттоках денежных средств от операционной деятельности. Вторая составляющая – конструктивная валидность, она обусловлена тем, что использованные в модели концепции вклада факторов производства и экономии на масштабах операционализированы по результатам многочисленных эмпирических исследований отраслей реального сектора экономики. Также, в плане конструктивной валидности, существенно, что на три наблюдаемые переменные приходится только три скрытые переменные, определяемые в ходе обработки эмпирической информации (коэффициенты A , α , β).

Функция C-D с переменной экономией на масштабах производства применена к базе панельных данных, сформированных на предварительном этапе исследования (см. табл. 1):

$$Q = A \times K^{\alpha} \times L^{\beta}, \quad (2)$$

где Q – объем производства, K – затраты капитала, L – затраты труда, A – параметр эффективности, α и β – параметры эффекта эластичности – вклада в результат (выпуск), соответственно, капитала и труда. Коэффициенты A , α и β определяются экономическим характером и используемой в данный момент технологией бизнеса.

Для проведения регрессионного анализа уравнение C-D представляется в линейной логарифмической форме (3):

$$\text{Log} Q = \text{Log} A + \alpha \times \text{Log} K + \beta \times \text{Log} L. \quad (3)$$

Для этого значения экономических факторов и турнирного результата (см. табл. 1) были переведены в логарифмическую форму.

Применение производственной функции C-D сократило ошибку аппроксимации, составившую 2,98% по сравнению с 3,45% при парной степенной регрессии и 15,71% при линейной регрессии. Доля турнирного результата, объясняемая экономическими факторами, учтенными в модели (дисперсия зависимой переменной), составила 68,4% (R-квадрат). Наиболее существенный момент состоит в том, что высокими оказались как качество самой модели, оцениваемое коэффициентом Фишера (табл. 3), так и t -статистика, показывающая статистическую надежность оценки влияния экономических факторов на турнирный результат (табл. 4). Подробные результаты регрессионного анализа на основе множественной регрессии приведены ниже.

Затраты капитала и затраты труда при применении производственной функции C-D объясняют 68,4% турнирного результата с высокой степенью надежности ($F = 48,75 > 3,19$ (см. F в табл. 3)). Коэффициент Дарби-Уотсона равняется 1,826. Эта

Таблица 3

Качество модели: дисперсионный анализ (ANOVA)

Table 3

Model quality: analysis of variance (ANOVA)

Модель		Сумма квадратов	Средний квадрат	F	F табл.	Значимость
1	Регрессия	2,396	1,198	48,75	3,19	0,000
	Остаток	1,106	0,025			
	Всего	3,502				

Разработано авторами.

Developed by the authors.

Таблица 4

Коэффициенты модели

Table 4

Model coefficients

	Коэффициенты	Стандартная ошибка	t-статистика	P-значение (значимость)
Y-пересечение	-0,310	0,429	-0,72	0,473
LN(K) α	0,167	0,053	3,15	0,003
LN(L) β	0,122	0,040	3,07	0,004
Параметр A	0,73			

Разработано авторами.

Developed by the authors.

величина близка к 2-м, что показывает отсутствие автокорреляции, которая могла бы привести к завышению значения F.

Гипотеза 1, согласно которой вклад труда как производственного фактора в турнирный результат является доминирующим, составляя не менее 75%, отвергается при 0,01 уровне значимости. Вклад (эластичность) по выпуску труда составила 12,2%, а вклад затрат капитала оказался даже больше, составив 16,7% согласно следующей формуле (4):

$$Q = 0,73 \times K^{0,167} \times L^{0,122} \quad (4)$$

Таким образом, эффект затрат капитала оказался не только не меньше, но даже чуть больше, чем затрат на оплату труда (0,167 против 0,122) (рис. 3, левая часть). Это отвергает гипотезу 1, но и, вроде бы, здравый смысл – очевидно, что результат достигается игроками.

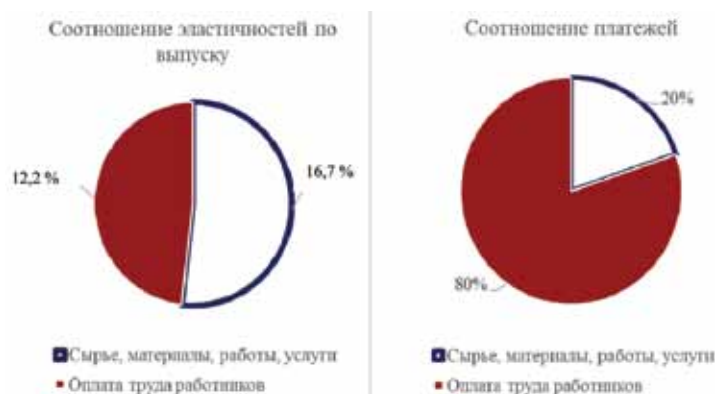
Конечно, здравый смысл не опровергается. Как отмечалось выше, эластичность замены между факторами производства в функции C-D невелика и всегда постоянна. Данное свойство позволяет использовать ее для анализа экономики футбольного соревнования. Технология футбольного соревнования определяет особое значение человеческого фактора: потоки на оплату труда превосходят в 4 раза потоки за материалы, работы и услуги: 46,65 млрд руб. / 19,15 млрд руб. = 4,11 раза (рис. 3, правая часть). В то же время, футбольное соревнование, как экономическое явление, представляет собой сложную хозяйственную систему с комплексной экономической моделью, в которой человеческий капитал вплетен в структуру разнородных экономических, организационных и технологических факторов⁷. Напомним, что «затратами капитала» был обозначен целый набор как мате-

риальных, так и нематериальных факторов, скрывающихся за строкой 4121 «платежи поставщикам (подрядчикам)». Полученный при применении модели C-D результат свидетельствует, что вклад этих факторов в турнирные результаты также существенен, а те, кто добивается большего успеха, уделяют им больше внимание (вспомним «выброс» турнирного результата ЦСКА и «Зенита» при применении парной степенной регрессии, см. рис. 2).

Гипотеза 2, согласно которой экономия от масштаба производства является отрицательной, полностью подтвердилась. Так как число очков за год является конечной величиной, экономия от масштабов должна была оказаться отрицательной, если функция C-D валидна для индустрии футбола. Удивляет выявленная множественной регрессией степень убывающей отдачи от масштаба. Согласно модели C-D, эффект от масштаба отсутствует если сумма $\alpha + \beta = 1$, и оказывается отрицательным если $\alpha + \beta < 1$. Результаты проведенного регрессионного анализа дали $\alpha + \beta = 0,167 + 0,122 = 0,289 < 1$, что почти в 3,5 раза меньше единицы ($1/(\alpha + \beta) = 1/0,289 = 3,46$). Это означает, что для достижения все более высокого результата требуется непропорционально большое количество всех видов ресурсов, потребляемых футбольным бизнесом.

Прогнозные результаты, полученные с использованием производственной функции C-D и коэффициентов, выведенных в ходе нашего анализа (рис. 4), хорошо согласуются как с логикой турнирной борьбы, так и с фактическими результатами клубов РПЛ за период 2018–2022 гг. Представленный график показывает прогнозные значения турнирного результата при определенных комбинациях затрат ресурсов, исходя из полученных в ходе анализа коэффициентов эмпирической функции C-D.

⁷ Кузьяев Д.А. Интеллектуальный капитал – основа экономической модели современного футбольного предприятия // Лидерство и менеджмент. 2022. Т. 9. № 4. С. 1233–1252. EDN: <https://www.elibrary.ru/xznuyb>. <https://doi.org/10.18334/lim.9.4.116940>

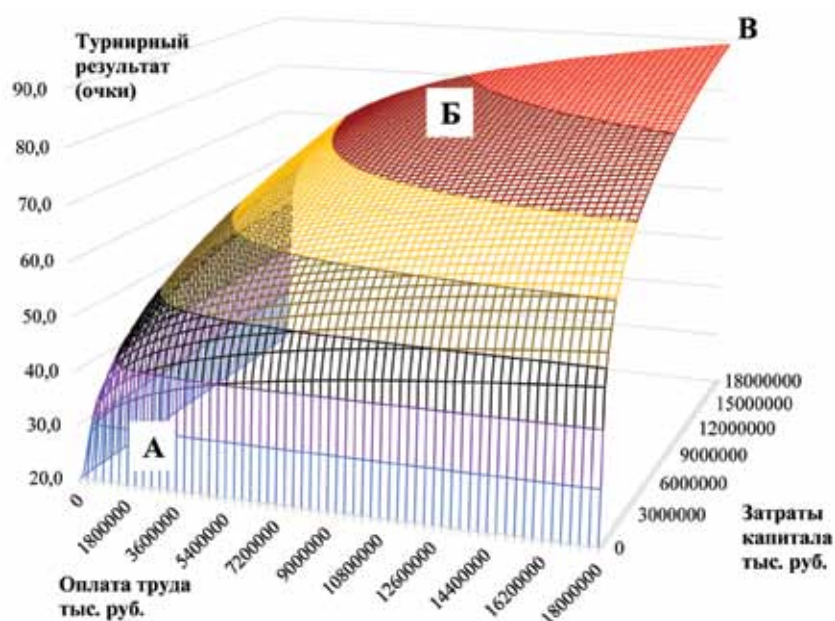

Разработано авторами.

Рис. 3. Доля затрат на оплату труда и затрат капитала в оттоке денежных средств футбольных предприятий и в их эластичности по выпуску (2018–2022 гг.)

Developed by the authors.

Fig. 3. Share of labor and material costs in football companies' cash outflows and output elasticity (2018–2022)

Разработано авторами.

Рис. 4. Графическое представление прогнозной зависимости турнирного результата от затрат труда и капитала, полученной из множественной регрессии на основе производственной функции С-Д (РПЛ, 2018–2022 гг.)

Developed by the authors.

Fig. 4. Graphical representation of the forecasted dependence of the league result on labor and material inputs, derived from a multiple regression based on the Cobb-Douglas production function (RPL, 2018–2022)

Точка А на рис. 4 соответствует минимальному результату за период (ФК «Тамбов», 23 очка, при затратах $K = 112,5$ млн руб. и $L = 322,3$ млн руб.), точка Б – максимальному результату за период (ФК «Зенит», 75 очков, при затратах $K = 3,337$ млрд

руб. и $L = 9,374$ млрд руб.), а точка В – максимально возможному результату (90 очков), достижение которого потребовало бы, согласно установленной закономерности, ежегодных затрат на труд и капитал в размере более 35 млрд руб.

Максимально возможное количество очков – всегда фиксированная величина. В случае чемпионатов РПЛ за рассматриваемый период она равна примерно 90 очков в год, с небольшими отклонениями, в зависимости от даты наступления зимнего перерыва. Поэтому при приближении к максимальному результату эффективность для отдельного клуба должна падать, требуя повышенных объемов финансовых вложений. Чтобы «двигаться к вершине» по поверхности функции C-D (верхний правый угол, рис. 4), надо расходовать все больше материальных и нематериальных ресурсов, что показывает движение по двум горизонтальным (стоимостным) осям. Это приводит к колоссальной финансовой нагрузке и опасности переинвестирования. Слабые в финансовом отношении клубы не выдерживают первыми, но и футбольные предприятия с солидной финансовой базой, если не учитывают данную экономическую закономерность (вспомним результаты исследований о роли субъективного фактора [12, 15–17]), рискуют подорвать финансовую стабильность. Следует предположить, что подобная ситуация проявляется не только для отечественного футбола, что и заставило УЕФА, из-за опасения массовых банкротств, директивным способом ограничить инвестиции в футбольные предприятия введением правил финансового fair play.

Подчеркнем: финансовая нестабильность футбольного предприятия возникает не просто из-за того, что владельцы клуба инвестируют средства из-за азарта или руководствуясь соображениями престижа, а потому, что из-за этого они инвестируют при отрицательном эффекте от роста масштаба. Важно отметить, что речь идет об отрицательном эффекте масштаба при максимизации турнирного результата, а не прибыли. Возможно, из-за этого североамериканские командные виды спорта, для которых важна, прежде всего, прибыль, а не турнирный результат, не требуют регулирования аналогичного fair play.

Из рис. 4 видно, что максимальный результат, который был реально достигнут за анализируемый период, находится на изгибе прогнозного графика. Примечательно, что этот результат был показан в 2019 г. «Зенитом», который, при применении линейной и парной степенной регрессии (см. рис. 1. и рис. 2), был значительно выше прогнозного тренда, полученного исходя из одного фактора оплаты труда. С учетом анализа по модели C-D, это следует интерпретировать следующим образом. В условиях убывающей отдачи от масштабов, продвигаться в турнирной таблице только наращиванием оплаты труда проблематично (движение по оси x требует огромных ресурсов), между тем, остальные затраты – на порядок меньше в объемах, но при этом более эффективны. Таким образом, за счет подобного «ресурсного маневра», удастся

продвинуться, когда результат находится на максимальном уровне. Отметим, что при этом абсолютный размер оплаты труда не снижается. Конечно, в реальности никто о ресурсном маневре как таковом не думает, но это отражает большое внимание к развитию разных сторон футбольного бизнеса у клубов-лидеров.

Выводы

Весьма существенный отрицательный эффект масштаба использования ресурсов накладывает предел (лимит) на наращивание инвестиций. По мере приближения к данному пределу падает эффективность инвестиций, а после выхода на своеобразное «плато» рост результатов практически прекращается, несмотря на нарастающие финансовые вложения. Этот вывод нашего исследования полностью согласуется с феноменом регулярного переинвестирования, установленным в предыдущих исследованиях, и объясняет исходную причину его существования. Фактор убывающей отдачи от масштабов действует только при максимизации турнирного результата, но не экономического результата. Последний не ограничен фиксированным количеством очков («успехом»), и его максимизация одним клубом не означает неизбежные потери у остальных. Следовательно, рост индустрии футбола должен осуществляться путем расширения экономической деятельности, находящейся вне зоны действия закономерности убывающего эффекта от масштабов.

Критерий максимизации прибыли, который рассматривается в научных публикациях как альтернатива максимизации спортивного результата, представляется слишком узким и упрощенным для выражения экономического результата. Особенно это справедливо для реалий российского футбола, где акции футбольных предприятий не обращаются на фондовом рынке, и предпосылок для их обращения на сегодняшний день не существует. Целью экономической деятельности футбольного предприятия должно быть приращение материальных и нематериальных ресурсов, необходимых для выполнения его функций, с учетом стоимости их создания и воспроизводства. Такой критерий тесно коррелирует с критерием увеличения стоимости бизнеса, а увеличение прибыли является только одним из его аспектов. Отметим, что вопрос следует ставить об «увеличении», а не «максимизации», учитывая спортивную и социальную задачи футбольного предприятия. Требуется поиск компромисса, исходя из объективно обусловленной двойственной цели футбольного предприятия. Но чтобы такой компромисс стал возможным, необходимо повысить значение экономической деятельности, а это невозможно без развития инновационной деятельности.

Переинвестирование не будет происходить, если средства вкладываются в развитие ресурсов, которые обеспечивают формирование стабильного долгосрочного конкурентного преимущества на футбольном поле и за его пределами. Согласно ресурсно-ориентированному подходу, такие ресурсы должны быть уникальными и плохо поддаваться имитации конкурентами. Для их формирования требуются инновации, но серьезная проблема инновационной деятельности в футбольной отрасли состоит в том, что возможность защиты инноваций, связанных с тренировочным процессом, низкая, а нововведения в тактике игры – аналогии процессных инноваций в промышленности – никак не защищены. Тактические схемы, такие как «метода», «дубль-вз» и другие, сразу после появления подвергались имитации. Поэтому наиболее перспективными представляются организационные инновации, которые труднее скопировать.

Результаты анализа показали значение для турнирного результата, помимо оплаты труда, совокупности других нематериальных и материальных факторов. Хотя абсолютный вклад человеческого капитала является преобладающим, относительная эффективность текущих затрат других ресурсов оказалась даже больше. Значит, инвестирование в наращивание таких ресурсов может привести к формированию долгосрочного стабильного конкурентного преимущества. Это требует формирования новых линий бизнеса для выполнения футбольным предприятием спортивной и экономической функций производителя и поставщика спортивно-зрелищного и спортивно-информационного товара. Сейчас они находятся в зачаточном состоянии, и для их создания потребуются организационные инновации.

Такая инвестиционная и инновационная деятельность может осуществляться, например, при формировании цифрового бренда, развитии сетевого капитала и других нематериальных активов, которые приносят стабильный доход от выполнения футбольным предприятием социальной и информационной функций. От этого выиграет индустрия футбола и общество в целом.

Наряду с выводом о резко отрицательном эффекте от масштаба и возникновении «плато» минимального прироста результата, другой важный вывод эмпирического исследования состоит в том, что представление, согласно которому спортивный успех футбольного предприятия определяется только финансированием человеческого капитала, является излишне упрощенным. Также важны другие экономические факторы. Согласно результатам регрессионного анализа, их вклад оказался не меньше, а даже чуть больше, чем оплата труда. Этот весьма неожиданный результат не опровер-

гает очевидную определяющую роль футболистов и тренеров в достижении турнирного результата, которую отражает преобладающий вес оплаты труда в затратах. Но он свидетельствует, что экономика футбольного предприятия сложнее, чем кажется. Из этого следует важный вывод для стратегии развития футбольных предприятий и направления дальнейших исследований. Те футбольные клубы, которые достигли высокого турнирного результата, уделяют больше внимания всем сторонам футбольного бизнеса. Подобное внимание приводит к затратам, помимо оплаты труда. Подчеркнем, что результаты регрессионного анализа устанавливают наличие и форму связи, но не причинность. Необходимо дополнительно исследовать всю систему нематериальных и материальных факторов стабильного преимущества клубов лидеров. У них, несмотря на самые значительные затраты на оплату труда, выше вклад других экономических факторов, что приводит к отклонению отношения турнирного результата к затратам труда от отраслевого тренда.

Субъективные ошибки руководителей футбольных клубов, которые указывались предыдущими исследователями темы, являются производными от этой фундаментальной закономерности. Возникновение экономической среды с низкой рентабельностью, высоким риском и «проклятием победителя», что установили ранее другие авторы, также согласуется с огромным отрицательным эффектом масштаба. Существенно, что форма выведенной прогнозной зависимости убывающей отдачи от роста затрат показывает возникновение своеобразного «плато»: после определенной точки рост затрат приводит к минимальному возрастанию результата. Начало «плато» практически точно совпало с границей, на которой, в реальности, останавливались турнирные результаты лидеров РПЛ. Клубы, которые будут игнорировать данную закономерность, создадут риск для своей финансовой стабильности.

Согласно традиционной экономической логике, отрицательный эффект от масштаба должен приводить к уменьшению размера предприятий. Тем не менее, фрагментации футбольной отрасли (исчезновения крупных клубов) не происходит, что согласуется с логикой ресурсно-ориентированного подхода: если предприятия отрасли конкурируют за уникальные ресурсы, от которых они всецело зависят, то этот фактор препятствует разукрупнению предприятий. Действительно, футбольные клубы конкурируют за уникальные нематериальные ресурсы – лучших футболистов и тренеров, а значит, крупные футбольные предприятия будут преобладать, приобретая и удерживая дефицитный нематериальный ресурс, несмотря на финансовые потери. Вопрос состоит в том, как эти поте-

ри минимизировать, а использование уникального ресурса рационализировать. В связи с этим представляется оправданным увеличение количества игр в сезоне, за счет кубковых матчей, так как это позволяет использовать талантливых футболистов, которые проводят большую часть карьеры на скамейке запасных в крупных клубах. Это простое и

действенное решение, но все же – полумера. Еще более эффективные решения организационно-экономического характера требуют проведения дальнейших исследований, разработки сочетания инвестиционной и инновационной деятельности и тщательного обоснования.

Список источников

1. *Graciosa A., Gracia G., Juliana R.* Firm Life Cycle and Investment Inefficiency // *Journal of Accounting and Strategic Finance*. 2020. Vol. 3. Iss. 2. P. 169–184. <https://doi.org/10.33005/jasf.v3i2.86>
2. *Солнцев И.В.* Повышение финансовой устойчивости российских футбольных клубов // *Экономический журнал Высшей школы экономики*. 2020. Т. 24. № 1. С. 117–145. EDN: <https://www.elibrary.ru/jkvejp>. <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2020-24-1-117-145>
3. *Andras K., Harvan Z.* New business strategies of football clubs // *Applied Studies in Agribusiness and Commerce*. 2015. Vol. 9. Iss. 1-2. P. 1–8 <https://doi.org/10.19041/APSTRACT/2015/1-2/13>
4. *Brunkhorst J.P., Fenn A.J.* Profit Maximization in the National Football League // *Journal of Applied Business Research*. 2010. Vol. 26. Iss. 1. P. 45–58. <https://doi.org/10.19030/jabr.v26i1.276>
5. *Верзилин Д.Н.* Современные проблемы стратегического управления в отечественной индустрии футбола // *Экономика, предпринимательство и право*. 2020. Т. 10. № 12. С. 3339–3348. EDN: <https://www.elibrary.ru/qesoyk>. <https://doi.org/10.18334/eP.10.12.111447>
6. *Adamo V.* Cobb–Douglas production function: on the causal effects of factors and predictions // *SN Business & Economics*. Vol. 2(7). P. 1–14. <https://doi.org/10.1007/s43546-022-00244-z>
7. *Ishikawa A.* Statistical Properties in Firms' Large-scale Data. *Evolutionary Economics and Social Complexity Science*. Vol. 26. Singapore: Springer Nature, 2021. 146 p. <https://doi.org/10.1007/978-981-16-2297-7>
8. *Chadwick S.* From outside lane to inside track: sport management research in the twenty-first century // *Management Decision*. 2009. Vol. 47. Iss. 1. P. 191–203. <https://doi.org/10.1108/00251740910929786>
9. *Prinz A., Thiem S.* Value-maximizing football clubs // *Scottish Journal of Political Economy*. 2021. Vol. 68. Iss. 5. P. 605–622. <https://doi.org/10.1111/sjpe.12282>
10. *Nagy Z.* The Unique Features of the Financing of Professional Football // *Public Finance Quarterly*. 2011. Vol. 56. Iss. 4. P. 539–552. https://www.penzugyiszemle.hu/upload/pdf/penzugyi_szemle_angol/volume_LVI_2011_4/a_539_552_nagyiz.pdf (дата обращения 11.01.2023)
11. *Leitão J., Baptista J.* Intellectual Capital Assets and Brand Value of English Football Clubs // *International Journal of Sport Management and Marketing*. 2019. Vol. 19. Iss. 1/2. P. 8–34. <https://doi.org/10.1504/IJSMM.2018.10012990>
12. *Ahtiainen S., Jarva H.* Has UEFA's financial fair play regulation increased football clubs' profitability? // *European Sport Management Quarterly*. 2022. Vol. 22. Iss. 4. P. 569–587. <https://doi.org/10.1080/16184742.2020.1820062>
13. *Richau L., Follert F., Frenger M., Emrich E.* The sky is the limit?! Evaluating the existence of a speculative bubble in European football // *Journal of Business Economics*. 2021. Vol. 91. P. 765–796. <https://doi.org/10.1007/s11573-020-01015-8>
14. *Forrest D., Simmons R.* Team Salaries and Playing Success in Sports: A Comparative Perspective // In: *Sportökonomie. ZfB – Ergänzungshefte*, Vol 4. *Albach H., Frick B.* (eds). Wiesbaden: Gabler Verlag, 2002. P. 221–238. https://doi.org/10.1007/978-3-663-07711-4_12
15. *Lo H.C., Shiah-Hou S.R.* The effect of CEO power on overinvestment // *Review of Quantitative Finance and Accounting*. 2022. Vol. 59. Iss. 1. P. 23–63. <https://doi.org/10.1007/s11156-022-01060-0>
16. *Kwon S., Hwan Ahn J., Kim Gi H.* The impact of shareholder intervention on overinvestment of free cash flow by overconfident CEOs // *International Review of Financial Analysis*. 2021. Vol. 75. P. 101751. <https://doi.org/10.1016/j.irfa.2021.101751>

17. Lassoued N., Ben Osman I. The impact of national culture on overinvestment // International Journal of Revenue Management. 2022. Vol. 12. Iss. 3-4. P. 213–235. <https://doi.org/10.1504/IJRM.2021.120348>
18. Wang J. et al. A Method for Estimating Output Elasticity of Input Factors in Cobb-Douglas Production Function and Measuring Agricultural Technological Progress // IEEE Access. 2021. Vol. 9. P. 26234–26250. <https://doi.org/10.1109/ACCESS.2021.3056719>
19. Cardona M., Kretschmer T., Strobel T. ICT and productivity: conclusions from the empirical literature // Information Economics and Policy. 2013. Vol. 25. Iss. 3. P. 109–125. <https://doi.org/10.1016/j.infoecopol.2012.12.002>
20. Antonelli C., Orsatti G., Piali G. The knowledge-intensive direction of technological change // Eurasian Business Review. 2023. Vol. 13. P. 1–27. <https://doi.org/10.1007/s40821-022-00234-z>
21. Turovets Y. Intangible assets and the efficiency of manufacturing firms in the age of digitalisation: the Russian case // Engineering Management in Production and Services. 2021. Vol. 13. Iss. 1. P. 7–26. <https://doi.org/10.2478/emj-2021-0001>
22. Gruzina Y., Firsova I., Strielkowski W. Dynamics of Human Capital Development in Economic Development Cycles // Economies. 2021. Vol. 9. Iss. 2. P. 67. <https://doi.org/10.3390/economies9020067>
23. Ovechkin D.V., Romashkina G.F., Davydenko V.A. The Impact of Intellectual Capital on the Profitability of Russian Agricultural Firms // Agronomy. 2021. Vol. 11. № 2. P. 286. EDN: <https://elibrary.ru/ooteuo>. <https://doi.org/10.3390/agronomy11020286>
24. Ипатов И.Б., Пересецкий А.А. Техническая эффективность предприятий отрасли производства резиновых и пластмассовых изделий // Прикладная эконометрика. 2013. № 4(32). P. 71–92. EDN: <https://elibrary.ru/rvtrrd>
25. Nabokikh A.A., Barmina E.A., Ryattel A.V., Fadeeva N.Yu., Cheraneva E.K. Use of the framework of production functions to optimize the operation of the production process // Espacios. 2017. Vol. 38. Iss. 49. P. 6–18. EDN: <https://elibrary.ru/xnqqoo>
26. Ryu S.-L., Won J. Scale economies in the Korean airline industry since the entry of low-cost carriers // International Journal of Economic Policy in Emerging Economies in Emerging Economies. 2019. Vol. 12. Iss. 2. P. 149–157. <https://doi.org/10.1504/IJEPEE.2019.099696>
27. Van Witteloostuijn A., Boone C. A Resource-Based Theory of Market Structure and Organizational Form // Academy of Management Review. 2006. Vol. 31. Iss. 2. P. 409–426. <https://doi.org/10.5465/amr.2006.20208688>
28. Осокин Н.А. Особенности типологии инноваций в профессиональном спорте // Инновации. 2020. № 3(257). С. 95–101. EDN: <https://www.elibrary.ru/tdbxyn>. <https://doi.org/10.26310/2071-3010.2020.257.3.014>

Статья поступила в редакцию 07.04.2023; одобрена после рецензирования 29.05.2023; принята к публикации 09.06.2023

Об авторах:

Владимир Владимирович Платонов, доктор экономических наук, профессор; профессор кафедры экономики и управления предприятиями и производственными комплексами, факультет управления; Researcher ID: O-2968-2015, Scopus ID: 57059961000

Далер Адьямович Кузьяев, аспирант кафедры экономики и управления предприятиями и производственными комплексами, факультет управления; Акционерное общество «Футбольный клуб «Зенит», полузащитник, заслуженный мастер спорта; Researcher ID: HSG-9091-2023

Вклад авторов:

Платонов В. В. – научное руководство, анализ данных и описание результатов исследования.

Кузьяев Д. А. – обзор литературы, сбор, анализ данных и описание результатов исследования, обобщение выводов исследования.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

References

1. Graciosa A., Gracia G., Juliana R. Firm Life Cycle and Investment Inefficiency. *Journal of Accounting and Strategic Finance*. 2020; 3(2):169–184. <https://doi.org/10.33005/jasf.v3i2.86> (In Eng.)
2. Solntsev I.V. Improving the Financial Sustainability of Russian Football Clubs. *HSE Economic Journal*. 2020; 24(1):117–145. EDN: <https://www.elibrary.ru/jkvejp>. <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2020-24-1-117-145> (In Russ.)
3. Andras K., Harvan Z. New business strategies of football clubs. *Applied Studies in Agribusiness and Commerce*. 2015; 9(1-2):1–8. <https://doi.org/10.19041/APSTRACT/2015/1-2/13> (In Eng.)
4. Brunkhorst J.P., Fenn A.J. Profit Maximization in the National Football League. *Journal of Applied Business Research*. 2010; 26(1):45–58. <https://doi.org/10.19030/jabr.v26i1.276> (In Eng.)
5. Verzilin D.N. Modern problems of strategic management in the national football industry. *Journal of Economics, entrepreneurship and law*. 2020; 10(12):3339–3348. EDN: <https://www.elibrary.ru/qesoyk>. <https://doi.org/10.18334/eP.10.12.111447> (In Russ.)
6. Adamo V. Cobb–Douglas production function: on the causal effects of factors and predictions. *SN Business & Economics*. 2(72):1–14. <https://doi.org/10.1007/s43546-022-00244-z> (In Eng.)
7. Ishikawa A. Statistical Properties in Firms' Large-scale Data. *Evolutionary Economics and Social Complexity Science*. Vol. 26. Singapore: Springer Nature, 2021. 146 p. <https://doi.org/10.1007/978-981-16-2297-7> (In Eng.)
8. Chadwick S. From outside lane to inside track: sport management research in the twenty-first century. *Management Decision*. 2009; 47(1):191–203. <https://doi.org/10.1108/00251740910929786> (In Eng.)
9. Prinz A., Thiem S. Value-maximizing football clubs. *Scottish Journal of Political Economy*. 2021; 68(5):605–622. <https://doi.org/10.1111/sjpe.12282> (In Eng.)
10. Nagy Z. The Unique Features of the Financing of Professional Football. *Public Finance Quarterly*. 2011; 56(4):539–552. https://www.penzugyiszemle.hu/upload/pdf/penzugyi_szemle_angol/volume_LVI_2011_4/a_539_552_nagyiz.pdf (accessed: 11.01.2023) (In Eng.)
11. Leitão J., Baptista J. Intellectual Capital Assets and Brand Value of English Football Clubs. *International Journal of Sport Management and Marketing*. 2019; 19(1/2):8–34. <https://doi.org/10.1504/IJSM.2018.10012990> (In Eng.)
12. Ahtiainen S., Jarva H. Has UEFA's financial fair play regulation increased football clubs' profitability? *European Sport Management Quarterly*. 2022; 22(4):569–587. <https://doi.org/10.1080/16184742.2020.1820062> (In Eng.)
13. Richau L., Follert F., Frenger M., Emrich E. The sky is the limit?! Evaluating the existence of a speculative bubble in European football. *Journal of Business Economics*. 2021; 91:765–796. <https://doi.org/10.1007/s11573-020-01015-8> (In Eng.)
14. Forrest D., Simmons R. Team Salaries and Playing Success in Sports: A Comparative Perspective. In: Sportökonomie. ZfB – Ergänzungshefte, Vol 4. Albach H., Frick B. (eds). Wiesbaden: Gabler Verlag, 2002. P. 221–238. https://doi.org/10.1007/978-3-663-07711-4_12 (In Eng.)
15. Lo H.C., Shiah-Hou S.R. The effect of CEO power on overinvestment. *Review of Quantitative Finance and Accounting*. 2022; 59(1):23–63. <https://doi.org/10.1007/s11156-022-01060-0> (In Eng.)
16. Kwon S., Hwan Ahn J., Kim Gi H. The impact of shareholder intervention on overinvestment of free cash flow by overconfident CEOs. *International Review of Financial Analysis*. 2021; 75:101751. <https://doi.org/10.1016/j.irfa.2021.101751> (In Eng.)
17. Lassoued N., Ben Osman I. The impact of national culture on overinvestment. *International Journal of Revenue Management*. 2022; 12(3-4):213–235. <https://doi.org/10.1504/IJRM.2021.120348> (In Eng.)
18. Wang J. et al. A Method for Estimating Output Elasticity of Input Factors in Cobb-Douglas Production Function and Measuring Agricultural Technological Progress. *IEEE Access*. 2021; 9:26234–26250. <https://doi.org/10.1109/ACCESS.2021.3056719> (In Eng.)

19. Cardona M., Kretschmer T., Strobel T. ICT and productivity: conclusions from the empirical literature. *Information Economics and Policy*. 2013; 25(3):109–125. <https://doi.org/10.1016/j.infoecopol.2012.12.002> (In Eng.)
20. Antonelli C., Orsatti G., Piali G. The knowledge-intensive direction of technological change. *Eurasian Business Review*. 2023; 13:1–27. <https://doi.org/10.1007/s40821-022-00234-z> (In Eng.)
21. Turovets Y. Intangible assets and the efficiency of manufacturing firms in the age of digitalisation: the Russian case. *Engineering Management in Production and Services*. 2021; 13(1):7–26. <https://doi.org/10.2478/emj-2021-0001> (In Eng.)
22. Gruzina Y., Firsova I., Strielkowski W. Dynamics of Human Capital Development in Economic Development Cycles. *Economies*. 2021; 9(2):67. <https://doi.org/10.3390/economies9020067> (In Eng.)
23. Ovechkin D.V., Romashkina G.F., Davydenko V.A. The Impact of Intellectual Capital on the Profitability of Russian Agricultural Firms. *Agronomy*. 2021; 11(2):286. EDN: <https://elibrary.ru/oootueo>. <https://doi.org/10.3390/agronomy11020286> (In Eng.)
24. Ipatova I.B., Peresetsky A.A. Technical efficiency of Russian plastic and rubber production firms. *Applied econometrics*. 2013; 4(32):71–92. EDN: <https://elibrary.ru/rvtrrd> (In Russ.)
25. Nabokikh A.A., Barmina E.A., Ryattel A.V., Fadeeva N.Yu., Cheraneva E.K. Use of the framework of production functions to optimize the operation of the production process. *Espacios*. 2017; 38(49):6–18. EDN: <https://elibrary.ru/oootueo> (In Eng.)
26. Ryu S-L., Won J. Scale economies in the Korean airline industry since the entry of low-cost carriers. *International Journal of Economic Policy in Emerging Economies in Emerging Economies*. 2019; 12(2):149–157. <https://doi.org/10.1504/IJEPEE.2019.099696> (In Eng.)
27. Van Witteloostuijn A., Boone C. A Resource-Based Theory of Market Structure and Organizational Form. *Academy of Management Review*. 2006; 31(2):409–426. <https://doi.org/10.5465/amr.2006.20208688> (In Eng.)
28. Osokin N.A. A typology of innovation in professional sport. *Innovations*. 2020; (3(257)):95–101. EDN: <https://www.elibrary.ru/tdbxyn>. <https://doi.org/10.26310/2071-3010.2020.257.3.014> (In Russ.)

The article was submitted 07.04.2023; approved after reviewing 29.05.2023; accepted for publication 09.06.2023

About the authors:

Vladimir V. Platonov, Doctor of Economic Sciences, Professor; Professor, Department of Economics and Management of Enterprises and Industrial Complexes, Faculty of Management; Researcher ID: O-2968-2015, Scopus ID: 57059961000

Daler A. Kuziaev, Ph.D. student of the Department of Economics and Management of Enterprises and Industrial Complexes, Faculty of Management; Zenit Football Club joint-stock company, midfielder, honored master of sports; Researcher ID: HSG-9091-2023

Contribution of the authors:

Platonov V.V. – guidance for the research work, data analysis and writing the results.

Kuziaev D. A. – literature review, data collection and analysis, writing the results, conclusions from the research findings.

All authors have read and approved the final manuscript.

Научная статья

УДК 65.014

JEL: L20, L22, M10

<https://doi.org/10.18184/2079-4665.2023.14.2.242-261>

Методический подход к оценке уровня адаптивности организационных структур управления компаниями

Владимирова Ирина Геннадьевна¹, Полевая Елена Владимировна²

^{1,2} Российский университет дружбы народов; Москва, Россия

¹ vladimirova-ig@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0510-6547>

² polevaya-ev@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9390-3812>

Аннотация

Цель статьи – представить и обосновать методический подход по оценке уровня адаптивности организационных структур управления компаниями к условиям динамично меняющейся внешней среды.

Методы. Использован широкий спектр общенаучных методов – системного анализа, синтеза, графической интерпретации данных. При проведении исследования для оценки уровня адаптивности использовался метод экспертных оценок. С целью классификации видов структур управления в зависимости от их адаптируемости был проведен кластерный анализ.

Результаты работы. В статье представлен подход к определению понятий «адаптация» и «адаптивность» применительно к структурам управления. С целью разработки методического подхода к оценке уровня адаптивности организационных структур проведена систематизация видов их адаптации, выявлены основные характеристики структур и разработана шкала оценки уровня их адаптивности. Использование экспертного метода позволило оценить уровень адаптивности основных видов организационных структур к условиям изменяющегося бизнес-пространства, и проранжировать их в зависимости от этого уровня. В результате проведения кластерного анализа все исследуемые виды структур управления были классифицированы в зависимости от их адаптируемости.

Выводы. Разработанный методический подход к оценке уровня адаптивности структур управления позволил определить адаптивные свойства как иерархических, так и органических структур управления, оценить уровень их адаптивности и выявить среди них самые адаптивные. Установлено, что основой успешного развития компаний в условиях турбулентности бизнес-пространства является использование органических структур или изменение отдельных параметров иерархических структур с целью повышения их адаптивности. Адаптация может осуществляться при использовании любой структуры, как традиционной иерархической, так и органической, путем формирования новых структур управления или повышения адаптивности уже существующих. Дальнейшие исследования в этой сфере должны быть посвящены разработке действенного механизма адаптации структур управления к условиям изменяющегося бизнес-пространства.

Ключевые слова: адаптация, адаптивность, организационная структура управления, адаптация структуры управления, адаптивность организационной структуры управления

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Владимирова И. Г., Полевая Е. В. Методический подход к оценке уровня адаптивности организационных структур управления компаниями // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2023. Т. 14. № 2. С. 242–261

EDN: <https://elibrary.ru/furnmi>. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2023.14.2.242-261>

© Владимирова И. Г., Полевая Е. В., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original article

Methodological approach to assessing the level of adaptability of organizational management structures of companies

Irina G. Vladimirova¹, Elena V. Polevaya²

^{1,2} Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); Moscow, Russia

¹vladimirova-ig@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0510-6547>

²polevaya-ev@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9390-3812>

Abstract

Purpose: to present and justify a methodical approach to assessing the level of adaptability of organizational management structures to the conditions of a dynamically changing external environment.

Methods: a wide range of general scientific methods is used – system analysis, synthesis, graphical interpretation of data. During the study, the method of expert assessments was used to assess the level of adaptability. In order to classify the types of management structures depending on their adaptability, a cluster analysis was carried out.

Results: the article presents an approach to the definition of the concepts of "adaptation" and "adaptability" in relation to management structures. In order to develop a methodical approach to assessing the level of adaptability of organizational structures, the types of their adaptation were systematized, the main characteristics of the structures were identified and the scale was developed to assess the level of their adaptability. The use of the expert method made it possible to assess the level of adaptability of the main types of organizational structures to the conditions of a changing business space and rank them depending on this level. As a result of the cluster analysis, all the studied types of management structures were classified depending on their adaptability.

Conclusions and Relevance: the developed methodical approach to assessing the level of adaptability of management structures made it possible to determine the adaptive properties of both hierarchical and organic management structures, assess their level of adaptability and identify the most adaptive among them. It has been established that the basis for the successful development of companies in the conditions of turbulent business space is the use of organic structures or changing individual parameters of hierarchical structures in order to increase their adaptability. Adaptation can be carried out using any structure, both traditional hierarchical and organic, by forming new management structures or increasing the adaptability of existing ones. Further research in this area should be devoted to the development of an effective mechanism for adapting management structures to the conditions of a changing business space.

Keywords: adaptation, adaptability, organizational management structure, adaptation of management structures, adaptability of organizational management structures

Conflict of Interest. The authors declare that there is no Conflict of Interest.

For citation: Vladimirova I. G., Polevaya E. V. Methodological approach to assessing the level of adaptability of organizational management structures of companies. *MIR (Modernizatsiia. Innovatsii. Razvitie) = MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2023; 14(2):242–261. (In Russ.)

EDN: <https://elibrary.ru/furnmi>. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2023.14.2.242-261>

© Vladimirova I. G., Polevaya E. V., 2023

Введение

Вполне очевидно, что трансформация макро- и мезо-бизнес-пространства влечет за собой и соответствующие преобразования внутри компании. Эти преобразования могут иметь как качественную, так и количественную природу и представляют собой адаптационные процессы деятельности компании к изменяющимся параметрам бизнес-пространства. В ходе адаптации хозяйствующий субъект преобразуется, у него вырабатывается определенная гибкость и устойчивость к влиянию внешних и внутренних факторов. В то же время, адаптационные процессы обеспе-

чивают защиту самой компании от возможных негативных воздействий, потери целостности, разрыва внутренних и внешних связей. Эти процессы в современных условиях выступают необходимым условием обеспечения устойчивого развития компаний. Они напрямую сказываются на уровне конкурентоспособности и эффективности работы компании в целом.

Важность адаптационных процессов подтверждается все возрастающей турбулентностью бизнес-пространства. Особенно это символизируется мнением экспертов о переходе от мира VUCA (volatility, uncertainty, complexity and ambiguity – из-

менчивость, неопределенность, сложность, неоднозначность) к миру BANI, характеризуемому как хрупкий, тревожный, нелинейный, непостижимый (brittle, anxious, non-linear, incomprehensible).

Но на успешность адаптации деятельности компании оказывают влияние не только и не столько изменяющиеся параметры бизнес-окружения, сколько ее адаптивность, то есть способность к внедрению изменений в микро-бизнес-пространство для приспособления к изменениям внешней среды. Чтобы соответствовать условиям турбулентного бизнес-пространства, адаптационные процессы должны касаться всех элементов и подсистем компании: от производственно-технологической подсистемы до системы управления и, прежде всего, организационной структуры управления. При этом темпы адаптации отдельных элементов и подсистем не совпадают, и структура управления относится к наименее гибким ее элементам. Поэтому возрастает важность процесса именно ее адаптационной трансформации.

В условиях стремительно изменяющегося бизнес-пространства структура управления, если она не адаптивна, превращается в тормоз дальнейшего развития компании. В связи с этим особенно актуальным становится вопрос о характеристиках организационных структур, способствующих повышению уровня их адаптивности, и их согласованности с уровнем и качеством адаптационной трансформации других элементов системы управления.

Объектом исследования, результаты которого представлены в статье, являются организационные структуры управления компаниями, а предметом – оценка уровня их адаптивности к условиям динамично меняющейся внешней среды.

Предлагаемый подход к интерпретации и оценке уровня адаптивности структур управления заключается в последовательном решении следующих задач:

- систематизации видов адаптации организационных структур;
- выявления основных характеристик структур управления и разработки шкалы по оценке уровня их адаптивности;
- определения набора основных видов организационных структур для анализа уровня их адаптивности;
- проведения экспертного опроса специалистов по менеджменту с целью оценки уровня адаптивности отдельных видов структур;
- проведения кластерного анализа с целью классификации структур в зависимости от их адаптивности;

- ранжирования структур управления в зависимости от их адаптивности к условиям изменяющегося бизнес-пространства и выявления самых адаптивных из них.

Обзор литературы и исследований

Дефиниция «адаптация» появилась в биологической науке для характеристики процессов приспособления живых организмов к определенным условиям жизнедеятельности, но в дальнейшем она активно начала использоваться и представителями других наук. Понятие «адаптация» (лат. “adaptatio”) рассматривается с различных точек зрения, но прежде всего в виде «процесса приспособления системы и ее отдельных элементов к изменяющимся условиям жизнедеятельности» [1].

В научной литературе можно встретить много определений этого термина. Несмотря на отдельные частные особенности, большинство из них очень близки по смыслу.

Анализ исследований и публикаций показывает, что вопросы адаптации и адаптивности компании к изменяющимся условиям бизнес-пространства рассматривались многими зарубежными и отечественными учеными, среди которых можно назвать И. Ансоффа [2], Р. Акоффа [3], Д. Бодди [4], Р. Дафта [5], Р. Холла [6], С.Н. Глаголева [7], В.Н. Гончарова с соавторами [8], О.Д. Димова [9], В.В. Дорофееву [10], Л.Э. Комаеву с соавторами [11], Т.Н. Красюк [12], З.О. Османову с соавторами [13, 14], Н.В. Сироткину с соавторами [15, 16], Т.Г. Черепанову с соавторами [17] и др. Исследователями изучались эти вопросы с разных точек зрения: начиная с макроуровня (экономической системы государства), мезоуровня (отрасли и региона), и заканчивая микроуровнем компании и отдельных процессов внутри нее (производственно-технологической, финансово-экономической системы, системы управления и т.д.).

Прежде всего, исследователями подчеркивалась важность, необходимость и значение процессов адаптации. Так, Р. Холл отмечал, что «выживает та организация, которая может адаптироваться, способна завоевать нишу или, по крайней мере, сосуществовать со своими конкурентами. Эти адаптации называются организационными изменениями» [6, с. 224].

Д. Бодди в своей книге «Основы менеджмента» подчеркивал необходимость «адаптации внутренних структур и процессов организаций к условиям внешнего мира» [4]. «Сторонники теории ситуационного менеджмента призывают к созданию организаций, способных справиться и обратить себе на пользу высокую неопределенность турбулентной внешней среды» [4].

И. Ансофф анализировал адаптивные возможности в процессе разработки стратегии. Под процессом адаптивного изменения он имел в виду «осуществление прерывистого стратегического изменения посредством постепенных нововведений, растянутых по времени» [2]. Он пишет, что «неизбежен процесс постепенного накопления небольших подвижек, которые в течение длительного времени изменяют культуру и структуру власти в ней» [2, с. 379].

Р. Дафт в своих трудах также рассматривал стратегии адаптации компании к изменению окружающей среды. Он подчеркивал, что «адаптация – это свойство компании интерпретировать и переводить сигналы внешней среды в новые поведенческие ответы» [5, с. 120].

Р. Акофф связывал адаптацию с ответной реакцией на изменение условий с целью противодействия снижению результативности работы системы. «Адаптивность представляет собой способность системы модифицировать себя или окружающую среду в случаях, когда изменения негативно воздействуют на систему, таким образом, чтобы восстановить хотя бы часть утраченной эффективности» [3, с. 79].

Безусловно, термины «адаптивность» и «адаптация» тесно коррелируют друг с другом. Это прослеживается в трудах множества ученых. Такая корреляция приводит порой к отождествлению исследуемых понятий. Иногда в литературе можно встретить, что адаптация характеризуется как способность системы при трансформации условий бизнес-среды реализовывать свои функции в прежнем виде, или она представляется как характеристика атрибута системы подстраиваться под происходящие изменения во внешней среде, а это – свойство адаптивности систем. Несмотря на наличие близости характеристик анализируемых понятий, считать их тождественными недопустимо. Под адаптацией мы всегда подразумеваем определенный процесс, а под адаптивностью – конкретные свойства объекта исследования. Для того, чтобы процесс адаптации к изменениям был успешным, система должна обладать определенными свойствами, набором качественных и количественных характеристик, способностью реагировать на эти изменения, то есть адаптивностью.

Как уже отмечалось выше, активно исследуют вопросы, связанные с адаптацией компаний к изменяющейся бизнес-среде, и российские ученые. Так, например, В.Н. Гончаров и Т.С. Максимова определяют адаптацию как «деятельность по изменению параметров, структуры свойств какой-либо системы с целью приспособления к изменениям среды, в которой функционирует данная система»

[8]. З.О. Османова и В.М. Ячменева под адаптацией подразумевают «совокупность процессов приспособления к изменениям, реализуемым в подсистемах предприятия, скорость и эффективность которых зависит от уровня адаптивности деятельности предприятия» [13, 14]. Авторами рассматриваются разные стороны и виды адаптации и адаптивности: например, возможные подходы к формированию адаптивности экосистем [12], управление адаптивностью деятельности предприятия в условиях цифровизации [13] и т.д. Много внимания уделяется специалистами взаимосвязи адаптации, гибкости и устойчивости [18–20].

Под адаптацией в общем смысле понимания данного термина подразумевается процесс приспособления какого-либо объекта к условиям внешней бизнес-среды посредством изменения факторов внутреннего бизнес-пространства. Адаптация затрагивает разные стороны деятельности компании и может осуществляться в разнообразных формах и видах. В связи с этим типология адаптационных процессов на уровне хозяйствующего субъекта весьма многочисленна и многогранна. Классификацию видов адаптации компаний к изменяющемуся бизнес-пространству можно встретить в трудах С.Н. Глаголева [7], О.Д. Димова [9], В.В. Дорофеевой [10] и т.д. Приводятся разные признаки типологии, в том числе: форма адаптации, основное содержание адаптации, уровень экономической системы, значимость процесса адаптации для функционирования субъекта, степень охвата изменений, характер изменений, вид реакции, степень радикальности изменений.

Основными формами адаптации чаще всего называются экономическая, институциональная и социальная. В зависимости от уровня экономической системы, в рамках которой осуществляются адаптационные процессы, можно выделить адаптацию уровня экономики и отрасли, или микроуровня – компании в целом или отдельных ее подразделений, или даже бизнес-процессов.

В зависимости от влияния адаптации на деятельность компании, по результату воздействия она может быть прогрессивной (если в результате этих процессов происходит развитие предприятия), инерционной (когда адаптация не связана с развитием) и даже регрессивной (когда в результате адаптационных мероприятий компания вынуждена, например, в период кризиса, отказаться от производства новой продукции).

По основному содержанию адаптационных процессов, в зависимости от подсистемы, в которой они осуществляются, и функционального назначения, можно выделить:

- адаптацию системы управления (изменение подсистемы стратегического планирования и управления, организационной структуры управления, порядка принятия управленческих решений и их исполнения и т.п.);
- производственно-технологическую адаптацию (изменение технологического процесса, оборудования для производства продукции, характеристик исходного сырья, материалов и полуфабрикатов, конструкторско-технологических параметров продукции, освоение нового ассортимента продукции) [21];
- адаптацию подсистемы маркетинга, ресурсного обеспечения и сбыта;
- адаптацию персонала [22];
- адаптацию финансово-экономической системы и т.п.

Важное место среди представленных выше видов адаптации деятельности компании занимает адаптация системы управления. В этой группе видов адаптационных процессов зачастую выделяют организационную или структурную адаптацию. Но структурные адаптационные процессы являются элементом или специфическим инструментом механизма адаптации и могут присутствовать во всех вышеперечисленных формах. Этот вид адаптации характерен для любого уровня экономической системы и для любой сферы [23, 24]. Она представляет собой организационные изменения в общей структуре компании, в том числе в производственной, во всех структурных элементах системы управления, либо в организационной структуре, включая изменение функций, соподчиненности и взаимосвязи звеньев управления. Учитывая цель данной статьи, мы будем рассматривать, прежде всего, адаптацию структур управления компаниями к изменяющимся условиям бизнес-окружения.

Материалы и методы

Для оценки уровня адаптивности деятельности предприятия к условиям изменяющегося бизнес-пространства специалистами использовались разнообразные подходы и методы, характеризующиеся своими отличительными чертами, достоинствами и недостатками (например, таксонометрический метод, метод сценариев, метод анализа иерархий, метод ABC-XYZ-анализа и т.п.).

В практической деятельности наиболее часто применяются метод экспертных оценок и индикативный метод. Экспертная оценка способна помочь в определении как самих показателей, отражающих уровень адаптивности, так и необходимых весовых коэффициентов. Достаточно активное использование этого метода объясняется его простотой. Но нельзя забывать, что результативность

его во многом зависит от состава экспертов и их квалификации, а также от самого подхода к процедуре экспертизы. Своей простотой отличается и индикативный метод. Он заключается в определении пороговых значений анализируемых показателей. Оценка уровня адаптивности осуществляется в форме процесса выявления отклонения фактических параметров от эталонных значений. Однако, если говорить об оценке уровня адаптивности организационных структур управления, все вышеперечисленные методы (за исключением экспертной оценки) мало применимы, так как большинство параметров, отражающих адаптивность структур, являются качественными характеристиками, а не количественными. Поэтому в ходе нашего исследования для оценки уровня адаптивности было принято решение использовать метод экспертных оценок.

Экспертиза осуществлялась в два этапа: на первом этапе было проведено индивидуальное анкетирование 19-ти преподавателей кафедры менеджмента РУДН; на втором этапе, в рамках научно-методического семинара, были обсуждены и несколько уточнены обобщенные результаты анкетирования. То есть при экспертном оценивании использовались два возможных метода: индивидуальный (анкетирование) и коллективный (по типу метода «совещания», «круглого стола»). Обычно для оценки компетентности экспертов учитываются следующие факторы: их специализация, стаж и опыт работы в данной области, научная квалификация, наличие научных трудов по проблематике проведения экспертизы. Профессорско-преподавательский состав кафедры менеджмента (треть которого составляют практики) был признан вполне компетентным для проведения экспертизы в сфере, связанной с организационными структурами управления, так как эти вопросы входят в содержание большинства управленческих дисциплин.

Кроме того, был проведен кластерный анализ с целью классификации видов структур управления в зависимости от их адаптируемости.

Результаты исследования

Адаптация и адаптивность организационных структур управления

В общих чертах адаптация организационной структуры управления представляет собой процесс ее приспособления к происходящим изменениям в бизнес-пространстве для обеспечения эффективного функционирования системы управления. Этот процесс характеризуется многоуровневыми качественными изменениями характеристик, свойств, элементов и самой структуры в целом, преобразованиями в составе, взаимосвязях и взаимопод-

чиненности органов управления, обусловленными воздействием изменяющейся бизнес-среды.

Необходимость адаптации структур управления в экономической литературе и на практике чаще всего обосновывают изменениями во внешней среде компании. При этом недостаточно уделяется внимания взаимосвязи этого процесса с изменениями внутренней среды компании, от которых напрямую зависит возможность ее устойчивого развития в длительной перспективе. Такой подход представляется нам весьма ограниченным. Адаптация, безусловно, связана с изменениями, происходящими как в макро- и мезо-, так и в микро-бизнес-пространстве компании.

Как уже отмечалось выше, понятия «адаптация» и «адаптивность» не являются тождественными, это справедливо и применительно к организационным структурам. Адаптивность, являясь комплексной характеристикой структуры управления, отражающей ее возможности приспособления к различным условиям бизнес-пространства, оперативно отражения и реагирования на изменения в нем, представляет собой способность к адаптации. Тем самым адаптивность структуры выступает своего рода предпосылкой ее адаптации к изменениям бизнес-пространства. От уровня адаптивности непосредственно зависит и результативность процессов адаптации. Свойство адаптивности, помимо приспособления к изменяющимся параметрам, позволяет адекватно противостоять негативным воздействиям при сохранении стратегических приоритетов деятельности организации.

Структура управления считается тем более адаптивной, чем шире диапазон изменяющихся условий бизнес-пространства, в рамках которого она способна выполнять заданные функции и соответствовать стратегии развития компании.

Помимо адаптивности можно назвать еще две характеристики структуры управления, связанные с процессом ее адаптации: адаптируемость и адаптированность. Термин «адаптируемость» практически совпадает с понятием «адаптивность», но при его использовании подчеркивается, что процесс адаптации происходит не автоматически – возможность приспособить структуру к происходящим изменениям возникает целенаправленно и последовательно. Адаптированность же можно рассматривать как результат адаптации. Это уровень и качество фактического, состоявшегося приспособления структуры к изменившемуся бизнес-пространству. То есть адаптация – это тот процесс, который при благоприятном течении приводит структуру управления к состоянию адаптированности.

Виды адаптации организационных структур управления

Многообразие направлений осуществления адаптации структур управления компаниями позволяет сгруппировать их в соответствии с определенными признаками (рис. 1).

Прежде всего, по степени охвата адаптационными процессами организационной структуры целесообразно выделять системную и локальную адаптацию. Под системной адаптацией понимается деятельность, направленная на изменение всей структуры управления компанией, в первую очередь, ее типа, а под локальной – действия, связанные с ее совершенствованием, корректировкой деятельности отдельных подсистем, звеньев управления и взаимосвязей между ними.

По характеру стратегии адаптации можно выделить два ее вида – активную и пассивную. Эти виды адаптации зачастую действуют одновременно и взаимно переплетаются друг с другом. Пассивная адаптация представляет собой приспособление структуры управления к существующему бизнес-пространству. Ее характеризует продолжительный процесс корректировки структуры и функций управления к неопределенности бизнес-пространства. В случае активной адаптации возможны либо действия, направленные на изменение бизнес-пространства с целью максимизации критерия эффективности управления, либо активный поиск бизнес-пространства, соответствующего (адекватного) потенциалу данной организационной структуры.

В зависимости от степени радикальности адаптационных мероприятий целесообразно выделять эволюционную и революционную адаптацию организационной структуры. В случае постепенных, поэтапных процессов адаптацию можно назвать эволюционной, а при резких, быстропротекающих процессах – революционной.

Если адаптационные процессы происходят как реагирование на уже произошедшие изменения бизнес-пространства, то они представляют собой реактивную адаптацию. Превентивная же адаптация предусматривает реализацию опережающих мер и позволяет заблаговременно проводить адаптационную трансформацию. Она заключается в приведении структуры управления в соответствие с прогнозируемыми тенденциями в бизнес-пространстве.

По своему содержанию виды адаптации организационных структур можно свести к следующим: изменение вида структуры, ее корректировка за счет добавления или ликвидации звеньев управления, либо изменения характера и на-

Разработано авторами.

Рис. 1. Типология видов адаптации организационных структур управления (ОСУ) компаниями

Developed by the authors.

Fig. 1. Typology of types of adaptation of organizational management structures by companies

правленности связей между подразделениями, совершенствование деятельности отдельных подразделений за счет изменения количественного состава и квалификационного уровня персонала, перечня должностных обязанностей и ответственности сотрудников. Следовательно, глубина адаптационной трансформации может быть различной, в зависимости от направления развития структур управления: формирования

новых более адаптивных структур или повышения адаптивности уже существующих.

Оценка адаптивности организационных структур управления

Адаптивность, как уже было сказано выше, является комплексной характеристикой структуры управления и представляет собой способность к адаптации. Для оценки уровня адаптивности структур

управления, прежде всего, важно выявить, какие параметры влияют на этот уровень, каковы адаптационные характеристики того или иного вида структуры. Ведь это очень неоднозначная и многомерная характеристика, которую невозможно оценить, рассчитав небольшое количество показателей.

Классики в области теории организации традиционно выделяют следующие характеристики структуры управления, влияющие на ее вид и особенности: «формы разделения труда на отдельные функции управления и задачи; уровень централизации и децентрализации; механизм координации управленческой деятельности» [25, с. 8]. Кроме того, к исследуемым характеристикам организационной структуры относят: формализацию, сложность структуры, конфигурацию и т.п.

Р. Дафт, например, анализировал «6 ключевых структурных параметров: формализованность, специализацию, иерархию власти, централизацию, профессионализм, структуру штата» [26, с. 22]. Р. Холл рассматривал такие структурные характеристики как комплексность, формализация и централизация [6, с. 97]. Под комплексностью понималось множество подразделений и иерархических уровней, разделение труда, должностные инструкции. Кроме того, им были рассмотрены следующие 3 составные части комплексности: дифференциация – горизонтальная и вертикальная, географическое рассредоточение. В нашем понимании, в этом случае под комплексностью подразумевалась сложность управления.

Г. Минцберг рассматривал 9 параметров структуры управления, объединив их в 4 группировки. «Первая группа – дизайн должностных позиций – включает специализацию рабочих задач, формализацию поведения, обучение и индоктринацию. Во вторую группу (дизайн сверхструктуры) включены параметры группирования в организационные единицы и размер организационных единиц. Третья группа (дизайн латеральных связей) состоит из системы планирования и контроля и инструментов взаимодействия. Четвертая группа (проектирование системы принятия решений) включает вертикальную и горизонтальную децентрализацию» [27, с. 54-55].

Д. Пью и Д. Хиксон, исследователи «Астонской группы», в свое время выделяли 5 основных измерений структур управления – специализацию, стандартизацию, формализацию, централизацию, конфигурацию [28], а Б. Арманди и Э. Миллс – «сложность, иерархию власти, централизацию, формализацию, стратификацию и предельный объем ответственности» [29].

Все перечисленные выше характеристики структуры управления, безусловно, оказывают влияние на ее адаптивность. Выявление параметров адаптивности организационных структур продолжается и в настоящее время, в частности, в целях данного исследования был рассмотрен ряд публикаций, позволяющих уточнить состав этих параметров [30–34].

Все характеристики структуры управления можно условно разделить на качественные и количественные. Качественными являются централизация и децентрализация управления, сложность, формализация, специализация работ и т.п., а количественными – число уровней иерархии, количество звеньев управления, число работников, диапазон контроля, структура персонала.

На основе изучения трудов зарубежных и российских ученых нами были выделены и проанализированы следующие характеристики организационных структур, позволяющие оценить их адаптивность:

- 1) уровень развития иерархии;
- 2) количество уровней иерархии;
- 3) масштаб компании;
- 4) уровень формализации и стандартизации деятельности;
- 5) уровень развития вертикальных связей;
- 6) уровень развития горизонтальных связей;
- 7) специализация деятельности компании;
- 8) специализация с точки зрения разделения труда;
- 9) уровень централизации и децентрализации управления;
- 10) кадровая структура с точки зрения уровня квалификации персонала;
- 11) организационная сложность (пространственная);
- 12) организационная сложность (комплексная);
- 13) механизм координации и контроля.

Кратко остановимся на основных из них.

При анализе иерархии как параметра организационной структуры была рассмотрена целая группа как качественных, так и количественных характеристик – не только число уровней линейных позиций в организации, но и степень развития вертикальных и горизонтальных связей.

Формализация отражает уровень стандартизации выполнения трудовых задач, масштабы примене-

ния правил и процедур (положений о подразделениях, должностных инструкций и т.п.), регламентирующих деятельность работников. «Структура, в которой координация обеспечивается, прежде всего, в результате стандартизации, считается высоко формализованной, свободная от стандартизации – низко формализованной» [27].

Специализация с точки зрения разделения труда – это определение функциональных областей, видов, направлений деятельности. Разделение труда служит и для обоснования обособления и организационного оформления структурных подразделений компании путем закрепления за ними разных функциональных областей в соответствии с целями организации. При этом разделение управленческого труда постоянно модифицируется: изменяется содержание выполнения отдельных функций, могут отмирать старые и появляться новые функции, изменяется процесс их выполнения и т.п.

Уровень централизации и децентрализации принятия управленческих решений отображает дифференциацию прав, обязанностей и ответственности по иерархическим ступеням управления. Г. Минцберг, говоря о децентрализации «исключительно в контексте прав на принятие решений в организации» [27, с. 173], помимо основных видов децентрализации управления (вертикальной и горизонтальной) указал еще и на наличие «селективной и параллельной децентрализации» [27, с. 181]. Децентрализация принятия управленческих решений невозможна без соответствующего процесса делегирования полномочий для обеспечения участия работников всех уровней иерархии в управлении компанией.

Сложность управления – это очень многомерное понятие, включающее разнообразные параметры: количество иерархических уровней, число звеньев управления и выполняемые ими функции, количество взаимосвязей между звеньями управления и внутри подразделений, территориальное размещение подразделений, то есть наличие географически удаленных филиалов и т.п. В зависимости от всех перечисленных параметров структура может быть охарактеризована как простая или сложная.

Важнейшими элементами организационного проектирования являются также используемые в компании координационные механизмы. Г. Минцберг в свое время выделил «пять видов механизмов координации взаимодействия и контроля сотрудников: взаимное согласование; прямой контроль; стандартизацию процессов; стандартизацию параметров продуктов, работ, услуг; стандартизацию навыков и знаний (квалификации)» [27].

Между всеми вышеперечисленными параметрами существуют определенные взаимосвязи, что подтверждается достаточно большим количеством исследований. В зависимости от степени развития всех перечисленных параметров с точки зрения их влияния на адаптивность организационных структур была разработана шкала их оценки (табл. 1). Баллы определялись исходя из следующего принципа: 0 – самая низкая адаптивность, 5 – самая высокая.

В качестве структур управления, анализируемых на предмет их адаптивности (адаптируемости), были выбраны следующие виды:

- 1) линейная;
- 2) линейно-штабная;
- 3) линейно-функциональная;
- 4) дивизиональная региональная;
- 5) дивизиональная продуктовая;
- 6) дивизиональная, ориентированная на группы потребителей;
- 7) дивизиональная, основанная на стратегических единицах бизнеса;
- 8) проектная;
- 9) матричная;
- 10) программно-целевая;
- 11) многомерная (внутренний рынок);
- 12) круговая (эдхократическая);
- 13) флатархия, перламутровые организации;
- 14) сетевая иерархия (Wirearchies);
- 15) спиральная организация;
- 16) холакратия (бирюзовые организации);
- 17) сетевая;
- 18) экосистемная.

Для оценки уровня адаптивности конкретных видов структур был проведен экспертный опрос специалистов по менеджменту. Как известно, степень соответствия, актуальности и достоверности результатов экспертизы во многом определяется уровнем квалификации и непредвзятым подходом экспертов в процессе оценивания. В связи с этим к роли экспертов был привлечен профессорско-преподавательский персонал кафедры менеджмента Российского университета дружбы народов. Результаты экспертизы приведены в табл. 2.

Результаты оценки уровня адаптивности конкретных видов организационных структур, полученные в ходе экспертного опроса, позволили, помимо

Таблица 1

Table 1

Интерпретация значений характеристик организационных структур управления с точки зрения их адаптируемости по шкале [0,5]

Interpretation of the values of the characteristics of organizational management structures in terms of their adaptability on the scale of [0.5]

Степень адаптивности	Характеристика развития иерархии	Количество уровней иерархии	Масштаб компании	Уровень формализации и стандартизации деятельности	Уровень развития вертикальных связей	Уровень развития горизонтальных связей	Специализация деятельности компании	Специализация (разделение труда)	Уровень централизации управления	Кадровая структура (уровень квалификации персонала)	Организационная сложность пространственная	Организационная сложность комплексная	Механизм координации и контроля
0	жесткая	больше 15 уровней	малая	очень высокий	очень высокий	практически отсутствуют	одно направление, один продукт	отсутствие функциональной специализации	полностью централизовано	персонал низкой квалификации	один рынок	практически отсутствует	прямой контроль
1	умеренная	10-15 уровней	средняя	высокий	высокий	очень низкий	два продукта	узкая функциональная специализация, жесткое закрепление функций	централизовано	большая доля персонала низкой квалификации	региональные рынки	очень низкая	стандартизация трудовых процессов
2	ограниченная	7-10 уровней	крупная, средняя	умеренный	умеренный	низкий	несколько продуктов	функциональная специализация, жесткое закрепление функций	умеренно централизовано	значительная доля персонала низкой квалификации	национальный рынок	низкая	стандартизация выпуска
3	гибрид иерархии с гибкими структурами (с преобладанием иерархии)	5-7 уровней	крупная	низкий	низкий	умеренный	многопродуктовая	функциональная специализация, отсутствие жесткого закрепления функций	баланс централизации и децентрализации	средняя квалификация	международный рынок, одна страна	умеренная	стандартизация навыков и знаний
4	гибрид иерархии с гибкими структурами (с преобладанием гибких структур)	более плоские (Flatter), гетерогенная – 3-5 уровней	крупная, средняя, малая	очень низкий	очень низкий	высокий	диверсификация	широкая функциональная специализация	децентрализовано	большая доля персонала высокой квалификации	международный рынок, несколько стран	высокая	стандартизация норм
5	отсутствие иерархии	плоские (Flat) – 2 уровня	крупная	отсутствует	практически отсутствуют	очень высокий	диверсификация, многопродуктовая	интеграция, прежде всего, горизонтальная, интеллектуальное сотрудничество	полностью децентрализовано	персонал высокой квалификации	глобальный рынок	очень высокая	взаимное согласование

Разработано авторами.
Developed by the authors.

Таблица 2

Результаты оценки уровня адаптивности конкретных видов организационных структур управления, полученные в ходе экспертного опроса

Table 2

The results of the assessment of the level of adaptability of specific types of organizational management structures obtained during the expert survey

Вид ОСУ	Характеристика развития иерархии	Количество уровней иерархии	Масштаб компании	Уровень формализации и стандартизации деятельности	Уровень развития вертикальных связей	Уровень развития горизонтальных связей	Специализация деятельности компании	Специализация (разделение труда)	Уровень централизации управления	Кадровая структура (уровень квалификации персонала)	Организационная сложность пространственная	Организационная сложность комплексная	Механизмы координации и контроля
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Линейная	0	3	0	2	0	0	0	0	0	5	0	0	0
Линейно-штабная	0	3	1	0	0	0	1	1	1	1	1	1	1
Линейно-функциональная	0	2	1	0	0	1	2	1	1	1	2	2	1
Дивизиональная региональная	1	1	2	2	1	2	3	2	2	2	4	3	2
Дивизиональная продуктовая	1	1	2	2	1	2	3	2	2	2	3	3	2
Дивизиональная, ориентированная на группы потребителей	1	1	2	2	1	2	3	2	2	2	3	3	2
Дивизиональная на основе стратегических единиц бизнеса	1	0	3	2	1	2	3	3	3	3	5	4	2
Проектная	2	4	1	3	2	4	0	3	3	4	1	3	3
Матричная	2	4	1	3	2	4	2	2	3	4	4	4	3
Программно-целевая	2	4	1	3	2	4	2	3	3	4	1	3	3
Многомерная (внутренний рынок)	3	3	5	2	2	3	3	3	3	3	4	5	2
Круговая (эдохратическая)	4	4	1	4	3	3	2	5	4	5	3	3	3
Флатархия, перламутровые организации	3	3	5	3	3	4	3	4	3	4	4	4	2
Сетевые иерархии (Wreathies)	4	4	5	3	3	4	3	4	3	4	4	4	2

Окончание таблицы 2
End of table 2

Вид ОСУ	Характеристика развития иерархии	Количество уровней иерархии	Масштаб компании	Уровень формализации и стандартизации деятельности	Уровень развития вертикальных связей	Уровень развития горизонтальных связей	Специализация деятельности компании	Специализация (разделение труда)	Уровень централизации управления	Кадровая структура (уровень квалификации персонала)	Организационная сложность пространственная	Организационная сложность комплексная	Механизмы координации и контроля
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Спиральные организации	4	4	4	3	4	4	2	4	4	4	3	4	3
Холакратия (бюрократические организации)	5	5	0	5	5	5	2	5	5	4	1	3	5
Сетевые	5	5	4	5	5	5	4	5	5	4	2	5	4
Экосистемные	5	5	4	4	5	5	5	5	5	4	2	5	4

Разработано авторами.
Developed by the authors.

их ранжирования в зависимости от адаптивности, результаты которого будут приведены ниже, провести также кластерный анализ с целью классификации видов структур в зависимости от их адаптируемости.

Напомним, что кластерный анализ, как статистическая многомерная процедура, дает возможность упорядочить объекты в сравнительно однородные группы. В результате этого анализа можно получить простые и наглядные выводы – определенную классификацию анализируемых данных за счет распределения их по группам, внутри которых элементы в определенной мере схожи. В качестве наглядного результата кластерного анализа можно использовать дендрограмму (от греч. “dendron” – «дерево») – графическое отражение последовательности объединения элементов в кластеры; это своего рода визуализатор, позволяющий лучше понять результаты исследования. Дендрограмма способна показать близость отдельных точек и кластеров друг к другу.

Прежде всего, на первом шаге анализа, путем перебора всех пар элементов определяется пара (или пары) наиболее близких элементов, которые объединяются в первичные кластеры. Далее, на каждом следующем шаге, к каждому первичному кластеру присоединяется элемент (кластер), который к нему ближе по расстоянию. Анализ продолжается до того времени, пока все элементы не будут интегрированы в одну группу.

Кластерный анализ видов организационных структур, исследуемых с точки зрения их адаптивности, был проведен с помощью разработанного программного модуля, написанного на языке Python. Ниже представлен фрагмент текста программы (рис. 2). Разработанный программный модуль позволил автоматизировать процесс проведения кластерного анализа и построения дендрограммы (рис. 3).

Приведенная на рис. 3 дендрограмма представляет собой древовидную структуру, включающую n уровней, каждый из которых показывает один из последовательных шагов процесса укрупнения кластеров. Дендрограмма позволила проанализировать взаимные связи между объектами из исследуемого множества структур управления. Ключом к интерпретации дендрограммы явилось сосредоточение внимания на высоте, где любые две структуры соединяются вместе.

Анализируя приведенный рис. 3, мы можем отметить, что два вида организационных структур практически совпадают – это дивизиональная продуктовая и дивизиональная, ориентиро-

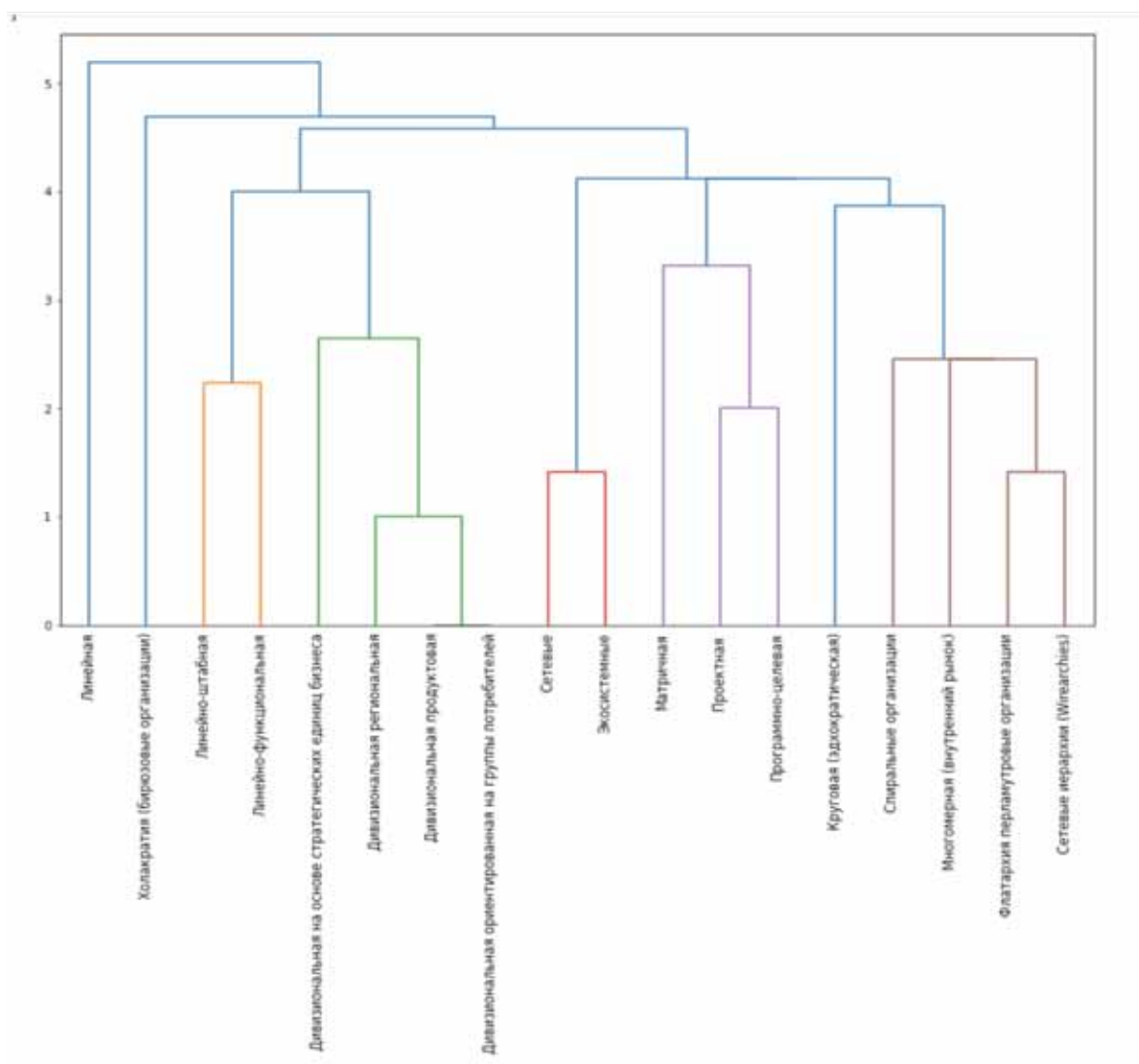
```
[ ] from scipy.cluster.hierarchy import linkage, dendrogram
import matplotlib.pyplot as plt
import pandas as pd
seeds_df = pd.read_csv('/content/drive/MyDrive/2022 Colabs/osucsv.csv')
seeds_df.head()
#print(seeds_df.head())
varieties = list(seeds_df.pop('type'))
#print(varieties)
fig, axes = plt.subplots(figsize=(15, 10))
X = linkage(seeds_df, method = 'single', metric='euclidean')
dendrogram(X, labels=varieties, leaf_rotation=90, leaf_font_size=12)
plt.show()
```

Разработано авторами.

Рис. 2. Фрагмент программного модуля проведения кластерного анализа и построения дендрограммы

Developed by the authors.

Fig. 2. Fragment of the software module for cluster analysis and dendrogram construction

Разработано авторами.

Рис. 3. Дендрограмма сходства анализируемых организационных структур управления

Developed by the authors.

Fig. 3. Dendrogram of similarity of the analyzed organizational management structures

ванная на группы потребителей. Они наиболее похожи, так как высота звена, соединяющего их вместе, наименьшая из всех разновидностей дивизиональных структур (за исключением основанных на стратегических единицах бизнеса). Следующие две группы наиболее похожих структур – это сетевые и экосистемные, и вторая пара – флатархии, перламутровые организации и сетевые иерархии (Wirearchies). На приведенной дендрограмме их высота указывает порядок, в котором кластеры были объединены. Процесс кластеризации продолжался до того времени, пока все виды структур не были интегрированы в одну группу.

Результаты проведенного кластерного анализа подтверждают, что, в зависимости от уровня адаптивности, выделяются две большие группы организационных структур, которые традиционно называются иерархическими и органическими (они же адаптивные, гибкие). И только два вида структур выбиваются из этой общей картины – линейная и холакратия; это два крайних варианта, абсолютно противоположных друг другу.

Было проведено ранжирование структур управления в зависимости от их адаптивности к условиям изменяющегося бизнес-пространства и выявлены самые адаптивные структуры. Результаты ранжирования приведены в табл. 3.

Таблица 3

Результаты ранжирования организационных структур в зависимости от их адаптивности

Table 3

The results of ranking organizational structures depending on their adaptability

Вид ОСУ	Общее количество баллов, полученных в результате экспертизы	Усредненное количество баллов на 1 параметр	Ранг по уровню адаптируемости
Сетевые	58	4,46	1-2
Экосистемные	58	4,86	1-2
Холакратия (бирюзовые организации)	50	3,85	3
Сетевые иерархии (Wirearchies)	47	3,62	4-5
Спиральные организации	47	3,62	4-5
Флатархия, перламутровые организации	45	3,46	6
Круговая (эдхократическая)	44	3,38	7
Многомерная (внутренний рынок)	41	3,15	8
Матричная	38	2,92	9
Программно-целевая	35	2,69	10
Проектная	33	2,54	11
Дивизиональная на основе стратегических единиц бизнеса	32	2,46	12
Дивизиональная региональная	27	2,08	13
Дивизиональная продуктовая	26	2,00	14-15
Дивизиональная, ориентированная на группы потребителей	26	2,00	14-15
Линейно-функциональная	14	1,08	16
Линейно-штабная	11	0,85	17
Линейная	10	0,77	18

Разработано авторами.

Developed by the authors.

Было доказано, что самыми адаптивными являются сетевые и экосистемные структуры. К достаточно адаптивным относятся структуры, представляющие собой гибрид иерархии и сетевых структур: сетевые иерархии (Wirearchies), спиральные орга-

низации, флатархии, перламутровые организации и круговые (эдхократические) структуры. Особое место среди структур управления занимают и многомерные организации, в рамках которых создается внутренний рынок компании.

Для того, чтобы адаптационные процессы в условиях постоянно протекающих изменений бизнес-пространства проходили наиболее успешно и эффективно, структуры управления должны обладать определенными характеристиками, влияющими на уровень их адаптивности. К подобного рода характеристикам можно отнести размытость иерархии (ее отсутствие или ограниченное количество уровней управления, нечеткость определения уровней иерархии), слабую или умеренную формализацию и стандартизацию правил и процедур, хорошо развитые горизонтальные связи (связи кооперации и координации, высокий уровень горизонтальной интеграции между персоналом), децентрализацию управления, неформальные отношения, носящие личностный характер, командный вариант работы и т.п.

Следовательно, основой успешного функционирования компаний в условиях динамично меняющегося бизнес-пространства является использование адаптивных структур управления или изменение отдельных параметров иерархических структур с целью повышения их адаптивности.

Выводы

В современных условиях адаптация организационных структур управления компаниями к изменениям бизнес-пространства превратилась в важнейшее условие их устойчивого функционирования и определила необходимость постоянного повышения их адаптивности. Адаптацию и адаптивность, как две очень тесно связанные между собой категории, невозможно исследовать обособленно друг от друга. Именно уровень адаптивности структур управления определяет скорость и эффективность адаптационных процессов, характеризует возможность совершенствования структуры управления с учетом происходящих изменений с целью достижения целевых установок компании.

В рамках разработки методического подхода к оценке уровня адаптивности структур управления были уточнены определения терминов «адаптация организационных структур» и «адаптивность структур», систематизированы виды адаптации, определен набор из 18-ти видов структур для анализа уровня их адаптивности, выявлено 13 основных характеристик структур управления и разработана шкала оценки уровня их адаптивности, проанализировано влияние этих параметров на уровень адаптивности структур управления.

Исследование позволило оценить уровень адаптивности отдельных видов организационных структур управления к условиям изменяющегося бизнес-пространства и ранжировать их в зависи-

мости от этого уровня, выявить среди них самые адаптивные структуры. Результаты исследования подтвердили, что, в зависимости от уровня адаптивности, целесообразно выделять две большие группы структур, которые обычно называются иерархическими и органическими (адаптивными). Традиционно, к органическим относят проектные, матричные, программно-целевые, сетевые структуры. В рамках нашего исследования этот перечень был серьезно расширен, в него добавились холакратия (бирюзовые организации), сетевые иерархии (Wirearchies), спиральные организации, флатархии, перламутровые организации, круговые (эдхократические) структуры, экосистемные структуры. Для них характерны децентрализация разработки и принятия управленческих решений, минимальный уровень регламентации деятельности и т.п.

Было выявлено, что самыми адаптивными из всех структур являются сетевые и экосистемные. Высоким уровнем адаптивности характеризуются структуры, представляющие собой гибрид иерархии и сетевых структур: сетевые иерархии (Wirearchies), спиральные организации, флатархии, перламутровые организации и круговые (эдхократические) структуры. Особое место среди них отводится и многомерным организациям, в рамках которых создается внутренний рынок компании. Использование органических (адаптивных) структур представляется одним из необходимых условий поддержания жизнеспособности компании.

Адаптация в общем случае может осуществляться при использовании любой структуры управления, как традиционной иерархической, так и органической. И глубина адаптационной трансформации может быть различной, в зависимости от направления развития структур: формирования новых более адаптивных структур или повышения адаптивности уже существующих.

Адаптацию организационных структур управления целесообразно рассматривать как одну из комплексных задач менеджмента, реализуемых перманентно. В компаниях целесообразно разрабатывать планы мероприятий по обеспечению приспособления структуры управления к факторам окружения, повышению степени оперативности реагирования на изменения, необходимой для адаптации, а также обеспечения баланса состояния микро- и макро-бизнес-пространства. Должен быть разработан конкретный механизм адаптации организационной структуры, мероприятий по ее изменению, корректировке ее параметров, алгоритма деятельности в зависимости от условий бизнес-пространства. Этот механизм должен

предусматривать определение уровня централизации или децентрализации управления, степени формализации и стандартизации деятельности, форм разделения управленческого труда, специализации деятельности, механизма координации и контроля и т.п.

В заключение важно отметить, что проведенное исследование позволяет утверждать, что проблема адаптации организационных структур управления реально существует, является актуальной

и важной для обеспечения устойчивого развития компании. Она служит предметом изучения российских и зарубежных теоретиков и практиков и нуждается в дальнейших исследованиях и разработке действенного механизма адаптации структур управления к условиям изменяющегося бизнес-пространства. Оценка уровня адаптивности организационных структур управления позволит менеджерам принимать релевантные решения по изменению отдельных ее параметров для дальнейшего поступательного развития компаний.

Список источников

1. Эшби У.Р. Введение в кибернетику: пер. с англ. М.: Ленанд, 2021. 432 с.
2. Ансофф И. Новая корпоративная стратегия: пер. с англ. СПб.: Питер, 1999. 416 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000603974>
3. Акофф Р. Акофф о менеджменте: пер. с англ. СПб.: Питер, 2002. 448 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000962934>
4. Boddy D. Management: An Introduction. 7th Edition. Harlow: Pearson Education Limited, 2016. 728 p.
5. Дафт Р.Л. Менеджмент. 6-е изд.: пер. с англ. СПб.: Питер, 2006. 864 с.
6. Холл Р.Х. Организации: структуры, процессы, результаты: пер. с англ. СПб.: Питер, 2001. 512 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000683515>
7. Глаголев С.Н. Организация адаптационных процессов в организационной структуре // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2009. № 3(27). С. 79–82. EDN: <https://www.elibrary.ru/laeldz>
8. Гончаров В.Н., Максимова Т.С. Организация адаптационного управления региональным развитием // Организатор производства. 2004. № 2(21). С. 95–98. EDN: <https://www.elibrary.ru/pffbcv>
9. Димов О.Д. Механизм адаптации промышленных корпораций: эволюция, виды, содержание // Экономика и предпринимательство. 2012. № 2(25). С. 132–135. EDN: <https://www.elibrary.ru/pdxtjt>
10. Дорофеева В.В. Формирование адаптивных компетенций предприятия // Казанская наука. 2013. № 5. С. 60–63. EDN: <https://www.elibrary.ru/qdfcjt>
11. Комаева Л.Э., Дзагоева М.Р., Дзакоев З.Л. Адаптивные организационные структуры управления предприятиями в нестабильной среде хозяйствования: монография. М.: Инфра-М, 2015. 200 с. EDN: <https://www.elibrary.ru/tvcbht>
12. Красюк Т.Н. Проблемы управления адаптивностью экономической системы на примере финансовой экосистемы // Вестник экспертного совета. 2021. № 2(25). С. 83–89. EDN: <https://www.elibrary.ru/nmkawt>
13. Османова З.О. Управление адаптивностью деятельности предприятий в условиях цифровизации // Власть, бизнес и общество в цифровой экономике: глобальный и национальный контексты. I Международная научно-практическая конференция. Ставрополь: Фабула, 2022. С. 44–45. EDN: <https://www.elibrary.ru/kxggdg>
14. Ячменева В.М., Османова З.О. Управление адаптивностью в контексте деятельности предприятий в условиях цифровизации // Научный вестник: Финансы, банки, инвестиции. 2021. № 4(57). С. 56–62. EDN: <https://www.elibrary.ru/yybmsn>
15. Сироткина Н.В., Щеголева Т.В., Казьмина И.В. Содержательные аспекты адаптивного развития системы управления высокотехнологичным предприятием // Организатор производства. 2022. Т. 30. № 1. С. 9–17. EDN: <https://www.elibrary.ru/vcbprx>. <https://doi.org/10.36622/VSTU.2022.73.47.001>
16. Сироткина Н.В., Агафонова М.С., Зимина Д.А. Адаптационные формы управления предприятием // Цифровая и отраслевая экономика. 2020. № 3(20). С. 5–11. EDN: <https://www.elibrary.ru/alrubw>

17. Черепанова Т.Г., Попова И.Н. Разработка механизма адаптации организационной структуры малого предприятия на стадии роста // e-Forum. 2020. № 3(12). С. 2–16. EDN: <https://www.elibrary.ru/jeltnz>
18. Radic M., Herrmann P., Haberland P., Riese C.R. Development of a Business Model Resilience Framework for Managers and Strategic Decision-makers // Schmalenbach Journal of Business Research. 2022. Vol. 74. P. 575–601. <https://doi.org/10.1007/s41471-022-00135-x>
19. Stelzl K., Röglinger M., Wyrski K. Building an ambidextrous organization: a maturity model for organizational ambidexterity // Business Research. 2020. Vol. 13. P. 1203–1230. <https://doi.org/10.1007/s40685-020-00117-x>
20. Плотников А.В. Концептуальная модель организационной гибкости // Креативная экономика. 2021. Т. 15. № 12. С. 4851–4862. EDN: <https://www.elibrary.ru/sdviwb>. <https://doi.org/10.18334/ce.15.12.113931>
21. Khoirunnisa N.L., Almahendra R. Micro design in inter-organizational hybrid governance: a study on product adaptation, reverse knowledge transfer and integration mechanism // Journal of Knowledge Management. 2022. Vol. 26. Iss. 4. P. 873–894. <https://doi.org/10.1108/JKM-06-2020-0406>
22. Корниенко Е.В. Современное понятие и организационные механизмы управления адаптацией персонала // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2021. № 2(34). С. 12–15. EDN: <https://www.elibrary.ru/slgnnv>
23. Zighan S., Alkalha Z., Bamford D., Reid I., Al-Zu'bi M.F. Servitisation through structural adaptation // Journal of service theory and practice. 2021. Vol. 31. Iss. 3. P. 468–490. <https://doi.org/10.1108/JSTP-06-2020-0144>
24. Roh J., Swink M., Kovach J. Linking organization design to supply chain responsiveness: the role of dynamic managerial capabilities // International Journal of Operations and Production Management. 2022. Vol. 42. Iss. 6. P. 826–851. <https://doi.org/10.1108/IJOPM-08-2021-0526>
25. Антонов В.Г., Румянцева И.А., Кротенко Т.Ю., Казеева О.Г. Методические подходы к формированию адаптивных структур управления // Вестник университета. 2019. № 9. С. 5–12. EDN: <https://elibrary.ru/mwennv>. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-9-5-12>
26. Дафт Р.Л. Теория организации: пер. с англ. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2006. 736 с.
27. Минцберг Г. Структура в кулаке: создание эффективной организации: пер. с англ. СПб.: Питер, 2011. 512 с.
28. Pugh D.S., Hickson D.J., Hinings C.R., Turner C. Dimensions of Organizational Structure // Administrative Science Quarterly. 1968. Vol. 13. № 1. P. 65–105. <https://doi.org/10.2307/2391262>
29. Armandi B.R., Mills E.W. Organizational Size, Structure, and Efficiency: A Test of a Blau-Hage Modell // American Journal of Economics and Sociology. 1982. Vol. 41. № 1. P. 43–60. <https://doi.org/10.1111/j.1536-7150.1982.tb01667.x>
30. Marin-Idárraga D.A., Huartado González J.M. Organizational structure and convergent change: explanatory factors in SMEs // Journal of Small Business and Enterprise Development. 2021. Vol. 28. Iss. 6. P. 908–926. <https://doi.org/10.1108/JSBED-09-2020-0347>
31. Verma P., Sharma R.R.K., Kumar V., Hsu S.C., Lai K.-K. Identifying organizational variables to the implementation of horizontal strategy in conglomerates // Benchmarking: An International Journal. 2022. Vol. 29. Iss. 5. P. 1703–1733. <https://doi.org/10.1108/BIJ-01-2020-0002>
32. Шинкаренко Т.В., Смирнов Р.Г., Белошицкий А.В. Исследование эффективности организационной структуры компании на основе анализа внутренних коммуникаций // Управленец. 2020. Т. 11. № 2. С. 27–40. EDN: <https://elibrary.ru/urdorx>. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2020-11-2-3>
33. Лобарева Н.В., Гейман О.Б. Влияние стратегии организации на выбор организационной структуры управления в современных экономических условиях // Наука и бизнес: пути развития. 2021. № 8(122). С. 95–100. EDN: <https://www.elibrary.ru/upsszt>
34. Kaya Y. The Importance of the Organizational Structure to be Competitive in VUCA World // In: Agile Management and VUCA-RR: Opportunities and Threats in Industry 4.0 towards Society 5.0. Bingley: Emerald Publishing Limited, 2022. P. 207–214. <https://doi.org/10.1108/978-1-80262-325-320220014>

Статья поступила в редакцию 01.03.2023; одобрена после рецензирования 29.05.2023; принята к публикации 31.05.2023

Об авторах:

Ирина Геннадьевна Владимирова, доктор экономических наук, профессор; профессор кафедры менеджмента экономического факультета, руководитель магистерской программы Международный менеджмент; ResearcherID: E-2073-2019

Елена Владимировна Полевая, ассистент кафедры менеджмента экономического факультета; ResearcherID: HLQ-0950-2023

Вклад авторов:

Владимирова И. Г. – научное руководство; развитие методологии; проведение критического анализа материалов и формирование выводов; подготовка окончательного варианта текста; сбор данных и доказательства.

Полевая Е. В. – проведение критического анализа материалов и формирование выводов; сбор данных и доказательства; подготовка начального варианта текста, перевод элементов статьи на английский язык.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

References

1. Ashby W.R. An introduction to cybernetics. N.Y.: Wiley Publ., 1956. 320 p. (In Eng.) (Russ. ed.: Ashby W.R. An introduction to cybernetics. Moscow: Lenand, 2021. 432 p.)
2. Ansoff I. The new corporate strategy. N.Y.: Wiley Publ., 1988. 288 p. (In Eng.) (Russ. ed.: Ansoff I. The new corporate strategy. St. Petersburg: Piter Publ., 1999. 416 p.)
3. Ackoff R.L. Ackoff's Best: his classic writings on management. N.Y.: John Wiley & Sons, 1999. 368 p. (In Eng.) (Russ. ed.: Ackoff R.L. Ackoff on management. St. Petersburg: Piter, 2002. 448 p.)
4. Boddy D. Management: An introduction. 7th Edition. Harlow: Pearson Education Limited, 2016. 728 p. (In Eng.)
5. Daft R.L. Management. 6th Edition. Mason: Thomson/South-Western, 2003. 468 p. (In Eng.) (Russ. ed.: Daft R.L. Management. 6th Edition. St. Petersburg: Piter, 2006. 864 p.)
6. Hall R.H. Organizations: structures, processes, and outcomes. 7th Edition. N.Y.: Prentice-Hall, 1996. 343 p. (In Eng.) (Russ. ed.: Hall R.H. Organizations: structures, processes, and outcomes. St. Petersburg: Piter, 2001. 512 p.)
7. Glagolev S.N. The adaptable processes in organizational structure. *Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University*. 2009; (3(27)):79–82. EDN: <https://www.elibrary.ru/laeldz> (In Russ.)
8. Goncharov V.N., Maksimova T.S. Organization of adaptive management of regional development. *Organizer of production*. 2004; (2(21)):95–98. EDN: <https://www.elibrary.ru/pffbcv> (In Russ.)
9. Dimov O.D. The mechanism of adaptation of industrial corporations: evolution, types, content. *Economy and entrepreneurship*. 2012; (2(25)):132–135. EDN: <https://www.elibrary.ru/pdzxtj> (In Russ.)
10. Dorofeeva V.V. Formation of adaptive enterprise competence. *Kazan Science*. 2013; (5):60–63. EDN: <https://www.elibrary.ru/qdfcjt> (In Russ.)
11. Komaeva L.E., Dzagoeva M.R., Dzakoev Z.L. Adaptive organizational structures of management of the enterprises in the unstable environment of management: Monograph. Moscow: Infra-M, 2015. 200 p. EDN: <https://www.elibrary.ru/tvcbht> (In Russ.)
12. Krasnyuk T.N. Problems of economic system adaptivity management on the example of the financial ecosystem. *Bulletin of the expert council*. 2021; (2(25)):83–89. EDN: <https://www.elibrary.ru/nmkawt> (In Russ.)
13. Osmanova Z.O. Managing the adaptability of enterprises in the context of digitalization. In: *Power, business and society in the digital economy: global and national contexts. I International scientific and practical conference*. Stavropol: Fabula, 2022. P. 44–45. EDN: <https://www.elibrary.ru/kxggdg> (In Russ.)
14. Yachmeneva V.M., Osmanova Z.O. Management of adaptability in the context of enterprise activities in the conditions of digitalization. *Scientific bulletin: finance, banking, investment*. 2021; (4(57)):56–62. EDN: <https://www.elibrary.ru/yybmsn> (In Russ.)

15. Sirotkina N.V., Shchegoleva T.V., Kazmina I.V. Substantive aspects of adaptive development of a high-tech enterprise management system. *Organizer of production*. 2022; 30(1):9–17. EDN: <https://www.elibrary.ru/vcbrpx> <https://doi.org/10.36622/VSTU.2022.73.47.001> (In Russ.)
16. Sirotkina N.V., Agafonova M.S., Zimina D.A. Adaptive forms of enterprise management. *Digital and sectoral economics*. 2020; (3(20)):5–11. EDN: <https://www.elibrary.ru/alrubw> (In Russ.)
17. Cherepanova T.G., Popova I.N. Mechanism for adapting the organizational structure of an enterprise at the growth stage. *e-Forum*. 2020; (3(12)):2–16. EDN: <https://www.elibrary.ru/jeltnz> (In Russ.)
18. Radic M., Herrmann P., Haberland P., Riese C.R. Development of a business model resilience framework for managers and strategic decision-makers. *Schmalenbach Journal of Business Research*. 2022; (74):575–601. <https://doi.org/10.1007/s41471-022-00135-x> (In Eng.)
19. Stelzl K., Röglinger M., Wyrski K. Building an ambidextrous organization: a maturity model for organizational ambidexterity. *Business Research*. 2020; (13):1203–1230. <https://doi.org/10.1007/s40685-020-00117-x> (In Eng.)
20. Plotnikov A.V. Organizational agility conceptual model. *Creative economy*. 2021; 15(12):4851–4862. EDN: <https://www.elibrary.ru/sdviwb>. <https://doi.org/10.18334/ce.15.12.113931> (In Russ.)
21. Khoirunnisa N.L., Almahendra R. Micro design in inter-organizational hybrid governance: a study on product adaptation, reverse knowledge transfer and integration mechanism. *Journal of knowledge management*. 2022; 26(4):873–894. <https://doi.org/10.1108/JKM-06-2020-0406> (In Eng.)
22. Kornienko E.V. The modern concept and organizational mechanisms of personnel adaptation management. *Bulletin of the Taganrog Institute of management and economics*. 2021; (2(34)):12–15. EDN: <https://www.elibrary.ru/slgnnv> (In Russ.)
23. Zighan S., Alkalha Z., Bamford D., Reid I., Al-Zu'bi M.F. Servitisation through structural adaptation. *Journal of service theory and practice*. 2021; 31(3):468–490. <https://doi.org/10.1108/JSTP-06-2020-0144> (In Eng.)
24. Roh J., Swink M., Kovach J. Linking organization design to supply chain responsiveness: the role of dynamic managerial capabilities. *International journal of operations and production management*. 2022; 42(6):826–851. <https://doi.org/10.1108/IJOPM-08-2021-0526> (In Eng.)
25. Antonov V.G., Rumyantseva I.A., Krotenko T.Yu., Kazeeva O.G. Methodical approaches to the formation of adaptive management structures. *Vestnik Universiteta*. 2019; (9):5–12. EDN: <https://elibrary.ru/mwennv>. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-9-5-12> (In Russ.)
26. Daft R.L. Organization theory and design. Mason, OH: South-Western College Publ., 2001. 633 p. (In Eng.) (Russ. ed.: Daft R.L. Organization theory. Moscow: Uniti-Dana Publ., 2006. 736 p.)
27. Mintzberg H. Structure in fives. Designing effective organizations. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall Publ., 1992. 312 p. (In Eng.) (Russ. ed.: Mintzberg H. Structure in fives: designing effective organizations. St. Petersburg: Piter, 2011. 512 p.)
28. Pugh D.S., Hickson D.J., Hinings C.R., Turner C. Dimensions of organizational structure. *Administrative science quarterly*. 1968; 13(1):65–105. <https://doi.org/10.2307/2391262> (In Eng.)
29. Armandi B.R., Mills E.W. Organizational size, structure, and efficiency: a test of a Blau-Hage modell. *American journal of economics and sociology*. 1982; 41(1):43–60. <https://doi.org/10.1111/j.1536-7150.1982.tb01667.x> (In Eng.)
30. Marin-Idárraga D.A., Huartado González J.M. Organizational structure and convergent change: explanatory factors in SMEs. *Journal of small business and enterprise development*. 2021; 28(6):908–926. <https://doi.org/10.1108/JSBED-09-2020-0347> (In Eng.)
31. Verma P., Sharma R.R.K., Kumar V., Hsu S.C., Lai K.-K. Identifying organizational variables to the implementation of horizontal strategy in conglomerates. *Benchmarking: an international journal*. 2022; 29(5):1703–1733. <https://doi.org/10.1108/BIJ-01-2020-0002> (In Eng.)
32. Shinkarenko T.V., Smirnov R.G., Beloshitskiy A.V. Studying the organizational structure effectiveness on the basis of internal communication analysis. *The Manager*. 2020; 11(2):27–40. EDN: <https://elibrary.ru/urdorx>. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2020-11-2-3> (In Russ.)

33. Lobareva N.V., Geyman O.B. The influence of the company strategy on the choice of the organizational management structure in modern economic conditions. *Science and business: ways of development*. 2021; (8(122)):95–100. EDN: <https://www.elibrary.ru/upsszt> (In Russ.)

34. Kaya Y. The Importance of the organizational structure to be competitive in VUCA world. In: Agile management and VUCA-RR: opportunities and threats in industry 4.0 towards society 5.0. Bingley: Emerald Publishing Limited, 2022. P. 207–214. <https://doi.org/10.1108/978-1-80262-325-320220014> (In Eng.)

The article was submitted 01.03.2023; approved after reviewing 29.05.2023; accepted for publication 31.05.2023

About the authors:

Irina G. Vladimirova, Doctor of Economic Sciences, Professor; Professor of Management Department, Faculty of Economics, Head of Master's Program International Management; ResearcherID: E-2073-2019

Elena V. Polevaya, Assistant of Management Department, Faculty of Economics; ResearcherID: HLQ-0950-2023

Contribution of co-authors:

Vladimirova I. G. – scientific guidance; development of methodology; critical analysis of the materials and formation of conclusions; preparation of the final version of the text; collection of data and evidence.

Polevaya E. V. – critical analysis of materials and the formation of conclusions; collection of data and evidence; preparation the initial version of the text, translation the elements of the article into English.

All authors have read and approved the final manuscript.

Научная статья

УДК 338.48

JEL: R12, Z30, Z32

<https://doi.org/10.18184/2079-4665.2023.14.2.262-276>

Факторы географической концентрации туристической индустрии: опыт Северо-Восточного Кавказа

Ситкевич Даниил Андреевич¹, Коротков Андрей Сергеевич²

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; Москва, Россия

² Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; Москва, Россия

¹ dasitkevich@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6498-1747>

² korotkov.andrey@geogr.msu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5592-808X>

Аннотация

Цель статьи – исследование факторов, влияющих на географическую концентрацию предприятий индустрии гостеприимства в республиках Северо-Восточного Кавказа (Ингушетии, Чечне и Дагестане), то есть в регионах, которые многие годы были объектом активной кластерной политики в сфере туризма, где за последние три года произошел значительный прирост числа отдыхающих.

Методы. Исследование основано на гибридной методологии: используются картографические данные о распространении объектов размещения и коллективного питания на Северо-Восточном Кавказе, а также результаты 29-ти полуструктурированных глубинных интервью с представителями индустрии гостеприимства Дагестана.

Результаты работы. Случившийся после 2020 г. туристический бум на Северном Кавказе происходит вне созданных особых экономических зон. Туристические предприятия концентрируются в тех муниципалитетах, где кластерная политика государством не проводилась. Кроме обилия базовых туристических ресурсов (море, горы, природные и культурные достопримечательности), формирование индустрии гостеприимства именно в этих местах оказалось связано с их транспортной доступностью, агломерационным эффектом, желанием предпринимателей возить туристов в родные села, различиями в предпринимательской культуре между жителями разных муниципалитетов, а также сложившимися предпочтениями самих туристов. Исследование показало, что, при соответствующих природных условиях для создания горнолыжных и пляжных курортов, усилий федеральных властей по созданию туристических кластеров оказалось недостаточно. Относительно успешные примеры в регионе связаны либо с исторически сложившимся туристическим центром, либо с предпринятыми региональными властями дополнительными усилиями.

Выводы. Недостаточно активная инфраструктурная политика в регионах тормозит развитие туризма не только внутри особых экономических зон, но и за их пределами. Переход от создания новых крупных курортов к поддержке уже существующего бизнеса мог бы дать куда большую отдачу при развитии туристического сектора и модернизации экономики Северного Кавказа.

Ключевые слова: индустрия гостеприимства, географическая концентрация, агломерационный эффект, туристический поток, горнолыжные курорты, Северный Кавказ, кластерная политика

Благодарность. Статья отражает результаты исследований, выполненных в рамках НИР государственного задания РАНХиГС.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Ситкевич Д. А., Коротков А. С. Факторы географической концентрации туристической индустрии: опыт Северо-Восточного Кавказа // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2023. Т. 14. № 2. С. 262–276

EDN: <https://elibrary.ru/iwrbpg>. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2023.14.2.262-276>

© Ситкевич Д. А., Коротков А. С., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original article

Factors of geographical concentration in the tourism industry: evidence from Northeast Caucasus

Daniil A. Sitkevich¹, Andrei S. Korotkov²

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA); Moscow, Russia

² Lomonosov Moscow State University; Moscow, Russia

¹ dasitkevich@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6498-1747>

² korotkov.andrey@geogr.msu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5592-808X>

Abstract

Purpose: is to study the factors influencing the geographical concentration of hospitality industry enterprises in the republics of the Northeast Caucasus (Ingushetia, Chechnya and Dagestan) – regions that have been the object of an active tourism cluster policy for many years, and which have seen a significant increase in the number of vacationers over the past three years.

Methods: the study is based on a hybrid methodology. It uses cartographic data on the prevalence of resolution and collective dining facilities in the Northeastern Caucasus, as well as the results of 29 semi-structured in-depth interviews with representatives of the hospitality industry in Dagestan.

Results: the tourist boom that occurred after 2020 in the North Caucasus is not taking place in the special economic zones that have been created. Tourist enterprises are concentrated in those municipalities where the state has not pursued a cluster policy. In addition to the abundance of basic tourist resources (sea, mountains, natural and cultural attractions), the formation of the hospitality industry in these locations has been associated with their transport accessibility, agglomeration effect, the desire of entrepreneurs to take tourists to their native villages, differences in business culture between residents of different municipalities, and the established preferences of tourists themselves. The study also showed that, despite the suitable natural conditions for the creation of ski and beach resorts, the efforts of federal authorities to create tourist clusters were insufficient. The relatively successful cases in the region are associated either with the historically established tourist center, or with the additional efforts of regional authorities.

Conclusions and Relevance: insufficient infrastructure policy in the regions hinders the development of tourism not only within special economic zones, but also outside them. Reorientation from the creation of new large resorts to support existing businesses could give a much greater impact on the development of the tourism sector and the modernization of the North Caucasus economy.

Keywords: hospitality industry, geographical concentration, agglomeration effect, tourist flow, ski resorts, North Caucasus, cluster policy

Acknowledgments. The article reflects the results of research carried out as part of the research work of the state task of the RANEPA.

Conflict of Interest. The authors declare that there is no Conflict of Interest.

For citation: Sitkevich D. A., Korotkov A. S. Factors of geographical concentration in the tourism industry: evidence from Northeast Caucasus. *MIR (Modernizatsiia. Innovatsii. Razvitie) = MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2023; 14(2):262–276. (In Russ.)

EDN: <https://elibrary.ru/iwrbpg>. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2023.14.2.262-276>

© Sitkevich D. A., Korotkov A. S., 2023

Введение

В последние годы туристическая индустрия стала рассматриваться во многих регионах как потенциальный драйвер развития, в том числе и на Северном Кавказе, перед которым все еще стоит задача экономической модернизации¹. Так, в Стратегии развития Северо-Кавказского феде-

рального округа (СКФО) от 2010 г.² туристическая отрасль рассматривается как одно из наиболее перспективных направлений развития экономики региона. Одним из инструментов, присутствующих в Стратегии развития, является создание «туристических кластеров» – зон, в которых, по мнению государства, наиболее вероятно развитие горно-

¹ Батов Г.Х., Кандрокова М.М. Модернизация экономики макрорегиона: проблемы и решения (на примере Северо-Кавказского федерального округа) // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2023. Т. 14. № 1. С. 27–42. EDN: <https://elibrary.ru/vsrzfo>. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2023.14.1.27-42>

² Распоряжение Правительства России от 6 сентября 2010 года № 1485-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года» // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_105643/517741733b081df06def6b33102ee7434eda031c/ (дата обращения: 15.04.2023)

лыжного или пляжного отдыха. Однако, даже несмотря на рост уровня безопасности на Северном Кавказе и активные инвестиции в создание туристической инфраструктуры, до 2020 г. национальные республики СКФО нельзя было назвать популярным направлением отдыха³.

Однако многое изменилось с закрытием для российских туристов иностранных курортов и достопримечательностей в связи с санитарными ограничениями 2020–2021 гг. и событиями 2022 г. Сложности с выездным туризмом (объемы которого, согласно данным Росстата, с 2019 г. сократились вдвое) привели к росту индустрии гостеприимства внутри России. По данным Ассоциации туроператоров России (АТОР)⁴, в 2022 г. во всех регионах-лидерах по величине туристического потока (кроме тех, которые были затронуты закрытиями аэропортов) наблюдался существенный приток количества отдыхающих. Особенно рост затронул Дагестан: согласно данным АТОР, именно в этом регионе в 2022 г. наблюдался наиболее резкий прирост количества отдыхающих – практически в два раза (до 2 млн человек). Значительный рост количества туристов на всем Северном Кавказе отмечался и представителями Ростуризма⁵. Но возникает вопрос, насколько этот прирост связан с кластерной политикой, проводимой государством. Для ответа на него стоит понять, насколько территории, где особо активно формируется туристическая отрасль, совпадают с созданными федеральным центром особыми экономическими зонами, или наблюдаемая в регионе концентрация бизнеса связана с иными причинами.

Проведенное в рамках работы исследование показало, что расположение туристической инфраструктуры (являющейся признаком того, что место популярно среди туристов) в Северо-Восточном Кавказе, где до туристического бума 2020 г. отдыхающих было крайне мало, слабо связано с тем, определило ли государство данную территорию как кластер или нет. Хотя в некоторых особых экономических зонах (ОЭЗ), созданных корпорацией «Курорты Северного Кавказа», присутствует туристический бизнес, это связано либо с уже имеющимися на момент создания кластеров гостиницами, либо с активной поддержкой проектов внутри ОЭЗ со стороны региональных властей. При этом для Дагестана характерна отчетливая географи-

ческая концентрация туристического бизнеса. Но связана она не с политикой государства, а с наличием достопримечательностей, транспортной инфраструктуры, предпринимательской культурой и уже сложившимися предпочтениями туристов.

Обзор литературы и исследований

Вопрос о том, с чем связана популярность тех или иных туристических локаций, достаточно широко обсуждается в научной литературе. Имеющиеся исследования показывают, что развитие курортов связано как с наличием спроса, так и с готовностью предпринимателей создать достаточное предложение. Что касается спроса, то, как указывает В. Чо [1], в большинстве моделей такого рода в качестве факторов указываются доходы граждан, стоимость отдыха на самом курорте и на его конкурентах, расходы на трансфер до места отдыха, а также величина потерь при обмене валюты. Однако, кроме экономических, существуют и значимые неэкономические факторы. К ним Чо относит транспортную доступность места отдыха, качество природных условий (наличие моря или гор, экологическое состояние территории), уровень благополучия страны, наличие культурного наследия. Наблюдения подтверждаются и эмпирическими исследованиями: улучшение связанности страны [2], качество жизни ее граждан [3] и работа с культурным капиталом (прорабатывание бренда [4] и нематериального наследия территории [5]) приводят к росту объема туристического потока.

Иначе подходят к изучению конкурентоспособности туристического сектора М. Энрайт и Дж. Ньютон [6]. Признавая важность транспортной доступности места путешествия и стоимости отдыха, авторы статьи отмечают, что наиболее значимую роль играет качество туристического предложения. Оно складывается из природных и культурных достопримечательностей, климата, происходящих на территории мероприятий и того, как эти факторы превращены в полноценный туристический продукт. Более того, компонентами предлагаемого на рынке продукта являются также общие характеристики города или региона – его жизненная (городская) среда, безопасность, наличие пространств для досуга и шоппинга, национальная культура жителей города / региона.

³ Стародубровская И., Казенин К., Ситкевич Д. Северный Кавказ: выбор стратегических ориентиров // Экономическая политика. 2021. № 3. С. 112–137. EDN: <https://elibrary.ru/wrynlo>. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2021-3-112-137>

⁴ АТОР подвела предварительные итоги туристического 2022 года // Ассоциация туроператоров России. URL: <https://www.atorus.ru/node/50839> (дата обращения: 15.04.2023)

⁵ Ростуризм: турпоток на Северный Кавказ в 2022 году вырастет на 50% к 2019 году // Интерфакс, 29 марта 2022. URL: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/86431/> (дата обращения: 15.04.2023)

Схожие идеи, но несколько в ином контексте, высказывают В. Навичкас и А. Малакаускайте [7]. Согласно их исследованию, туристическая конкурентоспособность направления зависит не только от состояния «базовых туристических ресурсов» (природные и культурные объекты, пляжи, парки, горнолыжные склоны, фестивали и ярмарки), но и от качества дополнительных туристических ресурсов (гостиницы и рестораны, которые позволяют путешественникам пользоваться базовыми туристическими ресурсами), а также от того, насколько распространены среди местных туристических фирм наилучшие практики управления туристическими ресурсами. Зависимость спроса на туристические услуги от качества предложения отмечается и другими эмпирическими исследованиями: прирост дополнительных туристических ресурсов в виде гостиниц в Юго-Восточной Европе привел к росту спроса на туристические услуги [8], тогда как недостаток ресторанов и мест размещения воспрепятствовал реализации программ развития сельского туризма в отдельных регионах Англии [9].

На туризм влияют не только экономические, социальные или политические факторы, но и физико-географические особенности территории. Так, важную роль играет сочетание рельефа и климата: горный ли он или равнинный. Например, альпинотипные горы (Альпы, Кавказские) имеют большую аттрактивность в силу внешнего вида (крутые склоны, вершины-пики и др.); рельеф и его свойства определяют возможность строительства тех или иных капитальных сооружений, коммуникаций [10].

Климат территории также оказывает влияние на привлекательность местности среди туристов. Чаще всего для отдыха выбирают климат, отличный от места постоянного проживания или более теплый [11, 12]. Наличие теплого моря с оборудованным берегом способствует расширению видов предлагаемого отдыха среди разных категорий потребителей [13]. При этом далеко не всегда природа способствует развитию индустрии гостеприимства: риски опасных явлений (сели, наводнения, лавины, оползни) создают необходимость строительства защитных сооружений, что приводит к удорожанию строительства и эксплуатации действующих объектов.

Еще один фактор, влияющий на развитие туризма – особенности регулирования природопользования. Наличие природных резерватов, в особенности, заповедников, накладывает ограничение на использование территории даже при благоприятных для развития туристической инфраструктуры физико-географических условий [14].

Значительное количество статей посвящено тому, как на развитие туризма влияет агломерацион-

ный эффект. З. Ли и Х. Лю [15] демонстрируют на китайских данных, как туристический бизнес склонен возникать там, где уже есть другие фирмы индустрии гостеприимства, что связано как с тем, что на этих территориях уже есть клиенты, готовые предъявить спрос, так и с тем, что нахождение среди других фирм упрощает встраивание в цепочку создания туристического продукта. Согласно расчетам Ли и Лю, по мере развития отрасли характерна все большая концентрация ее на определенных территориях. Агломерационный эффект же приводит к росту производительности бизнеса.

Концентрация туристического бизнеса на одной и той же территории приводит также к образованию туристических кластеров, в рамках которых фирмы взаимодействуют друг с другом при производстве туристического продукта. Следует упомянуть, что в литературе выделяют два типа кластеров: самообразовавшиеся (спонтанные) и спланированные государством [16].

К первому типу можно отнести «старые» курорты, много лет пользующиеся большим спросом среди туристов – например, испанскую Андалусию, где бизнес появился самостоятельно, однако сейчас, совместно с муниципалитетами, он кооперируется для управления курортами [17].

Второй тип, близкий к тому, что реализуется на Северном Кавказе – достаточно распространенный инструмент экономической политики для стимулирования роста туристического потока [18]. Роль государства в функционировании кластера заключается преимущественно в координации происходящих на новом курорте процессов, а также в согласовании бизнес-проектов с другими государственными органами и финансировании создаваемых на территории общественных благ [19, 20]. Конкурентоспособность и скорость развития будет определяться смежными и сопутствующими отраслями, условиями спроса (турпотоком) и общей бизнес-стратегией, выбранной государством.

При очевидных выгодах для туристического сектора от создания инфраструктуры [2], поддержки коллективных действий бизнеса [19] и налаживания коммуникации между разными участниками [21], кластерная политика обладает и недостатками. Так, поддержка туристических кластеров государством может привести к «эффекту вытеснения» – объем частных инвестиций снизится, а развиваться будут преимущественно те курорты, которые получили помощь от государства (порой, за счет частных курортов) [22]. Кроме того, четкие и легко интерпретируемые индикаторы развития туризма редко доступны для руководства и местных менеджеров, что затрудняет принятие правильных решений властями [17].

Таким образом, обзор литературы показывает, что развитие новых туристических направлений связано с целым рядом факторов, одним из которых является агломерационный эффект. Он может «воспроизводиться» государственной политикой по созданию кластеров, однако далеко не всегда такая политика оказывается эффективной. Отдаче, в том числе, от подобного рода мер на Северном Кавказе, посвящено представленное исследование.

Материалы и методы

Из-за особенностей туристической отрасли кластеры в национальных республиках Северного Кавказа не всегда можно выделить количественными методами, но они прослеживаются на качественном уровне: часто на уровне полевых наблюдений, интервью или в случае, если они обозначены в единой Стратегии по развитию территории, предусматривающей создание спланированного «кластера». Этим объясняется выбранная нами методология исследования.

Для оценки факторов, влияющих на территориальную концентрацию предприятий туристического сектора, нами было проведено исследование на материалах из 3-х регионов СКФО – Республики Дагестан, Республики Ингушетии и Чеченской Республики. Выбор этих регионов связан с двумя причинами. Во-первых, именно на Северном Кавказе уже более 10 лет (с начала 2010-х гг.) проводится политика по созданию и поддержке туристических кластеров [23]. Во-вторых, в отличие от республик Северо-Западного Кавказа (Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия – Алания), туризм во всех выбранных республиках из-за вооруженных конфликтов 1990-х гг. долгое время практически отсутствовал [24]. Объяснить этим территориальную концентрацию туристической индустрии инвестициями советского периода в создание инфраструктуры и санаториев нельзя. Особый интерес среди исследуемых регионов для нас представляет Дагестан, в котором в последние 3 года фиксируется существенный прирост туристического потока.

Наше исследование основано на гибридной методологии. Используются данные о распределении объектов размещения и общественного питания в республиках Северо-Восточного Кавказа. Хотя гостиницы и рестораны могут использоваться не только туристами, но и местными жителями, в имеющихся статьях на тему развития индустрии гостеприимства плотность предприятий коллективного размещения и общественного питания связывается с развитостью туристической отрасли [25]. Более того, как отмечают представители туристической индустрии в исследуемых регионах, кафе и гостевые дома вне крупных городов работают

преимущественно для туристов, тогда как сельские жители их услугами пользуются крайне редко.

Содержание представленных в работе карт – предприятия гостиничного сектора и сектора общественного питания, а также территории ОЭЗ, создаваемые в Дагестане, Ингушетии и Чечне. Карты составляются в среде геоинформационной системы QGIS. В качестве источника данных о гостиницах и заведениях общественного питания используется портал OpenStreetMap (OSM). Хотя данные OSM, особенно по Северному Кавказу, не могут претендовать на полноту из-за широкого распространения теневого предпринимательства, недостаток объектов в абсолютном значении не означает невозможности сравнения территорий в относительных величинах.

Данные отбираются через модуль QuickOSM в QGIS посредством запросов к серверу OSM по ключевым словам. Для запросов по предприятиям гостиничного сектора используется класс «tourism» и соответствующие подклассы; по предприятиям общественного питания используется класс «amenity» и соответствующие подклассы. Всего с сервиса OSM было получено и нанесено на карты 473 гостиницы и 1393 заведения общественного питания. В качестве географической основы карт используются данные об административно-территориальном делении исследуемых республик, сети основных автомобильных дорог, основных населенных пунктах, рельефе, а также границах территорий, создаваемых государством туристических кластеров.

Также нами используются результаты полевого исследования, проведенного осенью 2022 г. и весной 2023 г. в Дагестане и Ингушетии. Было проведено 29 полуструктурированных глубинных интервью с представителями туристической отрасли регионов, отобранных в результате выборки методом снежного кома. Преимущественно интервью проводились с организаторами туров по регионам (11 информантов), однако в ходе исследования были опрошены и владельцы гостиниц и ресторанов. Вопросы интервью затрагивали маршруты, по которым они возят отдыхающих, а также историю наиболее популярных среди туристов мест в Дагестане.

Результаты исследования

Основанные на данных OSM карты распределения гостиниц и ресторанов в Дагестане, Ингушетии и Чечне представлены на рис. 1 и рис. 2.

На рис. 1 видно, что гостиницы имеют закономерную повышенную плотность в столицах республик (Махачкала, Грозный) и в Дербенте – крупнейшем туристическом центре на берегу Каспийского моря. Небольшой по людности и построенный не-

Составлено авторами

Рис. 1. Распределение гостиниц на Северо-Восточном Кавказе

Developed by the authors

Fig. 1. Distribution of hotels in the Northeast Caucasus

давно Магас не может сравниться по обеспеченности гостиницами с другими городами региона. Для Дагестана характерно повышение плотности гостиниц как по берегу моря (преимущественно в районе Махачкалинской агломерации, Дербента и города Избербаша), так и в предгорьях (исторические села Гуниб и Чох), а также вблизи Сулакского каньона (Гергебельский, Гунибский и Хунзахский районы).

Распределение заведений общественного питания (см. рис. 2) отчасти схоже с распределением гостиниц. Наибольшая плотность заведений – по берегу Каспийского моря и в городах (Грозный, Махачкала, Дербент, Хасавюрт, Кизляр, Бабаюрт, Кизилюрт). Популярны среди туристов места (например, Чиркейское и Ирганайское водохранилища, Сулакский каньон, крупные национальные села) также лучше обеспечены заведениями общественного питания.

Схожие места в качестве наиболее популярных туристических локаций в Дагестане называют и опрошенные информанты – представители туристической отрасли региона. По их словам, за 2,5 года в республике сложились центры притяжения, где наблюдается повышенный (по сравнению с другими районами Дагестана) туристический поток.

Можно выделить следующие основные направления внутри Дагестана.

1. Сулакский каньон. Самый глубокий каньон Европы, расположенный в окрестностях Буйнакска, считается одной из «визитных карточек» Дагестана, и для большинства туристических компаний его посещение является обязательным пунктом программы даже в самых непродолжительных (3 дня / 2 ночи) экскурсионных турах. В первую очередь, каньон привлекал туристов как природная достопримечательность, однако в 2022 г. вокруг него появляются новые центры притяжения туристов. Среди них выделяются водохранилища, образованных на реке Сулак (Чиркейское и Ирганайское), на берегу которых строятся базы отдыха и коттеджи. По оценкам одного из информантов, поток туристов в прибрежное село Ирганай за 2022 г. вырос в 4 раза по сравнению с прошлым годом, благодаря появившимся в селе катерным базам.
2. Аварские горные села. Еще один обязательный пункт программы для большинства туроператоров региона – горные села, расположенные в Хунзахском (Хунзах), Гунибском (Гуниб, Чох, Карадах, Сотла) и Шамилском (Гоор) районах республики недалеко от Сулакского каньона. Поездки в эти села сочетают в себе посещение природных достопримечательностей (водопадов, ущелий, обзорных точек) с погружением в

аварскую культуру. Отдельно выделяется заброшенное село Гамсутль Гунибского района, руины которого с самого начала туристического бума в Дагестане пользуются большим туристическим спросом. Однако в 2022 г. многие туроператоры региона, несмотря на имеющиеся запросы со стороны отдыхающих, перестали посещать село. Связано это с угрозой его сохранности. Так, осенью 2022 г. в селе обрушилась древняя арка на въезде в аул. Село во многом потеряло свою аутентичность как заброшенное и безлюдное место, из-за чего туроператоры выбирают менее известные, но и менее загруженные туристами локации.

3. Дербент. Древнейший город России еще до пандемии COVID-19 привлекал туристов, однако туристический бум во всем Дагестане привел к значительному росту посетителей Дербента. По оценкам представителей городских властей, полученных в ходе полевого исследования, с 2019 г. количество гостей города выросло в 10 раз. Рост продолжался и далее: если за 2021 г. объем туристического потока оценивался местными властями в 200 тыс. человек, то к концу 2022 г. – до полумиллиона гостей. Обилие туристов в 2022 году фиксируют и жители города, столкнувшиеся на пике сезона с сильными пробками на въезде и выезде из Дербента, а также работающие в городе гиды, отмечающие повышенный спрос на свои услуги. Некоторые туроператоры на пике сезона планировали отменять экскурсии в Дербент из-за чрезмерной загруженности города.

Стоит отметить, что с началом туристического бума в Дербенте изменилась стандартная экскурсионная программа. Ранее, согласно опросам гидов, работающих в городе уже много лет, большинство экскурсионных групп заезжало в город для осмотра входящей в список всемирного наследия ЮНЕСКО крепости Нарын-кала, после посещения которой обедали местных ресторанах и уезжали. Однако сейчас туристы в основном приезжают в Дербент минимум на день, обычно либо в самом начале, либо в самом конце тура (так как город расположен далеко от других популярных локаций в Дагестане). Кроме крепости, гости города проявляют интерес к поездкам к морю, находящимся вдоль берега экранопланам, а также к экскурсиям по магалам – древним кварталам города. Как утверждают местные жители, до пандемии в магалах практически нельзя было встретить туристов, однако сейчас там уже открываются лавки с сувенирной продукцией и проводится комплексное благоустройство домов, улиц и мечетей.

4. Махачкалинская агломерация. Другое распространенное место начала или окончания тура по Дагестану – Махачкалинская агломерация,

Составлено авторами

Рис. 2. Распределение предприятий общественного питания на Северо-Восточном Кавказе

Developed by the authors

Fig. 2. Distribution of catering establishments in the Northeast Caucasus

включающая в себя Махачкалу и Каспийск. По признанию опрошенных организаторов, города включены в туры по причине близости к аэропорту и наличию гостиниц с хорошим (по сравнению с гостевыми домами в горах) сервисом. Несмотря на отсутствие в агломерации исторических достопримечательностей, отдельные туроператоры и экскурсоводы предлагают нишевые продукты, посвященные именно Махачкале: кроме стандартных прогулок по городу, это, например, экскурсии по «неформальной» Махачкале, по современным ремесленным цехам города или по махачкалинскому «самострою».

Что касается двух других регионов Северо-Восточного Кавказа, то, по оценкам опрошенных информантов, экскурсионный туризм, аналогичный дагестанскому, в Чечне и Ингушетии еще слабо развит. Существующие в регионах туристические продукты обычно подразумевают однодневные экскурсии с выездом из Махачкалы или Владикавказа; местная туристическая индустрия пока не настолько развита, как дагестанская. Экскурсии по региону обычно однодневные, что связано с небольшим количеством достопримечательностей и в целом маленькой площадью республик. Хотя эти утверждения мы знаем со слов только предпринимателей из Дагестана, имеющиеся картографические материалы также показывают низкую распространенность мест размещения вне чеченских и ингушских городов, а также более низкую концентрацию заведений индустрии гостеприимства в Назрани, Магасе и Грозном по сравнению с Махачкалой, Каспийском и Дербентом.

Характерно, что представленный выше перечень основных туристических локаций совпадает с высокой концентрацией гостиниц и ресторанов на картах Дагестана. И если в случае Махачкалинской агломерации это связано со статусом транспортно-узла, а Дербент исторически является местом притяжения туристов, то появление мест размещения и коллективного питания в 4-х горных аварских районах недалеко от реки Сулак связано с тем, что на этих территориях возник активный туристический спрос. Это подтверждают и владельцы гостевых домов: до 2020 г., когда начался туристический бум, мест размещения отдыхающих в селах было мало.

Но почему концентрация туристического бизнеса сложилась именно в аварских селах? Нельзя сказать, что это связано с тем, что данные районы были особенно готовы к притоку отдыхающих

– наблюдаемый в туристических центрах Дагестана острый дефицит рабочей силы показывает, что они изначально не были предрасположены к росту туристического потока. Не были эти территории и объектом особой государственной политики по развитию туризма – ни «Кавказ.РФ», ни региональные власти не совершали вложений в развитие индустрии гостеприимства. Хотя данные территории обладают достаточным количеством достопримечательностей, нельзя сказать, что они принципиально отличаются от остальных горных поселений Дагестана. Более того, некоторые организаторы туров отмечали, что у сел южного Дагестана (в особенности, Табасаранского и Ахтынского района) туристический потенциал даже выше, чем у Хунзаха и Гуниба – как из-за многочисленных архитектурных памятников и уникальной застройки сел, так из-за наличия сохранившихся ремесленных центров, а также из-за более высоких гор и живописных ландшафтов. Тем не менее, этот потенциал не реализован – из 10-ти изученных фирм, занимающихся организацией туров, лишь у 2-х есть продукты, включающие поездки в Южный Дагестан (кроме Дербента), причем у одной из них регион является лишь местом трекинг-маршрутов⁶, не требующих наличия гостиниц, ресторанов и постоянного организованного трансфера. Одна из фирм, руководитель которой в конце 2021 г. планировала создание новых маршрутов именно в Южном Дагестане, впоследствии столкнулась со сложностями и отказалась от этого проекта. Участники туриндустрии объяснили описанные выше различия между местами, где концентрируется и не концентрируется туристический бизнес следующими причинами:

- Расходы на транспорт. Южный Дагестан является наиболее удаленной от аэропорта частью республики – путь в одну сторону может занять 5–6 часов по не лучшей дороге. Аварские горные села, в свою очередь, расположены в 3-х часах езды от Махачкалы по асфальтированной трассе. Благодаря этому, туристическую программу можно сделать более насыщенной, поездку в эти села можно организовать как экскурсию одного дня с последующим возвращением в гостиницу Махачкалы или Каспийска. По схожим логистическим причинам центром «туристического кластера» в аварских горах стал Хунзах. Хотя это не самое колоритное село в регионе, вокруг него в радиусе 30-ти минут езды расположено большое количество достопримечательностей и возможностей для досуга, из-за чего турфирмам удобно селить своих клиентов именно там.

⁶Прим. Авторов: Трекинг – разновидность спортивного туризма, заключающаяся в пеших прогулках по пересеченной местности без использования специального оборудования.

- **Агломерационный эффект.** Туристические компании не предлагают отдыхающим туры в Южный Дагестан из-за того, что там не хватает туристической инфраструктуры, в первую очередь, гостевых домов и ресторанов. Таким образом, возникает агломерационный эффект – в аварских горных селах гораздо больше мест размещения и коллективного питания, благодаря чему организовывать туристический маршрут там легче, из-за чего там выше спрос на туристическую инфраструктуру, и потому там появляются новые гостиницы и рестораны.

- **Фактор «своего села».** По словам одного из информантов, фактором того, что туристы едут именно в аварские горные села, является происхождение основателей первых фирм в отрасли. Еще до начала туристического бума уроженцы Хунзаха и Гуниба открывали туристические фирмы и гостевые дома, рассчитанные на привлечение гостей из других регионов. Впоследствии, когда на туры по всему Дагестану появился спрос, им, за счет своих социальных связей, было удобно привозить туристов в свои родные села. Частично подтверждает эти слова тот факт, что одна из фирм-лидеров в регионе по объему туристического потока действительно основана уроженцами села Гуниб, а также то, что немногочисленные туристические компании, делающие туры по Южному Дагестану, зачастую основаны его уроженцами.

Предпочтения туристов. Еще одним объяснением этой ситуации является то, что туристы хотят посетить уже известные им по опыту своих друзей или по публикациям в интернете туристические места, преимущественно расположенные в аварских селах. Хотя на рынке существует сегмент покупателей, которые хотят посетить места, где туристов, наоборот, нет – такого рода клиенты являются скорее исключением; большинство хочет потреблять уже знакомый им туристический продукт.

- **Предпринимательская культура.** По мнению информантов, слабое развитие туризма в Южном Дагестане связано со специфичной предпринимательской культурой жителей. По сравнению с уроженцами Хунзаха и Гуниба, у которых в регионе репутация активных людей (подтверждающаяся тем, что местные предприниматели, не имея специального образования, смогли «с нуля» научиться создавать качественный и востребованный туристический продукт), жители Южного Дагестана в глазах организаторов туров представляются неспешными, непунктуаль-

ными и непредсказуемыми. С ними сложно взаимодействовать: не всегда можно предугадать, когда приедет машина для трансфера или когда состоится экскурсия.

Учитывая, что эти предположения не противоречат друг другу, можно сказать, что различия в спросе на поездки в конкретные районы Дагестана связаны с целым комплексом причин: и с особенностями бизнес-среды, и с той инфраструктурой, которая есть в районах, и с предпочтениями самих туристов.

Важно отметить, что не во всех ОЭЗ, получающих поддержку от государства, удалось добиться формирования туристической индустрии. Анализируя с помощью составленных карт туристические ОЭЗ, можно заметить, что, с точки зрения природного местоположения, они находятся в весьма удобных местах: горные долины с перепадом высот на большом протяжении. Это создает предпосылки для развития горнолыжного туризма и размещения всей необходимой для этого инфраструктуры – согласно имеющимся стандартам горнолыжных комплексов⁷, именно в таких условиях оптимально создание курорта.

Однако, несмотря на это, сколько-нибудь заметная деятельность в гостиничном секторе заметна лишь в зонах «Армхи» и «Ведучи». При этом Армхи существовал как место санаторного отдыха до начала кластерной политики с конца 1990-х гг. После создания ОЭЗ, в 2013 г. курортом заинтересовался частный инвестор – ингушский предприниматель из тейпа, родовых земель которого является поселок Армхи. Инвестор построил новые корпуса гостиницы, а за счет государственной корпорации «Курорты Северного Кавказа» в поселке была возведена канатная дорога и проложена горнолыжная трасса. Несмотря на наличие условий для катания, на сегодняшний момент туристическое предложение курорта преимущественно связано с летним отдыхом, а также с размещением спортсменов, использующих инфраструктуру Армхи (например, высокогорный бассейн) для проведения тренировочных сборов. Низкая вместимость местных гостиниц (160 мест размещения во всех гостиницах и гостевых домах), а также низкая транспортная доступность курорта (до него не ходит общественный транспорт, а сама дорога требует ремонта) приводит к тому, что построенная КСК инфраструктура не пользуется большим спросом. Более того, развитие курорта сдерживает нежелание местных жителей продавать свою землю внешним игрокам – хотя за последние годы

⁷ ГОСТ Р 55881-2016. Национальный стандарт Российской Федерации. Туристские услуги. Общие требования к деятельности горнолыжных комплексов. // Консультант Плюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=OTN&n=13294#8Xg9VbThvSQKzOr4> (дата обращения: 15.04.2023)

там появилось несколько новых гостевых домов, строительство крупных гостиниц под силу лишь якорному инвестору, который на текущий момент не собирается увеличивать вместимость курорта в несколько раз. При этом тот факт, что местные жители стараются сами создать места размещения отдыхающих, можно объяснить возникшим агломерационным эффектом: предприниматели скорее будут открывать свой бизнес там, где уже есть определенная инфраструктура, а у курорта есть репутация среди отдыхающих.

Что касается курорта Ведучи, то его создание связано с активной административной поддержкой на региональном уровне – на момент создания ОЭЗ там уже велось строительство⁸. При этом экономические показатели курорта (например, доходность от продажи ски-пассов – оплаты услуг подъемников), судя по отчету Счетной палаты⁹, серьезно уступают аналогичным ОЭЗ в Архызе и Эльбрусе, что, в том числе, связано с проблемами со снегом на курорте.

В других зонах предпринимательская активность практически не фиксируется. Курорт Цори, согласно заявлению первого вице-премьера Ингушетии Олега Фурсова, все еще проходит процесс согласования проекта строительства инфраструктурных объектов¹⁰. Не был реализован и проект горнолыжного курорта Матлас, строительство которого предполагалось в Хунзахском районе Дагестана. Хотя о создании курорта было заявлено еще в 2010 г., к 2020 г., по словам бывшего премьер-министра Дагестана Артема Здунова¹¹, в Матласе нет ни необходимой инфраструктуры (не только готовых горнолыжных трасс, но и газоснабжения), ни резидентов, готовых строить там гостиницы. Единого мнения, почему проект курорта в Хунзахском районе оказался настолько неудачным, нет. Как отмечается в отчете Счетной палаты о финансовой деятельности руководства курорта, долгое время земля для ОЭЗ «Матлас» остава-

лась в собственности региональных властей и не передавалась КСК, из-за чего институт развития не участвовал в создании курорта; сам регион не принимал участия в развитии курорта. Однако среди опрошенных информантов существует мнение, что с точки зрения природных условий (пологий склон) и организации землепользования территория «Матласа» серьезно уступает другим высокогорным районам Дагестана.

Схожая судьба постигла и «Каспийский прибрежный кластер». Согласно отчетам Счетной палаты, все выделенные на создание кластера деньги были потрачены на разработку перспективных планов развития территории. Причем, из-за длительности реализации проекта, многие работы уже успели потерять актуальность. Не были также согласованы показатели эффективности функционирования проекта. При этом, согласно опрошенным информантам, некоторой популярностью в регионе пользуется пляжный отдых при гостиницах, расположенных вне прибрежного кластера (функционирующего вне городских округов), а в крупных прибрежных городах (Каспийске, Дербенте и Избербаше). Опрошенные информанты объясняют это тем, что там вести бизнес проще, поскольку уже есть необходимые коммуникации, транспортная связь с основными достопримечательностями, а также рестораны и развлекательные комплексы. При этом даже в пределах городов из-за плохого экологического состояния Каспийского моря качество пляжного отдыха, по признанию информантов, оставляет желать лучшего. По словам главы Дагестана Сергея Меликова, эффективно работающие очистные сооружения в республике появились лишь в Дербенте, и то в конце 2022 г.¹² В остальных городах все стоки до сих пор сбрасываются в реки и Каспийское море, без какой-либо очистки. Все это делает пляжный отдых внутри Каспийского прибрежного кластера неконкурентоспособным по сравнению с другими морскими курортами России.

⁸ Стародубровская И., Казенин К., Ситкевич Д. Северный Кавказ: выбор стратегических ориентиров // Экономическая политика. 2021. № 3. С. 112–137. EDN: <https://elibrary.ru/wrynlo>. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2021-3-112-137>

⁹ Орлова С.Ю. Отчет о результатах контрольного мероприятия «Проверка целевого и результативного использования в 2018 году и истекшем периоде 2019 года средств федерального бюджета, направленных в уставный капитал акционерного общества «Курорты Северного Кавказа», а также реализации задач подпрограммы «Развитие туристического кластера в Северо-Кавказском федеральном округе» государственной программы Российской Федерации «Развитие Северо-Кавказского федерального округа» на период до 2025 года» // Счетная палата. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/4f2/4f21a9b7b701c3bddfe82b9cb0b4902e.pdf> (дата обращения: 15.04.2023)

¹⁰ Ингушетия попросила помочь в реализации проектов курортов «Армхи» и «Цори» // ИА REGNUM. URL: <https://regnum.ru/news/есопоту/3427813.html> (дата обращения: 15.04.2023)

¹¹ Дальнейшее развитие всесезонного туристского комплекса «Матлас» обсуждали в Правительстве Дагестана // Сайт Агентства по охране культурного наследия Республики Дагестан. URL: <http://dagnasledie.ru/respublikanskije-novosti/item/id/599> (дата обращения: 15.04.2023)

¹² Легких решений не бывает. Сергей Меликов в прямом эфире ответил на вопросы дагестанцев // Дагестанская правда. 2023. № 17-18. URL: <https://dagpravda.ru/politika/ljogkih-reshenij-ne-byvaet/> (дата обращения: 15.04.2023)

Нельзя при этом сказать, что проблемы с реализацией данных проектов связаны с их недофинансированием. Так, по данным Счетной палаты, на одну разработку планов по развитию Армхи, Матласа и Каспийского прибрежного кластера было потрачено более 200 млн рублей (что сопоставимо с аналогичными расходами на проектирование более удачного проекта курорта Архыз). Причина неудач заключается в комплексе факторов. Во-первых, как отмечает орган государственного аудита, развитие ОЭЗ требует взаимодействия управляющей компании (в данном случае, «Кавказ.РФ»), региональных и муниципальных властей, которое на момент проведения исследования не было достигнуто. Опрошенные информанты отмечают сохранение данной проблемы (особенно на муниципальном уровне), причем в Ингушетии она дополняется скромными бюджетами республиканского Комитета по туризму, из-за которого регион не способен оказать содействие в развитии отрасли. Во-вторых, статус ОЭЗ сам по себе не снимает описанные выше барьеры формирования туристической агломерации: от местной предпринимательской культуры (проявляющейся в том, что местные жители не готовы ни продавать свою землю чужакам, ни строить крупные гостиницы) до хронического недостатка инфраструктуры (в первую очередь, дорог).

Выводы

Проведенное исследование показало, что с начала бума внутреннего туризма на Северо-Восточном Кавказе сложилось несколько туристических центров, где наблюдается повышенная концентрация мест коллективного размещения и общественного питания. Хотя, частично, Махачкала, Дербент и горные аварские районы стали популярными среди отдыхающих из-за базовых туристических ресурсов (природных и культурных достопримечательностей), значительную роль сыграли и другие факторы: транспортная доступность, более развитая предпринимательская культура в муниципалитетах, предпочтения туристов по содержанию ту-

ристического продукта, а также агломерационный эффект. При этом, ни одна из этих территорий не получала поддержку от государства (за исключением Дербента, где, за счет средств меценатов, руководство города проводит серьезное обновление городской среды).

Что касается созданных государством ОЭЗ, то проведенное исследование показало, что статус «особой зоны» или «кластера» не гарантирует того, что на выделенных государством территориях обязательно появляется индустрия гостеприимства. Это наглядно видно на примере Каспийского прибрежного кластера: согласно информантам, большинство пляжных гостиниц в Дагестане расположено вне того пространства, которое государство выделило под создание новых курортов. Среди существующих на Северо-Восточном Кавказе ОЭЗ туристическая активность заметна лишь на курортах «Армхи», где гостиницы существовали еще до начала осуществления госполитики, и «Ведучи», которые дополнительно активно поддерживаются региональными властями.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что, для более эффективной кластерной политики, выделения потенциально привлекательной территории в отдельный «кластер» недостаточно, особенно если управляющей компанией кластера не налажена коммуникация с региональными властями, а также не решаются проблемы, стоящие перед перспективным курортом. При этом, учитывая, что эти проблемы обычно стоят сразу перед несколькими потенциальными туристическими дестинациями, оптимальным кажется создание условий, в которых не обособленные зоны, а весь регион сможет реализовать свой туристический потенциал. Так, устранение недостатка транспортной, инженерной и санитарной инфраструктуры могло бы снизить издержки на открытие туристического бизнеса в регионе, что, в результате, может также запустить агломерационный эффект, а отмечаемые в литературе риски «эффекта вытеснения» будут сокращены.

Список источников

1. *Cho V.* A study of the non-economic determinants in tourism demand // *International Journal of Tourism Research*. 2010. Vol. 12. Iss. 4. P. 307–320. <https://doi.org/10.1002/itr.749>
2. *Khadaroo J., Seetanah B.* Transport infrastructure and tourism development // *Annals of Tourism Research*. 2007. Vol. 34. Iss. 4. P. 1021–1032. <https://doi.org/10.1016/j.annals.2007.05.010>
3. *Chou M.C.* Does tourism development promote economic growth in transition countries? A panel data analysis // *Economic Modelling*. 2013. Vol. 33. P. 226–232. <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2013.04.024>
4. *Wang S., Yamada N., Brothers L.* A case study: Discussion of factors and challenges for urban cultural tourism development // *International Journal of Tourism Research*. 2011. Vol. 13. Iss. 6. P. 553–569. <https://doi.org/10.1002/itr.826>

5. *Besculides A., Lee M. E., McCormick P.J.* Residents' perceptions of the cultural benefits of tourism // *Annals of tourism research*. 2002. Vol. 29. Iss. 2. P. 303–319. [https://doi.org/10.1016/S0160-7383\(01\)00066-4](https://doi.org/10.1016/S0160-7383(01)00066-4)
6. *Enright M.J., Newton J.* Determinants of tourism destination competitiveness in Asia Pacific: Comprehensiveness and universality // *Journal of Travel Research*. 2005. Vol. 43. Iss. 4. P. 339–350. <http://doi.org/10.1177%2F0047287505274647>
7. *Navickas V., Malakauskaite A.* The Possibilities for the identification and evaluation of tourism sector competitiveness factors // *Engineering Economics*. 2009. Vol. 61. Iss. 1. P. 37–44. URL: <https://www.inzeko.ktu.lt/index.php/EE/article/view/11581> (дата обращения: 15.04.2023)
8. *Jovanović S., Ilić I.* Infrastructure As Important Determinant of Tourism Development in the Countries of Southeast Europe // *Ecoforum Journal*. 2016. Vol. 5. Iss. 1. P. 288–294. URL: <http://www.ecoforumjournal.ro/index.php/eco/article/view/329> (дата обращения: 15.04.2023)
9. *Thomas R., Long J.* Improving Competitiveness: Critical success factors for tourism development // *Local Economy*. 1999. Vol. 14. Iss. 4. P. 313–328. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/02690940008726507> (дата обращения: 15.04.2023)
10. Мишурицкий Д.В., Бредихин А.В. Рекреационно-геоморфологическое информационное обеспечение туристической деятельности // *Вестник Московского Университета. Серия 5: География*. 2020. № 4. С. 42–50. EDN: <https://elibrary.ru/wgodwl>
11. Божилина Е.А., Белова Д.А., Сорокина В.Н. Климатические карты для рекреации и туризма // *Вестник Московского Университета. Серия 5: География*. 2008. № 3. С. 19–23. EDN: <https://elibrary.ru/jvivol>
12. *Goh C.* Exploring impact of climate on tourism demand // *Annals of Tourism Research*. 2012. Vol. 39. Iss. 4. P. 1859–1883. <https://doi.org/10.1016/j.annals.2012.05.027>
13. *Hawkins J.P., Roberts C.M.* The growth of coastal tourism in the Red Sea: present and future effects on coral reefs // *Ambio*. 1994. Vol. 23. Iss. 8. P. 503–508. URL: <https://www.cabdirect.org/cabdirect/abstract/19951805298> (дата обращения: 15.04.2023)
14. Кипкеева П.А., Потапенко Ю.Я. Основные факторы обеспечения устойчивого туризма в Карачаево-Черкесии // *Вестник Московского Университета. Серия 5: География*. 2015. № 5. С. 76–81. EDN: <https://elibrary.ru/vskgsl>
15. *Li Z., Liu H.* How tourism industry agglomeration improves tourism economic efficiency? // *Tourism Economics*. 2022. Vol. 28. Iss. 7. P. 1724–1748. <https://doi.org/10.1177/13548166211009116>
16. *Su Y.-S., Hung L.-C.* Spontaneous vs. policy-driven: The origin and evolution of the biotechnology cluster // *Technological Forecasting and Social Change*. 2009. Vol. 76. Iss. 5. P. 608–619. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2008.08.008>
17. *Fernández-Tabales A., Foronda-Robles C., Galindo-Pérez-de-Azpillaga L., García-López A.* Developing a system of territorial governance indicators for tourism destinations // *Journal of Sustainable Tourism*. 2017. Vol. 25. Iss. 9. P. 1275–1305. <https://doi.org/10.1080/09669582.2016.1260136>
18. *Fundeanu D.D.* Innovative Regional Cluster, Model of Tourism Development // *Procedia Economics and Finance*. 2015. Vol. 23. P. 744–749. [https://doi.org/10.1016/S2212-5671\(15\)00501-8](https://doi.org/10.1016/S2212-5671(15)00501-8)
19. *Weiermair K., Peters M., Frehse J.* Success Factors for Public Private Partnership: Cases in Alpine Tourism Development // *Journal of Services Research*. 2008. Vol. 8. P. 7–21. URL: <https://www.cabdirect.org/cabdirect/abstract/20083138483> (дата обращения: 15.04.2023)
20. *Wray M.* Policy communities, networks and issue cycles in tourism destination systems // *Journal of Sustainable Tourism*. 2009. Vol. 17. Iss. 6. P. 673–690. <https://doi.org/10.1080/09669580903071979>
21. *Blackman A., Jewell B., Kuilboer A., Hyvonen T., Moscardo G., Foster F.* Factors Contributing to Successful Tourism Development in Peripheral Regions // *Journal of Tourism Studies*. 2004. Vol. 15. Iss. 1. P. 59–70. URL: <https://search.informit.org/doi/abs/10.3316/ielapa.200501369> (дата обращения: 15.04.2023)
22. *Banerjee O., Cicowiez M., Moreda A.* Evaluating the economic viability of public investments in tourism // *Journal of Benefit-Cost Analysis*. 2019. Vol. 11. Iss. 1. P. 101–130. <https://doi.org/10.1017/bca.2019.32>
23. Фонов А.Г., Бергаль О.Е. Территориальные кластеры как механизм пространственного развития экономики России // *Журнал экономической теории*. 2019. Т. 16. № 4. С. 673–687. EDN: <https://elibrary.ru/yripjij>. <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2019.16-4.6>
24. Аванесов С.С., Магомедов А.М. Потенциал развития экстремального туризма в Дагестане // *Вопросы структуризации экономики*. 2014. № 1. С. 294–296. EDN: <https://elibrary.ru/skcrfr>
25. *Lee Y.-J.A., Jang S., Kim J.* Tourism clusters and peer-to-peer accommodation // *Annals of Tourism Research*. 2020. Vol. 83. P. 102960. <https://doi.org/10.1016/j.annals.2020.102960>

Статья поступила в редакцию 15.04.2023; одобрена после рецензирования 09.06.2023; принята к публикации 12.06.2023

Об авторах:

Даниил Андреевич Ситкевич, кандидат экономических наук; научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанизма Института прикладных экономических исследований; научный сотрудник Лаборатории институционального анализа Экономического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; Researcher ID: AAD-1028-2019, Scopus Author ID: 57216731300

Андрей Сергеевич Коротков, магистрант Экономического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; Researcher ID: HTR-7756-2023

Вклад соавторов:

Ситкевич Д. А. – научное руководство; подбор научной литературы на тему кластерного развития; проведение полевого исследования; формулирование выводов и рекомендаций; подготовка итоговой версии текста.

Коротков А. С. – оформление текста; подбор научной литературы на тему географических характеристик развития туризма; анализ картографических данных, составление карт; контент-анализ официальных документов; перевод на английский язык.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

References

1. Cho V. A study of the non-economic determinants in tourism demand. *International Journal of Tourism Research*. 2010; 12(4):307–320. <https://doi.org/10.1002/jtr.749> (In Eng.)
2. Khadaroo J., Seetanah B. Transport infrastructure and tourism development. *Annals of Tourism Research*. 2007; 34(4):1021–1032. <https://doi.org/10.1016/j.annals.2007.05.010> (In Eng.)
3. Chou M.C. Does tourism development promote economic growth in transition countries? A panel data analysis. *Economic Modelling*. 2013; 33:226–232. <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2013.04.024> (In Eng.)
4. Wang S., Yamada N., Brothers L. A case study: Discussion of factors and challenges for urban cultural tourism development. *International Journal of Tourism Research*. 2011; 13(6):553–569. <https://doi.org/10.1002/jtr.826> (In Eng.)
5. Besculides A., Lee M.E., McCormick P.J. Residents' perceptions of the cultural benefits of tourism. *Annals of tourism research*. 2002; 29(2):303–319. [https://doi.org/10.1016/S0160-7383\(01\)00066-4](https://doi.org/10.1016/S0160-7383(01)00066-4) (In Eng.)
6. Enright M.J., Newton J. Determinants of tourism destination competitiveness in Asia Pacific: Comprehensiveness and universality. *Journal of Travel Research*. 2005; 43(4):339–350. <http://doi.org/10.1177%2F0047287505274647> (In Eng.)
7. Navickas V., Malakauskaite A. The Possibilities for the identification and evaluation of tourism sector competitiveness factors. *Engineering Economics*. 2009; 61(1):37–44. URL: <https://www.inzeko.ktu.lt/index.php/EE/article/view/11581> (accessed 15.04.2023) (In Eng.)
8. Jovanović S., Ilić I. Infrastructure As Important Determinant of Tourism Development in the Countries of Southeast Europe. *Ecoforum Journal*. 2016; 5(1):288–294. URL: <http://www.ecoforumjournal.ro/index.php/eco/article/view/329> (accessed 15.04.2023) (In Eng.)
9. Thomas R., Long J. Improving Competitiveness: Critical success factors for tourism development. *Local Economy*. 1999; 14(4):313–328. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/02690940008726507> (accessed 15.04.2023) (In Eng.)
10. Mishurinskij D.V., Bredikhin A.V. Recreational-Geomorphological Information Support of Tourist Activities. *Lomonosov Geography Journal*. 2020; (4):42–50. EDN: <https://elibrary.ru/wgodwl> (In Russ.)
11. Bozhilina E.A., Belova D.A., Sorokina V.N. Climatic maps for recreation and tourism. *Lomonosov Geography Journal*. 2008; (3):19–23. EDN: <https://elibrary.ru/jvivol> (In Russ.)
12. Goh C. Exploring impact of climate on tourism demand. *Annals of Tourism Research*. 2012; 39(4):1859–1883. <https://doi.org/10.1016/j.annals.2012.05.027> (In Eng.)
13. Hawkins J.P., Roberts C.M. The growth of coastal tourism in the Red Sea: present and future effects on coral reefs. *Ambio*. 1994; 23(8):503–508. URL: <https://www.cabdirect.org/cabdirect/abstract/19951805298> (accessed 15.04.2023) (In Eng.)

14. Kipkeeva P.A., Potapenko Yu.Ya. Principal Factors of Sustainable Tourism in the Karachai-Cherkess Republic. *Lomonosov Geography Journal*. 2015; (5):76–81. EDN: <https://elibrary.ru/vskgsl> (In Russ.)
15. Li Z., Liu H. How tourism industry agglomeration improves tourism economic efficiency? *Tourism Economics*. 2022; 28(7):1724–1748. <https://doi.org/10.1177/13548166211009116> (In Eng.)
16. Su Y.-S., Hung L.-C. Spontaneous vs. policy-driven: The origin and evolution of the biotechnology cluster. *Technological Forecasting and Social Change*. 2009; 76(5):608–619. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2008.08.008> (In Eng.)
17. Fernández-Tabales A., Foronda-Robles C., Galindo-Pérez-de-Azpillaga L., García-López A. Developing a system of territorial governance indicators for tourism destinations. *Journal of Sustainable Tourism*. 2017; 25(9):1275–1305. <https://doi.org/10.1080/09669582.2016.1260136> (In Eng.)
18. Fundeanu D.D. Innovative Regional Cluster, Model of Tourism Development. *Procedia Economics and Finance*. 2015; 23:744–749. [https://doi.org/10.1016/S2212-5671\(15\)00501-8](https://doi.org/10.1016/S2212-5671(15)00501-8) (In Eng.)
19. Weiermair K., Peters M., Frehse J. Success Factors for Public Private Partnership: Cases in Alpine Tourism Development. *Journal of Services Research*. 2008; 8:7–21. URL: <https://www.cabdirect.org/cabdirect/abstract/20083138483> (accessed 15.04.2023) (In Eng.)
20. Wray M. Policy communities, networks and issue cycles in tourism destination systems. *Journal of Sustainable Tourism*. 2009; 17(6):673–690. <https://doi.org/10.1080/09669580903071979> (In Eng.)
21. Blackman A., Jewell B., Kuilboer A., Hyvonen T., Moscardo G., Foster F. Factors Contributing to Successful Tourism Development in Peripheral Regions. *Journal of Tourism Studies*. 2004; 15(1):59–70. URL: <https://search.informit.org/doi/abs/10.3316/jelapa.200501369> (accessed 15.04.2023) (In Eng.)
22. Banerjee O., Cicowiez M., Moreda A. Evaluating the economic viability of public investments in tourism. *Journal of Benefit-Cost Analysis*. 2019; 11(1):101–130. <https://doi.org/10.1017/bca.2019.32> (In Eng.)
23. Fonotov A.G., Bergal O.E. Territorial Clusters as a Mechanism for Spatial Development of Russian Economy. *Russian Journal of Economic Theory*. 2019; 16(4):673–687. EDN: <https://elibrary.ru/ypipij>. <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2019.16-4.6> (In Russ.)
24. Avanesov S.S., Magomedov A.M. The potential for the development of extreme tourism in Dagestan. *Issues of structuring the economy*. 2014; (1):294–296. EDN: <https://elibrary.ru/skrfr> (In Russ.)
25. Lee Y.-J.A., Jang S., Kim J. Tourism clusters and peer-to-peer accommodation. *Annals of Tourism Research*. 2020; 83:102960. <https://doi.org/10.1016/j.annals.2020.102960> (In Eng.)

The article was submitted 15.04.2023; approved after reviewing 09.06.2023; accepted for publication 12.06.2023

About the authors:

Daniil A. Sitkevich, Candidate of Economic Sciences, Researcher in Center for Regional Studies and Urbanism, Institute for Applied Economic Research; Researcher, Laboratory for Institutional Analysis, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University; ResearcherID: AAD-1028-2019; Scopus Author ID: 57216731300

Andrei S. Korotkov, Master's student, Faculty of Economics; Researcher ID: HTR-7756-2023

Contribution of co-authors:

Sitkevich D. A. – scientific supervision; selection of scientific literature about cluster development; field research; formulation of conclusions and recommendations; preparation the final version of the text.

Korotkov A. S. – text preparation, selection of scientific literature about geographical characteristics of tourism development; analysis of cartographic data; content analysis of official documents; English translation.

All authors have read and approved the final manuscript.

Научная статья

УДК 332.12

JEL: O18, P25, R13

<https://doi.org/10.18184/2079-4665.2023.14.2.277-293>

Пространственный анализ показателей социально-экономического развития Ростовской области

Довлатова Галина Петровна¹, Каращенко Виктория Владимировна²

^{1,2} Шахтинский автодорожный институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова», Шахты, Россия

¹ dovlatyan79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5590-2314>

² v.v.karaschenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2607-5372>

Аннотация

Цель представленной статьи – выявление региональных точек экономического роста и инновационного развития Ростовской области на основе проведения пространственного анализа социально-экономических показателей.

Методы. В работе применялись классические методы исследования, такие как синтез и анализ, динамический метод, системно-структурный метод, сравнительный анализ, метод балльных оценок. В исследовании также использовались специфически-прикладные методы: пространственный анализ, геоинформационный мониторинг, рейтинговая оценка инновационной активности.

Сущность авторского подхода заключается в том, что для выявления точек роста регионального развития необходимо одновременное выполнение двух условий: 1) проведения пространственного анализа групп показателей с акцентом на инновационные показатели, 2) применения комплексного подхода к рассмотрению экономических, социальных и демографических (миграционных) показателей, отражающих специфику региональной экономики.

Результаты работы. В представленном исследовании определены точки роста экономики региона и инновационного развития организаций региона. Раскрыты особенности достижения равномерности экономик моногородов (бывших шахтерских городов). Сгруппированы блоки потенциальных ресурсов для функционирования региональных точек роста на основе анализа инновационных показателей.

Выводы. Проведение пространственного анализа дает возможность выявления региональных точек роста с ядром на инновационные показатели. Переход Ростовской области в сильнейшую группу инноваторов может осуществляться через выявленные точки роста по следующим видам деятельности: сельское хозяйство, транспортировка и хранение, строительство. В результате активизации точек роста произойдет позитивная трансформация структуры региональной экономики. Оценка стратегических программ по развитию территорий позволила выявить необходимость их своевременной корректировки с целью социально-экономического развития региона.

Ключевые слова: пространственный анализ, региональная экономика, экономическое развитие, рейтинговая оценка, инновационная активность, точки роста, Ростовская область

Благодарность. Авторы выражают благодарность редакции и рецензентам журнала за полезные замечания и советы по оформлению при подготовке статьи к публикации.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Довлатова Г. П., Каращенко В. В. Пространственный анализ показателей социально-экономического развития Ростовской области // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2023. Т. 14. № 2. С. 277–293

EDN: <https://elibrary.ru/juyewm>, <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2023.14.2.277-293>

© Довлатова Г. П., Каращенко В. В., 2023

Original article

Spatial analysis of indicators of socio-economic and innovative development of the Rostov region

Galina P. Dovlatova¹, Victoria V. Karashchenko²

^{1,2}Shakhty Automobile and Road Construction Institute (branch) of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "South-Russian State Polytechnic University (NPI) named after M. I. Platov"; Shakhty, Russia

¹dovlatyan79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5590-2314>

²v.v.karashchenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2607-5372>

Abstract

Purpose: is to identify regional points of economic growth and innovative development of the Rostov region on the basis of a spatial analysis of socio-economic indicators.

Methods: classical research methods were used in the work, such as synthesis and analysis, dynamic method, system-structural method, comparative analysis, scoring method. The study also used specific applied methods: spatial analysis, geoinformation monitoring, rating assessment of innovation activity.

The essence of the author's approach is that in order to identify the points of growth of regional development, two conditions must be fulfilled simultaneously: 1) conducting a spatial analysis of groups of indicators with an emphasis on innovative indicators, 2) applying an integrated approach to the consideration of economic, social and demographic (migration) indicators reflecting the specifics of the regional economy.

Results: the points of growth of the region's economy and innovative development of regional organizations are identified. The features of achieving uniformity of the economies of single-industry towns (former mining towns) are revealed. Blocks of potential resources for the functioning of regional growth points are grouped based on the analysis of innovative indicators.

Conclusions and Relevance: spatial analysis makes it possible to identify regional growth points with a core on innovative indicators. The transition of the Rostov region to the strongest group of innovators can be carried out through the identified growth points for the following types of activities: agriculture, transportation and storage, construction. As a result of the activation of growth points, there will be a positive transformation of the structure of the regional economy. The evaluation of strategic programs for the development of territories revealed the need for their timely adjustment for the purpose of socio-economic development of the region.

Keywords: spatial analysis, regional economics, economic development, rating assessment, innovative activity, growth points, Rostov region

Acknowledgments. The authors special thanks to the editors and reviewers of the journal for useful comments and advice on formatting when preparing the article for publication.

Conflict of Interest. The authors declare that there is no Conflict of Interest.

For citation: Dovlatova G. P., Karashchenko V. V. Spatial analysis of indicators of socio-economic and innovative development of the Rostov region. *MIR (Modernizatsiia. Innovatsii. Razvitiie) = MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2023; 14(2):277–293. (In Russ.)

EDN: <https://elibrary.ru/juyewm>. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2023.14.2.277-293>

© Dovlatova G. P., Karashchenko V. V., 2023

Введение

На современном этапе развития экономики России, в условиях неопределенности и риска, особое внимание следует уделить аналитике показателей социально-экономического и инновационного развития регионов для корректировки стратегических региональных программ. Таким образом, возникает необходимость проведения пространственного анализа показателей социально-экономического развития регионов. При этом требуется дополнительное исследование регионов и городов России, с определением важных стратегических показателей в соотношении с их размерами, численностью населения, отраслевыми детерми-

нантами, потоками миграции, и построением геоинформационной карты региона.

Заявленный авторский подход к исследованию научной проблемы имеет как теоретическую, так и практическую значимость. Прежде всего, по нашему мнению, это связано с трансформацией взаимосвязанных экономических и технологических процессов во внешней среде. Сегодня необходимы новое познание инновационных рычагов и поиск оптимальных решений с учетом пространственных форм развития для получения в конечном итоге экономического и социального эффектов (оценки уровня развития показателей каждого региона, города, отрасли). Требуется отдельная коррек-

тировка, контроль стратегических программ развития и определение взвешенных компетентных управленческих предложений единомышленников (научных сотрудников, практиков, специалистов органов государственной власти). В связи с этим возникает необходимость проведения детального пространственного анализа регионов, в том числе и Ростовской области, как важного экономического центра Юга России. Важно заметить, что пространственный анализ и рейтинговая оценка по предлагаемым стратегическим показателям в данных регионах проводились недостаточно.

Таким образом, в качестве объекта настоящего исследования выбрана Ростовская область. Целью исследования является выявление региональных точек экономического роста и инновационного развития Ростовской области с помощью пространственного анализа социально-экономических показателей развития региона.

В числе задач представленного исследования:

- проведение анализа социально-экономических показателей развития Ростовской области и аналогичных показателей других регионов Южного федерального округа России (Астраханской области, Республики Крым, Волгоградской области и Краснодарского края) на основе данных Росстата за 2020–2022 гг., а также инновационных показателей за 2000–2021 гг.;
- геоинформационное исследование основных демографических показателей (на примере города Шахты Ростовской области);
- группировка городов Ростовской области по уровню развития инновационной активности;
- выявление региональных точек экономического роста и инновационного развития Ростовской области;
- выделение блоков потенциальных ресурсов для функционирования региональных точек роста на основе анализа инновационных показателей.

Обзор литературы и исследований

В России, по мнению А. Гранберга, сформировалось 5 научных школ пространственной экономики с инструментарием пространственных подходов и методов анализа: дальневосточная, сибирская, уральская, московская и петербургская [1]. Вышеуказанные школы поддерживают сотрудничество с экономико-географическими научными школами.

Пространственный анализ, как современное междисциплинарное научное направление, формиру-

ется в рамках региональной экономики. Происходит объединение методологии региональной науки, экономической географии и пространственной экономики с принципами территориальной парадигмы. Пространственный анализ позволяет охватить характеристики региона как пространства (его инерционность и мобильность, консервативность и эластичность, рост и депрессивность, староосвоенность и пионерность, уникальность и типичность) [2].

Так, по нашему мнению, характеристики роста и депрессивности полностью определяют экономическое развитие Ростовской области по географическому расположению, из-за наличия угольного бассейна. Ядро региона и периферийность как пространственные характеристики проявлены в Ростовской области достаточно сильно. По заключительным выводам исследования Аналитического центра «Эксперт Юг» видно¹, что агломерационный эффект в Ростовской области работает как макрообразование, и агломерация концентрирует в себя ключевые региональные рынки. Территория агломерации развивается несбалансированно.

Исходным положением в развитии теории пространственной экономики является концепция экономического пространства как важной характеристики развития экономики регионов. Согласимся с мнением С.В. Макара, которая опирается на модель Г. Хотеллинга, и выводом, что на современном этапе необходимо изучать такие важные экономические категории как «равновесие» и «устойчивость» – ключевые атрибуты экономической теории [2]. В частности, это же касается понятия равновесной цены на отраслевых и региональных рынках. Первым экономистом, который провел анализ в данной области, был Г. Хотеллинг, предложивший в 1929 г. собственную модель линейно распределенного потребительского рынка [3]. В работе авторов Р. Феррейра да Кунья и А. Миссемер акцентируется внимание на переоценку правила Хотеллинга в современных условиях [4].

В русскоязычной литературе развитие идей пространственной экономики, пространственного развития территорий и агломераций отражается, например, в работах А.Ф. Аскерова и И.В. Бессмертного, З.Р. Ибрагимовой и Г.И. Япаровой-Абдулхаликовой, Д.И. Олифира [5–8].

Методика сравнительного анализа социально-экономического положения регионов, предложенная Е.А. Абрамовой и А.Н. Ильченко [9], была взята за основу проведения сравнительного анализа в настоящей статье.

¹ Меркулова О. Образ ростовской агломерации осложняют дисбалансы // Эксперт Юг. № 9. 22.08.2019. URL: <https://expertsouth.ru/articles/obraz-rostovskoy-aglomeratsii-oslozhnyayut-disbalansy/> (дата обращения: 13.04.2023)

Проблемы региональной конкурентоспособности, региональных диспропорций и кластерных акцентов поднимаются в работах О.В. Черненко с соавторами [10], С.В. Макар с соавторами [11]. Проблемы региональной экономики, социально-экономического и инновационного развития регионов с учетом рисков исследуются в работах авторов Г.С. Мерзликиной [12], С.Г. Левченко с соавторами [13] и др. [14–21]. Основные вопросы социально-экономического развития моногородов раскрыты, в частности, в работе Е.А. Абрамовой и А.Н. Ильченко [20]. Формирование системы пространственных полюсов роста исследуются в работах авторов Р.А. Абдуллаева и Мищенко К.Н. [22], И.В. Наумова и В.М. Седельникова [23]. В трудах А.В. Полянина с соавторами проведен обзор современных концепций региональных точек экономического роста и инновационного потенциала [24, 25].

Интересно, что в работах Р.А. Абдуллаева и К.Н. Мищенко, И.В. Наумова и В.М. Седельникова используется термин «полюс роста» [22, 23]. По нашему мнению, нельзя отождествлять термины «точка роста», «полюс роста» и «драйвер роста». «Полюс роста» связан более с географическими показателями, а «драйвер роста» – это механизм управления для стимула «точки роста».

Отметим, что, несмотря на множество научных работ, посвященных тематике пространственной экономики и развитию регионов, методология пространственного анализа находится в стадии научного преобразования.

Материалы и методы

Инновационным инструментом для формирования пространственной экономики в условиях политической и экономической неопределенности может стать «пространственный анализ», необходимый для социально-экономического развития и обеспечения стратегической устойчивости во всех регионах России. Осуществляется параллельная реализация двух типов интеграции: пространственной, когда объединяются усилия субъектов инновационной деятельности различных отраслей экономики, территорий, форм собственности, и временной, необходимой для обеспечения последовательности и взаимосвязи этапов инновационного процесса.

Для достижения региональных экономических и общественных интересов предлагается проведение пространственного анализа на основе мониторинга стратегических показателей, то есть измерения данных в динамике с другими регионами (включая географическое положение и показатели пространственного положения в статике на определенную дату и т.д.).

Динамический метод применяется для обоснованного прогнозирования и разработки стратегий развития региона.

Системно-структурный метод в рамках пространственного анализа позволяет выделить отдельные элементы объекта, обладающего системными свойствами, и установить связи (в этом подходе отсутствуют динамические характеристики как атрибуты объекта) [2].

Информационной базой явились данные Федеральной службы государственной статистики (далее – Росстат) за 2020–2022 гг. и региональной статистики по инновационным показателям за 2000–2021 гг. Нормативной базой исследования явились Стратегия социально-экономического развития Ростовской области на период до 2030 года и нормативные документы, действующие на Территориях опережающего социально-экономического развития.

Миграционные показатели по прибытию граждан из ДНР, ЛНР и других территорий были рассчитаны и отражены в аналитике внутренней миграции по г. Шахты Ростовской области.

Представлены результаты геоинформационного мониторинга на примере городов Ростовской области. Рейтинговая оценка по показателю «инновационная активность» проводилась выборочно в 19-ти городах Ростовской области: Таганроге, Шахтах, Сальске, Азове, Донецке, Новошахтинске, Аксае, Каменске-Шахтинском, Пролетарске, Волгодонске, Усть-Донецке, Зверево, Батайске, Миллерово, Гуково, Новочеркасске, Ростове-на-Дону, Белой Калитве, Красном Сулине.

Результаты исследования

Ростовская область обладает высоким научно-производственным, ресурсным и финансовым потенциалом.

Выгодное экономико-географическое расположение Ростовской области, развитая транспортная инфраструктура, высокая обеспеченность трудовыми ресурсами, отсутствие социальной напряженности исторически определили положение области как одного из крупнейших на юге страны центров многоотраслевой промышленности, развитого сельского хозяйства, науки, культуры.

По объему валового регионального продукта (ВРП) Ростовская область в 2020 г. находилась на 11-м месте среди регионов России (ВРП области составил 1,7 трлн руб.). В 2021 г. валовой региональный продукт, по оценке Министерства экономического развития Ростовской области, пла-

нировался к увеличению на 4,9% по сравнению с предыдущим периодом².

Рассмотрим динамику качественных и количественных показателей за 2020–2022 гг. с учетом региональной стратегической устойчивости на примере аналитики двух групп: экономической и социальной, в разрезе 5-ти регионов России: Ростовская область, Астраханская область, Республика Крым, Волгоградская область, Краснодарский край.

К экономической группе отнесены: уровень инновационной активности, объем инновационных товаров, индекс промышленного производства.

На рис. 1 показано, что лидирующую позицию по уровню инновационной активности занимает Ростовская область.

Рост уровня инновационной активности в 2021 г. по сравнению с 2020 г. варьировался с 17,6% до 27,6%, а объем отгруженных инновационных товаров, работ, услуг увеличился по сравнению с 2019 г. в 2,2 раза и достиг 140,7 млрд руб. в 2021 г. Ростовская область, по итогам 2021 г., заняла 1-е место в стране по удельному весу организаций, осуществляющих технологические инновации (43,0%).

Разработано авторами по материалам: Уровень инновационной активности организаций // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 13.04.2023)

Рис. 1. Уровень инновационной активности организаций за 2019–2021 гг., %

Developed by the authors based on materials: The level of innovative activity of organizations. Federal State Statistics Service. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (accessed: 13.04.2023) (In Russ.)

Fig. 1. The level of innovation activity of organizations for 2019–2021, %

По итогам 2021 г. уровень инновационной активности организаций Волгоградской области составил 8,8%, превысив прошлогоднее значение на 1,1%.

Уровень инновационной активности организаций в Краснодарском крае составил 6,3%. Увеличение показателя произошло на 1,0%.

В Республике Крым рост уровня инновационной активности в 2021 г. по сравнению 2020 г. составил 2,0%. Отметим, что в настоящий момент здесь происходит этап формирования ключевых элементов опорного каркаса инновационной региональной системы. Пространственная концентрация ключевых объектов инновационной инфраструктуры обнаруживается вокруг двух основных эко-

номических, политических и научных центров полуострова – Севастополя и Симферополя

Таким образом, у регионов есть возможности к развитию инноваций на предприятиях динамично развивающихся отраслей, и отраслевая региональная динамика это подтверждает. Вместе с тем, фрагментарно отмечается форсирование инновационных проектов для выполнения требований законов и регуляторов, а не для повышения операционной эффективности и выхода на новые рынки.

Ко второй, социальной группе отнесены: численность безработных и численность рабочей силы, уровень заработной платы в 5-ти регионах России.

² Экономика Ростовской области // Официальный портал Правительства Ростовской области. URL: <https://www.donland.ru/activity/12/> (дата обращения: 13.04.2023)

На рис. 2 показано, что численность безработных по всем анализируемым регионам снизилась, но наибольшее снижение произошло в Волгоградской области.

На рис. 3 показана динамика численности рабочей силы по рассматриваемым субъектам Российской Федерации. По данному показателю за отчетный период лидирует Краснодарский край, Ростовская область занимает 2-е место.

На рис. 4 показана двухлетняя динамика уровня заработной платы в Ростовской, Астраханской, Волгоградской областях, в Краснодарском крае и Республике Крым.

По данному показателю за отчетный период лидирует Краснодарский край. Среднемесячная начисленная заработная плата наемных работников в 2021 г. составила 34492 руб., в 2022 г. – 38280 руб. Темп роста составил 110,9%.

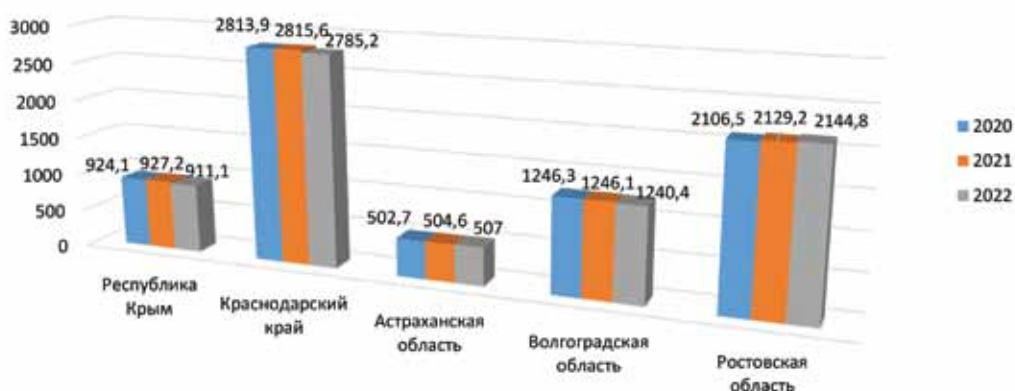

Разработано авторами по материалам: Трудовые ресурсы, занятость и безработица // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 13.04.2023)

Рис. 2. Динамика численности безработных в возрасте 15–72 лет по субъектам Российской Федерации за 2020–2022 гг., млн чел.

Developed by the authors based on materials: Labor resources, employment and unemployment. Federal State Statistics Service. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (accessed: 13.04.2023) (In Russ.)

Fig. 2. Dynamics of the number of unemployed aged 15–72 years in the subjects of the Russian Federation for 2020–2022, million people

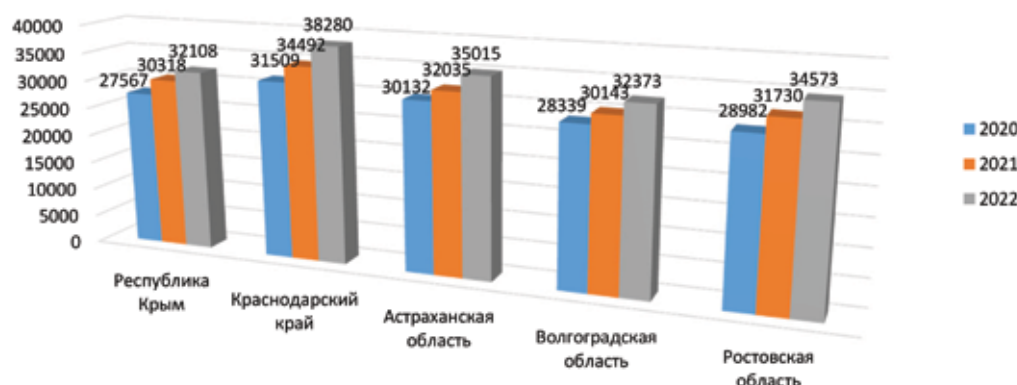

Разработано авторами по материалам: Трудовые ресурсы, занятость и безработица // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 13.04.2023)

Рис. 3. Численность рабочей силы в возрасте 15–72 лет по субъектам Российской Федерации за 2020–2022 гг., тыс. человек

Developed by the authors based on materials: Labor resources, employment and unemployment. Federal State Statistics Service. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (accessed: 13.04.2023) (In Russ.)

Fig. 3. The number of the workforce aged 15–72 years in the subjects of the Russian Federation for 2020–2022, thousand people

Разработано авторами по материалам: Рынок труда, занятость и заработная плата // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения: 13.04.2023)

Рис. 4. Уровень среднемесячной начисленной заработной платы наемных работников с 2020–2022 гг., тыс. руб.

Developed by the authors based on materials: Labor market, employment and wages. Federal State Statistics Service. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (accessed: 13.04.2023) (In Russ.)

Fig. 4. The level of the average monthly accrued salary of employees from 2020–2022, thousand rubles

Средняя зарплата в Ростовской области по итогам 2022 г. составила 34573 руб. Данный показатель в регионе за год вырос почти на 9,5%.

К отдельной пространственной группе отнесем показатель миграционного прироста. По оценке Росстата, численность населения Ростовской области на начало 2022 г. составила 4149,8 тыс. человек³. Эпидемиологическая ситуация в мире оказала влияние на тенденции демографического развития как Ростовской области, так и страны в целом: показатели смертности увеличиваются и, соответственно, растет естественная убыль населения.

В Ростовской области в 2022 г. зарегистрирован отток населения. За это время количество покинувших регион превысило число прибывших на 680 человек. В 2021 г. зафиксирован рост прибывших в Ростовскую область на 12,3 тыс. человек. В 2022 г. миграционные показатели оцениваются как негативные, и прослеживается связь с политическими факторами.

Перейдем к анализу качественных и количественных показателей миграции по г. Шахты Ростовской области, выполненному по данным отчетности Де-

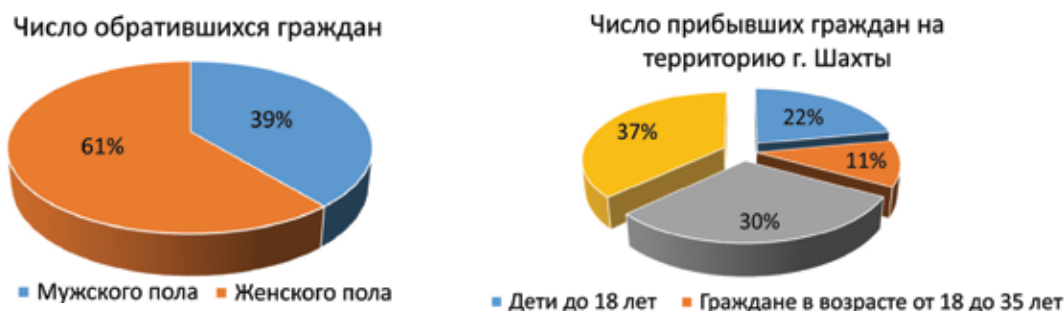
партаменты труда и социального развития Администрации города Шахты.

Следует отметить, что анализ данных показал оформление единовременной материальной помощи в размере 10 тыс. руб.⁴ – ее получили 24799 граждан, вынужденно покинувшие место постоянного проживания в связи с проведением СВО, что составило 10,95% от численности населения города Шахты. Далее, анализируя полученную информацию по показателям, было выявлено следующее: число обратившихся – 15019 граждан женского пола, 9780 – мужского. Из 24799-ти граждан, прибывших на территорию города, 5340 человек – дети до 18-ти лет, 2611 граждан – в возрасте от 18-ти до 35-ти лет, 7 598 – в возрасте от 36-ти до 60-ти лет, 9250 – старше 60-ти лет (рис. 5). Итого, трудоспособное население прибыло в количестве 17208 человек, что составило 69,3% от всех прибывших на территорию города.

Далее проведем оценку социально-экономического развития в городах Ростовской области. Выберем города Ростовской области и распределим их по трем зонам инновационной активности в части реализации инициативных проектов:

³ Официальный портал Правительства Ростовской области. URL: <http://www.donland.ru/activity> (дата обращения: 13.04.2023)

⁴ Постановление Правительства Ростовской области от 19.02.2022 №75 «О порядке расходования средств областного бюджета за счет иных межбюджетных трансфертов, предоставленных бюджету Ростовской области на финансовое обеспечение реализации мер социальной поддержки граждан, постоянно проживавших на территории Украины, вынужденно покинувших территорию Украины и прибывших на территорию Российской Федерации (Ростовская область) в экстренном массовом порядке в 2022 году». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/6100202202190003?index=3&rangeSize=1> (дата обращения: 12.04.2023)

Разработано авторами по материалам: Внутренняя отчетность Департамента труда и социального развития г. Шахты.

Рис. 5. Число обратившихся и прибывших граждан в г. Шахты

Developed by the authors based on the materials: Internal reporting of the Department of Labor and Social Development of Shakhty.

Fig. 5. The number of citizens who applied and arrived in the Shakhty

- зеленая – благоприятные условия (от 50 до 100 баллов);
- желтая – удовлетворительные условия (от 20 до 49 баллов),
- красная зона – города с недостаточными условиями (19 баллов и ниже).

В табл. 1 представлена оценка, которая проводилась на основании рейтинга инициативных проектов муниципальных образований (в рейтинговых местах) по состоянию на 31.12.2022 г., при этом рейтинговые места переводились в баллы при соотношении максимального места (179 место) и баллов (максимальное 179-е место – 100 баллов).

Из табл. 1 видно, что по данному качественному показателю лидируют 11 городов Ростовской области. Удовлетворительные условия присутствуют в 6-ти городах, в том числе и периферийных. Выявлены проблемные территории Ростовской области: бывший моногород Зверево и многопрофильный город Новочеркасск.

На рис. 6 пространственно отмечены города Ростовской области, которые были исследованы по показателю «инновационная активность» и поделены на три группы. Результаты геоинформационного исследования отражают полную геоинформационную картину по развитию инновационной активности в регионе. Анализ данных проводился на основе экспертного метода и рейтингово-балльной оценки по состоянию на 31.12.2022 г.

По уровню инновационной активности моногород Зверево относится к третьей группе, недостаточ-

ных условий для развития, несмотря на то что на его территории действует программа по ТОСЭР с 2018 г.⁵ Однако программа не реализуется в полной мере. Требования к инвестиционным проектам по данной программе – не менее 2,5 млн руб. На наш взгляд, необходимо уменьшение минимального объема капитальных вложений – путем снижения планки в 2,5 млн руб. и расширения перечня видов экономической деятельности (18 разрешенных видов экономической деятельности для резидентов).

Главным фактором развития региона является равномерность экономики его территорий от ядра к границам рынка. Таким образом, для развития Ростовской области необходимо достижение равномерности экономик моногородов (бывших шахтерских городов). Города-спутники Ростова-на-Дону, Батайск и Аксай, также создают неравномерность экономики на региональных рынках.

Сгруппируем экономические показатели в единый комплекс критериев отбора потенциальных точек роста экономики региона.

1. Число организаций, выполнявших исследования и разработки, и их темп роста.
2. Численность персонала, занятого исследованиями и разработками.
3. Объем отгруженной инновационной продукции организации по видам экономической деятельности.
4. Объем инновационных товаров, работ, услуг.

⁵ Территория опережающего социально-экономического развития в моногороде Зверево // Официальный портал Правительства Ростовской области. URL: <https://www.donland.ru/activity/432/> (дата обращения: 12.04.2023)

Таблица 1

**Рейтинговая оценка городов Ростовской области по корректировке условий для развития
инновационной активности, баллы**

Table 1

**Rating assessment of the cities of the Rostov region on the adjustment of conditions for the development
of innovative activity, points**

Условия для развития инновационной активности					
Благоприятные (от 50 до 100)		Удовлетворительные (от 20 до 49)		Недостаточные (19 и ниже)	
город	2022	город	2022	город	2022
1	2	3	4	5	6
Азов	95	Белая Калитва	46	Зверево	19
Пролетарск	89	Красный Сулин	39	Новочеркасск	12
Таганрог	76	Новошахтинск	20		
Шахты	59	Аксай	45		
Сальск	57	Миллерово	44		
Батайск	84	Усть-Донецк	30		
Волгодонск	100				
Гуково	58				
Донецк	74				
Каменск-Шахтинск	80				
Ростов-на-Дону	100				

Составлено авторами по материалам: Отчеты о реализации инициативных проектов в муниципальных образованиях Ростовской области в 2022 году // Официальный портал Правительства Ростовской области. URL: <https://www.donland.ru/result-report/1655/> (дата обращения: 11.04.2023)

Developed by the authors based on materials: Reports on the implementation of initiative projects in the municipalities of the Rostov region in 2022. Official portal Governments of the Rostov region. URL: <https://www.donland.ru/result-report/1655/> (accessed: 11.04.2023) (In Russ.)

5. Затраты организаций на инновационную деятельность.

Динамика вышеуказанных показателей приведена далее, на рис. 7–10.

Так, на рис. 7 показана тенденция снижения численности персонала, занятого исследованиями и разработками в рассматриваемом регионе в период 2000–2021 гг., что требует особого внимания со стороны управленческих и регулятивных структур. Отток персонала произошел в смежные отрасли. Наибольшее снижение происходит в категории «вспомогательный персонал».

На рис. 8 показан рост уровня инновационной активности организаций Ростовской области на конец 2021 г. (в %) при снижении удельного веса затрат на инновационную деятельность, что объясняется применением новых технологий производства и повышением интенсивности работы персонала, занятого исследованиями и разработками.

На рис. 9 показана идентичная тенденция роста объема инновационных товаров при одновременном снижении затрат, в млн руб.

На рис. 10, среди прочих, показан наиболее инновационный вид экономической деятельности –

«обрабатывающие производства». На последнем месте по объему инновационной продукции находится издательская деятельность.

Для оценки плотности инновационного пространства к расчету принимаются следующие удельные показатели, рассчитанные на 1 тыс. км², которым присвоены условные названия:

1. Плотность инновационного производства, млн руб./тыс. км²;
2. Плотность численности исследователей, чел./тыс. км²;
3. Плотность инвестиций в основной инновационный капитал, млн руб./тыс. км².

Указанные условные названия показателей, по мнению авторов, можно внести в методологию Росстата, для формирования раздела «Наука, инновации и технологии».

Рассчитаем вышеуказанные пространственные показатели.

Так, плотность инновационного пространства Ростовской области составила:

- в 2019 г. – 621,7 млн руб./тыс. км²;

Разработано авторами.

Рис. 6. Результаты геоинформационного исследования в городах Ростовской области по развитию инновационной активности за 2022 г.

Developed by the authors.

Fig. 6. The results of geoinformation research in the cities of the Rostov region on the development of innovation activity in 2022

- в 2020 г. – 1058,9 млн руб./тыс. км²;
- в 2021 г. – 1395,4 млн руб./тыс. км², что соответствует средней плотности лидеров-инноваторов.

Рассчитаем плотность численности исследователей Ростовской области чел./тыс. км²:

- 2019 г. – 119 чел./тыс. км²;
- 2020 г. – 118 чел./тыс. км²;
- 2021 г. – 111 чел./тыс. км².

Как следует из табл. 2, прямая зависимость, предполагающая изменения в одном и том же направлении, между показателями не наблюдается. Напротив, можно отметить достаточно высокую плотность инновационного пространства Ростовской области и низкие значения плотности численности исследователей, со снижением темпа роста. Положительной тенденцией можно считать при-

влечение в научные изыскания и разработки ученых в возрасте до 39-ти лет.

На основе анализа концепций региональных точек роста и прикладных особенностей экономики региона выявлено 4 блока потенциальных точек роста.

Первый блок связан с рациональным и эффективным использованием природно-сырьевого ресурса и разработкой эффективной системы ресурсосбережения в регионе. Область имеет ресурсный потенциал топливно-энергетического, строительного, теплоизоляционного, металлургического, агрохимического и рудного сырья.

Второй блок сопряжен с привлечением в регион инвестиционных ресурсов с уменьшением «входных» инвестиций, с учетом фактора неопределен-

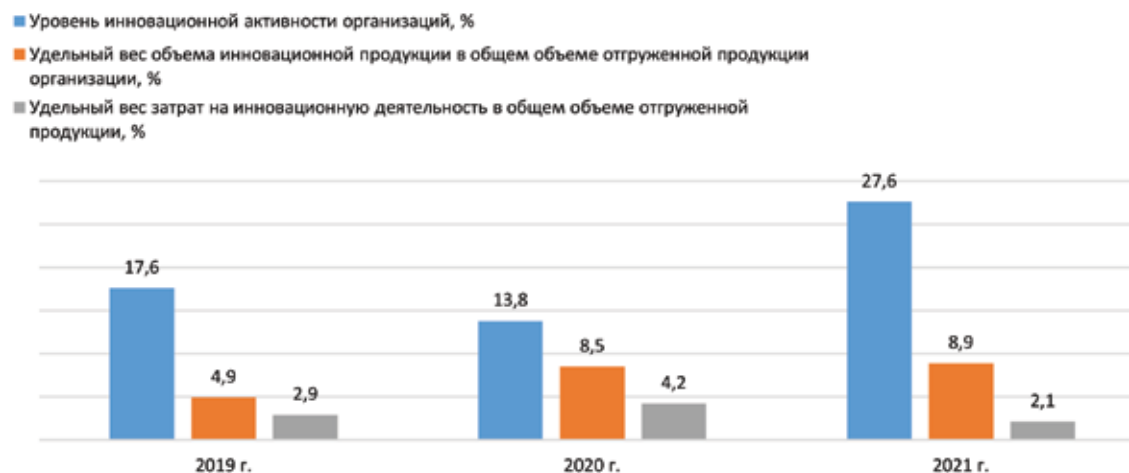

Разработано авторами по материалам: Наука, инновации и технологии // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (дата обращения: 13.04.2023)

Рис. 7. Численность персонала, занятого исследованиями и разработками за период 2000–2021 гг., тыс. человек

Developed by the authors based on materials: Science, innovation and technology. Federal State Statistics Service. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (accessed: 13.04.2023) (In Russ.).

Fig. 7. The number of personnel engaged in research and development for the period 2000–2021, thousand people

Разработано авторами по материалам: Наука, инновации и технологии // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (дата обращения: 13.04.2023)

Рис. 8. Основные показатели инновационной деятельности организаций Ростовской области в период 2019–2021 гг., %

Developed by the authors based on materials: Science, innovation and technology. Federal State Statistics Service. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (accessed: 13.04.2023) (In Russ.).

Fig. 8. Key indicators of innovation activity of organizations in Rostov region during the period 2019–2021, %

ности и риска. По объему накопленных инвестиций Ростовская область должна сохранить фундаментальный потенциал и прирастить прогнозный инвестиционный потенциал в стратегические точки роста. В данном блоке необходим выбор отраслей и видов деятельности, выявленных в качестве точек

роста. Анализ данных, приведенных на рис. 10, показал, что точками роста могут быть следующие виды экономической деятельности: сельское хозяйство, транспортировка и хранение, строительство. Потенциал рынка платных услуг в Ростовской области является одним из самых высоких среди субъ-

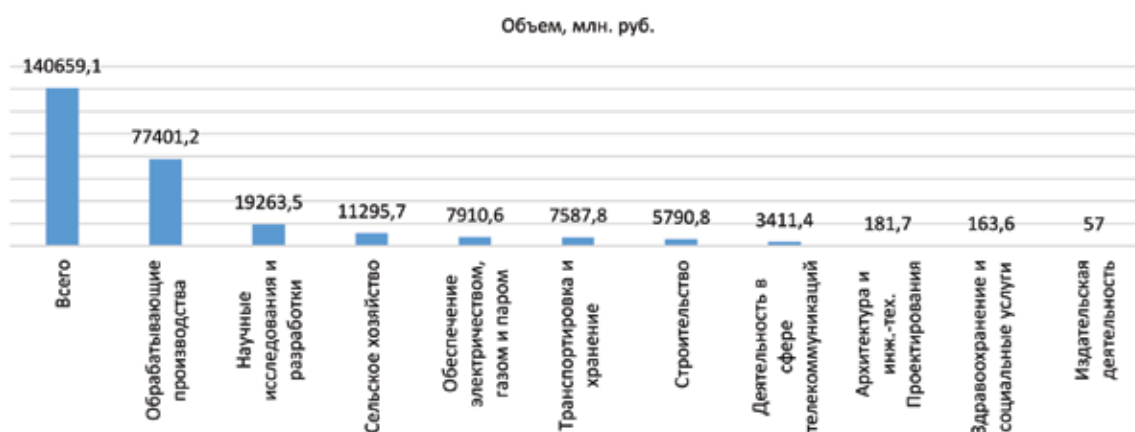

Разработано авторами по материалам: Наука, инновации и технологии // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (дата обращения: 13.04.2023)

Рис. 9. Основные показатели инновационной деятельности организаций Ростовской области в период 2019–2021 гг., млн руб.

Developed by the authors based on materials: Science, innovation and technology. Federal State Statistics Service. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (accessed: 13.04.2023) (In Russ.)

Fig. 9. The main indicators of innovation activity of organizations in Rostov region in the period 2019–2021, million rubles

Разработано авторами по материалам: Наука, инновации и технологии // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (дата обращения: 13.04.2023).

Рис. 11. Объем отгруженной инновационной продукции организации по видам экономической деятельности в 2021 г., млн руб.

Developed by the authors based on materials: Science, innovation and technology. Federal State Statistics Service. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (accessed: 13.04.2023) (In Russ.)

Fig. 11. The volume of shipped innovative products of the organization by the types of economic activity in 2021, million rubles

ектов ЮФО, следовательно, «новая точка роста» может формироваться на стыке производственного и непроизводственного потенциала (продукт + услуга).

Третий блок связан с инновационной активностью и общим объемом имеющихся и потенциальных финансовых ресурсов от государства, кредитных учреждений и коммерческих предприятий, с предоставлением налоговых льгот последним.

Четвертый блок нацелен на управленческое воздействие на запуск новых программ и активизацию действующих, а также развитие человеческих ресурсов в регионе.

Выводы

Исследованная авторами динамика социально-экономических показателей, посредством проведения пространственного анализа с учетом

Таблица 2

Анализ пространственных показателей инновационного развития Ростовской области

Table 2

Analysis of spatial indicators of the innovative development of the Rostov region

Пространственные показатели	2019	2020	2021	Темп роста, %	
				2021 г. к 2019 г.	2021 г. к 2020 г.
1. Плотность инновационного пространства, млн руб./тыс. км ²	621,7	1 058,9	1 395,4	227,7	131,8
2. Плотность численности исследователей, чел./тыс. км ²	119	118	111	93,3	94,1

Разработано авторами.

Developed by the authors.

стратегической устойчивости регионов, доказала их важность для достижения инновационного развития регионов России.

Помимо стандартных показателей целесообразно анализировать и отрицательные показатели. Как свидетельствует китайский опыт внедрения инноваций, введение новых «отрицательных» показателей и критериев (отказ от доли рынка, уменьшение срока жизни инновационных продуктов) может стимулировать инновационное развитие и мотивировать инновационное поведение.

Выделенные в экономическую группу инновационные показатели деятельности организаций позволили определить, что в разрезе регионов России Ростовская область является лидером средней группы. Попадание в сильнейшую группу инноваторов может происходить через выявленные точки роста по следующим видам деятельности: сельское хозяйство, транспортировка и хранение, строительство. В результате активизации точек роста произойдет позитивная трансформация структуры региональной экономики.

Геоинформационное исследование основных демографических показателей продемонстрировало, что в Ростовской области в 2022 г. зарегистрирован отток населения, тогда как в 2021 г. был зафиксирован рост приехавших в Ростовскую область на 12,3 тыс. человек. Поэтому в 2022 г. миграционные показатели оцениваются как негативные, и здесь прослеживается связь с политическими факторами.

Анализ городов Ростовской области по инновационной активности и распределение их по трем зонам благоприятности условий показали необходимость активизации инновационной активности в бывшем моногороде Зверево и многопрофильном городе Новочеркасск.

По результатам анализа пространственных показателей инновационного развития удалось выявить

тенденции, противоречащие друг другу (снижение численности персонала, занятого исследованиями и разработками, и, в то же время, рост уровня инновационной активности организаций). Это можно объяснить тем, что некоторые отрасли оказались резистентными к спаду экономики в период 2020–2021 гг. через получение государственных субсидий по отдельным программам, а также повышение потенциала цифровизации. Анализ пространственных показателей (плотность инновационного пространства, плотность численности исследователей) продемонстрировал свою эффективность, следовательно, можно рекомендовать включить эти данные в показатели Росстата и отчетные формы.

Для выявления и региональных точек роста были использованы в комплексе 4 блока (природно-сырьевой, инвестиционный, инновационный и управленческий). В случае масштабных инновационных проектов вышеуказанные блоки могут быть расширены – с опорой на имеющийся собственный социально-экономический потенциал и учетом воздействия межрегионального мультипликационного эффекта от привлечения инвестиций в регион.

Анализ программ социально-экономического развития Ростовской области и Стратегии социально-экономического развития Ростовской области на период до 2030 года показал необходимость корректировки:

- сценариев развития инвестиционной сферы (в новые полюсы роста области);
- перечня разрешенных видов деятельности по программе, действующей на ТОЭСР (Гуково, Донецк, Зверево);
- программы социально-экономического развития малых и средних городов;
- кластерных инициатив Ростовской области, без превращения последних в «квазикластеры» и проекты «на выходе»;

- отраслевых приоритетов, путем усиления их пространственными и структурными приоритетами.

Перспективы дальнейших исследований связаны с постоянным проведением пространственного анализа и контролем основных показателей раз-

вития регионов как агломераций, осуществлением мониторинга целевых социально-экономических показателей, разработкой комплексных программ по развитию территорий, поддержкой инновационного развития регионов и обеспечением их стратегической устойчивости.

Список источников

1. Гранберг А.Г. Становление в России научного направления «Пространственная экономика» // Вестник университета. 2009. № 26-2. С. 18–24. EDN: <https://elibrary.ru/kwjoyp>
2. Макара С.В. Пространственный анализ: развитие концепции и возможностей применения // Вестник Финансового университета. 2012. № 2(68). С. 61–72. EDN: <https://elibrary.ru/oxdiwj>
3. Hotelling H. Stability in Competition // The Economic Journal. 1929. Vol. 39. № 153. P. 41–57. <https://doi.org/10.2307/2224214>
4. Ferreira da Cunha R., Missemmer A. The Hotelling rule in non-renewable resource economics: A reassessment // Canadian Journal of Economics. 2020. Vol. 53. № 2. P. 800–820. <https://doi.org/10.1111/caje.12444>
5. Аскеров А.Ф., Бессмертный И.В. Сущность пространственного развития территории: подходы к определению // Московский экономический журнал. 2022. Т. 7. № 6. С. 49. EDN: <https://elibrary.ru/ziibri>. https://doi.org/10.55186/2413046X_2022_7_6_372
6. Ибрагимов З.Ф., Япарова-Абдулхаликова Г.И. Вклад российских ученых в исследование пространственной экономики // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2017. № 2(20). С. 48–56. EDN: <https://elibrary.ru/wbdpcp>
7. Олифир Д.И. Сравнительный анализ пространственных структур московской и Санкт-Петербургской агломераций // Пространственная экономика. 2022. Т. 18. № 1. С. 73–100. EDN: <https://elibrary.ru/ijaxjx>. <https://doi.org/10.14530/se.2022.1.073-100>
8. Олифир Д.И. Фракталы в инновационной кластерной модели пространственного развития городских агломераций // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2021. Т. 10. № 1(34). С. 240–243. EDN: <https://elibrary.ru/pzooyo>. <https://doi.org/10.26140/anie-2021-1001-0058>
9. Абрамова Е.А., Ильченко А.Н. Методика сравнительного анализа социально-экономического положения регионов // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. 2009. № 3. С. 5–14. EDN: <https://elibrary.ru/mkvbfz>
10. Chernenko O.B., Mishchenko K.N., Konovalov A.A., Naumov S.A., Li A.S. Elimination of imbalances in territorial development as a condition for regional competitiveness // In: Modern global economic system: evolutionary development vs. revolutionary leap: Institute of Scientific Communications Conference. Vol. 198. Cham: Springer Nature, 2021. P. 2187–2196. EDN: <https://elibrary.ru/xkdnuu>. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-69415-9240>
11. Makar S.V., Khasheva Z.M., Yarasheva A.V. Management update of macro-regional reproduction of production factors: cluster accents of regional space development // Advances in research on Russian business and management. 2019. Vol. 1. P. 587–597. EDN: <https://elibrary.ru/kdbffe>
12. Мерзликина Г.С. Инновационное развитие региона: новые критерии-показатели оценки // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: экономика. 2020. № 3. С. 7–18. EDN: <https://elibrary.ru/jxqerf>. <https://doi.org/10.24143/2073-5537-2020-3-7-18>
13. Левченко С.Г., Бурак П.И., Касимов Л.Б. Выбор приоритетных направлений социально-экономического развития на региональном уровне (на примере Иркутской области) // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2020. № 2. С. 94–101. EDN: <https://elibrary.ru/snlmiv>. <https://doi.org/10.25586/RNU.V9276.20.02.P.094>
14. Бурак П.И., Топилин А.В. Трансформация системы стратегического планирования социально-экономического развития страны и регионов: поиск новых методов и организационных решений // Вестник РАН. 2021. Т. 21. № 2. С. 4–10. EDN: <https://elibrary.ru/snzwpv>. <https://doi.org/10.52531/1682-1696-2021-21-2-4-10>
15. Nosova S.S., Gerasimenko T.I., Makar S.V., Medvedeva O.E. Innovative territorial cluster as a promising factor of sustainable economic development of Russian steppe regions // In: IOP conference series: earth and environmental science: 9, Orenburg, 2021. P. 012077. EDN: <https://elibrary.ru/kfvvgl>. <https://doi.org/10.1088/1755-1315/817/1/012077>

16. Мищенко К.Н., Елецкий А.Н. Анализ потенциала и перспектив инновационного развития региона в условиях глобализации мировой экономики (на примере Ростовской области) // Региональная экономика: теория и практика. 2018. Т. 16. № 12(459). С. 2335–2348. EDN: <https://elibrary.ru/ypowpz>.
<https://doi.org/10.24891/re.16.12.2335>
17. Сухинин А.В. Прогнозирование тенденций социально-экономического развития (на примере г. Краснодар) // Донецкие чтения 2021: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Материалы VI международной научной конференции. Донецк: ДНУ, 2021. Т. 5. Ч. 1. С. 256–258.
EDN: <https://elibrary.ru/vacdpc>
18. Строев П.В., Пивоварова О.В., Макарь С.В. Стратегическое управление развитием территории опережающего социально-экономического развития // Самоуправление. 2020. № 4(121). С. 56–63.
EDN: <https://elibrary.ru/eaqjdb>
19. Макарь С.В., Дудник А.И., Глазунова С.А. Основные ограничения и риски для социально-экономического развития территорий с низкой финансовой устойчивостью // Креативная экономика. 2021. Т. 15. № 11. С. 4165–4182. EDN: <https://elibrary.ru/eicmex>. <https://doi.org/10.18334/ce.15.11.113763>
20. Абрамова Е.А., Ильченко А.Н. Основные проблемы и тенденции социально-экономического развития моногородов России // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. 2010. № 3(23). С. 8–13.
EDN: <https://elibrary.ru/mwivtr>
21. Kiseleva I.A., Gasparian M.S., Chernysheva E.N., Dolgaya A.A., Androshina I.S. Advanced technologies and engineering systems: innovation and investment risks // Journal of advanced research in dynamical and control system. 2020. Vol. 12. Iss. S3. P. 1416–1423. EDN: <https://elibrary.ru/hsocaq>.
<https://doi.org/10.5373/JARDCS/V12SP3/20201393>
22. Абдуллаев Р.А., Мищенко К.Н. Исследование теоретико-методических основ концепции территориального развития региона и формирования системы полюсов роста Ростовской области // Региональная экономика: теория и практика. 2017. Т. 15. № 5(440). С. 802–813. EDN: <https://elibrary.ru/yndocn>.
<https://doi.org/10.24891/re.15.5.802>
23. Наумов И.В., Седельников В.М. Межрегиональные взаимосвязи на рынке молочной продукции России: пространственные полюса роста // Journal of new economy. 2021. Т. 22. № 3. С. 103–124.
EDN: <https://elibrary.ru/pogdog>. <https://doi.org/10.29141/2658-5081-2021-22-3-6>
24. Полянин А.В., Проняева Л.И. Современная концепция региональных точек экономического роста // Регион: системы, экономика, управление. 2020. № 2(49). С. 24–33. EDN: <https://elibrary.ru/eswzde>.
<https://doi.org/10.22394/1997-4469-2020-49-2-24-33>
25. Migunova G.S., Polyanin A.V., Popadyuk T.G., Poltoryhina S.V. Innovative potential of Russian regions: analysis of formation of regional clusters connected by technological chains // International Journal of Supply Chain Management. 2020. Vol. 9. Iss. 4. P. 78–83. EDN: <https://elibrary.ru/jbhdgn>

Статья поступила в редакцию 13.04.2023; одобрена после рецензирования 22.05.2023; принята к публикации 09.06.2023

Об авторах:

Галина Петровна Довлатова, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Экономика и управление»;
Researcher ID ABG-5301-2020; Scopus Author ID: 57216611127

Виктория Владимировна Карашенко, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Экономика и управление»;
Researcher ID: ABG-5689-2020; Scopus Author ID: 57213310632

Вклад соавторов:

Довлатова Г. П. – научное руководство; проведение критического анализа материалов и формирование выводов; подготовка начального варианта текста; развитие методологии; сбор данных и доказательств.

Карашенко В. В. – перевод на английский язык; проведение критического анализа материалов и формирование выводов; подготовка начального варианта текста; развитие методологии; сбор данных и доказательств.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

References

1. Granberg A.G. The formation of the scientific direction "Spatial economics" in Russia. *Vestnik Universiteta*. 2009; (26-2):18–24. EDN: <https://elibrary.ru/kwjoyp> (In Russ.)
2. Makar S.V. Spatial analysis: concept and application possibilities development. *Bulletin of the Financial University*. 2012; (2(68)):61–72. EDN: <https://elibrary.ru/oxdiwj> (In Russ.)
3. Hotelling H. Stability in Competition. *The Economic Journal*. 1929; 39(153):41–57. <https://doi.org/10.2307/2224214> (In Eng.)
4. Ferreira da Cunha R., Missemmer A. The Hotelling rule in non-renewable resource economics: A reassessment. *Canadian Journal of Economics*. 2020; 53(2):800–820. <https://doi.org/10.1111/caje.12444> (In Eng.)
5. Askerov A.F., Bessmertnyi I.V. The essence of spatial development of the territory: approaches to definition. *Moscow Economic Journal*. 2022; 7(6):49. EDN: <https://elibrary.ru/ziibri>. https://doi.org/10.55186/2413046X_2022_7_6_372 (In Russ.)
6. Ibragimova Z.F., Yaparova-Abdulhalikova G.I. Contribution of Russian scientists in research of spatial economics. *Bulletin of USNTU. Science, education, economics. Series: economics*. 2017; (2(20)):48–56. EDN: <https://elibrary.ru/wbdpcp> (In Russ.)
7. Olifir D.I. Comparative analysis of the spatial structures of the Moscow and St. Petersburg agglomerations. *Spatial Economics*. 2022; 18(1):73–100. EDN: <https://elibrary.ru/ijaxjx>. <https://doi.org/10.14530/se.2022.1.073-100> (In Russ.)
8. Olifir D.I. Fractals in the innovative cluster model of spatial development of urban agglomerations. *Azimut of scientific research: economics and administration*. 2021; 10(1(34)):240–243. EDN: <https://elibrary.ru/pzoyuo>. <https://doi.org/10.26140/anie-2021-1001-0058> (In Russ.)
9. Abramova E.A., Ilchenko A.N. The comparison analysis method of socio-economic position of regions. Modern high technologies. *Regional application*. 2009; (3):5–14. EDN: <https://elibrary.ru/mkvbfz> (In Russ.)
10. Chernenko O.B., Mishchenko K.N., Konovalov A.A., Naumov S.A., Li A.S. Elimination of imbalances in territorial development as a condition for regional competitiveness. In: *Modern global economic system: evolutionary development vs. revolutionary leap: Institute of Scientific Communications Conference*. Vol. 198. Cham: Springer Nature, 2021. P. 2187–2196. EDN: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46846044>. https://doi.org/10.1007/978-3-030-69415-9_240 (In Eng.)
11. Makar S.V., Khasheva Z.M., Yarasheva A.V. Management update of macro-regional reproduction of production factors: cluster accents of regional space development. *Advances in research on Russian business and management*. 2019; (2019):587–597. EDN: <https://elibrary.ru/kdbffe> (In Eng.)
12. Merzlikina G.S. Regional innovative development: new criteria as indicators of assessment. *Vestnik of Astrakhan State Technical University. Series: Economics*. 2020; (3):7–18. EDN: <https://elibrary.ru/jxqerf>. <https://doi.org/10.24143/2073-5537-2020-3-7-18> (In Russ.)
13. Levchenko S.G., Burak P.I., Kasimov L.B. Choosing priority areas for the socio-economic development of the Russian regions (on the example of the Irkutsk region). *Bulletin of the Russian New University. Series: Man and Society*. 2020; (2):94–101. EDN: <https://elibrary.ru/snlmiu>. <https://doi.org/10.25586/RNU.V9276.20.02.P.094> (In Russ.)
14. Burak P.I., Topilin A.V. Transformation of the strategic planning system of socio-economic development of the country and regions: search for new methods and organizational decisions. *Bulletin of the Russian academy of natural sciences*. 2021; 21(2):4–10. EDN: <https://elibrary.ru/snzwpv>. <https://doi.org/10.52531/1682-1696-2021-21-2-4-10> (In Russ.)
15. Nosova S.S., Gerasimenko T.I., Makar S.V., Medvedeva O.E. Innovative territorial cluster as a promising factor of sustainable economic development of Russian steppe regions. In: *IOP conference series: earth and environmental science*. 9, Orenburg, 2021. P. 012077. EDN: <https://elibrary.ru/kfvvgl>. <https://doi.org/10.1088/1755-1315/817/1/012077> (In Eng.)
16. Mishchenko K.N., Eeletsii A.N. Regional innovation development potential and prospects under the world economy globalization: some evidence from the Rostov oblast. *Regional economics: theory and practice*. 2018; 16(12(459)):2335–2348. EDN: <https://elibrary.ru/ypowpz>. <https://doi.org/10.24891/re.16.12.2335> (In Russ.)
17. Sukhinin A.V. Forecasting trends in socio-economic development (on the example of Krasnodar). In: *Donetsk readings 2021: education, science, innovation, culture and challenges of modernity. Materials of the VI International Scientific Conference*. Donetsk: DNU, 2021; 5(1):256–258. EDN: <https://elibrary.ru/vacdpc> (In Russ.)
18. Stroev P.V., Pivovarova O.V., Makar S.V. Strategic management of territory of advanced socio-economic development. *Samoupravlenie*. 2020; (4(121)):56–63. EDN: <https://elibrary.ru/eajdjb> (In Russ.)

19. Makar S.V., Dudnik A.I., Glazunova S.A. The main limitations and risks for the socio-economic development of territories with low financial stability. *Creative Economy*. 2021; 15(11):4165–4182. EDN: <https://elibrary.ru/eicmex>. <https://doi.org/10.18334/ce.15.11.113763> (In Russ.)
20. Abramova E.A., Ilchenko A.N. The main problems and tendencies of Russian monocities socio-economic development. Modern high technologies. *Regional application*. 2010; 3(23):8–13. EDN: <https://elibrary.ru/mwivtr> (In Russ.)
21. Kiseleva I.A., Gasparyan M.S., Chernysheva E.N., Dolgaya A.A., Androshina I.S. Advanced technologies and engineering systems: innovative and investment risks. *Journal of perspective research in the field of dynamics and control systems*. 2020; 12(S3):1416–1423. EDN: <https://elibrary.ru/hsocaq>. <https://doi.org/10.5373/JARDCS/V12SP3/20201393> (In Eng.)
22. Abdullaev R.A., Mishchenko K.N. A research into the theoretical and methodological foundations of the concept of regional development and the formation of growth poles of the Rostov oblast. *Regional economics: theory and practice*. 2017; 15(5(440)):802–813. EDN: <https://elibrary.ru/yndocn>. <https://doi.org/10.24891/re.15.5.802> (In Russ.)
23. Naumov I.V., Sedelnikov V.M. Interregional relationships in the Russian dairy market: spatial growth poles. *Journal of the New Economy*. 2021; 22(3):103–124. EDN: <https://elibrary.ru/pogdog>. <https://doi.org/10.29141/2658-5081-2021-22-3-6> (In Russ.)
24. Polyani A.V., Pronyaeva L.I. Modern concept of regional points of economic growth. *Region: systems, economy, management*. 2020; 2(49):24–33. EDN: <https://elibrary.ru/eswzde>. <https://doi.org/10.22394/1997-4469-2020-49-2-24-33> (In Russ.)
25. Migunova G.S., Polyani A.V., Popadyuk T.G., Poltoryhina S.V. Innovative potential of Russian regions: analysis of formation of regional clusters connected by technological chains. *International Journal of Supply Chain Management*. 2020; 9(4):78–83. EDN: <https://elibrary.ru/jbhdgn> (In Eng.)

The article was submitted 13.04.2023; approved after reviewing 22.05.2023; accepted for publication 09.06.2023

About the authors:

Galina P. Dovlatova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economics and Management; Researcher ID: ABG-5301-2020; Scopus Author ID: 57216611127

Victoria V. Karashchenko, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economics and Management; Researcher ID: ABG-5689-2020; Scopus Author ID: 57213310632

Contribution of co-authors:

Dovlatova G. P. – scientific guidance; critical analysis of materials and the formation of conclusions; preparation of the initial version of the text; development of methodology; collection of data and evidence.

Karashchenko V. V. – English translation; critical analysis of materials and the formation of conclusions; preparation of the initial version of the text; development of methodology; collection of data and evidence.

All authors have read and approved the final manuscript.

Original article

УДК 332.1+316.2:331.1:108

JEL: J11, J24, J41

<https://doi.org/10.18184/2079-4665.2023.14.2.294-315>

The Socio-spatial stratagems of human capital development in the Southern Federal Districts of Russia

Gilbert Mabiala¹, Dmitriy V. Linskiy², Evgeniy A. Maslich³,
Irina V. Bairakova⁴, Elena V. Romaniuk⁵

¹⁻⁵ V. I. Vernadsky Crimean Federal University; Simferopol, Russia

¹ gilmabiala@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-5310-2399>

² linskydv@rambler.ru, <http://orcid.org/0000-0003-1267-4697>

³ maslich.76@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6516-5231>

⁴ Bairakova67@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3374-8176>

⁵ rommania@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8153-8571>

Abstract

Purpose: is to substantiate promising strategies for sustainable development of human capital in the current conditions of the demographic crisis on the basis of scientific generalization of key social and spatial aspects of the formation, use and accumulation of human capital.

Methods: the application of expert-rating methods based on the Lorentz curve and the Gini index to determine the reasons for the disparities in personal income is done in addition to the use of conventional and specific approaches.

Results: the research examines the existing situation of human capital and defines strategic means of promoting its growth. The findings of the analysis of trends in human development parameters, which are one of the factors ensuring macroeconomic growth and competitiveness in the South Federal Districts of Russia and should be based on various socio-spatial development strategies, are presented. A self-sufficient socio-spatial-economic system and human capital, which provide competitive advantages, are the foundations of sustainable economic development. The key factors influencing the state of human capital and the trends of its integral indicators show low rates of socio-spatial development.

Conclusions and Relevance: the research findings revealed certain negative tendencies in human capital indicators, which point to the necessity for rethinking and additional inventive adjustments to the system of social and spatial management. The work-out of mechanisms for the regulation of imbalances in its development, reversing trends in the narrowing of the labour market, developing socio-spatial programs for institutional support and regulation of labour migration, and spatial human development are among the strategies for human capital that are proposed as the top priorities.

Keywords: stratagem, human potential, human development index, socio-spatial development, comparative asymmetry, labour migration, demographic factors

Conflict of Interest. The Authors declare that there is no Conflict of Interest.

For citation: Mabiala G., Linskiy D. V., Maslich E. A., Bairakova I. V., Romaniuk E. V. The Socio-spatial stratagems of human capital development in the Southern Federal Districts of Russia. *MIR (Modernizatsiia. Innovatsii. Razvitie) = MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2023; 14(2):294–315. (In Eng.)

EDN: <https://elibrary.ru/mpdoah>. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2023.14.2.294-315>

© Mabiala G., Linskiy D. V., Maslich E. A., Bairakova I. V., Romaniuk E. V., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

Научная статья

Социально-пространственные стратегии развития человеческого капитала в Южном федеральном округе России

Мабиала Жильберт¹, Линский Дмитрий Викторович²,
Маслич Евгений Александрович³, Байракова Ирина Викторовна⁴,
Романюк Елена Витальевна⁵

¹⁻⁵ Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского; Симферополь, Россия

¹ gilmabiala@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-5310-2399>

² linskydv@rambler.ru, <http://orcid.org/0000-0003-1267-4697>

³ maslich.76@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6516-5231>

⁴ Bairakova67@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3374-8176>

⁵ rommania@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8153-8571>

Аннотация

Цель статьи состоит в обосновании перспективных стратегий устойчивого развития человеческого капитала в сложившихся условиях демографического кризиса на основе научного обобщения ключевых социальных и пространственных аспектов формирования, использования и накопления человеческого капитала.

Методы. Наряду с традиционными и специфическими методами научного поиска, в работе применены методы экспертно-рейтинговой оценки, основанные на кривой Лоренца и индексе Джини, для определения причин диспропорций в распределении личных доходов и асимметричности тенденций развития человеческого капитала. Эти методы дополняют традиционные расчетно-графические приемы.

Результаты работы. В исследовании изучается состояние воспроизводства и накопления человеческого капитала, а также определяются перспективные стратегические пути обеспечения его развития. Представлены результаты анализа трендов показателей человеческого развития. Это один из факторов обеспечения макроэкономического роста и конкурентоспособности регионов Южного федерального округа России. Процесс должен основываться на различных стратегиях социально-пространственного развития. Базисом устойчивого экономического развития регионов ЮФО являются самодостаточная социально-экономическая пространственная система и человеческий капитал, который обеспечивает конкурентные преимущества. Однако ключевые факторы, влияющие на состояние человеческого капитала и тренды его развития, демонстрируют низкие темпы социально-пространственного развития.

Выводы. В результате исследования определены отрицательные тренды некоторых показателей развития человеческого капитала, которые свидетельствуют о необходимости переосмысления и дальнейшего инновационного изменения системы социального и пространственного управления в стране. Предложены приоритетные пути устойчивого развития человеческого капитала, в частности, формирование механизма государственного регулирования диспропорций его развития; преодоление тенденций сужения рынка труда; формирование социально-пространственных программ налаживания институциональной поддержки и регулирования внешней трудовой миграции и пространственного человеческого развития и др., которые, на наш взгляд, входят в число важнейших компонентов стратегий развития человеческого капитала региона.

Ключевые слова: стратегия, человеческий потенциал, индекс человеческого развития, социально-пространственное развитие, сравнительная асимметрия, трудовые миграции, демографические факторы

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Мабиала Ж., Линский Д. В., Маслич Е. А., Байракова И. В., Романюк Е. В. Социально-пространственные стратегии развития человеческого капитала в Южном федеральном округе России // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2023. Т. 14. № 2. С. 294–315

EDN: <https://elibrary.ru/mpdoah>. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2023.14.2.294-315>

© Мабиала Ж., Линский Д. В., Маслич Е. А., Байракова И. В., Романюк Е. В., 2023

Introduction

Human capital has become one of the key determinants of the potential to reach the required volumes of the gross regional product under the prevailing socio-spatial conditions. However, the concept of "human capital" is relatively new in economic theory,

and approaches to assessing human capital, its contribution to socioeconomic growth, socio-spatial development, and its management at the meso-level have not been thoroughly researched and are being developed in response to modern realities. Trends in all qualitative and quantitative indices of human capital have an impact on Russian socio-spatial and

economic development. A persistent decline in the demographic parameters of Russia as a whole and its regions in particular characterizes these tendencies.

Under these conditions, there is a shift in the socio-spatial paradigm of society: low-skilled labour depreciates while entry barriers to the market for high-skilled employees grow due to technical complexity, and social stratification accelerates.

Human participation in social production amid the demographic crisis, as well as the digitization of economic processes, necessitate complicated tasks in order to build an environment that delivers the required quality of human capital. Human potential development is a multi-vector strategy to address human needs, develop life skills, and offer opportunities for improvement, creativity and societal realization.

The subject of paying more attention to the factors of socio-spatial development of human capital comes as a result of regional divergence, local concentrations of high-quality labour, distinct scientific and technological potentials, internal migration limits. This is critical for improving labour productivity, limiting internal migration, and developing regional development strategies.

The issues of reducing the negative impact of transformational processes on the formation and use of human capital, as well as the search for opportunities for its social and spatial development, remain extremely relevant while considering the relationship between the level of regional socioeconomic development and the degree of differentiation, on the one hand, and the quality of human capital, on the other hand.

The study is aimed at generalising the main social and spatial aspects of the formation, use and accumulation of human capital to substantiate promising strategies for their use as the main factors of its development at the meso-economic level. Given the trends in economic digitalization, as well as the change of methods to its development and human capital development (HCD) connected with these processes, many economists highlight the necessity to increase the rate of real sector production.

Several scientific studies have formed the position that the socio-spatial human capital development is systematically implemented through the evolution of digital transformation in various socio-economic, functional-demographic, and differential-educational processes, as well as other trends in the formation and improvement of the labour market on an innovative basis. Therefore, the directions for the social and spatial development of human capital available in the scientific literature need to be clarified.

In these settings, the scientific and practical generalizations of socio-spatial elements of human

capital formation, functioning and accumulation are very significant. In the context of this essay, we have covered three important points:

- defined the essence of the stratagem as a socio-historical, economic category that reflects a solid, well-calculated sequence of activities aimed at performing a certain task or reaching an implicit goal, while considering the object's psychological tendencies and other considerations [1];
- the essence of human capital is defined, as includes not only the population's total knowledge, educational and professional characteristics (total human capital) but also spiritual, psychophysical and demographic qualities, as well as human development capital without improvement, which is unthinkable [2, 3];
- determining the necessary conditions for the preparation and successful implementation of stratagems: the ability to calculate moves and anticipate their consequences; knowledge of the economic, demographic and psychological characteristics of those against whom the plan is aimed; and the persistence of the plan's author in stratagem implementation [4, 5].

The most important idea is to identify the main drivers of human capital development in the modern socio-economic space, taking into account digital realities. The authors propose to use methodological approaches to the study of systems of predictive scenarios for the development of socio-spatial human capital for the formation of effective, functioning human capital, introduce various forms and mechanisms for its further regulation.

Literature Review

The socio-spatial features of HCD were considered in the works studied by domestic and foreign researchers such as A.L. Borshch and A.R. Zharova [2], A.L. Kekkonen, A.V. Simakova and I.S. Stepus [3], V.V. Stofarandova, M-G.O. Omarov [6], as well as many foreign researchers such as Y. Wang and Chao Ni [7], Z. Fang, J. Zhu and R. Deng [8], S.G. Shulgin and Yu.V. Zinkina [9] and other.

The proposed by many authors approach provides a computational, mathematical and empirical apparatus to interpret current trends and indicators of human capital development, making it possible to substantiate strategies for sustainable human development in modern conditions. A comprehensive analysis of the factors influencing the trends in human capital formation and use in the SFD is needed.

Human capital is extremely important in terms of the strategic development of a country. At the same time, it is considered from two analytical positions [10]:

- from a microeconomic point of view, human capital is essential for increasing labour productivity

through education, advanced training, and the level of education of people of working age;

- from a macroeconomic point of view, human capital is a key factor in ensuring the cumulative impact of the labour factor in the regional economy, contributing to technological innovation and sustainable economic growth.

We can identify the key drivers of human capital development, which are the driving force of sustainable socio-spatial development, based on the literature [2, 4]. Among them are socioeconomic and political circumstances; labour market conditions; higher and additional professional education and training; employee motivation; employee health and maintenance resources; social and financial circumstances; social and cultural contexts; psychological state, etc.

The strategic approaches to the development of various spheres of the state aim to integrate Russia into the Eurasian community. A human-centric approach and a system to ensure high standards of living are essential for achieving high human potential. This vision is also based on global approaches to human development, and human capital, which are regularly researched and analyzed in human development reports based on calculations of various parameters: the human development index (HDI), the human capital index, the index of social development, etc.

"Human capital" refers to the ability and efficiency of people's activities in the production of consumer goods, and it is widely recognized that these skills can be acquired through the education system [8, 9]. Even though the scientific essence of human capital is clear, the development of an integral indicator of the socio-spatial development of human capital becomes an important point [10].

In the context of the objectives of this work, an important point is the study of theoretical and practical aspects of the content and significance of the socio-spatial HCD and the identification of the main factors influencing the dynamics of its main determinants. It is important to determine the content and main provisions of the socio-spatial development of labour resources to ensure their sustainability. The emergence of the study on spatial development problems is primarily related to an understanding of limited resources and an awareness of the necessity for their optimal utilization under existing conditions, which are determined by specific areas, zones, influencing variables, and geographical features.

L.M. Borshch explains that the scientific methodology for determining and analyzing economic categories involves referring to terminology already included in the system of economic knowledge. The category "spatial development" has unique features of the

fundamental categories "space" and "development", which presuppose the existence of an ordered organization. The integral category "spatial development" is broad and vague in its scientific interpretation due to its philosophical, mathematical, physical, humanitarian, and other approaches to its essence [2].

"G. Leybnits came closest to a static understanding of space, concluding that space cannot exist outside matter and material processes" [3]. "According to I. Kant, space is not an empirical category that can be derived from external experience. The understanding of space is a representation that underlies all contemplations" [6].

The broadest definition of the category "space" was developed by L.M. Borshch, who separately investigated its interpretation from the following five standpoints (approaches): the philosophical-physical approach, the mathematical approach, the geographical approach, the socio-humanitarian approach, and the philosophical-epistemological viewpoint [2].

"Explaining the meaning of the category "space", the most clearly defined definition is given by A.I. Kekkonen, A.V. Simakova, and I.S. Stepus, who interpret space as "...a set that consists of elements of any nature, in which their limiting relations are determined in one way or another" [3].

Turning to the interpretation of the term "development", we note that, in accordance with generally accepted approaches, it denotes a qualitative change of objects, that is characterized by a purposeful and irreversible nature and as a result of which conditions are created for further self-movement [6].

The theoretical and methodological analysis of the indicators of human capital in Russia as a whole and the Southern Federal District (SFD), in particular, proves their sufficiently high level; at the same time, the efficiency of their use is low, and labour productivity does not allow for the necessary socio-spatial and economic development of the country and its regions [11].

Approaches that determine the socio-spatial HCD, which is key to ensuring sustainable development, remain ineffective. Insufficient investments in education, health, and social protection have resulted in a lack of human resources. Another problem is regional peculiarities, which are manifestations of social, spatial, economic, and other regional factors that directly impact the trends of human capital.

Methodological approaches should be used to understand the state of human capital and its components at the socio-spatial level, in addition to traditional methods and scientific research. One

such approach is the concept of system-oriented human development, for whose implementation it is necessary to use the components that are the foundation for ensuring an appropriate level of human capital [12].

The calculation of the regional HDI index includes 33 indicators combined into 6 blocks, respectively, for the main aspects of socio-spatial human development: population reproduction; territorial-spatial and social status; comfortable life; welfare; decent work; education, etc. [2, 13, 14].

Systemic impact strategies on all institutions of human capital investment are required to provide labour law guarantees, assure the effectiveness of tools for their protection, and motivate participants in labour relations to seek out corridors of social cooperation. This work compares the structure of socio-spatial parameters in the SFD using the GRP index and Gini and Lawrence indices, taking into account methodological difficulties in determining them in the dynamic structure.

Materials and methods

The methodological foundations of this study are based on tracking the current state of human capital development and determining the socio-spatial strategic ways of its development. Then the traditional methods and specific scientific search techniques based on the generalization of scientific literature published and indexed in domestic and international scientific and metric databases of the RSCI, Google Academy, Research Gate, Scopus, Web of Science, etc., were applied.

The disclosure of the theoretical and logical essence of human capital was based on the generalization of R. Solow's model of economic growth (an increase in the level of education, qualifications, and health of an employee can increase the efficiency of a unit of simple labour), understanding the HCD at the heart of the process of direct impact on it due to the growth rate of labour productivity, and the introduction of innovative assessment and justification of the need to establish the actual pace of the global competitiveness index and the integral index of human capital development, etc.

To display the study findings and key conclusions, computational and graphical approaches (system-comparative analysis, expert-rating assessment of the asymmetry of the trend of the HCD, etc.) are used. The use of these methods make possible to substantiate the system of parameters for evaluating trends in the development of human capital, to identify socio-economic factors of the current state of human capital development, to establish the causes of the disparity of indicators of socio-spatial HCD, such as the calculated HDI (x_{HDI}), potential life expectancy index

(x_{LEI}), education level index (x_{EI}), index of personal income (x_{IP}), and etc. The basis for supporting the gap in the value of regional personal income was a comprehensive investigation of trends in the average value of the comparative asymmetry of HCD, the index of GRP per active part of the population [15].

The state of the socio-spatial HCD was revealed by calculating the Gini coefficient [7] and presenting its trend using the Lorentz curve, which was the basis for forming a model of the algorithm for the socio-spatial HCD using a system-oriented approach. Thus, various qualitative and quantitative indicators of the measurement of human capital and general human development trends have been proposed in the empirical literature, such as literacy rates, school enrollment rates, years of study, and test results [10, 16].

Although some indicators that measure the proportion of the population who have completed primary, secondary, and higher education are subjective parameters of well-being [6], they do, to some extent, reflect the desired level of education and qualifications of the labour potential in the country and its regions.

Results

Human capital is an important aspect in the development of regional socio-spatial systems since it activates other productive forces. The study of human capital's spatial distribution helps us to analyze the current and prospects of regional socioeconomic growth. This necessitates justifying the human capital development strategy in today's demographically risky environment.

Human capital development is a process that occurs as a result of economic agents' investments in the formation of a stock of knowledge, skills, experience, health, and also intellectual and physical abilities to work that can or are used for economic purposes to obtain or increase the income of society, enterprise or employee [17].

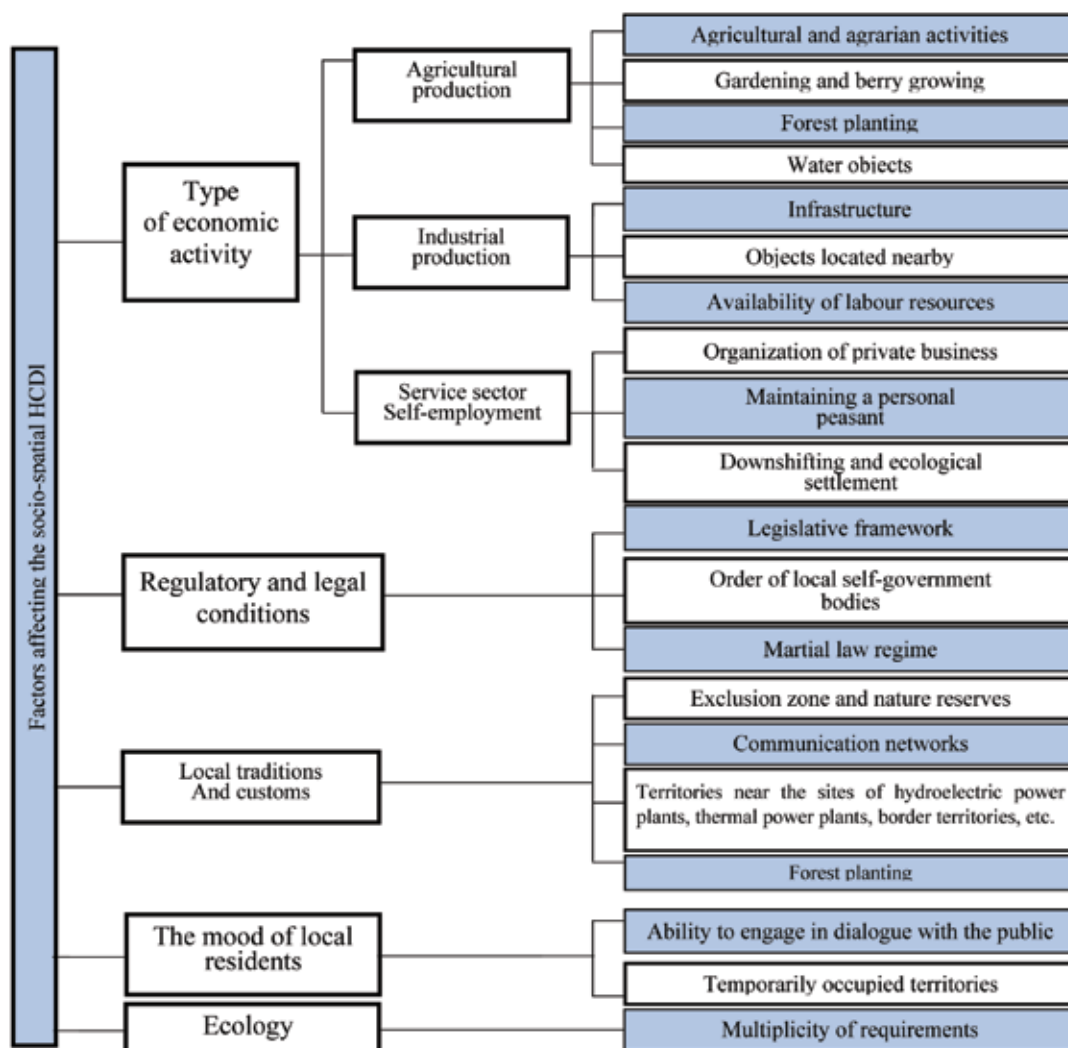
Stratagems are sequences of actions aimed at solving a task or achieving an implicit goal, taking into account the psychological inclinations of the object and other factors. Our position completely coincides with the point of view of many researchers of spatial problems [1, 17, 18], who claim that stratagems are an ordered collection of tactical and demographic-psychological techniques used by rulers and military leaders in specific cases.

The generalization of theoretical characteristics of the category of socio-spatial development of human capital in the literature allowed for the identification of numerous approaches to its interpretation, but its purpose has not been sufficiently specified. As a result, it is prudent to prioritize human capital as the

primary factor in the economic development. At the same time, it should be noted that many academics study the idea of socio-spatial development, primarily in a territorial context; hence, socio-spatial HCD is regarded as the physical positioning of human potential in a specific territory [6, 19].

The dynamic feature of the category "The spatial development of human capital" suggests that at its

different stages, different sets and combinations of these factors that determine the characteristics of socio-spatial development are important. It is worth emphasizing that if the socio-spatial HCD is polarized, then the spectrum of human resource concentration is necessarily allocated as the center of the poles of socio-economic development [11]. In practice, the socio-spatial HD consists of the provisions depicted in Figure 1.

Compiled by the authors based on [11].

Fig. 1. The factors impacting the socio-spatial development of human capital

Составлено авторами на основе [11].

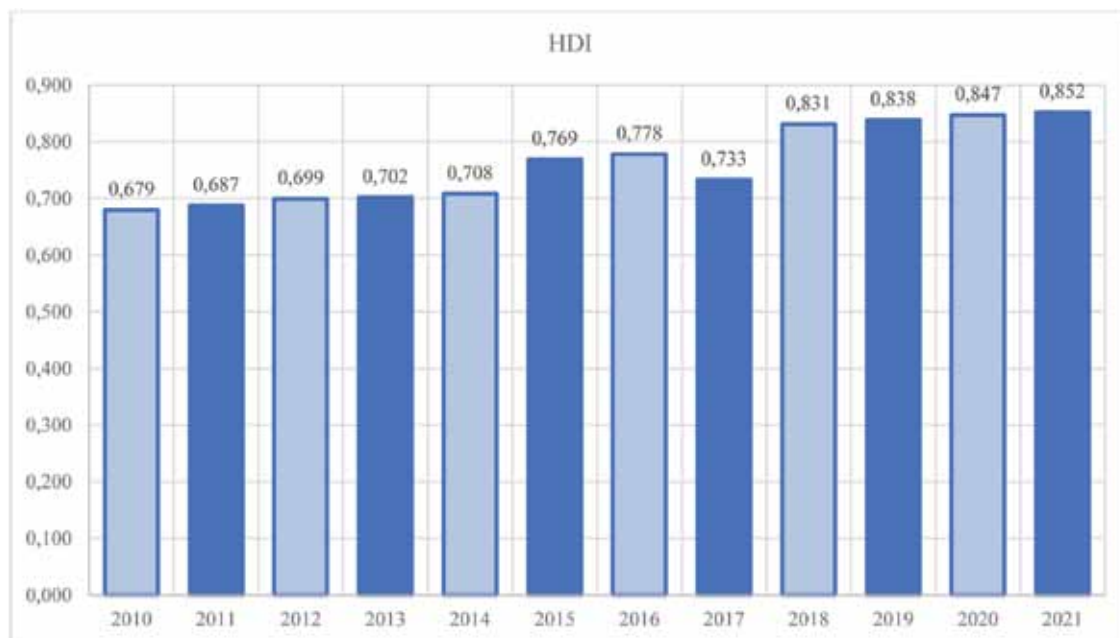
Рис. 1. Факторы, влияющие на социально-пространственное развитие человеческого капитала

The development of conditions for socio-spatial HCD benefits territorial formations as well as sectoral production and non-production organizations in these territories. The creation of many theoretical provisions for the development of the concept

of socio-spatial HCD can address, in addition to scientific, certain practical, and socio-economic difficulties, since spatial development of human potential can accomplish numerous positive trends: the rationally planned provision of economic entities

with the necessary labour potential to meet the needs of territorial entities and territorial communities; ensuring the organization's effective staffing; creating a labour infrastructure for the protection of cultural heritage and the environment, etc.

Socio-spatial aspects of human development in Russia and its regions are still behind the necessary trajectory, which should have been achieved if target indicators had been achieved during the study period (Figure 2).

Compiled by the authors based on [11].

Fig. 2. The state of the Human Development Index in the Russian Southern Federal District

Составлено авторами на основе [11].

Рис. 2. Состояние индекса человеческого развития в Южном федеральном округе России

The data in Figure 2 shows that the HDI in the SFD has risen relatively, rising from a low of 0.679 in 2010 to a high of 0.852 in 2021, an increase of 0.173 or 25.5%. The innovation economy seeks to eliminate the potential consequences of a downward trend in human development by increasing labour productivity, elevating knowledge and intellectual abilities, strengthening education, activating capital investments in human capital, and emphasizing the importance of R&D expenditures [7, 14].

Considering different approaches to the structure of human capital, we shall analyze and consider its main components through various scientific approaches. It would be noted that, like many indicators requiring world comparison, the HDI, by date, is published every 2 years after its placement in state statistical collections.

Formulas are used to calculate the HDI (x_{HDI}) [8, 9]:

$$x_{HDI} = \frac{x - \min_x}{\max_x - \min_x} \quad (1)$$

where $\min_x$ and $\max_x$ are the minimum and maximum values of the indicator among all the countries studied.

The HDI (x_{HDI}) of a particular country or region depends on the following three indicators:

Life Expectancy Index (x_{LEI})

$$x_{LEI} = \frac{LE - 20}{85 - 20} \quad (2)$$

Education Index (x_{EI})

$$x_{EI} = \frac{MY SI + EY SI}{2} \quad (3)$$

where the index of average duration of training $MY SI = \frac{MY}{15}$ and the index of the expected duration of training x_{IP} .

The index of income of the population (x_{IP})

$$x_{IP} = \frac{\ln(GNI_{PC}) - \ln(100)}{2} \quad (4)$$

where GNI_{PC} – is the value of GNI per capita calculated by purchasing power parity.

The HDI is the average geometric parameter of all the higher designated indicators (x_{HDI}):

$$x_{HDI} = \sqrt[3]{x_{LEI} \cdot x_{EI} \cdot x_{IP}} \quad (5)$$

The Resolution of the Cabinet of Ministers of Russia "Some Issues of Improving the System of Monitoring and Evaluating the Effectiveness of the Implementation of State Regional Policy" [8, 12] identified indicators that are used in calculating the regional HDI: a long and healthy life (average life expectancy at birth, the total coefficient of population growth (reduction), the mortality rate from intentional self-harm), prosperity and decent working conditions (the volume of expenditures of local budgets, the ratio of the average wage to the minimum, the level of employment of registered unemployed), education (net coverage of preschool academic institutions for children aged three to five years, the number of graduates of higher educational institutions of I-IV levels of accreditation) [18].

The indicators for calculating the integral indicator of the HDI are presented in Table 1. Based on the main approaches to the structure of human capital, we shall consider the differences between the regions of the SFD regarding the indicators of regional human development, using the methodology of measuring socio-spatial human development. It follows from Table 1 that the Integral Assessment of Regional Human Development in 2010–2021 ranged from a minimum value of 0.706 (Crimea) to a maximum value of 0.829 (Vologda Oblast).

Accordingly, up to six main components are considered in determining the integral evaluation of socio-spatial human development. The minimum and maximum values by region are shown in Table 1 and Figure 3, which reflect for comparison the asymmetry of the socio-spatial HCD in some districts such as Dagestan, Rostov Region, the Kabardino-Balkarian Republic, the Karachayevo-Circassian Republic, the Republic of Kalmykia, etc., the main indicators of which are mainly in the interval between the maximum and minimum values of the HDI of the district.

Table 1

The human development indices in the regions of the Southern Federal District on average for 2010–2021

Таблица 1

Индексы человеческого развития в регионах Южного федерального округа, в среднем за 2010–2021 гг.

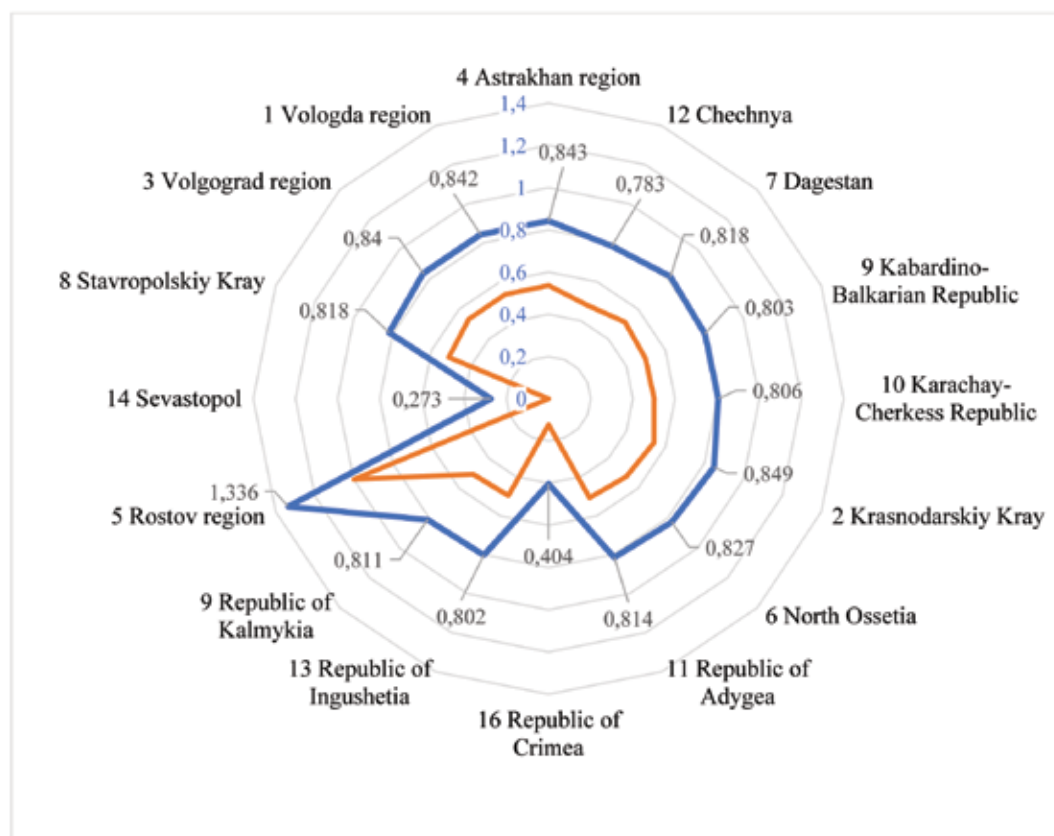
Rang according to the HDI	Regions of the Southern Federal District	HDI, on average for 2010–2021	x_{HCD}	x_{LEI}	x_{EI}	x_{IP}	x_{HDI}
4	Astrakhan region	0,843	0,536	0,768	0,907	0,772	0,813
12	Chechnya	0,783	0,479	0,815	0,858	0,652	0,77
7	Dagestan	0,818	0,513	0,871	0,858	0,678	0,797
9	Kabardino-Balkarian Republic	0,803	0,498	0,827	0,866	0,69	0,791
10	Karachay-Cherkess Republic	0,806	0,501	0,823	0,875	0,682	0,789
2	Krasnodarskiy Kray	0,849	0,542	0,777	0,898	0,787	0,819
6	North Ossetia	0,827	0,522	0,807	0,904	0,712	0,804
11	Republic of Adygea	0,814	0,508	0,788	0,897	0,68	0,783
16	Republic of Crimea	0,404	0,123	0,765	0,922	0,5	0,706
13	Republic of Ingushetia	0,802	0,497	0,931	0,795	0,569	0,75
9	Republic of Kalmykia	0,811	0,506	0,791	0,9	0,696	0,791
5	Rostov region	1,336	1	0,766	0,915	0,748	0,806
14	Sevastopol	0,273	0	0,804	0,949	0,5	0,725
8	Stavropolskiy Kray	0,818	0,512	0,795	0,873	0,717	0,792
3	Volgograd region	0,84	0,534	0,769	0,904	0,779	0,815
1	Vologda region	0,842	0,535	0,755	0,909	0,83	0,829

Source: compiled by the authors based on [19].

Источник: составлено авторами на основе [19].

When examining the indices that comprise socio-spatial human development, the coefficient of

asymmetry must be examined. The asymmetry coefficient indicates complete symmetry of human

Compiled by the authors on excel-interpolation of Table 1.

Fig. 3. Comparative asymmetry of HCD in the Southern Federal District

Составлено авторами на основе excel-интерполяции табл. 1.

Рис. 3. Сравнительная асимметрия развития человеческого капитала в Южном федеральном округе

development and the HCD in all studied components. The greater the deviation from unity, the higher the asymmetry of population growth and human capital development [3].

Based on the calculation of regional asymmetry coefficients, it can be seen that in 2017, the fluctuations of values lie in the range from 0.273 (Sevastopol) to 1.336 (Rostov region) (Figure 3). Four regions (out of 15 studied) have asymmetry coefficients closer to the regional average (0.838).

The type of socio-spatial human development that belongs to the pre-average has a conditionally negative nature in terms of ensuring decent work and income. Progress indices, which measure the growth rates of private HDI from 2010 to 2021, can be used to categorize the feature. The population income index (0.5) with a high education index is the weakest sign of success in Crimea and Sevastopol (0.922–0.949). The best coefficient is in the Krasnodarskiy Kray (0.849) with an education index of 0.909. Using the approach commonly utilized in such

computations and the range of variation of human capital development indices, three groups can be formed:

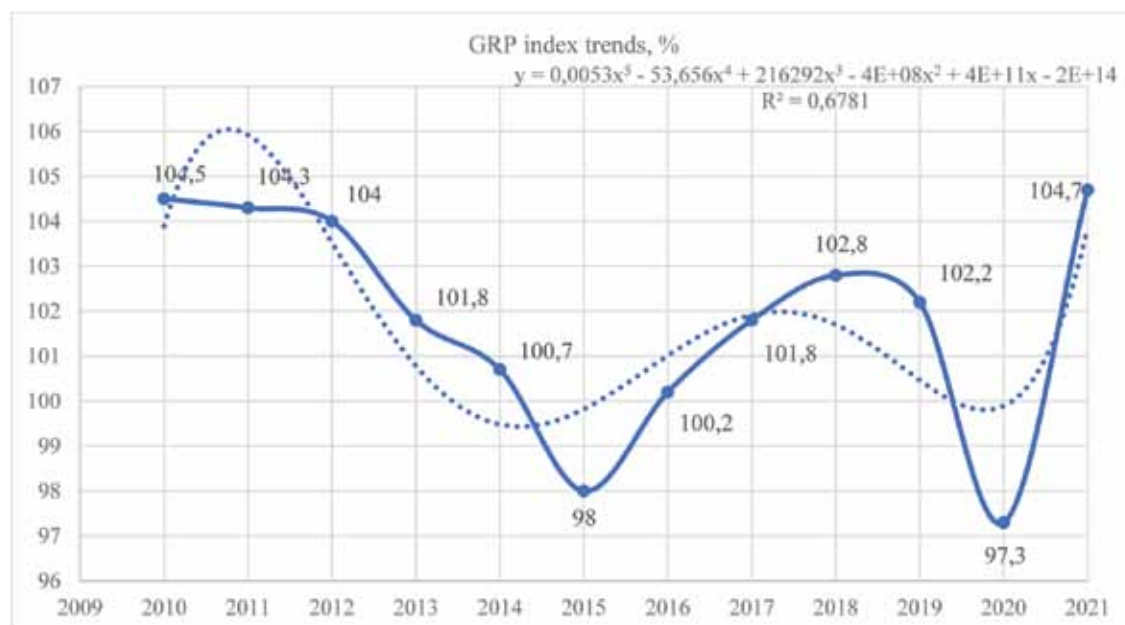
- 0.849–1.000 (regressive);
- 1,000–1.336 (minor progress);
- and more than 1.336 (the presence of progress).

From the conducted justification, separate calculations show that trends in the HCD are the worst indicator of progress (Crimea, 12.3%), excluding Sevastopol (lack of data for evaluation), the best indicator (Rostov region, 100.0%), and life expectancy is the worst indicator of progress (Vologda region, 75.5%), the best indicator (the Republic of Ingushetia, 93.1%). In the analysis of the level of education of the population, the worst indicator is in the Republic of Ingushetia (79.5%), and the best indicator is in Sevastopol (94.9%).

The population well-being indicator is low in Crimea and Sevastopol (50.0%), with the best indicator in Vologda Oblast (83%). The index of the physical volume of the gross regional product (GRP) is an important indicator of human capital's socio-spatial

development. In 2021, the GRP physical volume index grew and was fixed at 104.7%, which is 4.0%

and 6.7% higher than the GRP physical volume index of 2004 and 2015, respectively (Figure 4).

Compiled by the authors.

Fig. 4. GRP physical volume index in the Southern Federal District, in 2010–2021, %

Составлено авторами.

Рис. 4. Индекс физического объема ВРП в Южном федеральном округе в 2010–2021 гг., %

One of the indicators of socio-spatial HCD is the general trend in income among the population. According to statistical data, the volume of average household monetary incomes in the SFD in 2021

increased by 11.7% compared to 2020 and amounted to 34,526 thousand rubles (Table 2). Unfortunately, an increase in income may not always affect the welfare of citizens.

Table 2

The income per capita in the regions of Southern Federal District, on average for 2020-2021

Таблица 2

Доход на душу населения в регионах Южного федерального округа, в среднем за 2020-2021 гг.

Regions	2020, rubles	2021, rubles	2021 to 2020	
			+/-	%
Russian Federation	36240	40040	3800	110,5
Southern Federal District	30910	34526	3616	111,7
Astrakhan region	25206	26799	1593	106,3
Krasnodarskiy Kray	37352	41944	4592	112,3
Republic of Adygea	30320	34556	4236	114
Republic of Crimea	23033	26371	3338	114,5
Republic of Kalmykia	19816	21250	1434	107,2
Rostov region	31519	34955	3436	110,9
Volgograd region	24995	27788	2793	111,2
Sevastopol	29969	33260	3291	111

Compiled by the authors based on [20].

Составлено авторами на основе [20].

Analysis of static data on the standard of living of various social groups in the SFD population from 2010 to 2021 revealed inequality in the distribution of total income, as shown by the Lorentz curve and the concentration coefficient (Gini index), which can range from 0 (uniform distribution of income among the entire population) to 1 (all income belongs to one person) [6]. An interesting point of the study of the socio-spatial HCD is the calculation of the Gini coefficient, which can be calculated [8, 21]:

- according to the Brown formula:

$$G = \left| 1 - \sum_{k=2}^n (x_k - x_{k-1})(y_k + y_{k-1}) \right| \quad (6)$$

or according to the Gini formula:

$$G = \frac{\sum_{i=1}^n \sum_{j=1}^n |y_i - y_j|}{2n^2 \bar{y}} \quad (7)$$

where G is the Gini coefficient, x_k – is the cumulative share of the population (pre-ranked in ascending order of income), y_k – is the share of income, that x_k , n is the aggregated number of households, y_k is the share of household income in total income and y – is the arithmetic mean of the share of household income.

The initial and calculated data on the development of the population and its grouping, differentiated by the 20% factor of the division of individual income, are presented in Table 3.

The parameters justified in this way can be used to calculate the Gini coefficient. To do this, you need to apply the proposed formula and calculate the values of p_i and g_i . At the same time, g_i – is the share of cash income on an accrual basis (column 7) divided by 100.

The practical application of formulas 6 and 7 for calculating the Gini index is shown in Table 4.

Thus, in the period 2020-2021, the Gini index of socio-spatial development of human capital in the regions of SFD amounted to 0.481 (in terms of population) and 0.139 (in terms of total population income), indicating an increase in this indicator of 6.1% points and 11.7%, respectively, in comparison to previous years. Thus, the Lorentz curve in Figure 5 reflects the ratio of the percentages of income and the corresponding percentages of the working population who received them, thus characterizing the uneven distribution (Figure 5).

The Lorentz curve displays the actual state of one of the main indicators (disparity population income) of the socio-spatial HCD in the SFD regions. The curve represents a graphical representation of the income distribution. That is, it shows the proportion of income

earned by given percentage of the population. In the case that everyone has approximately the same average income, we have a very equal society. While in a case where few own the majority of income, we have high inequality.

The following figure depicts the Lorenz curve for SFD in 2020–2021 with varying percent of population income inequality. The green 45o line shows the Lorenz Curve of regional economy with a perfectly equal population income distribution. The orange and brown lines show the regional economy with population income disparities in 2020 and 2021, and the red line depicts a very inequal income distribution. Generally, the further away the Lorenz Curve from the diagonal, the more unequal the wealth distribution. The degree of inequality is often expressed in terms of the Gini coefficient (Table 4).

The distance from the straight line of this line demonstrates an increase in the actual differentiation of the population in terms of well-being. The percentage of the population with an average income per capita less than the minimum subsistence level established by the legislation averaged 1.58% per month in 2021 (a decrease of 1.1% by 2020), while the size of the legally established subsistence minimum for the specified period increased by 10.0%. The percentage of people with income per capita below the per month subsistence minimum decreased in 2021 compared to 2020 in the SFD by 1.3 times and amounted to 28%. The poverty line reached a level of 7863 rubles on average per person per month, an increase of 16%.

According to the adopted law, the minimum wage increased by 10% to 15,279 rubles as of June 1, 2022. However, it varies across Russia, with one of the numerous factor determinants of the state of socio-spatial HCD in the SFD being relatively low [23, 24].

At the same time, both relative and absolute criteria of poverty are identified:

- In relative terms, according to the data 2021, the highest level of poverty in the region in terms of expenditures was in the Republic of Adygea (58.7%, which is 2.4 times higher than the national average) and in the Republic of Ingushetia (42.3%). The Kabardino-Balkarian Republic and the Karachay-Cherkess Republic, with a poverty level in the range of 32–33%, are located in the negative zone. The lowest indicator was recorded in the Volgograd Region (13.7%), the Vologda Region (15.4%), the Republic of Kalmykia (15.7%), Dagestan (16.1%), and the Krasnodarskiy Kray (16.3%). In terms of the depth of poverty, the situation is the worst in the Republic of Ingushetia, Crimea, and Sevastopol. These indicators show that in 2021, there will be no spatial features associated with relative poverty in the SFD.

Table 3

Initial and calculated data of 20% groups and percentages of the population by percentage income, for 2020-2021

Таблица 3

Исходные и расчетные данные по 20-процентным группам и процентам населения в разбивке по процентному доходу на 2020-2021 гг.

№ of groups	20% of the population	as a % of the total in 2020		as a % of the total in 2021		The area of the triangle				Rectangle area				The total area of the figure, S_i			
		1*	1**	1*	1**	2020		2021		2020		2021		2020		2021	
						1*	1**	1*	1**	1*	1**	1*	1**	1*	1**	1*	1**
1	12,5	64,1	1,6	61,5	1,629	6,41	1,6	61,5	1,6	0	0	0	0	6,41	1,6	61,5	1,6
2	25,0	74,5	2,8	76,4	2,85	80,9	4,4	137,9	4,5	12,82	3,2	123	3,258	93,73	7,6	260,9	7,7
3	37,5	80,9	3,1	77,6	3,17	161,8	7,5	215,5	7,6	255,5	15,1	476,4	9,4	417,35	22,6	691,9	17,0
4	50,0	81,5	6,1	80,5	6,02	243,3	13,6	296	13,7	498,9	28,7	772,4	23,0	742,16	42,3	1068,4	36,7
5	62,5	97,0	11,5	96,3	11,53	340,3	25,1	392,3	25,2	839,2	53,8	1164,7	48,2	1179,47	78,9	1557	73,4
6	75,0	98,1	15,0	100,1	14,9	438,4	40,1	492,4	40,1	1277,6	93,9	1657,1	88,3	1715,98	134,0	2149,5	128,4
7	87,5	102,0	25,4	101,2	25,3	540,4	65,5	593,6	65,4	1818,0	159,4	2250,7	153,7	2358,39	224,9	2844,3	219,1
8	100,0	120,8	34,5	121,5	34,6	661,2	100,0	715,1	100,0	2479,2	259,4	2965,8	253,7	3140,4	359,4	3680,9	353,7
Σ														9653,89	871,3	12314,4	837,8

Note: 1* – population size; 1** – income volume.

Compiled by the authors based on [22]. Составлено авторами на основе [22].

- According to the absolute criterion, the highest level of poverty is recorded in the Republic of Kalmykia (42.5%). The Krasnodarskiy Kray (39.8%), the Rostov Region (39.0%), and the Republic of Adygea (37.5%) have high criteria. Poverty rates in Sevastopol (17.5%), Astrakhan Region (18.8%), and Vologda Region (21.0%) are significantly lower than the national average. Compared to 2020, thirteen regions showed an increase in the level of relative poverty. The situation in certain regions has worsened, both in terms of the level and depth of poverty.

According to both criteria of poverty, the worst situation is in the Republic of Kalmykia, the Volgograd Region, and Crimea. In 2021, the real amount of monetary income of the population decreased compared to the level of the corresponding period in 2020 in the Astrakhan region and the Republic of Kalmykia.

From the analysis carried out, it can be concluded that the factors that affect the socio-spatial HCD capital in the regional context demonstrate the low rates of regional development in the studied areas: population reproduction; social status; comfortable living; well-being; decent work; education. According to some researchers, the growth rates of social and spatial human development should be significantly higher [25].

The theoretical studies of the structure of human capital, and Russian normative legal acts on the subject of research confirm the thesis about the key role of social, educational, labour, biological, and professional components in the spatial structure of human capital. The study of the integral assessment of the socio-spatial HCD revealed significant asymmetries in indicators. Out of all 15 studied regions of the SFD, 5 of them have asymmetry coefficients higher than the national average.

Human development is predominantly low and has a negative character in terms of ensuring decent work. All regions, without exception, within the framework of the analysis for 2010–2021, have a type that demonstrates regression in one or more indicators

Table 4

Gini index of socio-spatial development of human capital in the Southern Federal District for 2020-2021

Таблица 4

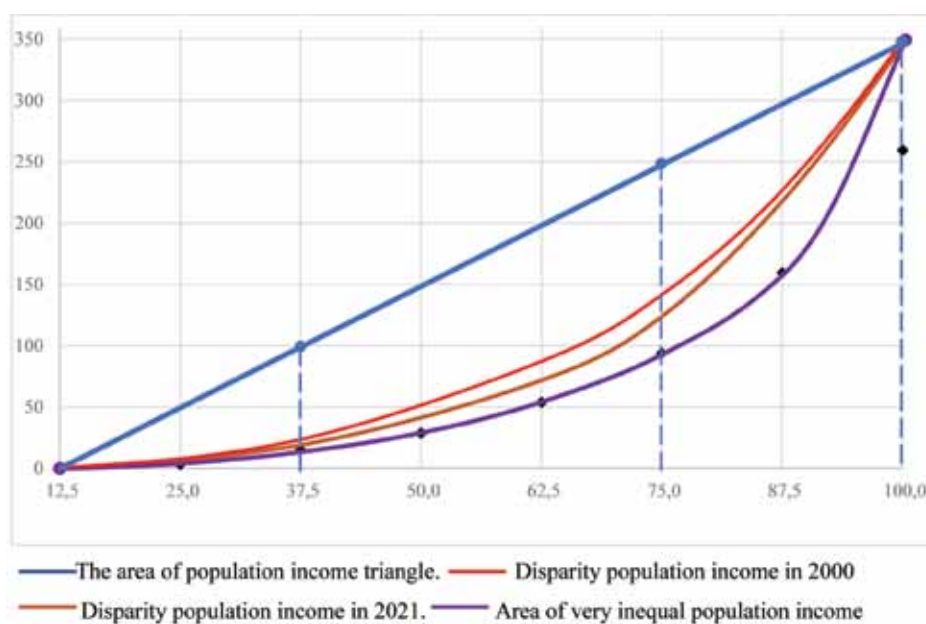
Индекс Джини социально-пространственного развития человеческого капитала в Южном федеральном округе на 2020–2021 гг.

№	p_i		q_i		$p_i \cdot q_{(i+1)}$		$p_{(i+1)} \cdot q_i$		$G = \sum_{(i=1)}^n ((p_i \cdot q_{(i+1)}) - (p_{(i+1)} \cdot q_i))$	
	1*	1**	1*	1**	1*	1**	1*	1**	1*	1**
1	0.125	0.125	0.016	0.0163	0.006	0.004	–	–		
2	0.25	0.25	0.044	0.0285	0.019	0.008	0.004	0.004		
3	0.375	0.375	0.075	0.0317	0.051	0.023	0.017	0.011		
4	0.5	0.5	0.136	0.0602	0.126	0.058	0.038	0.016		
5	0.625	0.625	0.251	0.1153	0.251	0.093	0.085	0.038		
6	0.75	0.75	0.401	0.149	0.491	0.190	0.188	0.086		
7	0.875	0.875	0.655	0.253	0.875	0.303	0.351	0.130		
8	1.000	1.000	1.000	0.346	–	–	0.655	0.253		
Σ					1.818	0.677	1.337	0.538	0.481	0.139

Note: 1* – by population; 1** – by personal income.

Compiled by the authors based on Table 3.

Составлено авторами на основе табл. 3.

Compiled by the authors based on Tables 3 and 4.

Fig. 5. Lorenz curve of the representation of indices of socio-spatial HCD in the regions of the Southern Federal District, for 2020–2021

Составлено авторами на основе табл. 3 и 4.

Рис. 5. Кривая Лоренца представления индексов социально-пространственного развития человеческого капитала в регионах Южного федерального округа, на 2020–2021 гг.

of human capital development. The GRP physical volume index in 2021 has grown, but poverty has not decreased. Some regions of the SFD are showing a relative trend in socio-spatial HCD indicators.

Based on the above, the priority directions of socio-spatial policy should be identified to ensure the effective formation and HCD in the SFD's regions:

- The most important idea is to ensure the functionality of key drivers, the socio-spatial development of human capital, and the formation of demographic foundations to improve the human development index.
- The goal is to reduce the risk of asymmetric human capital development in the regions.
- The formation, accumulation, and reproduction of a demographic fund can ensure a positive trend in GRP, resource base, and human potential.
- Narrowing the market for highly qualified labour creates a force capable of implementing innovations.
- Socio-spatial programs should be created to support labour migrants and their families.
- Institutional cooperation and support for social initiatives in external labour migration; adoption of modern territorial development strategies to meet the needs of the modern economy.

Human capital is a socio-spatial and economic phenomenon that provides theoretical and methodological foundations for component classification, system cycles, production, exchange, consumption, and the distribution of material and income values. The reproductive function of the information society development process is determined by the level of educational training of the population in the SFD.

The number of students in universities and secondary professional institutions in 2021 was 24,638 thousand, which is 99 people, or 0.3% less than the number of students in 2019. In 2021, the proportion of students studying at the bachelor's, specialist, and master's levels was 61.7%, 6.7%, and 25.9%, respectively. In 2021, the number of students enrolled in the scientific and graduate training programs, the program of secondary education, and the middle-level specialists amounted to 982 people, 246 people, and 163 people, respectively (Table 5).

Table 5

The contingent of students in the implementation of the basic educational programs in 2019–2021, person

Таблица 5

Контингент обучающихся в разрезе реализуемых основных образовательных программ в 2019–2021 гг., человек

Type of educational program	Contingent of students						2021 to 2019	
	2019		2020		2021			
	people	%	people	%	people	%	people	%
Bachelor Program	14855	60,1	15151	60,9	15210	61,7	355	102,4
Master of science Program	1453	5,9	1594	6,4	1656	6,7	203	114,0
Master's Degree program	6989	28,3	6806	27,3	6381	25,9	-608	91,3
The program of training of scientific and pedagogical personnel in graduate school	1005	4,1	1018	4,1	982	4,0	-23	97,7
The program of basic and secondary general education	118	0,5	123	0,5	246	1,0	128	208,5
Training program for mid-level specialists	282	1,1	196	0,8	163	0,7	-119	57,8
Total	24702	100	24888	100	24638	100	-64	100

Compiled by the authors based on [22].

Составлено авторами на основе [22].

If the number of students in institutions of basic and secondary general education increased by 8.5% compared to the contingent of 2019, then the number of graduate students and students in the middle-level training program decreased by 0.3% and 42.2% compared to 2019. It should be noted that, in the current conditions of economic digitalization and the need to train modern specialists, the number of graduates of state educational institutions of higher education in the field of computer science and computer engineering per 10,000 population is approximately 8 per 10,000 as of 2017.

The population's information literacy is heavily reliant on businesses willing to provide additional training in the field of information and communication technologies (ICT) to their employees. In 2018, we surveyed 235 Crimean commercial organizations as part of the program "Development of IT technologies in Crimea until 2024"; only 5.1% of the heads of organizations agreed that they were ready to train their employees" [23, 24].

An interesting point is the determination of the resource base for the implementation of innovative projects in the SFD (Table 6).

Table 6

**Resource base and effectiveness of R&D in innovative activities of human capital development
in the Southern Federal District for 2018–2021**

Таблица 6

**Ресурсная база и эффективность НИОКР в инновационной деятельности по развитию человеческого капитала
в Южном федеральном округе, за 2018–2021 гг.**

№	Indicators	2018	2019	2020	2021
1	The resource base of R&D and innovation activity				
1.1	Direct expenditures on scientific research and development, in % of GDP	1.07	1.10	1.10	1.11
1.2	The Direct costs of scientific research and development in the field of ICT	2.3	3.7	3.6	2.5
1.3	The Technological innovation costs are calculated as a percentage of the total volume of manufactured products (works and services) produced by the industry.	2.9	2.6	2.5	2.4
1.4	The number of research participants per 10.000 employed in the economy	55.1	52.5	51.4	50.1
1.5	The proportion of direct research costs aimed at economic development in total research costs.	37.8	36.7	37.8	39.8
2	Effectiveness of R&D and innovation activities				
2.1	The share of industrial enterprises and organizations that carried out technological innovations	8.8	8.3	7.3	7.5
2.2	The share of innovative products (works. services) in the total volume of industrial activity	8.7	8.4	8.5	7.2
2.3	The share of innovative products (works. services) in the total volume of export operations in the field of industry	11.9	9.4	8.7	7.5
2.4	The number of patents for inventions issued by Russian Patent services. per 1 million people. population	157.7	153.9	143.2	143.2
2.5	The share of new technologies in the total number of advanced technologies developed	11.6	12.5	12.5	13.6

Compiled by the authors based on [7, 23].

Составлено авторами на основе [7, 23].

"We must mention that by integrating into the production process the achievements of research and R&D, as well as new knowledge-intensive production capacities, there is a differentiated emergence of many new competencies that a person needs to master and move to the next level of human development; there are reproductive processes of accumulation of human capital" [7, 24].

The development of information technologies is of particular importance in the process of regenerating human capital. In the process of forming the algorithm of socio-spatial HCD, the author's justification of the main definitions of "innovative potential" is given, and their main features in the system's functioning during the implementation of the process of reproduction of human capital are analyzed. The totality of the innovation potential reflects the effectiveness of the innovative economic system of human capital reproduction [2, 24].

"It should be noted that the main and most common structural elements of the reproduction of human

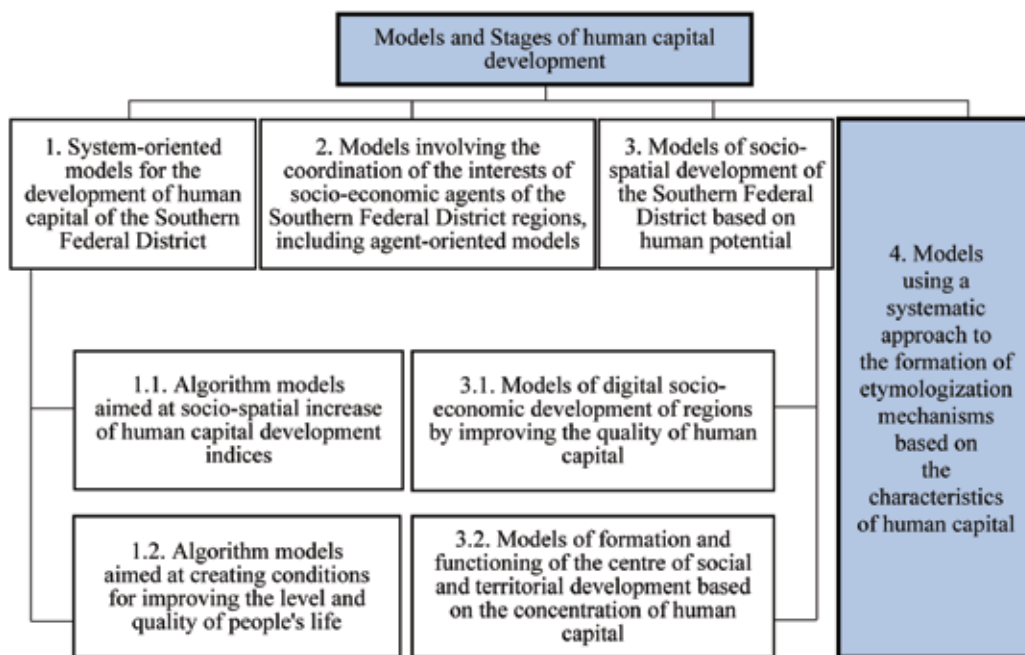
capital are embedded in the investment approach, where investments are revealed as the main factor of development, namely: investment in education; health; project activities, information technology; physical development, and much more" [2].

HCD is the process of investing in digital technologies to create and develop productive human abilities. Human capital is determined by the need to invest in the activities of individuals, educational institutions, and enterprises [27, 28].

A system-oriented approach to socio-spatial development was used to identify strategic HCD models that differ in their constituent elements and apply a sequence of stages of socio-spatial HCD (Figure 6).

These elements include the following [14, 23, 25]:

- the goals formed based on the value system of socio-spatial HCD;
- the degree to which the conditions for the implementation of procedures for coordinating

Compiled by the authors.

Fig. 6. Models and stages of the algorithm for socio-spatial of human capital development using a system-oriented approach

Составлено авторами.

Рис. 6. Модели и этапы социально-пространственного развития человеческого капитала с использованием системно-ориентированного подхода

the goals of the social and spatial development of human capital have been established;

- the human development characteristics as a criterion determinant of social and spatial development.

The application of a system-oriented approach to the identification of directions of socio-spatial development of human capital allowed us to propose, in the form of an algorithm, a model of its strategic development [12, 21]. To accomplish the aim of socio-spatial HCD in the SFD, within the framework of the previously indicated algorithm, a method to evaluate the degree of sustainable and balanced regional development centred on enhancing population quality of life is required [23, 27]. The methodological support of the socio-spatial HCD within the framework of the system-oriented approach algorithm is presented in Table 7.

This proposed algorithm is based on the needs (physiological, demographic, self-realization, etc.) of the regions of the SFD in terms of human potential, which are interpreted as objective characteristics of the socio-spatial attractiveness of the regions.

The spatial and economic components of human capital development should reflect the level of

satisfaction with the physiological, economic, and other needs of the population. The social and spatial components of human capital development are achieved under the conditions of systematic provision of favourable conditions for successful human activity and the formation of a basis for the development and satisfaction of needs in communication and information systems [29].

Thus, in modern conditions of demographic risk and economic implementation of digital trends, the phenomenon of reproduction of the SFD's human capital as a set of an individual's skills, knowledge, and abilities used to meet the person's and the SFD's socio-spatial expectations should play an important role. The socio-spatial HCD in modern conditions is a process of creating, using, and accumulating all the components of human potential through both direct and indirect investment in the activities of the person himself, an educational institution, an enterprise, etc.

To develop stratagems for human capital development in the region, it is necessary to accept it as human knowledge, skills, abilities, and physical capabilities involved in the regional socio-economic system, while also taking into account its potential, which can be involved in the socio-spatial system of the region.

Table 7

Components of the algorithm for ensuring the socio-spatial development of human capital

Таблица 7

Компоненты алгоритма обеспечения социально-пространственного развития человеческого капитала

№	Author's methods	Algorithm models	Goals of socio-spatial development of human capital	Achieved parameters for 2010–2021
1	Scientific search in the application of a system-oriented approach to the identification of directions of socio-spatial development – a model of the strategy of HCD	1.2. Ensuring sustainable socio-spatial development of human capital aimed at eliminating differences in the level and quality of life of the population in certain regions	No less than the achieved optimal HDI	$HDI_{max} = 1.336$ $HDI_{min} = 0.783$
2	It is necessary to propose an approach to the formation of models of the algorithm of human development in the regions, depending on the characteristics of its spatial attractiveness	3.1 and 3.2. Accelerating the pace of socio-spatial development based on human development	No less than the achieved optimal HDI	$0.706 \leq x_{HDI} \leq 0.829$
3	Algorithm models using a systematic approach in the formation of etymologization mechanisms of the Southern Federal District regions according to the characteristics of human capital	3.2. Development: – promising centres of social and territorial growth based on the concentration of human capital; – geostrategic space of the Southern Federal District. 4. The formation of meso-spaces for the coordination of work on the abolition of differences between regions, the implementation of large-scale infrastructure projects for the development of human capital, the formation of a common socio-spatial base of human development of the Southern Federal District	Ensuring an adequate resource base for long-term human development and HCD	$0.139 \leq G \leq 0.481$

Compiled by the authors based on [9, 28].

Составлено авторами на основе [9, 28].

Stratagems serve as effective tools for analyzing the dynamics and territorial distribution of human capital with the components of the algorithm for ensuring the socio-spatial development of human capital (Table 7). They make it possible to make scenario forecasts of the spatial distribution of human capital, taking into account the indicators of the effectiveness of the use of the labour factor in the region (capital strength, labour intensity).

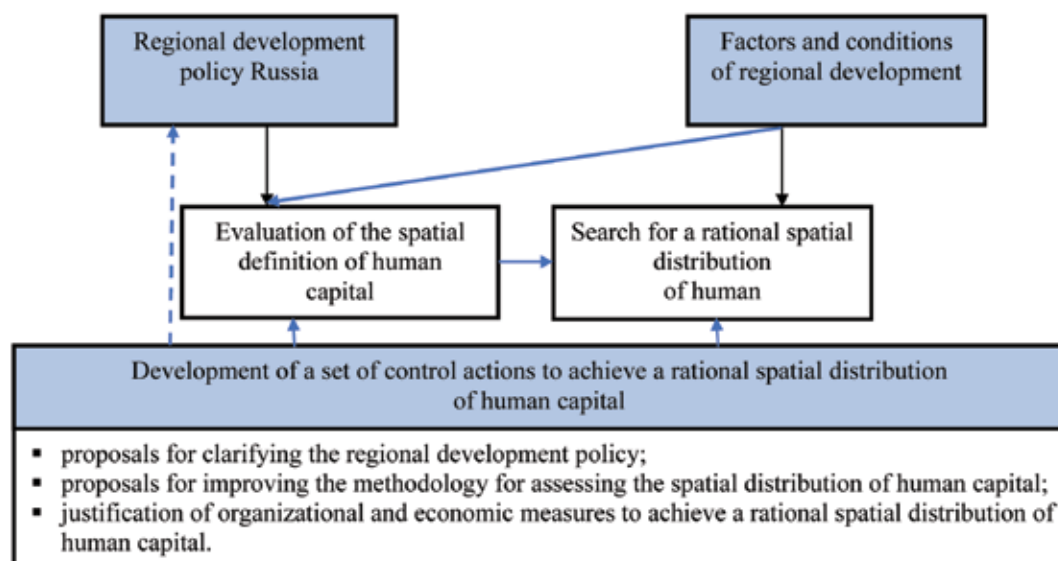
Conclusions and Relevance

The primary findings of the work allowed us to make many conclusions and recommendations. The importance of studying the evolution of spatial forms of organization based on modern human capital requirements is that their rational existence leads to economic growth activation and the consolidation of socioeconomic space. This is only attainable if suitable conditions are created for the implementation of competitive advantages of human capital components in a specific localization.

1. The growth of the notion of "human capital of the SFD" and related phrases allowed us to show that the term "human capital" is the consequence of ideas about the role of labour resources and labour relations in the theory and practice of society's demographic and economic life. Human capital should be related to more than just income-generating activities; it should also be associated with a complex socio-spatial and economic system, such as the Russian Federation.

2. The human development strategy in the region is hindering the effective implementation of the role of human capital in regional socio-economic systems:

- the prevailing significant unevenness in the spatial formation, use and accumulation of human capital at the regional level;
- the tendency to increase unevenness in the spatial formation and distribution of human capital between regions with different levels of socio-economic development, due to negative migration growth in many regions of the SFD.

Compiled by the authors.

Fig. 7. The mechanism of the stratagem of socio-spatial formation and distribution of human capital

Составлено авторами.

Рис. 7. Механизм стратагеми социально-пространственного формирования и распределения человеческого капитала

3. The author's approach to the effective measurement of the socio-spatial development of human capital includes the use of publicly available information from state statistics on wages and ages of employees; the calculation of the value of the human capital of the regions as the product of the expected annual income and the average value of the multipliers prenumerando and postnumerando; and the priority of residual value in assessing the value of human capital.

4. The socio-spatial human capital development was examined during the periods of 2010 to 2018 and 2021 to 2021. The human development index increased from 0.679 to 0.831 and subsequently from 0.831 to 0.852, suggesting an increase in the differentiation of the value of absolute human capital and its concentration in specific areas in the SFD.

5. Comparative investigation has revealed that the variance of the population's income is more than 1.59 times higher than the interregional asymmetry in many indices of the growth of the SFD (for example, 41944 rubles in the Krasnodar Territory, 26371 rubles in Crimea, or 21250 rubles in the Republic of Kalmykia). A significant gap between areas in terms of the number of students, the quality of the resource base, and the level of remuneration,

which is one of the major needs for the deployment of human capital, threatens the sustainable growth of a significant section of the regions. Low regional wages, which cause migrant outflows, should be seen as an indication of inefficient socioeconomic policy.

6. Human capital employed in the production of GRP, the physical volume index, which during this period reached 98.0% (in 2015), 102.8% in 2018, 97.3% in 2020, and 104.7% in 2021, represented the highest part in the economy of the SFD in 2018–2021. The Gini index was 0.481 at the time.

7. An information block, basic assessment indicators, and analytical indicators are included in the proposed technique to evaluate the socio-spatial development of human capital. Human capital is much higher than fixed assets in the SFD, indicating the importance of human capital. The excess in regions is 3.18-4.68 times and 1.59-2.56 times in full value.

The primary components of the SFD's socio-spatial human capital development stratagems are tracking the dynamics of changes in the residual value of human capital, comparing rates of change across regions, and ensuring an absolute rise in the residual value of human capital.

References

1. Ovshinov A.N. Stratagematics – “the philosophy of indirect actions” (new approaches to understanding it). *Humanities of the South of Russia*. 2019; 8(1):103–117. EDN: <https://elibrary.ru/yzetfb>. <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2019.1.8> (In Russ.)
2. Borshch L.M., Zharova A.R. Methodology of human capital development from the perspective of the digital economy. *Creative Economy*. 2019; 13(11):2141–2158. EDN: <https://elibrary.ru/mdvhab>. <https://doi.org/10.18334/ce.13.11.41351> (In Russ.)
3. Kekkonen A.L., Simakova A.V., Stepus I.S. Spatial Development Qualities and Human Capital Expanded Reproduction in the Republic of Karelia and the Russia European North Arctic Regions. *World of Economics and Management*. 2017; 17(2):86–96. EDN: <https://elibrary.ru/ynwdar> (In Russ.)
4. Tumarov T.F. Trends in the human capital, resources and potential development in Russia. *Human Progress*. 2023; 9(1):1–15. EDN: <https://www.elibrary.ru/oxexvn>. <https://doi.org/10.34709/IM.191.15> (In Russ.)
5. Kelchevskaya N.R., Shirinkina E.V. Institutional model of drivers of human capital digital development in the strategic perspective. *Management issues*. 2020; (1(62)):83–92. EDN: <https://www.elibrary.ru/mgfwlk>. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2020-1-83-92> (In Russ.)
6. Stofarandova V.V., Omarov M-G.O. On the issue of socio-economic aspects human capital development in Russia. *Regional problems of transforming the economy*. 2019; (10(108)):154–163. EDN: <https://elibrary.ru/kzcgua>. <https://doi.org/10.26726/1812-7096-2019-10-154-163> (In Russ.)
7. Wang Y, Ni C. The Role of the Composition of the Human Capital on the Economic Growth: With the Spatial Effect among Provinces in China. *Modern Economy*. 2015; 6(6):770–81. <http://dx.doi.org/10.4236/me.2015.66073> (In Eng.)
8. Fang Z., Zhu J., Deng R. Estimating Gini Coefficient Based on Hurun Report and Poverty Line. *Open Journal of Statistics*. 2013; 3(3):167–172. <http://dx.doi.org/10.4236/ojs.2013.33018> (In Eng.)
9. Shulgin S.G., Zinkina Yu.V. Assessment of Human Capital in Russian Macroregions. *Economy of Regions*. 2021; 17(3):888–901. EDN: <https://www.elibrary.ru/kwmguq>. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-3-12> (In Russ.)
10. Farace S., Mazzotta F. The effect of human capital and networks on knowledge and innovation in SMEs. *Journal of Innovation Economics & Management*. 2015; 16(1):39–71. <http://dx.doi.org/10.3917/jie.016.0039> (In Eng.)
11. Nafukho F.M., Hairston N., Brooks K. Human capital theory: implications for human resource development. *Human Resource Development International*. 2004; 7(4):545–51. <http://dx.doi.org/10.1080/1367886042000299843> (In Eng.)
12. Ryabykh V.N., Ryabykh E.B. The social-economic aspect of human capital in modern globalizing economy. *Tambov University Review. Series: Humanities*. 2015; (9(149)):129–136. EDN: <https://www.elibrary.ru/umkurz> (In Russ.)
13. Drobot E.V., Makarov I.N., Yarikova E.V. Spatial development of Russia: problems of differentiation in the conditions of globalization. *Journal of International Economic Affairs*. 2019; 9(2):855–66. EDN: <https://www.elibrary.ru/tbnizd>. <http://dx.doi.org/10.18334/eo.9.2.40811> (In Russ.)
14. Buchwald E.M. Spatial aspects of “the concept-2020” and the implementation of the targets of the regional development policy. *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk*. 2021; (2):67–83. EDN: <https://www.elibrary.ru/qummiy>. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2021_2_67_83 (In Russ.)
15. Buchwald E.M., Kolchugina A.V. The strategy of spatial development and formation of settlement structure of the Russian economy. *Russian Journal of Housing Research*. 2019; 6(2):157–74. EDN: <https://www.elibrary.ru/gffqpk>. <http://dx.doi.org/10.18334/zhs.6.2.40812> (In Russ.)
16. Gennaioli N., La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A. Human Capital and Regional Development. *The Quarterly Journal of Economics*. 2013; 128(1):105–164. <https://doi.org/10.1093/qje/qjs050> (In Eng.)
17. Efimov V.S., Lapteva A.V., Mikhailova E.I. The Concept of Human Capital – the Need for an Interdisciplinary Synthesis. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2016; 9(11):2664–2680. EDN: <https://elibrary.ru/wzqymp>. <https://dx.doi.org/10.17516/1997-1370-2016-9-11-2664-2680> (In Eng.)
18. Osiobe E.U. A Literature Review of Human Capital and Economic Growth. *Business and Economic Research*. 2019; 9(4):179. <https://dx.doi.org/10.5296/ber.v9i4.15624> (In Eng.)
19. Stroeve P.V., Morkovkin D.E., Makar S.V. Current trends in the agglomerations development. *Creative Economy*. 2020; 14(11):2693–2712. EDN: <https://elibrary.ru/xoumbp>. <https://dx.doi.org/10.18334/ce.14.11.111071> (In Russ.)
20. Kokuytseva T., Ovchinnikova O. Theoretical aspects of human capital influence on regional development. In: *E3S Web of Conferences. International Scientific and Practical Conference “Environmental Risks and Safety in Mechanical Engineering” (ERSME-2020)*. 2020; 217:07017. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202021707017> (In Eng.)
21. Belenkova O., Vanchukhina L., Leybert T. Human capital as a socio-economic phenomenon of the innovation society: prerequisites of formation, essence and structure. In: *SHS Web of Conferences. International Conference on*

Advanced Studies in Social Sciences and Humanities in the Post-Soviet Era (ICPSE 2018). 2018; 55:01003.

EDN: <https://elibrary.ru/yntcyx>. <https://doi.org/10.1051/shsconf/20185501003> (In Eng.)

22. Serebrennikova A.V. The spatial economics: development prospects. *Regional economy and management: electronic scientific journal*. 2020; (4(64)):9. EDN: <https://elibrary.ru/itupfr>. <https://eee-region.ru/article/6409/> (In Russ.)

23. Galkin P.V., Svetlov I.E. Strategy of human capital development as one of the priorities directions of modern governance. *Vestnik Universiteta*. 2018; (1):54–58. EDN: <https://www.elibrary.ru/ytfhrk>. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2018-1-54-58> (In Russ.)

24. Astapenko M.S. Theories and concepts of “spatial economics”: essential aspects and evolution of approaches. *The Eurasian Scientific Journal*. 2018; 10(1):1–15. EDN: <https://elibrary.ru/xnhvoh> (In Russ.)

25. Korolenko A.V. Factors contributing to Russia’s demographic development: panel data research experience. *Problems of Territory’s Development*. 2019; (5(103)):170–188. EDN: <https://elibrary.ru/lczqbp>. <https://doi.org/10.15838/ptd.2019.5.103.11>

26. Kurushina E.V. Achieving the spatial development goals using the human-driven approach. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*. 2019; 5(3):160–178. EDN: <https://www.elibrary.ru/pkfdqz>. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2019-5-3-160-178> (In Russ.)

27. Averin A.N., Ponedelkov A.V., Usmanov R.H. The Human Development Index in the Southern Federal District. *The Caspian region: Politics, Economics, Culture*. 2016; (2(47)):76–82. EDN: <https://www.elibrary.ru/whgyjl> (In Russ.)

28. Kuznetsova O. Problems of Elaboration of Spatial Development Strategy of the Russian Federation. *Spatial Economics*. 2019; 15(4):107–125. EDN: <https://www.elibrary.ru/pwbydt>. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2019.4.107-125> (In Russ.)

29. Sagar A.D., Najam A. The human development index: a critical review. *Ecological Economics*. 1998; 25(3):249–264. [http://dx.doi.org/10.1016/S0921-8009\(97\)00168-7](http://dx.doi.org/10.1016/S0921-8009(97)00168-7) (In Eng.)

The article was submitted 28.01.2023; approved after reviewing 19.06.2023; accepted for publication 26.06.2023

About the authors:

Gilbert Mabiala, Ph.D in Economics, Associate Professor; Associate Professor of the Department of Economic Theory, Institute of Economics and Management; Researcher ID: Q-2108-2017

Dmitriy V. Linskiy, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor; Associate Professor of the Department of Economic Theory, Institute of Economics and Management; Researcher ID: GQP-4386-2022

Evgeny A. Maslich, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor; Associate Professor of the Department of Finance and Credit, Institute of Economics and Management; Researcher ID: HKW-3776-2023

Irina V. Bairakova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor; Associate Professor of the Department of Economic Theory, Institute of Economics and Management; Researcher ID: GYU-2668-2022

Elena V. Romaniuk, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor; Associate Professor of the Department of Economic Theory, Institute of Economics and Management; Researcher ID: HKV-2103-2023

Contribution of co-authors:

Mabiala G. – substantial contribution to the conception and content of the study; scientific guidance; and final approval of the version of the article for publication.

Linskiy D. V. – substantial contribution to the conception and content of the study; critical revision in terms of significant intellectual content.

Maslich E. A. – developing methodology, data analysis and interpretation.

Bairakova I. V. – article preparation; data analysis and interpretation.

Romaniuk E. V. – data collection, conducting experiments analysis.

All authors have read and approved the final manuscript.

Список источников

1. Овшинов А.Н. Стратегематика – философия не прямых действий (новые подходы по ее осмыслению) // Гуманитарный юга России. 2019. Том 8. № 1. С. 103–117. EDN: <https://elibrary.ru/yzetfb>. <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2019.1.8>

2. Борщ Л.М., Жарова А.Р. Методология развития человеческого капитала с позиций цифровой экономики // Креативная экономика. 2019. Т. 13. № 11. С. 2141–2158. EDN: <https://elibrary.ru/mdvhab>. <https://doi.org/10.18334/ce.13.11.41351>

3. Кекконен А.Л., Симакова А.В., Степуть И.С. Особенности пространственного развития и расширенного воспроизводства человеческого капитала в Республике Карелия и арктических регионах европейского севера России // Мир экономики и управления. 2017. Т. 17. № 2. С. 86–96. EDN: <https://elibrary.ru/ynwdar>
4. Тумаров Т.Ф. Тенденции развития человеческого капитала, ресурсов и потенциала в России // Human Progress. 2023. Т. 9. № 1. С. 1–15. EDN: <https://www.elibrary.ru/oxexvn>. <https://doi.org/10.34709/IM.191.15>
5. Кельчевская Н.Р., Ширинкина Е.В. Институциональная модель драйверов цифрового развития человеческого капитала в стратегической перспективе // Вопросы управления. 2020. № 1(62). С. 83–92. EDN: <https://www.elibrary.ru/mgfwlk>. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2020-1-83-92>
6. Стофарандова В.В., Омаров М.-Г.О. К вопросу о социально-экономических аспектах развития человеческого капитала в России // Региональные проблемы преобразования экономики. 2019. № 10(108). С. 154–163. EDN: <https://elibrary.ru/kzcgua>. <https://doi.org/10.26726/1812-7096-2019-10-154-163>
7. Wang Y., Ni C. The Role of the Composition of the Human Capital on the Economic Growth: With the Spatial Effect among Provinces in China // Modern Economy. 2015. Vol. 6. Iss. 6. P. 770–781. <http://dx.doi.org/10.4236/me.2015.66073>
8. Fang Z., Zhu J., Deng R. Estimating Gini Coefficient Based on Hurun Report and Poverty Line // Open Journal of Statistics. 2013. Vol. 3. Iss. 3. P. 167–172. <http://dx.doi.org/10.4236/ojs.2013.33018>
9. Шульгин С.Г., Зинькина Ю.В. Оценка человеческого капитала в макрорегионах России // Экономика региона. 2021. Т. 17. № 3. С. 888–901. EDN: <https://www.elibrary.ru/kwmguq>. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-3-12>
10. Farace S., Mazzotta F. The effect of human capital and networks on knowledge and innovation in SMEs // Journal of Innovation Economics & Management. 2015. Vol. 16. Iss. 1. P. 39–71. <http://dx.doi.org/10.3917/jie.016.0039>
11. Nafukho F.M., Hairston N., Brooks K. Human capital theory: implications for human resource development // Human Resource Development International. 2004. Vol. 7. Iss. 4. P. 545–551. <http://dx.doi.org/10.1080/1367886042000299843>
12. Рябых В.Н., Рябых Е.В. Социально-экономический аспект человеческого капитала в современной глобальной экономике // Вестник ТГУ. Серия: гуманитарные науки. 2015. № 9(149). С. 129–136. EDN: <https://www.elibrary.ru/umkurz>
13. Дробот Е.В., Макаров И.Н., Ярикова Е.В. Пространственное развитие России: проблемы дифференциации в условиях глобализации // Экономические отношения. 2019. Т. 9. № 2. С. 855–866. EDN: <https://www.elibrary.ru/tbnizd>. <http://dx.doi.org/10.18334/eo.9.2.40811>
14. Бухвальд Е.М. Пространственные аспекты «Концепции-2020» и реализации целевых установок политики регионального развития // Вестник Института Экономики Российской Академии Наук. 2021. № 2. С. 67–83. EDN: <https://www.elibrary.ru/qummiy>. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2021_2_67_83
15. Бухвальд Е.М., Кольчугина А.В. Стратегия пространственного развития и формирование поселенческой структуры экономики России // Жилищные стратегии. 2019. Т. 6. № 2. С. 157–174. EDN: <https://www.elibrary.ru/gffqpk>. <http://dx.doi.org/10.18334/zhs.6.2.40812>
16. Gennaioli N., La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A. Human Capital and Regional Development // The Quarterly Journal of Economics. 2013. Vol. 128. Iss. 1. P. 105–164. <https://doi.org/10.1093/qje/qjs050>
17. Efimov V.S., Lapteva A.V., Mikhailova E.I. The Concept of Human Capital – the Need for an Interdisciplinary Synthesis // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2016. Vol. 9. Iss. 11. P. 2664–2680. EDN: <https://elibrary.ru/wzqymp>. <https://dx.doi.org/10.17516/1997-1370-2016-9-11-2664-2680>
18. Osiobe E.U. A Literature Review of Human Capital and Economic Growth. // Business and Economic Research. 2019. Vol. 9. Iss. 4. P. 179. <https://dx.doi.org/10.5296/ber.v9i4.15624>
19. Строев П.В., Морковкин Д.Е., Макар С.В. Современные тенденции развития агломераций // Креативная экономика. 2020. Т. 14. № 11. С. 2693–2712. EDN: <https://elibrary.ru/xoumbp>. <https://dx.doi.org/10.18334/ce.14.11.111071>
20. Kokuytseva T., Ovchinnikova O. Theoretical aspects of human capital influence on regional development // E3S Web of Conferences. International Scientific and Practical Conference “Environmental Risks and Safety in Mechanical Engineering” (ERSME-2020), 2020. Vol. 217. P. 07017. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202021707017>
21. Belenkova O., Vanchukhina L., Leybert T. Human capital as a socio-economic phenomenon of the innovation society: prerequisites of formation, essence and structure // SHS Web of Conferences. International Conference on Advanced Studies in Social Sciences and Humanities in the Post-Soviet Era (ICPSE 2018), 2018. Vol. 55. P. 01003. EDN: <https://elibrary.ru/yntcyx>. <https://doi.org/10.1051/shsconf/20185501003>

22. *Серебренникова А.В.* Пространственная экономика: перспективы развития // Региональная экономика и управление: Электронный научный журнал. 2020. № 4(64). С. 9. EDN: <https://elibrary.ru/itupfr>
23. *Галкин П.В., Светлов И.Е.* Стратегия развития человеческого капитала как один из приоритетов современного государственного управления // Вестник университета. 2018. № 1. С. 54–58. EDN: <https://www.elibrary.ru/ytfhrk>. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2018-1-54-58>
24. *Астапенко М.С.* Теории и концепции пространственной экономики: сущностные аспекты и эволюция подходов // Вестник Евразийской науки. 2018. Т. 10. № 1. С. 1–15. EDN: <https://elibrary.ru/xnhvoh>
25. *Короленко А.В.* Факторы демографического развития России: опыт исследования панельных данных // Проблемы развития территории. 2019. № 5(103). С. 170–188. EDN: <https://elibrary.ru/lczqbp>. <https://doi.org/10.15838/ptd.2019.5.103.11>
26. *Курушина Е.В.* Достижение целей пространственного развития на основе методологии человеко-ориентированного подхода // Вестник ТГУ. Социально-экономические и правовые исследования. 2019. Т. 5. № 3(19). С. 160–178. EDN: <https://www.elibrary.ru/pkfdqw>. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2019-5-3-160-178>
27. *Аверин А.Н., Понеделков А.В., Усманов Р.Х.* Индекс развития человеческого потенциала в Южном федеральном округе // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2016. 2(47). С. 76–82. EDN: <https://www.elibrary.ru/whgyjl>
28. *Кузнецова О.В.* Стратегия пространственного развития Российской Федерации: иллюзия решений и реальность проблем // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. №. 4. С. 107–125. EDN: <https://www.elibrary.ru/pwbydt>. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2019.4.107-125>
29. *Sagar A.D., Najam A.* The human development index: a critical review // Ecological Economics. 1998. Vol. 25. Iss. 3. P. 249–264. [http://dx.doi.org/10.1016/S0921-8009\(97\)00168-7](http://dx.doi.org/10.1016/S0921-8009(97)00168-7)

Статья поступила в редакцию 28.01.2023; одобрена после рецензирования 19.06.2023; принята к публикации 26.06.2023

Об авторах:

Жильберт Мабиала, Ph.D (экономика), доцент; доцент кафедры экономической теории, Институт экономики и управления; Researcher ID: Q-2108-2017

Дмитрий Викторович Линский, кандидат экономических наук, доцент; доцент кафедры экономической теории, Институт экономики и управления; Researcher ID: GQP-4386-2022

Евгений Александрович Маслич, кандидат экономических наук, доцент; доцент кафедры финансов и кредита, Институт экономики и управления; Researcher ID: HKW-3776-2023

Ирина Викторовна Байракова, кандидат экономических наук, доцент; доцент кафедры экономики предприятия, Институт экономики и управления; Researcher ID: GYU-2668-2022

Елена Витальевна Романюк, кандидат экономических наук, доцент; доцент кафедры экономики предприятия, Институт экономики и управления; Researcher ID: HKV-2103-2023

Вклад соавторов:

Мабиала Ж. – существенный вклад в замысел и содержание исследования; научное руководство; окончательное одобрение варианта статьи для опубликования.

Линский Д. В. – существенный вклад в замысел и содержание исследования; критический пересмотр в части значимого интеллектуального содержания.

Маслич Е. А. – развитие методологии, анализ и интерпретация данных.

Байракова И. В. – подготовка статьи; анализ и интерпретация данных.

Романюк Е. В. – сбор и анализ данных, проведение экспериментов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Научная статья

УДК 338.46

JEL: L00, O10

<https://doi.org/10.18184/2079-4665.2023.14.2.316-334>

Тенденции и драйверы развития локальных рынков бытовых услуг

Елисеева Александра Александровна¹, Дворядкина Елена Борисовна²

^{1,2}Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия

¹eliseeva_aa@usue.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6797-0835>

²elena.dvoryadkina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5163-0334>

Аннотация

Цель исследования – разработка методического подхода к определению тенденций и драйверов развития локальных рынков бытовых услуг.

Методы. В основе исследования лежит системный методологический подход, позволяющий идентифицировать локальные рынки бытовых услуг как компоненты регионального потребительского рынка в целом и регионального рынка услуг в частности. Работа базируется на применении общенаучных методов – анализа, синтеза, сравнения, а также методов экономико-статистического анализа динамики и группировок, обработки аналитических данных, аналогий, научных обобщений. Поскольку объектом исследования являются рынки бытовых услуг, локализованные в пределах муниципальных образований, в исследовании применялись методы пространственного анализа.

Результаты работы. Разработана методика анализа локального рынка бытовых услуг, включающая этапы: 1) определение объекта исследования; 2) анализ и оценка показателей развития локальных рынков бытовых услуг (объемов бытовых услуг населению муниципальных образований; масштабов присутствия муниципальных образований в экономике региона по показателю объемов платных услуг населению; обеспеченности населения муниципальных образований объектами и пунктами бытового обслуживания; структуры рынков бытовых услуг по видам услуг; обеспеченности кадровыми ресурсами для сферы бытового обслуживания муниципальных образований); 3) интерпретация результатов. Проведена апробация методики на примере муниципальных образований Свердловской области – лидеров по объемам платных услуг населению.

Выводы. Идентифицированы тенденции развития локальных рынков бытовых услуг, важнейшие из которых – сохранение устойчивости и неоднородности видовой структуры локальных рынков бытовых услуг, умеренный темп ввода объектов бытового обслуживания, несущественная динамика индексов физического объема бытовых услуг населению, обвал рынков бытовых услуг вследствие влияния пандемии COVID-19. Выявлены проблемы развития локальных рынков бытовых услуг: несовершенство правового регулирования бытового обслуживания, недостаток квалифицированных кадров, недостаточность финансовых ресурсов для повышения уровня обеспеченности населения объектами бытового обслуживания, низкий уровень развития выездных форм предоставления бытовых услуг и т.д. Определены драйверы развития локальных рынков бытовых услуг.

Ключевые слова: рынок бытовых услуг, бытовое обслуживание, систематизация показателей, группировка муниципальных образований, тенденции развития

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Елисеева А. А., Дворядкина Е. Б. Тенденции и драйверы развития локальных рынков бытовых услуг // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2023. Т. 14. № 2. С. 316–334

EDN: <https://elibrary.ru/rnazwd>. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2023.14.2.316-334>

© Елисеева А. А., Дворядкина Е. Б., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

Trends and drivers of the development of local consumer services markets

Aleksandra A. Eliseeva¹, Elena B. Dvoryadkina²

^{1,2}Ural State University of Economics; Yekaterinburg, Russia

¹eliseeva_aa@usue.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6797-0835>

²elena.dvoryadkina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5163-0334>

Abstract

Purpose: is to develop a methodological approach to determining trends and drivers of the development of local consumer services markets.

Methods: this study is based on a systematic methodological approach that allows identifying local consumer services markets as components of the regional consumer market in general, and the regional services market in particular. The research is also based on the application of general scientific methods of analysis, synthesis, comparison, as well as on the application of methods of economic and statistical analysis of dynamics and groupings, analytical data processing, analogies, scientific generalizations. Considering that the object of the study is the markets of household services localized within municipalities, spatial analysis methods were used in the study.

Results: the methodology of analysis of the local market of household services has been developed, including the following stages: 1) determination of the object of research; 2) analysis and evaluation of indicators of the development of local markets of household services (volumes of household services to the population of municipalities; the scale of the presence of municipalities in the economy of the region in terms of the volume of paid services to the population; the provision of the population of municipalities with objects and points of consumer services; the structure of the markets of household services by type of services; availability of human resources for the sphere of consumer services of municipalities); 3) interpretation of the results. The methodology was tested on the example of municipalities of the Sverdlovsk region – leaders in terms of paid services to the population.

Conclusions and Relevance: trends in the development of local consumer services markets have been identified. The most important of them are the preservation of stability and heterogeneity of the specific structure of local consumer services markets, a moderate pace of commissioning of consumer services facilities, insignificant dynamics of indices of the physical volume of household services to the population, the collapse of consumer services markets due to the impact of the COVID-19 pandemic. The problems of the development of local consumer services markets are revealed, and these are imperfection of the legal regulation of consumer services, lack of qualified personnel, insufficient financial resources to increase the level of provision of the population with consumer services, low level of development of mobile forms of provision of household services, etc. The drivers of the development of local consumer services markets have been identified.

Keywords: consumer services market, consumer services, systematization of indicators, grouping of municipalities, development trends

Conflict of Interest. The authors declare that there is no Conflict of Interest.

For citation: Eliseeva A. A., Dvoryadkina E. B. Trends and drivers of the development of local consumer services markets. *MIR (Modernizatsiia. Innovatsii. Razvitie) = MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2023; 14(2):316–334. (In Russ.)

EDN: <https://elibrary.ru/rnazwd>. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2023.14.2.316-334>

© Eliseeva A. A., Dvoryadkina E. B., 2023

Введение

Вопросы исследования функционирования рынков услуг приобретают в современных условиях особую значимость, что связано с приоритизацией соответствующих целевых установок в документах стратегического планирования. В Стратегии социально-экономического развития Свердловской области в качестве одной из основных задач указано «...повышение качества и стандартов жизни

населения, создание благоприятных условий для долгой, безопасной, здоровой и благополучной жизни граждан». Реализация этой задачи возможна, в том числе, «благодаря обеспечению доступности бытовых услуг населению муниципальных образований»¹.

Так, рынок бытовых услуг является значимым сегментом рынка персональных услуг на локальном уровне по ряду причин. Во-первых, услуги бытового

¹ О стратегии социально-экономического развития Свердловской области на 2016–2030 г. (с изм. на 22 марта 2018 г.): Закон Свердловской области от 21 декабря 2015 г. № 151-ОЗ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/429024960> (дата обращения: 11.04.2023)

характера подразумевают индивидуальный подход при их оказании, так как выполняются по индивидуальному заказу. Во-вторых, бытовые услуги предназначены для удовлетворения личных потребностей индивида. В-третьих, бытовые услуги учитывают значимую роль инноваций и предпринимательства для экономического роста и развития региона, поскольку, в том числе, инновации открывают возможности для новых перспектив в малом и среднем предпринимательстве сегмента бытового обслуживания регионального рынка персональных услуг (далее – РРПУ)². В-четвертых, уровень развития бытовых услуг оказывает влияние на формирование качества и стандартов жизни населения муниципальных образований – и на персональное благополучие, и на благополучие индивидуальной семьи как ячейки общества. Таким образом, анализ проблем и драйверов развития рынков бытовых услуг муниципальных образований рынка представляется целесообразным и актуальным.

Обзор литературы и исследований

Вопросы изучения рынков муниципальных образований по различным критериям (как общим, так и частным) являются предметом исследования российских ученых. К примеру, И.Ю. Сингизов предложил методику комплексной оценки степени развития муниципальных рынков региона, базирующуюся на использовании интегрального показателя – индекса развития муниципального рынка. Результатом апробации методики стал рейтинг муниципальных рынков городского и сельского типа, отражающий социально-экономическое положение муниципальных образований³.

Рассмотрение научной литературы показало, что при изучении российских методик к анализу проблем и драйверов развития бытовых услуг в муниципальных образованиях можно выделить работы, посвященные локальным рынкам услуг, работы, посвященные локальным рынкам бытовых услуг, и, дополнительно, исследования, посвященные рынку услуг муниципальных образований – данный пул информации поможет в систематизации проблем и драйверов развития рынка бытовых услуг в муниципальных образованиях Свердловской области.

Во-первых, работы, посвященные локальным рын-

кам услуг достаточно широко распространены, они охватывают от теоретических аспектов исследования до методических подходов (процессов формирования, функционирования и развития рынка услуг – А.Т. Айдинова, А.С. Попова [1]).

Во-вторых, работы, посвященные локальным рынкам бытовых услуг, концентрируются вокруг таких тем исследований у научного сообщества как кластеризация, фрагментация рынка бытовых услуг. Также рассматриваются вопросы развития бытового обслуживания как в целом, так и, в особенности, в сельских местностях, или, к примеру, совершенствования государственно-частного партнерства в данной сфере – Д.О. Фозилханов [2].

В-третьих, исследования, посвященные рынкам услуг в муниципальных образованиях, несмотря на практический интерес, недостаточно распространены – в виду сложности сбора открытых статистических данных (а также учета одинаковой величины временного ряда) и проведения полноценного анализа по всем муниципалитетам региона. Например, о проблемах и драйверов развития рынка бытовых услуг пишут Д.И. Дорошенко, Д.И. Михайлова и М.В. Зайцева [3], Я.П. Силин и О.В. Харитоненко [4].

Однако стоит отметить, что не обнаружено научных исследований, посвященных комплексному исследованию рынков услуг муниципальных образований на основе использования критериев, отражающих процессы развития бытовых услуг. Как показывает анализ, научные материалы в основном посвящены или анкетированию как способу выявления проблем бытового обслуживания на муниципальном уровне (М.Н. Тонян, А.А. Кутовая [5]), или факторам и тенденциям развития рынка бытовых услуг (С.П. Чукланова [6]). Таким образом, исследования, посвященные рынку бытовых услуг и рынков персональных услуг, недостаточно распространены, что для нас, как авторов, представляет дополнительный научный интерес.

Стоит отметить, что бытовые услуги, по сути, являются персональными услугами, так как при их классификации используются такие критерии как оказание услуг по индивидуальному заказу, персонализированный подход и индивидуализированный результат при их получении⁴.

² Дворякина Е.Б., Елисеева А.А. Сегмент бытового обслуживания регионального рынка услуг Свердловской области // Стратегическое развитие социально-экономических систем в регионе: инновационный подход. Материалы VIII международной научно-практической конференции (Владимир, 06 июня 2022 г.) / под общей редакцией О.Л. Гойхера, М.А. Барина, С.С. Захарова. Владимир: Издательско-полиграфическая компания «Транзит-ИКС», 2022. С. 75–80. EDN: <https://elibrary.ru/teddga>

³ Сингизов И.Ю. Формирование и функционирование муниципальных рынков: автореферат дис. ... канд. эконом. наук: 08.00.05 / Уфим. науч. центр РАН. Уфа, 2006. С. 14–19. EDN: <https://elibrary.ru/znrbd>

⁴ Дворякина Е.Б., Елисеева А.А. Идентификация видов персональных услуг на региональном рынке, способствующих улучшению качества жизни // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 7–2. С. 216–222. EDN: <https://elibrary.ru/zhgpiw>. <https://doi.org/10.17513/vaael.2323>

Зарубежные авторы, F. Bailly, F.-X. Devetter, F. Horn, отмечают, что «персональные услуги привлекли значительное внимание ... с целью достижения двух целей: создания рабочих мест и реинтеграции лиц, наиболее удаленных от рынка труда ... персональные услуги, рассматриваются как источник занятости в период высокой безработицы...» [7, с. 299]. Так, например, учитывая высокий уровень безработицы, население в большей степени ориентировано на персональные услуги с невысокой стоимостью, и это, в свою очередь, приводит к структурным трансформациям в экономике, о чем говорят R. Gopalan, M.C. Singhi [8]. Исследователь K. Xin приходит к выводу о том, что «объекты бытового обслуживания являются важным двигателем, влияющим на экономическое развитие города...» [9, с. 813].

Согласимся с C. Needham в том, что, несомненно, персональные услуги – это услуги, ориентированные на человека [10]. Также отметим выводы P. Graefe о том, что «...постиндустриальные теории ставят персональные услуги в центр обновленной стратегии полной занятости...» [11, с. 466], и коллектива авторов во главе с F. Wynjaerden – развитие социальных сетей способствует удобному получению персональных услуг [12].

К вопросам, посвященным теме регионального изучения отношения населения к потреблению на городских и сельских территориях, проявляется научный интерес с 1970-х гг. Так, например, С.А. Ковалев изучает географию сферы обслуживания, географию потребления населения, географию культуры [13]. А.А. Ткаченко и А.А. Фомкина анализируют географию сферы обслуживания, рассматривающую «...отдельные потребительские услуги и всю их совокупность как важнейшее условие жизни населения» и географию сектора услуг [14, с. 5].

Стоит отметить, что российские и зарубежные ученые отводят важное значение темам, посвященным проблемам развития такого сегмента регионального рынка услуг, как бытовое обслуживание (например, А.К. Законян [15]), и современным подходам к организации и развитию бытового сервиса (к примеру, коллектив авторов во главе с K. Zhang [16]) и др. Рассматривается ряд вопросов касательно современных тенденций развития регионального рынка услуг, в том числе, выделены 3 основные актуальные проблемы: наличие деста-

билизирующих факторов, уровень готовности к процессам цифровизации, а также предпринимательская активность в сфере услуг⁵.

Зарубежные источники все чаще отмечают такую проблему развития рынка бытового обслуживания с учетом персонализации услуг, как неофициальная занятость, то есть бытовые услуги предоставляются работниками, которые не регистрируют всю или часть своей трудовой деятельности в соответствующих налоговых органах, и не фигурируют в официальной статистике⁶. В этом плане можно отметить работы J. Lee, M. Shim, H.-S. Yang [17], E.H. Branch, C. Hanley [18]. Теме темпов роста занятости в индустрии бизнес-услуг уделяется внимание зарубежных авторов, как минимум, с 1986 г. Так, в Ежемесячном обзоре труда W.J. Howe делает вывод о том, что «...отрасли, которые предоставляют услуги предприятиям за вознаграждение или на договорной основе, добились быстрого роста занятости...» [19, с. 29]. С 1985-х гг. целые научные обзоры посвящаются субсидированию потребительских услуг, влиянию на занятость, благосостояние и неформальную экономику (например, N. Frederiksen, P. Hansen, H. Jacobsen, P. Sorensen [20], J. Dahlerup с соавторами [21]).

Таким образом, обзор источников показывает, что проблемы развития бытового обслуживания исследуются учеными в различных ракурсах, однако пространственный контекст не находит полного отражения в исследованиях. Тем самым, является актуальным проведение оценки показателей развития рынков бытовых услуг, формирующихся на локальном уровне, в пределах муниципальных образований, и выделить группы муниципальных образований по характерным для них проблемам развития рынка бытовых услуг.

Объектом исследования выступают муниципальные образования, локализованные в пределах Свердловской области, относящейся к типу старопромышленных регионов России [22, с. 68]. Также, добавим, что Свердловская область, по данным рейтингового агентства SGM (Рэнкинг устойчивого развития Регионов России), в 2020 г. занимает 29-е место (не входит в 20-ку лидеров; основные факторы – это показатель численности населения и вес ВРП в ВВП), а в 2021 г. – 11-е место (лидирующие позиции по сбалансированности развития

⁵ Елисеева А.А. Современные тенденции развития рынка персональных услуг // Современное состояние экономики России: вызовы, возможности, риски. Сборник научных трудов всероссийской научно-практической конференции с международным участием. В 2-х частях (Тверь, 21 декабря 2021 г.) / под общей редакцией И.В. Вязиной, Г.Г. Скворцовой. Тверь: Тверской государственный технический университет, 2022. С. 142–147. EDN: <https://elibrary.ru/rwrry>

⁶ Non-Care Household Services in the OECD. 2.1. Formal Employment. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/sites/fbea8f6e-en/1/3/2/index.html?itemId=/content/publication/fbea8f6e-en&_csp_=33ce42817999b1107db94733708fb83e&itemGO=oecd&itemContentTypr=book (дата обращения: 01.02.2023)

городской инфраструктуры, экономического развития и экологической ситуации) среди 85-ти субъектов Российской Федерации⁷.

Материалы и методы

Организация бытового обслуживания населения муниципальных образований, в соответствии с ФЗ-131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 г., относится к вопросам местного значения. Однако набор показателей муниципальной статистики, характеризующих сферу бытового обслуживания, весьма ограничен, что подтверждается мнением также и других авторов. Данную проблему в русле открытых статистических данных по муниципальным образованиям России отмечает в своих исследованиях Н.В. Ворошилов [23].

Исходя из исследовательских задач по выявлению траекторий развития локальных рынков бытовых услуг, эмпирической базой будут являться такие показатели в разрезе муниципальных образований, как: численность населения муниципального образования; объем платных услуг населению муниципального образования; число объектов бытового обслуживания населения, оказывающих услуги; число приемных пунктов бытового обслуживания, принимающих заказы от населения на оказание услуг. Следует отметить, что в Приказе Росстата от 29.07.2022 № 531 «Об утверждении форм федерального статистического наблюдения для организации федерального статистического наблюдения за состоянием экономики и социальной сферы муниципального образования» предусмотрены всего 2 показателя, характеризующих сферу бытового обслуживания муниципального образования с разбивкой по видам бытовых услуг:

- 1) число объектов бытового обслуживания населения, оказывающих услуги, к которым относятся предприятия (организации) бытового обслуживания; специально оборудованные помещения (их части), предназначенные для оказания услуг населению и обеспеченные необходимым оборудованием (например, ателье, мастерские, павильоны, салоны);
- 2) число приемных пунктов бытового обслуживания, принимающих заказы от населения на оказание услуг, которые включают, как правило, небольшие помещения, осуществляющие прием и выдачу заказов населению, расположенные на отдельных от ателье (мастерской, салона) площадях. В число приемных пунктов включаются также передвижные приемные пун-

кты, осуществляющие прием и выдачу заказов в населенных пунктах по утвержденному графику работы. Передвижной приемный пункт бытового обслуживания – транспортное средство, оборудованное и используемое только для приема и транспортирования в бытовом обслуживании определенных видов изделий или для оказания бытовых услуг.

Для анализа можно использовать показатели числа объектов и пунктов бытового обслуживания по следующим видам бытовых услуг: ремонт, окраска и пошив обуви; ремонт и пошив швейных, меховых и кожаных изделий, головных уборов и изделий текстильной галантереи, ремонт, пошив и вязание трикотажных изделий; ремонт и техническое обслуживание бытовой радиоэлектронной аппаратуры, бытовых машин и приборов и изготовлению металлоизделий; техническое обслуживание и ремонт транспортных средств, машин и оборудования; изготовление и ремонт мебели; химическая чистка и крашение, услуги прачечных; ремонт и строительство жилья и других построек; услуги саун, бань и душевых; парикмахерские и косметические услуги; услуги фотоателье; ритуальные услуги; прочие бытовые услуги.

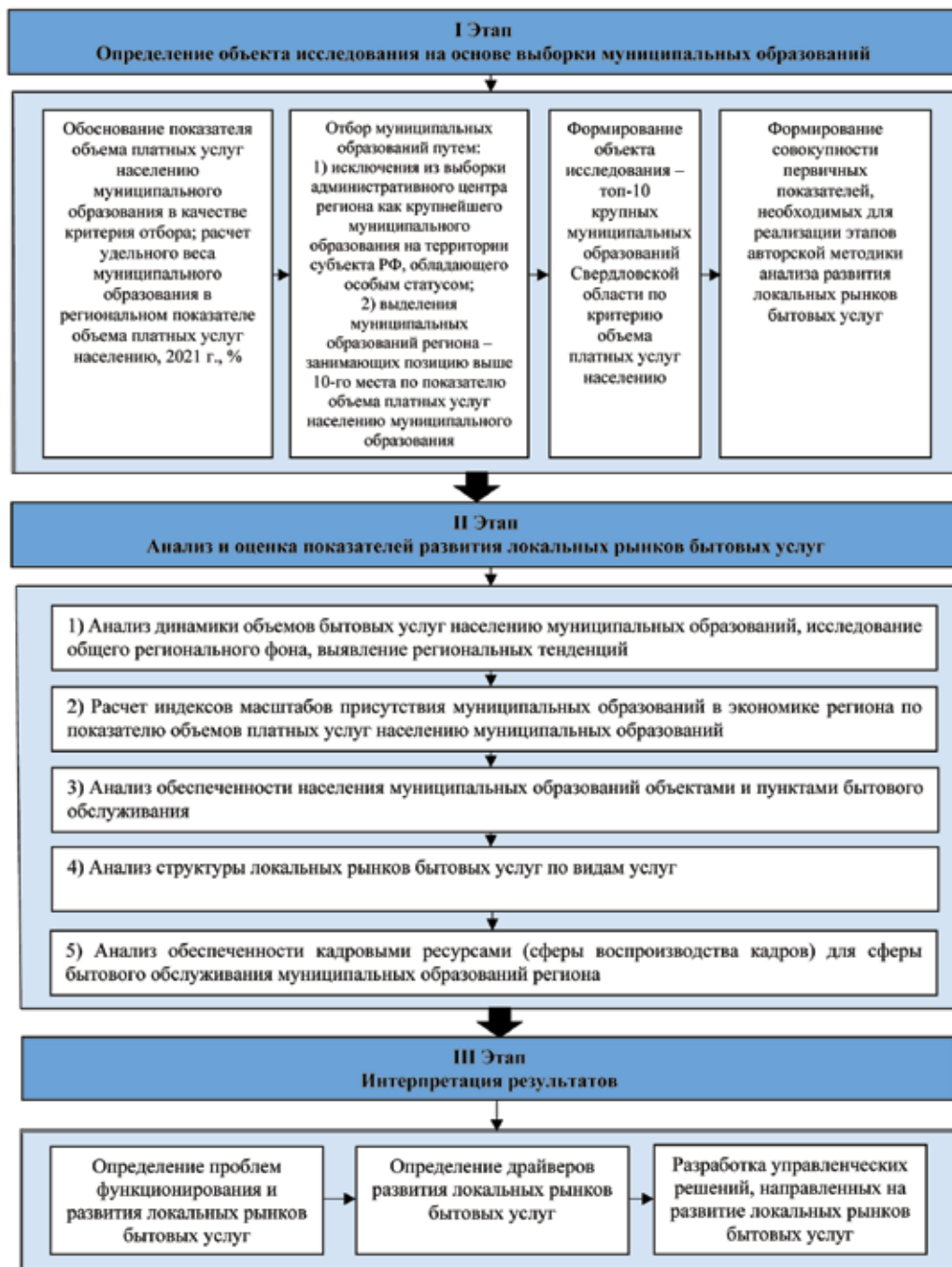
Концептуальная схема предлагаемой авторами методики анализа рынков бытовых услуг муниципальных образований с целью выявления тенденций и драйверов их развития представлена на рис. 1.

Концептуальная схема предлагаемой авторами методики включает 3 этапа.

На первом этапе, прежде всего, определяется объект исследования. Объектом настоящего исследования выступили локальные рынки бытовых услуг крупных муниципальных образований Свердловской области, отобранные исходя из следующих методических предпосылок: во-первых, в выборке не участвует административный центр региона как крупнейшее муниципальное образование на территории субъекта РФ, обладающее особым статусом; во-вторых, в выборку включены 10 крупных муниципальных образований региона – лидеров по показателю объемов платных услуг населению, все они имеют статус городских округов. Также на первом этапе происходит формирование совокупности первичных показателей, необходимых для реализации этапов авторской методики анализа развития локальных рынков бытовых услуг.

Второй этап авторской методики сформирован за счет нескольких аналитических блоков, которые базируются на расчете вторичных показателей, позволяющих сформулировать аналитические вы-

⁷Рэнкинг устойчивого развития Регионов России, 2020 и 2021 гг. // Официальный сайт SGM рейтингового агентства. Рейтинги. URL: <https://agencysgm.com/upload/iblock/05b/05b0bd931bf3a3023229ca5c429293b5.pdf>; <https://agencysgm.com/upload/iblock/b29/b298c6ee81a4616684238792f7498285.pdf> (дата обращения: 26.10.2022)

Разработано авторами

Рис. 1. Концептуальная схема анализа рынков бытовых услуг муниципальных образований с целью выявления тенденций и драйверов их развития

Developed by the authors

Fig. 1. Conceptual scheme of analysis of municipal consumer services markets in order to identify trends and drivers of their development

воды о тенденциях развития локальных рынков бытовых услуг:

- 1) анализ динамики объемов бытовых услуг населению муниципальных образований, исследование общего регионального фона, выявление тенденций, характерных для экономики региона;

- 2) расчет индексов масштабов присутствия муниципальных образований в экономике региона по показателю объемов платных услуг населению;
- 3) анализ обеспеченности населения муниципальных образований объектами и пунктами бытового обслуживания;

- 4) анализ структуры рынков бытовых услуг по видам услуг;
- 5) анализ обеспеченности кадровыми ресурсами (сферы воспроизводства кадров) для сферы бытового обслуживания муниципальных образований региона.

Третий этап авторской методики представляет собой, по сути, институциональную интерпретацию полученных аналитических результатов: определяются проблемы и драйверы развития локальных рынков бытовых услуг, что является основой для разработки соответствующих управленческих решений органами государственной власти субъекта РФ и органами местного самоуправления.

Результаты исследования

К вопросу о развитии сферы услуг в целом, стоит отметить, что как раз данный сектор является драйвером, способствующим экономической трансформации на потребительском рынке. Услуги, в том числе, бытовые и персональные, являются «жизненно важным источником производства, роста и рабочих мест в регионе ... сектор услуг может служить двигателем инклюзивного роста»⁸.

В результате реализации первого этапа предлагаемой методики определен объект настоящего исследования, который сформирован за счет топ-10 муниципальных образований, расположенных на

территории Свердловской области, по критерию объема платных услуг населению. К их числу относятся: г. Нижний Тагил, г. Каменск-Уральский, Серовский городской округ, городской округ Верхняя Пышма, городской округ Первоуральск, Березовский городской округ, Полевской городской округ, Асбестовский городской округ, городской округ Ревда, Верхнесалдинский городской округ (табл. 1).

На втором этапе авторской методики предполагается реализация нескольких аналитических блоков. Из них 1-й блок предполагает расчет общих показателей динамики по всей совокупности муниципальных образований Свердловской области в разрезе видов бытовых услуг населению (табл. 2).

Представленные в табл. 2 показатели позволяют выявить ряд тенденций рынка бытовых услуг в Свердловской области, формирующих общие региональные условия для функционирования локальных рынков бытовых услуг.

Во-первых, на формирование траекторий развития различных видов бытовых услуг существенное влияние оказал такой форс-мажорный фактор, как распространение новой коронавирусной инфекции COVID-19, о чем наглядно свидетельствуют индексы физического объема бытовых услуг за 2020 г. Сокращение произошло по всем видам бытовых услуг (размах вариации – от 51,8 до 91,8), за исключением услуг по прокату и ритуальных услуг.

Таблица 1

Выборка муниципальных образований Свердловской области по критерию объема платных услуг населению (топ-10 крупных муниципальных образований)

Table 1

A sample of municipalities of the Sverdlovsk region according to the criterion of the volume of paid services to the population (top 10 large municipalities)

№	Муниципальное образование	Удельный вес в региональном показателе объема платных услуг населению, 2021 г., %
1	город Нижний Тагил	16,92
2	город Каменск-Уральский	13,00
3	Серовский городской округ	5,77
4	городской округ Верхняя Пышма	4,42
5	городской округ Первоуральск	4,16
6	Березовский городской округ	3,42
7	Полевской городской округ	3,00
8	Асбестовский городской округ	2,94
9	городской округ Ревда	2,87
10	Верхнесалдинский городской округ	2,79

Рассчитано авторами по материалам: База данных муниципальных образований Свердловской области // Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://gks.ru/dbscripts/munst/munst65/Dblnet.cgi> (дата обращения: 01.06.2023)

Calculated by the authors based on materials in: Database of municipalities of the Sverdlovsk region. Federal state statistics service. URL: <http://gks.ru/dbscripts/munst/munst65/Dblnet.cgi> (accessed: 01.06.2023) (In Russ.)

⁸ Developing the Service Sector as an Engine of Growth for Asia. URL: <https://www.adb.org/publications/developing-service-sector-engine-growth-asia> (дата обращения: 12.04.2023)

Таблица 2

Индексы физического объема бытовых услуг населению по видам, в % к предыдущему году

Table 2

Indices of the physical volume of household services to the population by type, in % compared to the previous year

Виды услуг	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Все оказанные бытовые услуги:	100,5	100,2	101,2	74,3	116,4	98,1
Ремонт, окраска и пошив обуви	100,4	101,2	102,6	54,3	125,0	107,0
Ремонт и пошив швейных, меховых и кожаных изделий, головных уборов и изделий текстильной галантереи, ремонт, пошив и вязание трикотажных изделий	98,1	100,6	100,4	51,8	108,2	97,5
Ремонт и техническое обслуживание бытовой радиоэлектронной аппаратуры, бытовых машин и бытовых приборов, ремонт и изготовление металлоизделий	101,6	99,9	101,0	86,5	107,7	100,5
Техническое обслуживание и ремонт транспортных средств, машин и оборудования	98,3	100,1	101,4	91,8	127,9	91,1
Изготовление и ремонт мебели	не рассчитывается			72,6	114,6	103,5
Химическая чистка и крашение, услуги прачечных	100,8	100,8	94,5	56,6	137,0	112,0
Ремонт и строительство жилья и других построек	102,2	100,0	102,9	64,1	114,9	100,0
Услуги фотоателье	99,7	100,7	102,4	60,4	139,4	111,1
Услуги бань, душевых	100,6	99,5	100,5	73,4	114,5	100,0
Парикмахерские и косметические услуги	104,3	101,0	99,6	75,2	114,3	92,0
Услуги предприятий по прокату	не рассчитывается			180,0	150,0	91,0
Ритуальные услуги	100,4	100,1	95,0	100,3	102,3	101,5
Прочие виды бытовых услуг	не рассчитывается			88,1	113,7	108,0

Составлено авторами по материалам: Информационный материал о состоянии и развитии сферы бытовых услуг за 2021, 2022 гг. // Министерство Агропромышленного комплекса и потребительского рынка Свердловской области. URL: <https://mcxso.midural.ru/article/show/id/225> (дата обращения: 05.06.2023)

Compiled by the authors based on materials in: Information material on the state and development of the sphere of household services for 2021, 2022. Ministry of Agro-industrial Complex and consumer market of the Sverdlovsk region. URL: <https://mcxso.midural.ru/article/show/id/225> (accessed: 05.06.2023) (In Russ.)

Во-вторых, к видам бытовых услуг с поступательными положительными траекториями развития относятся ремонт, окраска и пошив обуви, ремонт и строительство жилья и других построек.

В-третьих, поскольку рынок бытовых услуг объединяет весьма разнообразные по характеру виды бытовых услуг, то и траектории их развития также различаются, что подтверждается значениями индексов физического объема (табл. 2), для большинства из которых характерна неустойчивая динамика вследствие колебаний спроса.

2-й аналитический блок включает расчет индексов масштабов присутствия отобранных муниципальных образований в динамике (табл. 3).

Оценка индексов масштабов присутствия позволяет идентифицировать следующие тенденции.

Во-первых, для 4-х муниципальных образований (г. Нижний Тагил, г. Верхняя Пышма, г. Первоуральск, г. Полевской) характерно сокращение масштабов присутствия в экономическом пространстве региона по показателю объема платных услуг населению вследствие влияния синергетического эффек-

та Екатеринбургской городской агломерации (как места концентрации услуг и большей степени их диверсификации).

Во-вторых, остальные муниципальные образования увеличили свои масштабы присутствия, что связано с ростом объемов платных услуг населению, увеличением количества объектов и пунктов бытового обслуживания, а также активизацией деятельности органов местного самоуправления соответствующих муниципальных образований по организации бытового обслуживания.

Отметим также, что с течением времени происходит преобразование в системе общественных потребностей. Некоторые платные виды услуг становятся менее востребованными, и наоборот, рост уровня жизни населения и его социальной активности, а также повышение образовательного и культурного уровней последовательно расширяют спектр потребностей, в связи с чем не только возрастает спрос и потребность населения в новых видах платных услуг, но и происходит смещение акцента на персонализированное потребление.

Таблица 3

Индексы масштабов присутствия муниципальных образований Свердловской области по показателю объема платных услуг населению (топ-10 крупных муниципальных образований)

Table 3

Indices of the scale of the presence of municipalities of the Sverdlovsk region in terms of the volume of paid services to the population (top 10 large municipalities)

№	Наименование муниципального образования Свердловской области	Индексы масштабов присутствия, %					
		2016	2017	2018	2019	2020	2021
1	город Нижний Тагил	128,06	78,48	75,99	90,12	97,31	96,39
2	город Каменск-Уральский	168,70	273,17	264,74	232,88	240,14	262,78
3	Серовский городской округ	72,09	81,44	77,12	83,25	96,51	144,10
4	городской округ Верхняя Пышма	188,79	187,74	153,74	132,16	116,74	128,94
5	городской округ Первоуральск	119,48	127,12	119,46	107,77	87,27	75,75
6	Березовский городской округ	68,89	79,51	111,67	109,87	117,77	115,00
7	Полевской городской округ	137,47	145,30	188,35	136,34	106,25	114,49
8	Асбестовский городской округ	98,91	115,77	112,82	118,93	117,14	117,44
9	городской округ Ревда	102,67	110,74	97,10	86,23	64,04	118,46
10	Верхнесалдинский городской округ	152,50	153,82	137,60	141,58	144,42	163,75

Рассчитано авторами по материалам: База данных муниципальных образований Свердловской области // Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://gks.ru/dbscripts/munst/munst65/Dblnet.cgi> (дата обращения: 11.06.2023)

Calculated by the authors based on materials in: Database of municipalities of the Sverdlovsk region. Federal state statistics service. URL: <http://gks.ru/dbscripts/munst/munst65/Dblnet.cgi> (accessed: 11.06.2023) (In Russ.)

Для реализации 3-го аналитического блока в рамках второго этапа авторской методики рассчитаем показатель обеспеченности объектами и пунктами бытового обслуживания населения – расчет соответствующих подушевых показателей представлен в табл. 4.

По результатам показателя обеспеченности населения объектами и пунктами бытового обслуживания мы можем сделать несколько основополагающих выводов.

Во-первых, данный показатель растет. За весь анализируемый период, с 2016 по 2021 гг., еже-

Таблица 4

Показатели обеспеченности населения муниципальных образований Свердловской области объектами и пунктами бытового обслуживания (топ-10 крупных муниципальных образований)

Table 4

Indicators of provision of the population of municipalities of the Sverdlovsk region with facilities and consumer service points (top 10 large municipalities)

№	Муниципальное образование	Показатель обеспеченности объектами и пунктами бытового обслуживания, на душу населения					
		2016	2017	2018	2019	2020	2021
1	город Нижний Тагил	0,0022	0,0024	0,0024	0,0027	0,0028	0,0029
2	город Каменск-Уральский	0,0041	0,0041	0,0042	0,0044	0,0045	0,0045
3	Серовский городской округ	0,0020	0,0023	0,0024	0,0024	0,0022	0,0022
4	городской округ Верхняя Пышма	0,0025	0,0025	0,0026	0,0028	0,0029	0,0029
5	городской округ Первоуральск	0,0012	0,0012	0,0012	0,0012	0,0013	0,0014
6	Березовский городской округ	0,0019	0,0020	0,0023	0,0023	0,0023	0,0023
7	Полевской городской округ	0,0030	0,0031	0,0031	0,0031	0,0030	0,0031
8	Асбестовский городской округ	0,0025	0,0026	0,0027	0,0028	0,0029	0,0034
9	городской округ Ревда	0,0023	0,0024	0,0025	0,0024	0,0024	0,0024
10	Верхнесалдинский городской округ	0,0033	0,0030	0,0031	0,0031	0,0029	0,0036

Рассчитано авторами по материалам: База данных муниципальных образований Свердловской области // Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://gks.ru/dbscripts/munst/munst65/Dblnet.cgi> (дата обращения: 11.06.2023)

Calculated by the authors based on materials in: Database of municipalities of the Sverdlovsk region. Federal state statistics service. URL: <http://gks.ru/dbscripts/munst/munst65/Dblnet.cgi> (accessed: 11.06.2023) (In Russ.)

годный показатель имеет значение не ниже предшествующего периода в 6-ти из 10-ти исследуемых муниципальных образованиях Свердловской области, таких как г. Нижний Тагил, г. Каменск-Уральский, городской округ Верхняя Пышма, городской округ Первоуральск, Березовский городской округ, Асбестовский городской округ (пиковое значение наблюдается в 2021 г.). Тенденция роста показателя обеспеченности может говорить о сбалансированном соотношении совокупного объема объектов и пунктов бытового обслуживания к численности населения, а также о спросе населения на бытовые услуги.

Во-вторых, данный показатель снижается, имеет скачкообразный характер, в 4-х муниципальных образованиях – Серовский городской округ (тенденция спада в 2020 г., в 2021 г. значение показателя на том же уровне), Полевской городской округ (тенденция спада в 2020 г., но в 2021 г. тенденция роста), городской округ Ревда (тенденция спада в 2019 г., при этом в 2020-2021 гг. значение показателя на уровне 2019 г.), Верхнесалдин-

ский городской округ (тенденция спада отмечена в 2017 и в 2020 гг., но при этом рост в 2021 г.). Тенденция снижения показателя обеспеченности может говорить о несбалансированном соотношении совокупного объема объектов и пунктов бытового обслуживания к численности населения. Например, сокращается количество объектов инфраструктуры сферы бытового обслуживания, что может свидетельствовать о недостаточной возможности удовлетворения спроса населения в бытовых услугах, нехватки предложения на рынке бытовых услуг. Также стоит иметь ввиду и сокращение численности населения, как фактор, влияющий на спад показателя – снижение спроса у населения.

Далее, в рамках 4-го аналитического блока, проведем анализ структуры рынка бытовых услуг по всей совокупности муниципальных образований Свердловской области по видам услуг (табл. 5), а также проанализируем динамику среди топ-10 муниципальных образований по количеству объектов и пунктов бытового обслуживания по видам оказываемых бытовых услуг.

Таблица 5

Структура рынка бытовых услуг Свердловской области по видам бытовых услуг

Table 5

Structure of the consumer services market of the Sverdlovsk region by types of household services

№	Наименование вида бытовых услуг	Удельный вес вида бытовой услуги в общерегиональном показателе объема бытовых услуг, %					
		2016	2017	2018	2019	2020	2021
1	Ремонт и строительство жилья и других построек	32,4	31,8	32,1	33,3	29,7	31,3
2	Техническое обслуживание и ремонт транспортных средств, машин и оборудования	20,3	20,2	19,3	18,8	22,5	26,4
3	Услуги фотоателье	1,7	1,7	1,7	1,7	1,3	1,6
4	Услуги по аренде, лизингу и прокату	н/д	0,4	0,5	0,5	1,0	1,4
5	Ремонт и техническое обслуживание бытовой радиоэлектронной аппаратуры, бытовых машин и приборов, ремонт и изготовление металлоизделий	9,4	9,7	9,7	9,4	11,1	10,0
6	Ремонт, окраска и пошив обуви	2,7	2,7	2,7	2,8	2,0	2,3
7	Изготовление, сборка и ремонт мебели	2,2	2,3	2,2	2,2	2,2	2,4
8	Ремонт и пошив швейных, меховых и кожаных изделий, головных уборов и изделий текстильной галантереи, ремонт, пошив и вязание трикотажных изделий	11,8	12,1	12,1	12,1	8,6	8,1
9	Химическая чистка и крашение, услуги прачечных	0,4	0,4	0,5	0,4	0,4	0,4
10	Парикмахерские и косметические услуги	5,3	5,2	5,3	5,1	5,1	5,7
11	Ритуальные услуги	6,4	6,2	6,2	5,9	7,5	6,8
12	Услуги саун, бань и душевых	3,1	3,2	3,4	3,5	3,5	3,6
13	Прочие виды бытовых услуг	4,3	4,1	4,3	4,3	5,1	н/д

Рассчитано авторами по материалам: Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: <https://www.fedstat.ru> (дата обращения: 12.06.2023)

Calculated by the authors based on materials in: Unified Interdepartmental Information and Statistical System (EMISS). URL: <https://www.fedstat.ru> (accessed: 12.06.2023) (In Russ.)

Анализ структурных показателей позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, структура рынка бытовых услуг является неоднородной. Лидирующее положение в структу-

ре занимает ремонт и строительство жилья и других построек, удельный вес которого в 2016 г. составил 32,4%, в 2021 г. – 31,3%. Несмотря на отрицательное значение массы структурного сдвига (-1,1 п.п.), данный вид услуги сохранился на первом месте.

2-е место занимают услуги технического обслуживания и ремонта транспортных средств, машин и оборудования. Масса структурного сдвига 2021 к 2016 гг. составляет 6,1 п.п., основной его причиной является рост потребительских цен в данном виде обслуживания.

3-е место занимают услуги ремонта и пошива швейных, меховых и кожаных изделий, головных уборов и изделий текстильной галантереи, ремонта, пошива и вязания трикотажных изделий. В период 2016–2019 гг. показатель удельного веса

был стабилен, однако в постпандемийный период он не смог достигнуть своих первоначальных значений (сокращение на 3,7 п.п.). В указанный период фокус потребления сместился в сторону приобретения готовых предметов потребления на цифровых маркетплейсах.

Следует отметить, что на структурные сдвиги во многом повлиял фактор распространения коронавирусной инфекции, в результате чего структура рынка бытовых услуг претерпела изменения. Всплеск развития электронной торговли и рост цен в соответствующих сегментах бытового обслуживания обусловили структурные сдвиги.

Количество объектов и пунктов бытового обслуживания, тем не менее, характеризуется тенденцией к росту (табл. 6).

Таблица 6

Количество объектов и пунктов бытового обслуживания в муниципальных образованиях Свердловской области

Table 6

The number of facilities and consumer service points in the municipalities of the Sverdlovsk region

№	Муниципальное образование	Количество объектов и пунктов бытового обслуживания, ед.						
		2016	2017	2018	2019	2020	2021	Темп роста, 2021 к 2016 гг., %
1	город Нижний Тагил	806	849	868	964	973	996	123,6
2	город Каменск-Уральский	710	706	723	739	750	754	106,2
3	Серовский городской округ	216	244	255	256	229	223	103,2
4	городской округ Верхняя Пышма	202	211	220	238	250	252	124,8
5	городской округ Первоуральск	173	178	178	178	188	199	115,0
6	Березовский городской округ	139	151	174	171	172	174	125,2
7	Полевской городской округ	213	217	217	213	205	212	99,5
8	Асбестовский городской округ	170	174	181	186	187	221	130,0
9	городской округ Ревда	145	155	159	156	151	147	101,4
10	Верхнесалдинский городской округ	152	137	138	139	130	158	103,9

Рассчитано авторами по материалам: База данных муниципальных образований Свердловской области // Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://gks.ru/dbscripts/munst/munst65/Dblnet.cgi> (дата обращения: 11.06.2023)

Calculated by the authors based on materials in: Database of municipalities of the Sverdlovsk region. Federal state statistics service. URL: <http://gks.ru/dbscripts/munst/munst65/Dblnet.cgi> (accessed: 11.06.2023) (In Russ.)

Общей региональной траекторией развития сети бытового обслуживания является рост количества объектов бытового обслуживания. Анализируемые муниципальные образования также находятся в русле данной тенденции, что подтверждается рассчитанными темпами роста (см. табл. 6).

Отметим, что в целом для региона характерна следующая ситуация: в структуре основных видов наблюдаемых бытовых услуг Свердловской области наибольшая доля (66%) от общего количества объектов приходится на 4 вида бытовых услуг:

- парикмахерские и косметические услуги – 23,3%;

- прочие виды бытовых услуг (компьютерные клубы, копировальные услуги, аттракционы, услуги нянь и гувернанток, клининговые компании) – 21,7%;
- техническое обслуживание и ремонт транспортных средств, машин и оборудования – 13,5%;
- ремонт и пошив швейных, меховых и кожаных изделий, головных уборов и изделий текстильной галантереи, ремонт, пошив и вязание трикотажных изделий – 7,5%.

Данную региональную ситуацию подтверждают и результаты анализа структуры рынка бытовых услуг исследуемых муниципальных образований. К

видам бытовых услуг – лидерам по количеству объектов – относятся следующие:

- парикмахерские и косметические услуги (г. Первоуральск – 30,8%, г. Нижний Тагил – 25,7%, г. Асбест – 24,5%, г. Верхняя Пышма – 24%, г. Ревда – 21,4% и т.д.);
- техническое обслуживание и ремонт транспортных средств, машин и оборудования (г. Полевской – 21,8%, г. Березовский – 17,2%, г. Верхняя Пышма – 17,2%, г. Каменск-Уральский – 11,7% и т.д.);
- ремонт и пошив швейных, меховых и кожаных изделий, головных уборов и изделий текстильной галантереи, ремонт, пошив и вязание трикотажных изделий (г. Асбест – 16,2%, г. Нижний Тагил – 8,1%, г. Первоуральск – 11%, г. Полевской – 9,2% и т.д.).

В рассматриваемом периоде наблюдается тенденция роста количества объектов по прочим бытовым услугам, к которым относятся лизинг, аренда строительного инвентаря и оборудования, ремонт компьютеров, предоставление услуг по дневному уходу за детьми и другие (г. Каменск-Уральский +20 ед., г. Верхняя Пышма +47 ед., г. Асбест +47

ед., г. Полевской +13 ед., г. Ревда +18 ед.). Тенденция сокращения количества объектов характерна для таких видов бытовых услуг, как ремонт и техническое обслуживание бытовой радиоэлектронной аппаратуры, бытовых машин и приборов и изготовление металлоизделий (г. Нижний Тагил -26 ед., г. Верхняя Пышма -13 ед., г. Ревда -9 ед.).

Далее, 5-й аналитический блок в рамках второго этапа авторской методики предполагает проведение анализа обеспеченности кадровыми ресурсами для сферы бытового обслуживания муниципальных образований региона на основе данных о реализации основных профессиональных образовательных программ учреждениями среднего профессионального образования, расположенными в анализируемых муниципальных образованиях Свердловской области (табл. 7).

Следует отметить, что на территории Свердловской области подготовка кадров для сферы бытового обслуживания ведется в 32-х муниципальных образованиях, в том числе и в тех, которые являются полигоном настоящего исследования. Тем

Таблица 7

Основные профессиональные образовательные программы, реализуемые учреждениями среднего профессионального образования, по подготовке кадров для сферы бытового обслуживания (топ-10 крупных муниципальных образований Свердловской области)

Table 7

The main professional educational programs implemented by institutions of secondary vocational education, training personnel for the field of consumer services (top 10 large municipalities of the Sverdlovsk region)

Наименование	Наименование профессиональной образовательной организации	Наименование образовательной программы	Количество образовательных программ
1	2	3	4
г. Каменск-Уральский	ГАПОУ СО «Каменск-Уральский агропромышленный техникум»	• Сварщик (ручной и частично механизированной сварки (наплавки)); • Мастер по ремонту и обслуживанию автомобилей; • Информационные системы и программирование	3
г. Каменск-Уральский	ГАПОУ СО «Каменск-Уральский техникум торговли и сервиса»	• Мастер общестроительных работ; • Мастер отделочных работ; • Парикмахерское искусство; • Строительство и эксплуатация зданий и сооружений; • Дизайн; • Маляр строительный; • Парикмахер; • Швея; • Конструирование, моделирование и технология швейных изделий; • Плотник; • Автомеханик	11
г. Нижний Тагил	ГАПОУ СО «Высокогорский многопрофильный техникум»	• Мастер отделочных строительных и декоративных работ; • Электромонтер по ремонту и обслуживанию электрооборудования; • Сварщик (ручной и частично механизированной сварки (наплавки)); • Техническое обслуживание и ремонт двигателей, систем и агрегатов автомобилей	4
г. Нижний Тагил	ГАПОУ СО «Нижнетагильский строительный колледж»	• Садово-парковое и ландшафтное строительство; • Дизайн	2
г. Нижний Тагил	ГБПОУ СО «Нижнетагильский железнодорожный техникум»	• Техническое обслуживание и ремонт двигателей, систем и агрегатов автомобиля	1
г. Нижний Тагил	ГАПОУ СО «Нижнетагильский государственный профессиональный колледж имени Никиты Акинфиевича Демидова»	• Парикмахер; • Мастер по ремонту и обслуживанию автомобилей; • Портной; • Техническое обслуживание и ремонт двигателей, систем и агрегатов автомобилей; • Технология парикмахерского искусства	5

Окончание таблицы 7

End of table 7

1	2	3	4
г. Нижний Тагил	ГАПОУ СО «Нижнетагильский техникум металлообрабатывающих производств и сервиса»	• Сварщик ручной и частично механизированной сварки (наплавки); • Электромонтер по ремонту и обслуживанию электрооборудования; • Техническая эксплуатация и обслуживание электрического и электромеханического оборудования; • Технология парикмахерского искусства; • Парикмахерское искусство	5
г. Первоуральск	ГАПОУ СО «Первоуральский политехникум»	• Мастер общестроительных работ; • Сварщик (ручной и частично механизированной сварки (наплавки)); • Портной; • Строительство и эксплуатация зданий и сооружений; • Технологии индустрии красоты; • Сварочное производство	6
г. Полевской	ГАПОУ СО «Полевской многопрофильный техникум им. В.И. Назарова»	• Техническая эксплуатация и обслуживание электрического и электромеханического оборудования (по отраслям); • Техническая эксплуатация подъемно-транспортных, строительных, дорожных машин и оборудования (по отраслям); • Строительство и эксплуатация зданий и сооружений	3
г. Ревда	ГАПОУ СО «Ревдинский многопрофильный техникум»	• Техническое обслуживание и ремонт двигателей, систем и агрегатов автомобилей; • Техническая эксплуатация и обслуживание электрического и электромеханического оборудования (по отраслям); • Сварочное производство; • Мастер отделочных строительных и декоративных работ	4
г. Верхняя Пышма	ГБПОУ СО «Верхнепышминский механико-технологический техникум «Юность»	• Техническая эксплуатация и обслуживание электрического и электромеханического оборудования; • Парикмахер	2
г. Серов	ГБПОУ СО «Серовский политехнический техникум»	• Техническая эксплуатация и обслуживание электрического и электромеханического оборудования; • Сварщик (ручной и частично механизированной сварки (наплавки)); • Мастер слесарных работ	3
г. Асбест	ГАПОУ СО «Асбестовский политехникум»	• Техническая эксплуатация и обслуживание электрического и электромеханического оборудования; • Сварщик (ручной и частично механизированной сварки (наплавки)); • Парикмахер	3
г. Серов	ГБПОУ СО «Серовский металлургический техникум»	• Техническая эксплуатация и обслуживание электрического и электромеханического оборудования	1
г. Березовский	ГАПОУ СО «Березовский техникум «Профи»	• Мастер по ремонту и обслуживанию автомобилей; • Сварщик ручной и частично механизированной сварки (наплавки); • Мастер отделочных строительных и декоративных работ	3

Составлено авторами по материалам: Список образовательных организаций Свердловской области, осуществляющих подготовку кадров для сферы бытовых услуг // Министерство Агропромышленного комплекса и потребительского рынка Свердловской области. URL: <https://mcxso.midural.ru/article/show/id/225> (дата обращения: 05.06.2023)

Compiled by the authors based on the materials in: List of educational organizations of the Sverdlovsk region that train personnel for the sphere of household services. Ministry of Agro-industrial Complex and consumer market of the Sverdlovsk region. URL: <https://mcxso.midural.ru/article/show/id/225> (accessed: 05.06.2023) (In Russ.)

не менее, обеспеченность рабочими местами в анализируемом периоде остается на уровне 2019 г. Сложные экономические условия, связанные с пандемией и СВО, затронули и рынок трудовых ресурсов бытовых услуг. Несмотря на открытие новых объектов, с 2020 г. происходит активный процесс оптимизации кадров, переход в самозанятые и отток специалистов в теневой бизнес.

Отметим, что условия, способствующие развитию бытового обслуживания, обеспечиваются, в том

числе, за счет муниципальных программ, направленных на развитие потребительского рынка (рынка бытовых услуг), а также успешной реализации стратегий социально-экономического развития муниципального образования, которые включают целевые векторы, направленные на развитие бытового обслуживания.

Конечно, стоит затронуть и государственную программу Свердловской области до 2024 г., направленную на поддержку малого и среднего предпри-

нимательства, например, в рамках подпрограммы 2 «Импульс для предпринимательства»⁹. Основными операторами в Свердловской области выступают фонд поддержки предпринимательства и муниципальные фонды поддержки предпринимательства. Также, к примеру, предприниматели могут выбрать свободное помещение через реестр свободных объектов (по ключевым параметрам: тип объекта, район, этаж, назначение, программы, памятник и др.), что существенно облегчает поиск выбора помещения, предназначенного для бытового обслуживания населения.

Так, например, в г. Нижний Тагил реализуется комплексный план мероприятий «Развитие потребительского рынка и услуг на территории города до 2025 г.», что служит инструментом развития сектора бытового обслуживания на потребительском рынке услуг, посредством увеличения рабочих мест на объектах бытового обслуживания и содействия обеспеченности бытовыми услугами населения через расширение количества предприятий данной сферы¹⁰.

Или, к примеру, г. Каменск-Уральский, который имеет опыт проведения ярмарок за счет реализации «Плана ярмарок». Это способствует развитию рынка услуг и оказывает влияние на насыщение социально-экономической среды муниципального образования бытовым обслуживанием (к примеру, оказание услуг растениеводства, ландшафтной сферы)¹¹.

Н.В. Усова выделяет 4 основные задачи для развития потребительского рынка, как мы полагаем, влияющие на развитие бытового обслуживания, так и на РРПУ, включающие «...ускорение темпов развития оптимальной инфраструктуры ... формирование современной организации и технологии товародвижения ... внедрение прогрессивных инновационных направлений, форм и методов торговли ... разработку новых подходов к решению кадрового вопроса» [24, с. 60].

Сфера услуг решает массу социально-бытовых проблем населения, улучшает качество жизни людей и экономит их время. К примеру, R.K. Williams поясняет, что современный мир ориентирован на услуги, и для развития цифровых персональных услуг необходимо внедрять и использовать дизайн-технологии на цифровых платформах предприятий, которые оказывают данный вид услуг [25]. Цифро-

вые платформы на рынках различных видов услуг, в том числе и на рынке бытового обслуживания, являются эффективным инструментом развития рынка за счет возможности персонализации услуг, поскольку они способствуют формированию цифровых персональных услуг (X. Li, J. Li, C. Yuan, S. Guo, Z. Wang [26, с. 7], M. Jovanovic, D. Sjodin, V. Parida [27], S. Elamanov с соавторами [28]).

Считаем необходимым остановиться на территориальном аспекте, который заключается в том, что муниципальные образования представляют собой сложные территориальные объекты, то есть состоят из совокупности поселений, и в их состав входят сельские населенные пункты с расположенными в них объектами бытового обслуживания. Наиболее распространенными видами персональных услуг, предоставляемых в сельских населенных пунктах рассматриваемых муниципальных образований, являются: парикмахерские и косметические услуги, техническое обслуживание и ремонт транспортных средств, услуги бань и душевых, фотоуслуги, услуги по ремонту жилья (установка пластиковых конструкций, дверей), ритуальные услуги, ремонт бытовых машин и приборов. Все эти персональные услуги оказываются по заказам, поскольку стационарные объекты по оказанию услуг на селе зачастую отсутствуют. Одной из причин невысокого уровня охвата обеспеченности сельских населенных пунктов бытовыми услугами является отсутствие субсидий на поддержку малого предпринимательства со стороны местных и областного бюджетов. Как правило, выездное обслуживание производится по предварительным заявкам, и часто, ввиду высоких издержек и невысокого стабильного спроса населения, эта форма обслуживания является убыточной.

В условиях отсутствия объектов службы быта в сельских населенных пунктах целесообразно предусмотреть следующие мероприятия:

- организация автобусного сообщения между населенными пунктами, что подтверждается выводами Е.В. Каменской и И.А. Степановой [29, с. 114], также А.В. Мартыненко и А.А. Шевцова [30, с. 32];
- организация выездного обслуживания населения в сельской местности на постоянной основе, чем должны заниматься специалисты администраций муниципальных образований. В данном контексте

⁹ Постановление от 17 ноября 2014 г. № 1002-ПП «Об утверждении государственной программы Свердловской Области «Повышение инвестиционной привлекательности Свердловской области до 2024 г.». URL: <https://mir.midural.ru/sites/default/files/files/gosprogrmma.pdf> (дата обращения: 25.10.2022)

¹⁰ Постановление Администрации г. Нижний Тагил от 25 февраля 2021 г. № 375-ПА «Об утверждении комплексного плана мероприятий «Развитие потребительского рынка и услуг на территории города Нижний Тагил на 2021–2025 годы». URL: <https://docs.cntd.ru/document/574627039> (дата обращения: 31.05.2023)

¹¹ Потребительский рынок, услуги. URL: https://kamensk-uralskiy.ru/jekonomika/potrebitelskij_rinok_uslugi.html (дата обращения: 31.05.2023)

стоит заострить внимание на формах мобильного социального обслуживания для граждан пожилого возраста, лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов – мобильных бригадах, консультационных услугах по телефону.

Выводы

На современном этапе рынок бытовых услуг является значимым сектором регионального потребительского рынка, одной из задач функционирования которого является повышение степени комфортности проживания населения.

Научная новизна исследования заключается в разработке авторской методики анализа и оценки развития локальных рынков бытовых услуг, апробация которой позволила выявить тенденции, проблемы и драйверы развития локальных рынков бытовых услуг, что, в свою очередь, выступает основой для принятия соответствующих управленческих решений органами государственной власти субъекта РФ и органами местного самоуправления, касающихся сферы бытового обслуживания.

Систематизируем проблемы и драйверы роста рынка бытовых услуг с учетом проведенного анализа в разрезе муниципальных образований Свердловской области.

Проблемы функционирования и развития рынка бытовых услуг муниципальных образований можно обобщить следующим образом:

- 1) доминирование спроса населения на традиционные виды бытовых услуг на фоне необходимости обеспечения развития новых видов бытовых услуг – особенно эта проблема характерна для сельских населенных пунктов в составе муниципальных образований;
- 2) слаборазвитая инфраструктура объектов, нацеленных на оказание бытовых услуг, а именно, дефицит объектов бытового обслуживания в районах массовой жилой застройки;
- 3) недостаток квалифицированных кадров в сфере бытового обслуживания;
- 4) нелегальный бизнес, то есть нежелание официально регистрировать свою деятельность в качестве индивидуального предпринимателя или самозанятого;
- 5) острая нехватка собственных финансовых ресурсов на освоение новых технологий, закупку нового оборудования из-за низкой рентабельности малых форм организаций;
- 6) использование земельных участков не по целевому назначению;
- 7) недостаточность нормативно-правового регулирования (например, по организации похо-

ронного дела – не прописаны все необходимые регламенты и процедуры, профессиональные и квалификационные требования к кадрам);

- 8) непрестижность профессий в сфере бытового обслуживания.

С целью решения указанных проблем органам местного самоуправления муниципальных образований целесообразно сосредоточить внимание на следующих направлениях – драйверах развития локальных рынков бытовых услуг:

- 1) формирование и успешная реализация муниципальных программ, направленных на развитие потребительского рынка, а также рынка бытовых услуг с учетом такого аспекта, как персонализация услуг;
- 2) формирование и успешная реализация стратегий социально-экономического развития муниципальных образований, в которых определены направления, а также экономические и организационные условия развития сферы бытового обслуживания;
- 3) формирование и успешная реализация плана ярмарок, что, несомненно, оказывает влияние на насыщение рынка определенным видом услуг;
- 4) формирование и реализация механизмов поддержки малого предпринимательства, учитывая доминирование предприятий малого бизнеса на рынке бытовых услуг;
- 5) оптимизация налоговой нагрузки хозяйствующих субъектов сферы бытового обслуживания;
- 6) организация встреч органов местного самоуправления с предпринимателями, где бы озвучивались «свободные ниши» для бизнеса, развитие муниципально-частного партнерства;
- 7) введение льгот в данном секторе услуг – в целях обеспечения бытовым обслуживанием лиц с ограниченными возможностями здоровья, инвалидов, старшего поколения.

Также следует отметить, что потенциал исследования локальных рынков бытовых услуг требует расширения системы показателей муниципальной статистики, характеризующих состояние сферы бытового обслуживания, с целью разработки направлений стратегического развития сферы бытового обслуживания и их надлежащего аналитического и прогнозного сопровождения.

Таким образом, проведенное исследование представляет собой развитие научных представлений и подходов к анализу процессов развития рынков бытовых услуг муниципальных образований, как одного из системообразующих компонентов регионального потребительского рынка в современных условиях.

Список источников

1. Айдинова А.Т., Попова А.С. Исследование процессов формирования, функционирования и развития рынка услуг // *Terra Economicus*. 2009. Т. 7. № 4-3. С. 161–164. EDN: <https://elibrary.ru/pkzbmb>
2. Фозилханов Д.О. Бытовое обслуживание на городских и сельских территориях Республики Таджикистан: состояние и перспективы развития // *Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет)*. 2022. № 3-4(78). С. 56–64. EDN: <https://elibrary.ru/xdepbdb>
3. Дорошенко Д.И., Михайлова Д.И., Зайцева М.В. Организационный механизм формирования конкурентной среды на рынках товаров и услуг в муниципальном образовании // *Управление в 21 веке – проблемы и перспективы. Материалы III международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина* текстовое электронное издание. Краснодар: ФГБУ «Российское энергетическое агентство» Минэнерго России Краснодарский ЦНТИ- филиал ФГБУ «РЭА» Минэнерго России, 2022. С. 132–137. EDN: <https://elibrary.ru/pxbzru>
4. Силин Я.П., Харитоненко О.В. Парадигмальные основания муниципальной экономики городских округов санаторно-курортного типа // *Journal of New Economy*. 2022. Т. 23. № 1. С. 66–87. EDN: <https://elibrary.ru/cyswkg>. <https://doi.org/10.29141/2658-5081-2022-23-1-4>
5. Тонян М.Н., Кутовая А.А. Анкетирование как способ выявления проблем бытового обслуживания на муниципальном уровне // *Научные достижения и открытия современной молодежи: актуальные вопросы и инновации. Сборник статей победителей международной научно-практической конференции (Пенза, 17 февраля 2017 г.)*. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2017. С. 493–496. EDN: <https://elibrary.ru/ygejnx>
6. Чукланова С.П. Факторы и тенденции развития рынка бытовых услуг Ямало-Ненецкого автономного округа // *Вузовская наука: теоретико-методологические проблемы подготовки специалистов в области экономики, менеджмента и права. Материалы международного научного семинара (Тюмень, 13 декабря 2013 г.)*. Тюмень: Тюменский государственный нефтегазовый университет, 2014. Вып. 12. С. 233–236. EDN: <https://elibrary.ru/tcqisl>
7. Bailly F., Devetter F.-X., Horn F. Can Working and Employment Conditions in the Personal Services Sector be Improved? // *Cambridge Journal of Economics*. 2013. Vol. 37. Iss. 2. P. 299–321. URL: <http://www.jstor.org/stable/23602195> (дата обращения: 04.02.2023)
8. Gopalan R., Singhi M.C. Services Growth in India // *Economic and Political Weekly*. 2015. Vol. 50. Iss. 41. P. 81–87. URL: <http://www.jstor.org/stable/44002717> (дата обращения: 05.02.2023)
9. Xin K. Spatial Pattern Analysis of Consumer Service Facilities in Yangzhou Based on POI Data // *Sustainable Development*. 2021. Vol. 11. Iss. 06. P. 813–824. <https://doi.org/10.12677/sd.2021.116098>
10. Needham C. Delivering Person-Centred Services // In: *Personalising Public Services: Understanding the Personalisation Narrative*. 1-st ed. Bristol University Press, 2011. P. 87–110. <https://doi.org/10.2307/j.ctt9qgrdf.9>
11. Graefe P. Personal Services in the Post-industrial Economy: Adding Nonprofits to the Welfare Mix // *Social Policy & Administration*. 2004. Vol. 38. Iss. 5. P. 456–469. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9515.2004.00401.x>
12. Wyngaerden F., Tempels M., Feys J.-L., Dubois V., Lorant V. The personal social network of psychiatric service users // *International Journal of Social Psychiatry*. 2020. Vol. 66. Iss. 7. P. 682–692. <https://doi.org/10.1177/0020764020927447>
13. Ковалев С.А. Географическое изучение населения, его потребления и общественного обслуживания // *Вопросы географии*. 1976. № 100. С. 156–166. EDN: <https://elibrary.ru/omcmpw>
14. Ткаченко А.А., Фомкина А.А. География сферы обслуживания и география сектора услуг: пройденный путь, состояние, перспективы // *Региональные исследования*. 2016. № 3(53). С. 5–13. EDN: <https://elibrary.ru/uumnsz>
15. Законян А.К. Проблемы в развитии бытового обслуживания населения на муниципальном уровне и направления их решения // *Посткризисный мир и модернизация современной науки: концепции, проблемы, решения. Материалы VII международной научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 22 февраля 2021 г.)*. Ростов-на-Дону: Южный университет (ИУБиП), Издательство ВВМ, 2021. С. 251–255. EDN: <https://elibrary.ru/lkxjlm>
16. Zhang K., Sun X., Jin Y., Liu J., Wang R., Zhang S. Development models matter to the mutual growth of ecosystem services and household incomes in developing rural neighborhoods // *Ecological Indicators*. 2020. Vol. 115. P. 106363. <https://doi.org/10.1016/j.ecolind.2020.106363>
17. Lee J., Shim M., Yang H.-S. The rise of low-skill service employment: The role of dual-earner households // *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2022. Vol. 202. P. 255–273. <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2022.08.005>

18. Branch E.H., Hanley C. Regional Convergence in Low-Wage Work and Earnings, 1970–2000 // *Sociological Perspectives*. 2011. Vol. 54. Iss. 4. P. 569–592. <https://doi.org/10.1525/sop.2011.54.4.569>
19. Howe W.J. The Business Services Industry Sets Pace in Employment Growth // *Monthly Labor Review*. 1986. Vol. 109. Iss. 4. P. 29–36. URL: <http://www.jstor.org/stable/41842665> (дата обращения: 09.01.2023)
20. Frederiksen N., Hansen P., Jacobsen H., Sorensen P. Subsidising Consumer Services: Effects on Employment, Welfare and the Informal Economy // *Fiscal Studies*. 1995. Vol. 16. Iss. 2. P. 71–93. URL: <http://www.jstor.org/stable/24437891> (дата обращения: 12.02.2023)
21. Dahlerup J., Toft U., Schiotz M.L., Grew J., Thrysoe R., Ottosen J., Jakobsen L.M. Protocol for a cluster-randomized non-inferiority trial of the effect of direct access to publicly subsidized physiotherapy for adults with musculoskeletal pain // *Contemporary Clinical Trials*. 2022. Vol. 113. P. 106648. <https://doi.org/10.1016/j.cct.2021.106648>
22. Анимца Е.Г., Новикова Н.В. Тенденции экономической динамики классического старопромышленного региона России: кейс Свердловской области // *Journal of New Economy*. 2022. Т. 23. № 2. С. 64–79. EDN: <https://elibrary.ru/nxxlgj>. <https://doi.org/10.29141/2658-5081-2022-23-2-4>
23. Ворошилов Н.В. Особенности и проблемы формирования и использования статистической информации по муниципальным образованиям России // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2022. № 6. С. 89–105. EDN: <https://elibrary.ru/wrrpev>. <https://doi.org/10.24412/2071-6435-2022-6-89-105>
24. Усова Н.В. Стратегии развития локальных потребительских рынков крупных городов Свердловской области: приоритеты, механизмы, проблемы координации // *Муниципалитет: экономика и управление*. 2014. № 1(6). С. 57–67. EDN: <https://elibrary.ru/sfiwpb>
25. Williams R.K. Using Design Coordination for your Personal Services // In: *Managing in a Service-Focused World: I, Team, Stewards and Marketplace*. IT Governance Publishing, 2014. P. 24–31. URL: <http://www.jstor.org/stable/j.ctt1287h2r.5> (дата обращения: 25.10.2022)
26. Li X., Li J., Yuan C., Guo S., Wang Z. Development Practice of Digital Business Environment in China. *Applied Economics and Policy Studies*. Singapore: Springer Nature Singapore, 2022. 131 p. <https://doi.org/10.1007/978-981-16-8527-9>
27. Jovanovic M., Sjodin D., Parida V. Co-evolution of platform architecture, platform services, and platform governance: Expanding the platform value of industrial digital platforms // *Technovation*. 2022. Vol. 118. P. 102218. <https://doi.org/10.1016/j.technovation.2020.102218>
28. Elamanov S., Son H., Flynn B., Yoo S.K., Dilshad N., Song J.S. Interworking between Modbus and internet of things platform for industrial services // *Digital Communications and Networks*. 2022. <https://doi.org/10.1016/j.dcan.2022.09.013>
29. Каменская Е.В., Степанова И.А. Обеспечение качества жизни сельского населения по социальным стандартам // *Проблемы инновационного развития АПК. Материалы международной научно-практической конференции (Великие Луки, 13–14 апреля 2017 г.)*. Великие Луки: Великолукская государственная сельскохозяйственная академия, 2017. С. 112–119. EDN: <https://elibrary.ru/zethjf>
30. Мартыненко А.В., Шевцов А.А. Моделирование пространственного распределения пассажиропотоков междугородних автобусных маршрутов // *Инновационный транспорт*. 2020. № 4(38). С. 31–36. EDN: <https://elibrary.ru/mdtcyz>. <https://doi.org/10.20291/2311-164X-2020-4-31-36>

Статья поступила в редакцию 27.03.2023; одобрена после рецензирования 28.06.2023; принята к публикации 29.06.2023

Об авторах:

Александра Александровна Елисеева, аспирант, кафедра региональной, муниципальной экономики и управления; Researcher ID: 1080668, Scopus ID: 57223668801

Елена Борисовна Дворядкина, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления, директор Института экономики и финансов; Researcher ID: 308967, Scopus ID: 57192311691

Вклад соавторов:

Елисеева А. А. – проведение исследования; сбор и анализ данных.

Дворядкина Е. Б. – научное руководство; разработка методики проведения исследования; окончательное одобрение варианта статьи для опубликования.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

References

1. Aydinova A.T., Popova A.S. Research of the processes of formation, functioning and development of the market of services. *Terra Economicus*. 2009; 7(4-3):161–164. END: <https://elibrary.ru/pkzbmb> (In Russ.)
2. Fozilkhanov D.O. Household services in urban and rural territories of the Republic of Tajikistan: state and development prospects. *University Bulletin (Russian-Tajik (Slavonic) University)*. 2022; (3-4(78)):56–64. EDN: <https://elibrary.ru/xdepbd> (In Russ.)
3. Doroshenko D.I., Mikhailova D.I., Zaitseva M.V. The organizational mechanism for the formation of a competitive environment in the markets for goods and services in the municipality. In: *Management in the 21st century - problems and prospects. Proceedings of the III International scientific and practical conference dedicated to the 100th anniversary of the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin text electronic edition*. Krasnodar: Federal State Budgetary Institution "Russian Energy Agency" of the Ministry of Energy of Russia Krasnodar CNTI – branch of the Federal State Budgetary Institution "REA" of the Ministry of Energy of Russia, 2022. P. 132–137. EDN: <https://elibrary.ru/pxbzru> (In Russ.)
4. Silin Ya.P., Kharitonenko O.V. Paradigmatic foundations of health resorts' municipal economics (case of Russia's urban districts). *Journal of New Economy*. 2022; 23(1):66–87. EDN: <https://elibrary.ru/cyswkg>. <https://doi.org/10.29141/2658-5081-2022-23-1-4> (In Russ.)
5. Tonyan M.N., Kytovaya A.A. Questioning as a way of identifying problems of public service at the municipal level. In: *Scientific achievements and discoveries of modern youth: topical issues and innovations. A collection of articles by the winners of the International Scientific and practical conference*. Penza: Science and Education (IP Gulyaev G. Yu.), 2017. P. 493–496. EDN: <https://elibrary.ru/ygejnx> (In Russ.)
6. Chuklanova S.P. Factors and trends in the development of the consumer services market of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug. In: *University science: theoretical and methodological problems of training specialists in economics, management and law. Materials of the International Scientific seminar*. Tyumen: Tyumen State Oil and Gas University, 2014. Vol. 12. P. 233–236. EDN: <https://elibrary.ru/tcqisl> (In Russ.)
7. Bailly F., Devetter F.-X., Horn F. Can Working and Employment Conditions in the Personal Services Sector be Improved? *Cambridge Journal of Economics*. 2013; 37(2):299–321. URL: <http://www.jstor.org/stable/23602195> (accessed: 04.02.2023) (In Eng.)
8. Gopalan R., Singhi M.C. Services Growth in India. *Economic and Political Weekly*. 2015; 50(41):81–87. URL: <http://www.jstor.org/stable/44002717> (accessed: 05.02.2023) (In Eng.)
9. Xin K. Spatial Pattern Analysis of Consumer Service Facilities in Yangzhou Based on POI Data. *Sustainable Development*. 2021; 11(06):813–824. <https://doi.org/10.12677/sd.2021.116098> (In Eng.)
10. Needham C. Delivering Person-Centered Services. In: *Personalizing Public Services: Understanding the Personalization Narrative*. Bristol University Press, 2011. P. 87–110. <https://doi.org/10.2307/j.ctt9qgrdf.9> (In Eng.)
11. Graefe P. Personal Services in the Post-industrial Economy: Adding Nonprofits to the Welfare Mix. *Social Policy & Administration*. 2004; 38(5):456–469. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9515.2004.00401.x> (In Eng.)
12. Wyngaerden F., Tempels M., Feys J.-L., Dubois V., Lorant V. The personal social network of psychiatric service users. *International Journal of Social Psychiatry*. 2020; 66(7):682–692. <https://doi.org/10.1177/0020764020927447> (In Eng.)
13. Kovalev S.A. Geographical studies of population, its consumption and social service. *Questions of geography*. 1976; (100):156–166. EDN: <https://elibrary.ru/omcmpw> (In Russ.)
14. Tkachenko A.A., Fomkina A.A. The geography of the service sector: the passed way, the current situation and prospects. *Regional studies*. 2016; (3(53)):5–13. EDN: <https://elibrary.ru/uumnsz> (In Russ.)
15. Zakonyan A.K. Problems in the development of consumer services at the municipal level and directions of their solution. In: *Post-crisis world and modernization of modern Science: concepts, problems, solutions. Materials of the VII International Scientific-practical conference*. Southern University (IUBiP), VVM Publishing House, 2021. P. 251–255. EDN: <https://elibrary.ru/lkxlm> (In Russ.)
16. Zhang K., Sun X., Jin Y., Liu J., Wang R., Zhang S. Development models matter to the mutual growth of ecosystem services and household incomes in developing rural neighborhoods. *Ecological Indicators*. 2020; 115:106363. <https://doi.org/10.1016/j.ecolind.2020.106363> (In Eng.)
17. Lee J., Shim M., Yang H.-S. The rise of low-skill service employment: The role of dual-earner households. *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2022; 202:255–273. <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2022.08.005> (In Eng.)

18. Branch E.H., Hanley C. Regional Convergence in Low-Wage Work and Earnings, 1970–2000. *Sociological Perspectives*. 2011; 54(4):569–592. <https://doi.org/10.1525/sop.2011.54.4.569> (In Eng.)
19. Howe W.J. The Business Services Industry Sets Pace in Employment Growth. *Monthly Labor Review*. 1986; 109(4):29–36. URL: <http://www.jstor.org/stable/41842665> (accessed: 09.01.2023) (In Eng.)
20. Frederiksen N., Hansen P., Jacobsen H., Sorensen P. Subsidising Consumer Services: Effects on Employment, Welfare and the Informal Economy. *Fiscal Studies*. 1995; 16(2):71–93. URL: <http://www.jstor.org/stable/24437891> (accessed: 12.02.2023) (In Eng.)
21. Dahlerup J., Toft U., Schiotz M.L., Grew J., Thrysoe R., Ottosen J., Jakobsen L.M. Protocol for a cluster-randomized non-inferiority trial of the effect of direct access to publicly subsidized physiotherapy for adults with musculoskeletal pain. *Contemporary Clinical Trials*. 2022; 113:106648. <https://doi.org/10.1016/j.cct.2021.106648> (In Eng.)
22. Animitsa E.G., Novikova N.V. Trends in economic dynamics of Russia's classic old industrial region: the case of the Sverdlovsk oblast. *Journal of New Economy*. 2022; 23(2):64–79. EDN: <https://elibrary.ru/nxxlgj>. <https://doi.org/10.29141/2658-5081-2022-23-2-4> (In Russ.)
23. Voroshilov N.V. Features and problems of formation and use of statistical information on municipalities of Russia. *STAGE: economic theory, analysis, and practice*. 2022; (6):89–105. EDN: <https://elibrary.ru/wrrpev>. <https://doi.org/10.24412/2071-6435-2022-6-89-105> (In Russ.)
24. Usova N.V. Development strategy of consumer markets of big cities: priorities, mechanisms, mechanisms, coordination. *Municipality: economics and management*. 2014; (1(6)):57–67. EDN: <https://elibrary.ru/sfiwpb> (In Russ.)
25. Williams R.K. Using Design Coordination for your Personal Services. In: *Managing in a Service-Focused World: I, Team, Stewards and Marketplace*. IT Governance Publishing, 2014. P. 24–31. URL: <http://www.jstor.org/stable/j.ctt1287h2r.5> (accessed: 25.10.2022) (In Eng.)
26. Li X., Li J., Yuan C., Guo S., Wang Z. Development Practice of Digital Business Environment in China. *Applied Economics and Policy Studies*. Singapore: Springer Nature Singapore, 2022. 131 p. <https://doi.org/10.1007/978-981-16-8527-9> (In Eng.)
27. Jovanovic M., Sjodin D., Parida V. Co-evolution of platform architecture, platform services, and platform governance: Expanding the platform value of industrial digital platforms. *Technovation*. 2022; 118:102218. <https://doi.org/10.1016/j.technovation.2020.102218> (In Eng.)
28. Elamanov S., Son H., Flynn B., Yoo S.K., Dilshad N., Song J.S. Interworking between Modbus and internet of things platform for industrial services. *Digital Communications and Networks*. 2022. <https://doi.org/10.1016/j.dcan.2022.09.013> (In Eng.)
29. Kamenskaya E.V., Stepanova I.A. Ensuring the quality of life of rural population according to social standards. In: *Problems of innovative development of agro-industrial complex. Materials of International Scientific research-practical conference*. Velikiye Luki: Velikiye Luki State Agricultural Academy, 2017. P. 112–119. EDN: <https://elibrary.ru/zethjf> (In Russ.)
30. Martynenko A.V., Shevtsov A.A. Modeling of spatial distribution of passenger traffic on interurban bus routes. *Innotrans*. 2020; (4(38)):31–36. EDN: <https://elibrary.ru/mdtcyz>. <https://doi.org/10.20291/2311-164X-2020-4-31-36> (In Russ.)

The article was submitted 27.03.2023; approved after reviewing 28.06.2023; accepted for publication 29.06.2023

About the authors:

Aleksandra A. Eliseeva, Postgraduate student, Department of Regional, Municipal, Economics and Management; Researcher ID: 1080668, Scopus ID: 57223668801

Elena B. Dvoryadkina, Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Regional, Municipal, Economics and Management, Director of the Institute of Economics and Finance; Researcher ID: 308967, Scopus ID: 57192311691

Contribution of co-authors:

Eliseeva A. A. – conducting research; data collection and analysis.

Dvoryadkina E. B. – scientific guidance; development of research methodology; final approval of the version of the article for publication.

All authors have read and approved the final manuscript.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ

Правила для авторов журнала **МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)** составлены на основе «Белой книги Совета научных редакторов о соблюдении принципов целостности публикаций в научных журналах. Обновленная версия 2012 г.», представленной на ресурсах Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ).

Все статьи журнала «МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)» находятся в открытом доступе – на сайте издания (<http://www.mir-nayka.com>), в Научной электронной библиотеке (<http://elibrary.ru>) и прочих наукометрических ресурсах. Допускается свободное воспроизведение материалов журнала в личных целях и свободное использование в информационных, научных, учебных или культурных целях в соответствии со ст. 1273 и 1274 гл. 70 ч. IV Гражданского кодекса РФ. Иные виды использования возможны только после заключения соответствующих письменных соглашений с правообладателем.

Редакционная политика журнала базируется на современных юридических требованиях в отношении авторского права, поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированный Комитетом по этике научных публикаций (COPE), строится с учетом Декларации Сараево по целостности и видимости научных публикаций и Декларации «Этические принципы научных публикаций», принятой Ассоциацией научных редакторов и издателей (АНРИ). Требования соблюдения публикационной этики при подготовке и издании Журнала касаются всех участников редакционно-издательского процесса – авторов, редакторов, рецензентов, членов редколлегии, учредителя и издателя.

Все статьи проверяются на плагиат. В случае обнаружения заимствований редакция действует в соответствии с правилами COPE.

Рукописи, поступившие в редакцию журнала, проходят обязательное двустороннее анонимное («двойное слепое») рецензирование (рецензент и автор не знают имен друг друга). При принятии решения о публикации единственным критерием является качество работы – оригинальность, важность и обоснованность результатов, ясность изложения. На основании анализа статьи принимается решение о рекомендации ее к публикации (без доработки или с доработкой), либо об отклонении. В случае несогласия автора статьи с замечаниями рецензентов его мотивированное заявление рассматривается редакционной коллегией.

Статьи в журнале могут быть опубликованы только после получения положительных рецензий и принятия редколлегией журнала решения о допуске к публикации.

Статьи публикуются бесплатно. С авторов взимается стоимость возмещения редакционно-издательских затрат (редакторской обработки рукописей) в размере 15000 руб. Без возмещения редакционно-издательских затрат публикуются материалы авторов, специально приглашенных редакционной коллегией (главным редактором).

Общие правила публикации (подробнее см. <http://www.mir-nayka.com>):

При подаче рукописи в журнал все авторы:

- гарантируют, что представленная ими статья является оригинальным произведением, и они обладают исключительными авторскими правами на нее;
- обязаны раскрывать в своих рукописях финансовые или другие существующие конфликты интересов, которые могут быть восприняты как оказавшие влияние на результаты или выводы, представленные в работе;
- несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений;
- соглашаются с положениями предоставляемого редакцией Авторского договора.

Для публикации научной статьи Авторы должны надлежащим образом оформить и представить в электронном виде необходимые материалы: рукопись статьи и сопроводительные документы к ней. Рукописи должны быть оформлены строго в соответствии с «Правилами оформления рукописи научной статьи», представленными на сайте журнала, тщательно структурированы, выверены и отредактированы Авторами.

Структура статьи (подробнее см. <http://www.mir-nayka.com>):

1. Коды УДК и международного классификатора JEL;
- 2) ФИО авторов (на русском и английском языках);
- 3) Информация об авторах (на русском и английском языках);
- 4) Название статьи – не более 10-ти слов (на русском и английском языках);
- 5) Аннотация – 200–250 слов; структурированная по разделам: Цель (Purpose), Методы (Methods), Результаты работы (Results), Выводы (Conclusions and Relevance) (на русском и английском языках);
- 6) Ключевые слова – 5–7 слов (на русском и английском языках);
- 7) Благодарность (на русском и английском языках);
- 8) Конфликт интересов (на русском и английском языках);
- 9) Основной текст статьи – структурированный по разделам: Введение, Обзор литературы и исследований, Материалы и методы, Результаты исследования, Выводы (на русском либо английском языке);
- 10) Список источников – для оригинальной научной статьи не менее 25–30 источников, для научного обзора не менее 50–80 источников (на русском и английском языках);
- 11) Вклад соавторов (на русском и английском языках).

В журнале принят Ванкуверский стиль цитирования, который подразумевает оформление:

- внутритекстовых ссылок (отсылок на источники из текста) арабскими цифрами в квадратных скобках;
- затекстовых библиографических ссылок (в Списке источников / References), которые нумеруются и приводятся именно в том порядке, в котором они были упомянуты / процитированы в тексте.

Более подробная информация о журнале для авторов и читателей:

<http://www.mir-nayka.com>

INFORMATION FOR AUTHORS AND READERS OF THE JOURNAL

Rules for the authors of the journal "MIR (Modernization. Innovation. Research)" are based on the "Cases White Paper on Promotion Integrity in Scientific Journal Publications, 2012 Update", presented on the resources of the Association of Science Editors and Publishers (ASEP).

All articles of the journal are publicly available – on the websites of the journal and the Scientific Electronic Library (<http://elibrary.ru>). A free reproduction of material of the journal for personal use and a free using of material of the journal for information, research, educational or cultural purposes are permitted in accordance with Art. 1273–1274 of Ch. 70 of Part IV of the Civil Code of the Russian Federation. Other variants of using are only possible after the signing of appropriate agreements with the copyright holders (the management of the journal and the authors of the articles of the journal).

The Journal's Editorial Board policy is based on modern legal requirements for copyright, supports the Code of Publication Ethics, formulated by the Committee on Publication Ethics (COPE), and is based on the Sarajevo Declaration on Integrity and Visibility of Scholarly Publications and the Declaration on the Ethical Principles of Scientific Publications, adopted by the Association of Scientific Editors and Publishers. The requirements of compliance with publication ethics in the preparation and publication of the Journal concern all participants of the editorial and publishing process – authors, editors, reviewers, members of the Editorial Board, Founder and Publisher.

All articles are checked for plagiarism. If plagiarism is identified, the COPE guidelines on plagiarism will be followed.

Decisions on the publication of articles are made on the basis of the "double-blind peer-review". This means that during the process of reviewing, personal data of reviewers and authors shall be withheld. Each article is reviewed by two acknowledged specialists in the subject matter. The criteria of quality of manuscript are originality, significance of the results and its validity, clarity of text. If the author is a supporter of any socio-political movement or adherent of any religion and this fact is reflected in his / her article, it has no effect on the results of reviewing of the article. The Editorial Board informs an author about accept the article for publication. The Editorial Board sends to author comments from reviewers and editors. In accordance with the remarks author should edit the article. In case of rejection, the editorial Board sends the author a reasoned refusal.

Articles are published in the journal after being approved by the reviewers and the Editorial Board.

Articles are published free of charge. The journal has Article processing charges. The APC price is 15000 rubles. Exempt of APC are the materials of the authors specially invited by the editorial Board (editor-in-chief).

General Publishing Rules (<http://www.mir-nayka.com>):

To publish a scientific article, the author(s) should submit a manuscript and other needed documents in exact accordance with the following requirements. The Editorial Board reserves the right to reject works that do not conform to the journal's publishing rules.

All Authors when submitting a manuscript to the journal:

- they should guarantee that the submitted manuscript is an original work and all copyrights on it belong to him / her;
- they should disclose in their manuscript any financial or any other existing conflict of interest that might be perceived to influence the results or interpretation of their manuscript;
- there are responsible for the selection and accuracy of the facts, quotations, statistical and sociological data, dates, proper names, geographical names and other information;
- there are agree to the terms and conditions of the enclosed Copyright agreement.

The Editorial Board does request authors of manuscripts submit them only after carefully editing. All authors' ideas should be clearly and consistently structured.

The structure of article (<http://www.mir-nayka.com>):

- 1) Code of UDC and a code of JEL classification system;
- 2) Full Names of authors (in English and Russian);
- 3) Information about the authors (in English and Russian);
- 4) Title of the article – not more than 10 words (in English and Russian);
- 5) Abstract – should be 200–250 words, structured and include sections: Purpose, Methods, Results, Conclusions and Relevance (in English and Russian);
- 6) Keywords – should be 5–7 words on the topic of the article (in English and Russian);
- 7) Acknowledgments (in English and Russian);
- 8) Conflict of Interest (in English and Russian);
- 9) Text of the article – should be structured and include sections: Introduction, Literature Review, Materials and methods, Results, Conclusions and Relevance (in English or Russian);
- 10) References – we recommend using of not less than 25–30 sources in an original research article, and not less than 50–80 in scientific review;
- 11) Contribution of Authors (in English and Russian).

The journal adopted the Vancouver citation style, which uses a "numerical-end-note" approach. Each piece of work which is cited in your text should have a unique number, assigned in the order of citation.

- The source is indicated in the text are given in Arabic numerals in square brackets.
- All the sources in the list of References are listed in the order in which they are mentioned in the text.

Detailed information about the journal for authors and readers:

see <http://www.mir-nayka.com>

